

201-13
2672

Н. В. Латкинъ.

На сибирскихъ
золотыхъ приискахъ.

(Изъ таежныхъ воспоминаній).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъячская, № 39

1898.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 декабря 1897 г.

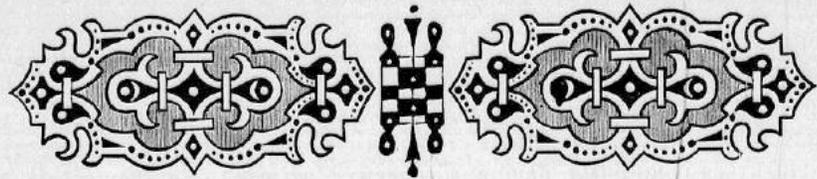
26669-0

2011094135

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР.
1. Изъ жилыхъ мѣстъ въ тайгу.	1
2. Плаваніе по рѣкѣ Шиту.	17
3. За золотымъ руномъ.	26
4. Золото нашли!	47
5. Шестнадцать дней въ снѣгу.	58
6. Съ медвѣдемъ въ перегонку.	68
7. Отводъ.	76
8. Гордѣи.	87
9. Весною.	94
10. Варвары.	103
11. Новый способъ.	119
12. Таежные орлы.	131
13. Таежный Эскулапъ.	143
14. Именины исправника.	154
15. Спиртоносы.	164
16. На деревянной бочкѣ.	172
17. Пріискъ кушпи.	183
18. Зимовщикъ Малафей.	195
19. Расчетъ.	205
20. Счастливица	217

Изъ жилыхъ мѣстъ въ тайгу.

Отдохнувъ отъ трехъ-недѣльнаго переѣзда изъ Петербурга въ Красноярскъ, я выбрался наконецъ рано утромъ по Енисейскому тракту въ тайгу изъ Енисейской столицы. Погода стояла чудная, теплая и ясная. Еще не томилъ солнечный жаръ, а назойливые овода и мухи не слѣпили глаза и не надѣдали своими неотвязными нападеніями, комары-пискуны и несносная мелкая мошка уже улеглись на столько, что не отравляли своими укулами наслажденія любоваться раннимъ лѣтнимъ утромъ. Бойкая почтовая тройка легко и быстро подняла небольшой мой тарантасъ на Афонтову гору, круто падающую своимъ краснымъ яромъ къ устью рѣки Качи. Поднявшись на гору ямщикъ остановилъ лошадей, слѣзъ съ козелъ и принялся развязывать колокольчики, накрѣпко завязанные подъ дугой, такъ какъ ѣзда по городу съ развязанными колокольчиками частному проѣзжающему была строго воспрещена и привилегія эта осталась лишь за почтой, курьерами и высшими представителями власти. Съ Афонтовой горы открылась живописная панорама Красноярска и всей окрестной Енисейской долины. Красноярскъ отсюда казался довольно взрачнымъ, чистенькимъ городкомъ, а долина Енисея дѣйствительно была очаровательна со своими зарѣчными сопками и утесами. Направо отъ почтовой дороги высилась желтая кладбищенская самой обыденной архитектуры церковь, но самое кладбище было расположено довольно живописно на высокомъ уступѣ Афонтовой горы, обрывающейся здѣсь къ Енисею крутымъ скатомъ. Далѣе, по Енисейскому тракту, до одиннадцатой версты, вся мѣстность представляетъ собою наклонное къ югу плато, совершенно степнаго характера, на которомъ не видно ни дерева, ни

горки. Впрочем почва здѣсь черноземная, смѣшанная отчасти съ пескомъ и хотя покрыта въ изобиліи полянкой и мелкой степной травкой, тѣмъ не менѣе пригодна къ земледѣлію, почему уже не въ далекихъ отъ города, по обѣимъ сторонамъ почтовой дороги, начинаютъ появляться обширныя пашни городскихъ жителей. На одиннадцатой верстѣ дорога круто опускается въ глубокую, луговую долинку небольшой мелководной рѣчки, обрамленную голыми, обрывистыми холмами, изъ которой вновь такъ-же круто подымается на высокій противоположный берегъ этой долины, представляющей на всемъ пути до первой станціи немалую помѣху весною и осенью для почтовыхъ лошадей и нерѣдко почти неодолимую преграду для тяжелыхъ и грузныхъ экипажей, несмотря на то, что почтовая дорога бываетъ и въ эти времена года довольно хороша. Наконецъ, мы взлѣзли на эту скучную, длинную гору, и наша тройка весело и бойко побѣжала по гладкой и ровной дорогѣ до самой станціи.

Вотъ и почтовая станція, въ довольно зажиточной деревнѣ Старцевой съ весьма приличной станціонной квартирой, но съ не всегда стоворчивыми почтовыми ямщиками, частенько отговаривающимися неимѣніемъ свободныхъ лошадей, которыя однакоже за тройные прогоны всегда являются къ услугамъ проѣзжающихъ. Не буду описывать подробно путь до деревни Каргино, стоящей надъ р. Енисеемъ на разтани двухъ путей, Енисейскаго и Рыбинскаго, имѣющей почтово-телеграфную контору, дѣятельность которой, благодаря близости Южно-Енисейскихъ золотыхъ приисковъ, гораздо значительнѣе какаго-нибудь уѣзднаго городка, но не могу умолчать о нѣкоторыхъ особенностяхъ Енисейскаго почтоваго тракта. Отъ Красноярска до станціи Шилинской трактъ этотъ проходитъ по совершенно степной мѣстности, обильной пажитями и почти совершенно безлѣсной; за селомъ Шилинскимъ почтовая дорога вступаетъ въ болѣе взхолмленную мѣстность, покрытую березовыми и осиновыми перелѣсками, переходящими мѣстами въ густыя заросли, и такъ до деревни Таловки, лежащей на границѣ Енисейскаго округа. Затѣмъ почтовая дорога до села Мокрушъ проходитъ по сильно взхолмленной мѣстности, покрытой смѣшанными лѣсами хвойныхъ и лиственныхъ породъ. Отъ Мокрушъ до деревни Башкиръ мѣстность снова принимаетъ равнинный и луговой характеръ, и почтовый трактъ извивается не рѣдко по возвышенному берегу Енисея или проходитъ вблизи него по еланямъ и пожнямя; далѣе за Башкирами снова начинаются холмы и угоры, поросшіе густыми, преимущественно хвойными лѣсами. — На всемъ этомъ 240-верстномъ разстояніи отъ Красноярска—до Каргино немало встрѣчается людныхъ и зажиточныхъ деревень и нѣсколько селъ, изъ которыхъ самое значительное—Казачинское, съ пристанью на Ени-

сеѣ. На всемъ этомъ длинномъ пути насчитывается въ 20 деревняхъ и селахъ всего четыре сельскихъ училища, да и тѣ устроены незавидно, зато кабаковъ и виноторговлей великое множество: безъ малаго на каждыя полторы версты пути приходится одна винная лавка. Крестьяне здѣшніе въ общемъ довольно зажиточны, многіе изъ нихъ имѣютъ значительныя запашки и порядочное хозяйство, есть между ними даже съ порядочными капиталами, ведущіе значительную торговлю или поставляющіе на золотые прииски сѣно и другія сельскія произведенія и даже занимающіеся золотопромышленностью, арендуя прииски или беря ихъ въ разработку на золотники, но немало также и такъ называемой «голоды», живущей изо-дня-въ-день милостями своихъ патროновъ, деревенскихъ кулаковъ, такъ мѣтко прозванныхъ народомъ—мироѣдами. Деревни, благодаря близости лѣсовъ и дешевизнѣ лѣснаго матеріала, обстроены недурно, немало въ нихъ встрѣчается двухъ-этажныхъ домовъ, покрытыхъ тесовыми крышами, съ нѣсколькими свѣтлыми горницами, но на выѣздахъ и въѣздахъ селеній ютятся обыкновенно убогія хижины, пріютъ сельской бѣдноты. Главное занятіе жителей—сельское хозяйство, извозъ, охота, отхожіе промыслы на золотые прииски; сельской же промышленности почти никакой здѣсь не существуетъ. Торговля въ людныхъ селахъ преимущественно сосредоточена въ рукахъ енисейскихъ или красноярскихъ купцовъ, мѣщанъ и мѣстныхъ сельскихъ кулаковъ, въ особенности излюбившихъ кабацкое дѣло и наживающихъ здѣсь огромныя деньги, такъ какъ въ ихъ рукахъ сосредоточена торговля сельскими продуктами и поставки на прииски.

Въ Каргино я пріѣхалъ подъ вечеръ и остановился у знакомаго мнѣ зажиточнаго крестьянина Ефима, который встрѣтилъ меня самъ лично и проводилъ въ чистенькую горницу своей избы. Разговорившись съ нимъ о его житьѣ-бытьѣ я спросилъ его насчетъ лошадей до слѣдующей станціи, находившейся уже не на почтовомъ трактѣ, а на земскомъ. «Наврядъ-ли вамъ здѣсь достать лошадокъ до Новосильцева», отвѣчалъ Ефимъ. «страда началась, всѣ, почитай, на покосѣ!» — «Такъ у тебя нѣтъ-ли свободныхъ?» отвѣчалъ я ему. «У меня дома всего одна пара, а вамъ, по вашему экипажу, надо четверку; вотъ до перевозу доведу; впрочемъ за рѣкой, въ Савиной, навѣрное лошадей достанете», возразилъ Ефимъ. Дѣлать было нечего, надо было рѣшиться поступить такъ, какъ говорилъ Ефимъ. Каргино тѣмъ и отличается, что неохотно возить лѣтомъ проѣзжающихъ въ тайгу по земскому тракту, вотъ по почтовому, такъ съ большимъ удовольствіемъ, да и тутъ нарываютъ содрать съ проѣзжающаго въ тридорога, особенно во время выѣзда съ приисковъ хозяевъ, ихъ управляющихъ и приказчиковъ. Мнѣ въ обыкновенное время приходилось платить, ѣдучи безъ подорожной или

когда на почтовой станціи не было лошадей, по 3, по 4 р. за тройку, а во время развѣзда съ присковъ платиль и по 5—6 р. за тройку, за одну станцію, хотя Енисейская почтовая дорога устроена очень сносно и даже весною и осенью неособенно грязна. Каргино — деревня, въ большинствѣ хорошо обстроенная и не незначительная; есть въ ней и церковь, но школы нѣтъ, зато винныхъ лавокъ наберется болѣе десятка. Жители селенія кромѣ хлѣбопашества и рыболовства на Енисей промышленяютъ извозомъ, почтовой гоньбой, занимаются доставкой сѣна и клади на приски и держатъ перевозъ черезъ Енисей по Рыбинскому земскому тракту, на который и мнѣ предстояло отправиться. Народъ здѣсь чрезвычайно набалованный тароватостью золото-промышленниковъ и присковыхъ рабочихъ, но отъ этого онъ не богатѣетъ, а только больше пьянствуетъ, благо деньги достаются легко. Впрочемъ, подобный типъ деревни не единственъ, онъ свойственъ всѣмъ деревнямъ и селеніямъ, лежащимъ въ сосѣдствѣ съ присками, и всѣ эти Усть-Тунгуски, Рыбныя, Мотыгины, Назимовы и tutti quanti совершенно схожи между собою. Все это торговля и разгульная селенія, въ которыхъ таежный, присковый людъ, проходя въ тайгу или возвращаясь изъ тайги, оставляетъ большинство своихъ денегъ, если не всѣ, платя дорого за доставляемые ему всевозможныя удовольствія и утѣхи. Не только мужчины, но и женщины участвуютъ въ ублаженіи проходящаго тароватаго и мотоватаго таежника, зашибая деньги чѣмъ только можно.

Наконецъ лошади были запряжены, и мы отправились на перевозъ, отстоявшій безъ малаго въ двухъ верстахъ отъ деревни. Дорога по спускѣ съ высокаго угора, на которомъ стоитъ Каргино, пролегалла по заливному лугу, раскинувшемуся по лѣвому берегу Енисея, и была довольно-таки кочковата и тряска. Приѣхавъ къ мѣсту перевоза, мы нашли, къ счастью нашему, перевозный паромъ на здѣшней сторонѣ. Бываетъ, что попадешь къ перевозу, когда паромъ находится на другомъ берегу, тогда, пока дозовешься перевозчиковъ, сиди у берега и жди ихъ терпѣливо добрыхъ часа полтора. Вообще перевозки черезъ Енисей, благодаря его необычайной быстротѣ—вещь довольно многосложная. Сначала надо завезти перевозный карбасъ вверхъ по рѣкѣ отъ мѣста перевоза по крайней мѣрѣ на полъ-версты, а потомъ уже пуститься плыть за рѣку, наискось, чтобъ пристать къ мѣсту причала, рѣка же у перевоза не менѣе версты въ ширину. Хорошо, если случится попутный вѣтеръ, тогда карбасъ идетъ на парусахъ, и перевозъ совершается скоро; въ обратномъ же случаѣ и если вѣтеръ силенъ и разведетъ на рѣкѣ большое волненіе, перевозъ совершается медленно, а иногда и вовсе прекращается, такъ какъ неуклюжій карбасъ трудно борется съ волнами. Экипажъ перевознаго карба-

са, на которомъ можно установить до 2-хъ тарантасовъ съ лошадьми, состоитъ болѣе чѣмъ на половину изъ лицъ прекраснаго пола, обитательницъ расположенной насупротивъ Каргино деревни Савиной, такъ какъ перевозчики состоятъ изъ мѣстныхъ крестьянъ-домовладѣльцевъ, почему изъ каждой такой семьи, за неимѣніемъ по чему либо въ личности лица мужскаго пола, его замѣняетъ баба или дѣвка, кака янибудь тетка Ирина или «дѣвонька» Марья. Не разъ переѣзжалъ я въ этомъ мѣстѣ Енисей въ небольшой лодкѣ и всякій почти разъ перевозила меня кака-нибудь тетушка Дарья съ дѣвушкой Машей или Матрешей, несмотря даже на свѣжую «низовку», разводящую здѣсь порядочное волненіе. Наконецъ одолѣли и Енисей. На берегу, у самой рѣки, ожидала насъ тройка лошадей, чтобы вытащить тарантасъ на крутой и высокій Савинскій берегъ. «Къ кому везти прикажешь?» обращается ко мнѣ владѣлецъ тройки. — «А у кого есть лошади везти меня до Новосильцевъ», переспросилъ я его? «Да у кого лошади? У Микиты развѣ, а нето у рыбака Левонтыя», отвѣчалъ онъ! — «Ну такъ и вези къ Леонтыю, я его знаю», отвѣчала я въ свою очередь. И вотъ при общихъ крикахъ и понуканьяхъ всей толпы перевозчиковъ, запряженныя въ тарантасъ лошади дружно подхватываютъ его на угоръ, по крупной береговой галькѣ. Подхватили-то онѣ дружно, но на самомъ нужномъ мѣстѣ и стали, такъ какъ копыта у нихъ были неподкованы. «Палку давай скорѣе», кричалъ съ козель ямщикъ, неистово гукая и нахлестывая лошадей, «подпирай тарантасъ сзади, подпирай его палкой». Но, за неимѣніемъ подъ руками таковой, подпираютъ сопровождающіе насъ въ деревню перевозчики своими тѣлами и снова, при неистовыхъ крикахъ и уханьи, лѣземъ мы на береговую возвышенность. Наконецъ лошадки взлѣзли на нее и затрусили рысцою по улицѣ деревни до избы рыбака Леонтыя. Перевозъ и вывозка тарантаса съ «на-водками» обошелся мнѣ въ три р. сер. Приѣхавъ къ Леонтыю я съ сожалѣніемъ узналъ, что его нѣтъ дома и вотъ опять досадная остановка! Войдя въ довольно опрятную горницу, я обратился къ хозяйкѣ съ просьбой сварить уху изъ свѣжей стерляди. И тутъ выпла неудача. «Стерлядки-то, сударь, свѣжей нѣтъ, есть, да соленая», отвѣчала хозяйка, — «рыбка нонѣ что-то плохо ловится: вода высока въ рѣкѣ, да и хозяинъ въ отъѣздѣ». — «Ну, такъ пойди у кого-нибудь по деревнѣ», съ досадою отвѣчалъ я. Какъ никакъ а свѣжей стерлядкой раздобылся на сторонѣ, и хозяйка отправилась варить уху, а тѣмъ часомъ мой тарантасъ обстунаетъ кучка крестьянъ и пробуетъ его подымать спереди и сзади.

— Что-же ребята, — говорю я имъ изъ открытаго въ горницѣ окна, — везите до Новосильцевъ у кого есть лошади!

— Отчего не сvezти, можно, а что дадите? — спросилъ меня одинъ изъ нихъ.

— По рублю съ лошади: тарантась легкій, свезешь на тройкѣ, — отвѣчалъ я.

— На тройкѣ! видно Новосильцевской-то горы не знаете, — отвѣчалъ онъ мнѣ не безъ ироніи. — Она гора-то стоитъ десяти верстѣ, да и дорога до нея вся идетъ въ тянигусь.

— Извѣстна мнѣ ваша гора до-подлинно, не въ первой здѣсь, — отвѣчалъ я ему; — бѣги-ко лучше за лошадьми да смазывай тарантась.

— За конями-то надо еще бѣжать въ поскотину, дома-то у меня всего пара; вотъ развѣ дядя Митрій дастъ другую пару, на четверкѣ-то какъ-нибудь и свеземъ, тарантась-оть небольшо озойный, — отвѣчалъ крестьянинъ, — а вы ужъ положите пятиточку за станокъ.

Дядя Митрій согласился дать свою пару лошадей; дѣлать было нечего и мнѣ пришлось согласиться на ихъ цѣну, не сидѣть-же въ Савиной за-даромъ до утра и терять время.

— Ну, и запрягай скорѣе, да тарантась смазывай хорошенько, а я тѣмъ временемъ закушу, — отвѣтилъ я. Наконецъ уха поспѣла и съѣдена, тарантась смазанъ, лошади запряжены и часа черезъ два мы тронулись въ путь. Бѣда попасть сюда или въ Новосильцы весной или поздней осенью: запрягутъ вамъ въ экипажъ, если онъ мало-мальски тяжелый, 8, а не то десять лошадей съ фореяторами и слушать неслыханную цѣну; мнѣ приходилось иногда платить по 10, 12 и даже 15 р. с. за одну станцію. Дорога вначалѣ идетъ по ровной, лѣсной, песчаной мѣстности, затѣмъ вступаетъ въ густой сосновый боръ, протянувшійся верстѣ на десять, по отлогой возвышенности, по здѣшнему «въ тянигусь». Мѣстность у выѣзда изъ деревенской поскотины напоминаетъ собою извѣстную картину художника Шишкина «Сосновый лѣсъ», въ особенности въ яркій юньскій день. Далѣе дорога становится глинистой и проходить по мелколѣсью, между крестьянскими пашнями и по «гарамъ», а затѣмъ спускается въ узкую болотистую долину рѣчки Волосницы, откуда круто подымается на Новосильцевскую гору, не доѣзжая 4 верстѣ до этой деревни. Гора крута и глиниста: въ ненастье проѣзжающему съ грузнымъ экипажемъ — горе. Нерѣдко, плохо подкованныя или даже вовсе неподкованныя крестьянскія лошаденки, выбившись изъ силъ, оставляютъ экипажъ въ полугорѣ или у верхняго, послѣдняго, самаго крутаго взлобка, и тогда приходится посылать въ деревню Новосильцы за свѣжими лошадьми, чтобъ втащить грузный экипажъ на гору. Мы однакоже благополучно взлѣзли на гору и вскорѣ прибыли въ Новосильцы, бѣдную, лѣсную деревеньку, состоящую изъ какихъ-нибудь 20 дворовъ, но тѣмъ не менѣе обладающую тремя или четырьмя винными лавочками. Во всей деревушкѣ найдется два—три хозяина, у которыхъ можно достать лошадей и которыхъ можно назвать зажиточными, а прежде, до введенія новой

акцизной системы, свободной продажи питій, въ Новосильцахъ не было кабаковъ, и такъ какъ до ближайшаго они были въ разстояніи 25 верстѣ, то крестьяне, не имѣя подъ своимъ бокомъ соблазна, жили далеко лучше и зажиточнѣе нынѣшняго.

Едва-едва выбрался я изъ этого захоlustья и только часа черезъ два удалось мнѣ выѣхать на слѣдующую станцію Кулаково, отстоящую отсюда въ 35 верстахъ. Послѣ пятчасовой ѣзды, уже часовъ въ восемь утра дотащились мы наконецъ до Кулаковой, красиво расположенной на высокомъ берегу широкой, до трехъ верстѣ въ ширину, рѣчки Ангары. Я остановился у знакомаго мнѣ мужичка-рыболова, «дѣдушки Евсея». Изба у Евсея была одною изъ лучшихъ въ деревнѣ, горница у него была свѣтлая, просторная и ради пушлага украшенія была расписана разными невиданными цвѣтами и звѣрями. Дѣдушка былъ искусный рыбакъ, даромъ что доживалъ седьмой десятокъ лѣтъ, и у него всегда водилась стерлядка и другая какая-нибудь ангарская вкусная рыба.

Кулаково — тоже лѣсная деревня, но значительно болѣе предыдущей. Отсюда, ѣдущіе налегкѣ, не въ собственномъ экипажѣ, нанимаютъ лодку до деревни Мотыгиной или до Рыбинскаго села, чѣмъ избѣгаютъ несносныхъ Кондаковъ, куда мнѣ предстояло теперь ѣхать. Путешествіе на лодкѣ вверхъ по Ангарѣ занимаетъ цѣлый день, хотя отъ Кулаковой до Мотыгиной водою всего 65 верстѣ; неудобство его заключается въ томъ, что, въ случаѣ сильнаго вѣтра и волненія на рѣкѣ, можно весь день простоять, укрываясь отъ непогоды за какимъ-нибудь островомъ, не попасть къ цѣли путешествія и промаяться за-даромъ; въ тихую же погоду, а еще лучше въ повѣтеръ до Рыбной можно доплыть въ полъ-сутки и даже менѣе.

Подкрѣпившись стерляжью ушкой и пирожкомъ съ осетринкой радушной старушки хозяйки, я покатилъ на тройкѣ свѣжихъ, крѣпкихъ Евсѣевыхъ лошадей въ злосчастные Кондаки, расположенные на берегу широкой, живописной рѣчки Тасѣевой, въ 12 верстахъ отъ впаденія ея въ Ангару. Леонтіи, Евсѣевъ сынъ, славный, работающій малый, ловко управлялъ бойкой тройкой, и мы неслись по скатамъ и угорамъ, нигдѣ не тормозя экипажа, только при спускѣ съ высокой горы, при вѣздѣ въ Кондаки, пришлось затормозить оба заднія колеса: такъ крута и высока была эта гора. Видъ съ вершины ея на протекавшую внизу Тасѣеву, ея противоположный высокій берегъ со скалистыми лѣсистыми мысами былъ очарователенъ; но меня занимала дума о томъ, будутъ ли въ Кондакахъ лошади, такъ какъ, въ страдную пору, проѣзжающимъ приходилось не разъ въ ней засиживаться по нѣсколькимъ часамъ и даже започевывать. Спустившись съ горы и приворотивъ къ приятелю Евсею, мужичку Захару, я, къ удовольствію моему, узналъ,

что лошади у него есть, «только-что их малость овсецомъ покормить надо, недавно вишь съ покоса вернулись». Пришлось вновь прибѣгнуть къ помощи самовара, чтобъ какъ-нибудь скоротать время, пока лошади не наѣдятся въ волю овсеца. Кондаки—ничтожная, захудалая отъ пьянства мужиковъ деревенька, на берегу Тасѣвой, которая здѣсь до полуверсты шириной и черезъ которую устроены паромный перевозъ. Кругомъ деревни, какъ и по всей здѣшной дорогѣ, растутъ густые лѣса, въ которыхъ водятся въ изобиліи и птица и звѣри, а здѣшній лѣсной помѣщикъ, Михаилъ Ивановичъ Топтыгинъ, невозбранно собираетъ съ мужиковъ обильную дань коровами и телками. Крестьяне ему въ этомъ мало препятствуютъ, имѣя плохія ружья, да и къ охотѣ они не привычны, а когда-то дѣды ихъ и прадѣды были занятыми охотниками и бойко промышляли пушнью, но съ открытіемъ золотыхъ приисковъ ихъ прежній промыселъ упалъ, и они, покинувъ охоту и звѣроловство, обратились къ другимъ, болѣе легкимъ и болѣе прибыльнымъ занятіямъ. Огромный проѣздъ, въ особенности въ прежнее время, когда въ Южной тайгѣ находилось болѣе десятка тысячъ рабочихъ, сотни приказчиковъ, золото добывалось сотнями пудовъ въ лѣто, давалъ Кондаковцамъ громадный заработокъ и за перевозъ и за ямщичество, затѣмъ доставка и заготовка сѣна на прииски, съ ихъ богатыхъ обширныхъ луговъ на островахъ Тасѣвой, давала имъ еще болѣе значительный доходъ. Проходящіе рабочіе съ приисковъ послѣ расчета, тоже оставляли не мало денегъ, но всѣ эти громадные заработки и доходы послужили только къ вящему растлѣнію добрыхъ старыхъ нравовъ здѣшнихъ жителей и не принесли имъ никакой пользы. Кондаки какъ были, такъ и остались жалкой деревушкой, и обитатели ея почти всѣ спились съ-кругу и сдѣлались безшабашными забулдыгами и лѣнтяями. Нынѣ у нихъ изъ всѣхъ доходныхъ статей остались перевозъ да провозъ приѣзжающихъ, съ которыхъ они дерутъ что только можно, ибо, кромѣ ихъ деревни, въ этомъ пунктѣ дороги лѣтомъ дѣваться некуда.

Конечно и я заплатилъ обычную дань Кондакамъ. Слава Богу, что не просидѣлъ въ нихъ долго. За перевозъ и за станцію до перевоза черезъ рѣку Ангару въ село Рыбинское, за 33 версты, я заплатилъ 8 р. с. за четверку лошадей. Дорога отъ берега Тасѣвой идетъ глухимъ лѣсомъ верстъ на двадцать и у деревеньки Сметаниной выходитъ къ берегу Ангары, а по выѣздѣ изъ деревни круто подымается на Сметанинскую береговую гору и снова сбѣжить къ лѣсу. Эта гора составляетъ не малое затрудненіе въ ненастье или весною и осенью для лошадей, пробѣжавшихъ уже 20 верстъ по не всегда исправной дорогѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и доходную статью Сметанинцовъ, когда приѣзжающему приходится обратиться за ихъ помощью. Проѣхавъ

верстъ съ десять, я снова увидѣлъ величественную Ангару, закрытую отъ нашихъ глазъ лѣсными пригорками, а вмѣстѣ съ тѣмъ и деревню Денисову, стоящую на низменномъ береговомъ угорѣ лѣваго берега Ангары, насупротивъ села Рыбинскаго, съ его бѣлою церковью на высокомъ, сланцевомъ, крутомъ утесѣ, вдавшемся въ рѣку отвѣснымъ мысомъ. Денисову мы проѣхали не останавливаясь и, переѣхавши по наплавному мосту черезъ неширокую, но глубокую курью рѣки Ангары, помчались по обширному, красиво поросшему купами деревьевъ береговому лугу къ перевозу. Перевознаго карбаса не застали; онъ по обыкновенію, стоялъ на той сторонѣ, у Рыбной. Да и что дѣлать на здѣшнемъ пустынномъ берегу перевозчикамъ въ ихъ жалкой землянкѣ. Въ Рыбной-же всѣ утѣхи и радости, общество и кабакъ на берегу, здѣсь же пусто, неуютно, да и гнустъ, т. е. оводъ, комаръ и мошка одолѣваетъ. Стали кликать перевозчиковъ. «Пере-возъ, карбасъ давай! Эй, пере-возъ, подавай карбасъ! «Сейчасъ», раздалось съ той стороны. Этотъ «сейчасъ» продолжался съ доброй частью. Въ ожиданіи карбаса, ничего не оставалось дѣлать какъ бродить по берегу, отмахиваясь вѣткой березы отъ докучавшихъ насѣкомыхъ, да нещадно курить. Наконецъ къ берегу подвалилъ неуклюжій карбасъ, не дошедшій за мелководьемъ до нашего берега нѣсколько сажень, затѣмъ общими усилиями поставленъ былъ на него тарантасъ, и мы пустились за рѣку. Перевозъ здѣсь тоже довольно затруднителенъ: сначала надо завести карбасъ вверхъ по рѣкѣ почти на полверсты и затѣмъ уже перегребать рѣку, которая не менѣе версты въ ширину, и хотя теченіе ея не очень быстрое, но все-таки порядочно сноситъ неуклюжую перевозную посудину, и напрямикъ ни за что не попадешь къ мѣсту переправы. Въ сильный вѣтеръ, когда разводится на рѣкѣ большое волненіе, перевозъ вовсе прекращается, и тогда приходится сидѣть на берегу, пока не прекратится непогода.—Наконецъ мы пристали къ рыбинскому берегу. Сойдя съ карбаса и расплатившись съ перевозчиками, я отправился въ селеніе къ знакомому крестьянину, одному изъ содержателей перевоза, просить лошадей, вывезти съ берега мой экипажъ къ нему на дворъ, а такъ какъ лошади у него были дома, то черезъ полчаса времени мой тарантасъ стоялъ уже у него на дворѣ. Домъ моего хозяина былъ довольно большой, двухъ-этажный, съ нѣсколькими горницами, украшенными обоями, незатѣйливой мебелью и тюменскими расписанными сундуками. Хозяинъ, впрочемъ, не былъ рыбинскимъ аборигеномъ, а изъ «россійскихъ», переселившійся сюда въ надеждѣ зашибить денегу и одинъ изъ немногихъ рыбинцевъ, занимающійся земледѣліемъ. Вообще Рыбинское хотя и довольно порядочно обстроенное селеніе, но коренные обитатели его небогаты и нашней мало занимаются, несмотря на понудительныя мѣры земскаго

своего начальства; къ тому же они набалованы «пріскаателями», а потому лѣнны, очень любятъ выпить и если промышляютъ еще чѣмъ, то рыболовствомъ, сѣнокопеніемъ, перевозкой тяжестей въ тайгу и проѣзжающихъ, а главное живутъ выходомъ съ прісковъ послѣ расчета рабочихъ. Это у нихъ чуть ли не главная доходная статья въ ихъ домашнемъ бюджетѣ. Къ приходу рабочихъ, около или очень вскорѣ послѣ Покрова, избы моются и прибираются, хозяйки топятъ бани, запасаютъ всякой снѣди, пироговъ и всего прочаго, съ нетерпѣніемъ ожидая прибытія своихъ дорогихъ гостей. Наконецъ, наступаютъ вождельные дни, появляются таежные, и всѣ въ домѣ спѣшатъ наперерывъ улагодворить чѣмъ только можно остановившагося или остановившихся дорогихъ денежныхъ гостей, а подь-часъ опойтъ и пьяненькаго обобрать до нитки, затѣмъ вытащить изъ дома за ворота на улицу, а то и за околицу. Въ прежнее время, въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ, когда въ Рыбинскомъ существовали резиденціи нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ Южной Системы, главный откупной кабакъ и винный складъ этого края, а въ сосѣднихъ, ближайшихъ къ тайгѣ, деревенькахъ Бѣльской и Мотыгиной, ничего этого не было, Рыбная была главнымъ пунктомъ выхода рабочихъ съ Южныхъ прісковъ и здѣсь кутили они самымъ безшабашнымъ образомъ, пропивая и прогуливая тысячи рублей, нажитыхъ въ тайгѣ ихъ тяжелымъ трудомъ. Кутили не одни рабочіе, кутили и хозяева, ихъ приказчики, и слава Рыбной гремѣла на всю округу. Въ Рыбную тогда наѣзжали и мѣстные власти, откупное начальство, енисейскіе и иные торговцы, а также енисейскія погибшія, не не милыя созданія, такъ какъ мѣстныхъ жительницъ на тысячи вышедшаго изъ тайги люда далеко не хватало. И кто только не наживался тогда около рабочихъ; обирание ихъ производилось самымъ систематическимъ образомъ. «Матужка Ангара не пустила домой», говорилъ прокутившійся вплотную рабочій, лихо «легѣвшій» въ тайгу, нанявшись вновь на осеннія и зимнія работы, такъ какъ въ то время здѣсь былъ центръ ихъ наемки на пріиски. Теперь все это миновало и прекрасные дни для Рыбной закатились навсегда. Находящаяся въ 12 верстахъ по пути на пріиски деревня Мотыгина, съ 28 домами и съ такимъ же почти числомъ винныхъ и иныхъ продажъ, отбила у Рыбной всю ея практику; словомъ, для Рыбной пришелъ конецъ и она теперь живетъ рыболовлей, перевозомъ, извозомъ, да кое-какими крохами, перепадающими ей отъ проходящихъ рабочихъ, заночевавшихъ въ деревнѣ или пережидającychъ, пока не укротится разыгравшаяся на Ангарѣ буря и не возстановится перевозъ черезъ рѣку. А между тѣмъ Рыбная — одно изъ старинныхъ Енисейскихъ поселеній; она основана сотникомъ Перфильевымъ въ 1628 г. и была нѣкогда укрѣпленнымъ острогомъ, основаннымъ для обузданія прожи-

вавшихъ по Ангарѣ и ея притокамъ тунгусовъ, которыхъ здѣсь теперь вовсе и не водится. Не имѣющему своихъ подставныхъ съ пріиска лошадей трудно выбраться въ страдную пору изъ Рыбной, а если и найдутся лошади, то за провозъ до первыхъ прісковъ южной тайги, отстоящихъ отсюда въ 75 верстахъ, возьмутъ самую ни съ чѣмъ не сообразную цѣну. На этотъ разъ у меня здѣсь были свои лошади, и мы, напившись чаю, живо собрались и еще засвѣтло отправились далѣе, тѣмъ болѣе что жара къ вечеру спала и ѣхать было пріятно. Дорога изъ Рыбной пролегаетъ берегомъ Ангары и, на первыхъ 4 верстахъ до деревни Бѣльской, очень гориста, въ особенности на третьей верстѣ, гдѣ начинается спускъ съ береговой возвышенности къ самой рѣкѣ. Спускъ этотъ крутъ, а дорога вязкая и глинистая, такъ что для ѣдущихъ изъ тайги съ золотомъ или въ тяжелыхъ экипажахъ составляетъ камень преткновенія. Иной разъ проѣзжающіе изъ тайги, на измученныхъ таежною дорогою лошадяхъ заночевывали подъ этой горой, если не находили свѣжихъ лошадей въ Бѣльской или Рыбной. Проѣхавъ Бѣльскую, гдѣ въ старые годы были двѣ резиденціи золотопромышленниковъ, нынѣ давно несуществующія, дорога проходитъ на небольшомъ разстояніи подъ высокимъ береговымъ утесомъ. Во время половодья и даже нерѣдко лѣтомъ, когда вода въ Ангарѣ бываетъ высока, приходится здѣсь ѣхать прямо по водѣ, такъ что иногда вода хватаетъ по брюхо лошадямъ, или по объѣздному пути, черезъ гору. Обогнувъ этотъ скалистый мысъ, мы выѣхали на широкій, береговой поемный лугъ Ангары, который простирается до устья первой по пути золото - содержащей рѣчки Южной Системы, р. Рыбной, при устьѣ которой, на высокомъ береговомъ угорѣ, расположена деревня Мотыгина. Въ концѣ пятидесятихъ и въ шестидесятихъ годахъ деревня эта служила пристанью для сплавляемыхъ изъ Иркутской губерніи хлѣбныхъ грузовъ, которые отсюда направлялись на Южные пріиски. Въ иной годъ приходило сюда до ста и болѣе тысячъ пудовъ на каюкахъ и баркахъ и здѣсь они складывались въ амбары и отсюда же перевозились на пріиски гужемъ. Здѣсь были тогда и резиденціи нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ. Въ Мотыгиной тогда было илюдно и шумно; теперь, когда сплавъ хлѣба почти-что прекратился, Мотыгина живетъ только по милости захода сюда рабочихъ послѣ ихъ выхода съ прісковъ, и тогда здѣсь царитъ оживленіе и необычайная сутолока.

За исключеніемъ времени выхода изъ тайги рабочихъ, нынѣ въ Мотыгиной совсѣмъ тихо, хлѣба сюда теперь почти не приплавляютъ, а такъ какъ она лежитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги на пріиски, то ѣдущіе въ тайгу совсѣмъ въ нее не заѣзжаютъ, а изъ тѣхъ, кто ѣдетъ съ прісковъ, заѣзжаютъ лишь тѣ только, у кого есть какое

либо въ Мотыгиной дѣло. Мы конечно ее миновали. Круто подымается таежная дорога съ береговаго луга на возвышенность праваго берега рѣчки Ангары и капризно извивается по густому березовому и осиновому лѣсу по его болотинкамъ, неровно устланнѣмъ хвоей и жердякомъ, а кое-гдѣ и бревешками, небрежно засыпанными глинистой землей, и дающимъ себя знать неприятными толчками проѣзжающему. Въ распутицу или ненастье, первая семь верстъ отъ сворота приходится ѣхать чуть не шагомъ. Наконецъ выбрались въ неширокую долину рѣчки Мостовой, переѣхали ее по длинному деревянному мосту и снова стали подыматься на высокую Мостовую гору, поросшую хвойнымъ лѣсомъ. Встрѣчающіяся здѣсь обнаженія горныхъ породъ, глинистые и слюдяные сланцы, а также валуны и обломки разныхъ цвѣтовъ кварца говорятъ намъ, что мы вступаемъ въ районъ золотыхъ приисковъ. На 10-й верстѣ, проѣзжаемъ полуразрушенную крестьянскую заимку, хозяинъ которой, кромѣ заведеннаго имъ здѣсь хлѣбопашества, промышлялъ еще тайной продажей водки, за что его заимку и прикрыли. Наконецъ, на 18-й верстѣ показалось такъ называемое Асташевское зимовье, на берегу рѣчки Рыбной, первая таежная станція и цѣль нашего сегодняшняго странствованія. На зимовьѣ устроены такъ называемый кордонъ и проживаютъ двое казаковъ для наблюденія за непровозомъ въ тайгу, безъ надлежащаго разрѣшенія, спирта и водки. Конечно никто не понесетъ и не повезетъ для тайной продажи водку черезъ Рыбинскій кордонъ; везутъ ее и несутъ другими путями и дорогами, благо ихъ много и помимо экипажнаго тракта. Асташевское зимовье, названное такъ потому, что въ старые годы его выстроилъ золотопромышленникъ Асташевъ, состоитъ изъ одно-этажнаго дома, раздѣленнаго сѣнями на двѣ половины, — чистую, гдѣ останавливается проѣзжающая чистая публика, и черную, болѣе обширную, гдѣ останавливаются приходящіе рабочіе и проѣзжающіе въ тайгу или изъ тайги ямщики и возчики таежныхъ кладей. Затѣмъ здѣсь находятся небольшой амбаръ, баня, конюшня и подъ-навѣсъ для лошадей и экипажей. Здѣсь мы остановились отдохнуть и накормить лошадей, такъ какъ двадцати-девяти верстный перегонъ по не совсѣмъ гладкой и гористой дорогѣ порядочно утомилъ нашихъ лошадокъ. Отсюда есть на прииски другая дорога, которой пользуются зимою, такъ какъ она не такъ гориста, какъ лѣтняя, хотя верхомъ по ней можно ѣхать и лѣтомъ, въ особенности въ сухую погоду, когда болота попросохнуть, и на этой дорогѣ есть кордонъ, въ лицѣ одного казака, проживающаго на такъ называемомъ Соловьевскомъ зимовьѣ. Здѣсь уже начинаются золотые прииски, такъ какъ въ 5 верстахъ отъ Асташевского зимовья, по долинѣ впадающей въ р. Рыбную небольшой рѣчки разрабатывается приискъ кушца Матонина. На этомъ приискѣ въ отра-

ботанномъ уже разность россыпи были найдены кварцевыя жилы, сулившія по пробамъ чуть не новую Калифорнію, но по разработкѣ давшія далеко не калифорнскіе результаты, такъ что разработка этихъ жилъ нынѣ уже оставлена. Часа черезъ четыре мы снова тронулись въ путь до слѣдующей станціи, на Рождественскомъ приискѣ К^о Рязанова по р. Талой, находящемся отъ Асташевского зимовья въ 30 верстахъ. Перегонъ этотъ весь пролегалъ по долинѣ р. Рыбной, минуя высокую Афонькину гору, и затѣмъ въ концѣ своемъ вступалъ въ долину притока Рыбной, р. Талой.

Долина Талой примѣчательна тѣмъ, что здѣсь изъ-подъ господствующей глинисто-сланцевой породы выступаютъ скалы бѣлаго и сѣраго известняка, принимающія причудливыя и довольно живописныя формы. Рождественскій приискъ — первое серьезное открытіе первыхъ поисковыхъ партій на золото въ 1838 г., организованныхъ неумоимымъ золотопромышленникомъ Машаровымъ, компаніономъ Рязановыхъ, прозваннаго шутки ради «таежнымъ Наполеономъ». Рождественскій приискъ не былъ особенно богатъ, россыпи его не отличались мощностью, работы на немъ велись урывками и небольшимъ числомъ рабочихъ, хотя онъ и доселѣ еще разрабатывается, но уже не самими хозяевами, а арендаторами ихъ, такъ какъ основная его россыпь давно уже выработана владѣльцами прииска. Не останавливаясь на неуютномъ Тальскомъ зимовьѣ, я проѣхалъ къ знакомому управляющему Рождественскимъ приискомъ. Подѣхавъ къ дому управляющаго я засталъ его только-что возставшимъ отъ сна; было уже около 6 часовъ утра, и золотопромывальная бочешная машина, мимо которой мы проѣхали, уже давно грохотала, а въ приисковомъ разность копошились какъ муравьи нѣсколько десятковъ рабочихъ и десятка два лошадей. Лѣто въ тайгѣ короткое, всего 2½—3 мѣсяца, а потому спать и праздничать некогда, къ тому же это короткое лѣто должно окупить всѣ годовые расходы по разработкѣ прииска, почему здѣсь не знаютъ ни воскресеній, ни праздниковъ, и работы идутъ изо-дня-въ-день какъ заведенная машина. Послѣ обоюдныхъ привѣтствій, началось обычное чаепитіе, самое любимое занятіе таежниковъ; куда и когда бы вы ни прѣехали, всюду васъ будутъ угощать чаемъ съ приправой обыденныхъ въ тайгѣ лѣтнихъ разговоровъ о золотѣ, промыскѣ песковъ и вообще о рабочихъ.

— Каково, Иванъ Петровичъ моете! — спросилъ я своего амфитриона?

— Незавидно; за первую половину, къ отправкѣ пудиншко припасъ. Засуха насъ одолѣла, совсѣмъ воды мало стало, а съ первоначалу, по веснѣ, мыли ладно, фунтили даже, а теперь вотъ кое-какъ полфунта съ небольшимъ въ день наколачиваемъ, да и за то Бога хвалимъ.

— Много-ли у васъ сей годъ рабочихъ, — переспросилъ я его.

— Человѣкъ съ сотню съ весны-то было, а теперь около 70 осталось, остальныхъ на Петропавловской послалъ. Дѣлать имъ здѣсь нечего, — вода убываетъ, пусть, думаю, тамошнюю команду подкрѣпить, — отвѣчалъ Иванъ Петровичъ, прихлебывая съ блюдечка чай, который пилъ въ прикуску.

Надо пояснить, что этотъ Петропавловскій приискъ, на рѣчкѣ Шаарганѣ, былъ первымъ богатымъ открытiемъ въ Южной Системѣ того-же Машарова, сдѣланнымъ имъ въ 1839 г. на имя компанiона своего Рязанова, и находился всего въ 15 верстахъ отъ Рождественскаго прииска. Въ первые десятка полтора лѣтъ онъ гремѣлъ на всю тайгу своимъ богатымъ содержанiемъ золота, теперь-же былъ сданъ въ аренду тому-же арендатору, который разрабатывалъ приискъ на р. Талой, и работался небольшимъ числомъ рабочихъ, такъ какъ богатые россыпи его почти-что всѣ были выработаны.

— Каково моютъ нынѣ на Петропавловскомъ, поди и тамъ въ водѣ-то недохватка? — спросилъ я Ивана Петровича.

— Точно что воды тамъ не ахти сколько, все же больше нашего, а золотишко моютъ ладно, пуда два къ отправкѣ принасутъ, съ нашимъ-то пудишкомъ и будетъ три, — отвѣчалъ Иванъ Петровичъ самодовольно улыбаясь, — вотъ нынѣшнiе-то расходы пожалуй и оправдаются.

— Ну, а какъ насчетъ медвѣдей по вашей дорогѣ, вѣдь у васъ на Березовомъ хребтѣ самое медвѣжье мѣсто? — спросилъ я его.

— Медвѣдь онѣй добрый, теперь вотъ и кормъ ему поспѣлъ; ягоды въ волю, да со скотогоновъ тоже малость пошлину собралъ, — отвѣчалъ шутливо Иванъ Петровичъ. — Мы ему вѣдь тоже быстро-то баловать не даемъ; на этихъ дняхъ двухъ ухлопали, а то привыкли каждую ночь таскаться къ конному двору, лошадей только пугали. Ну, мы ихъ и прикончили.

— А какъ сей годъ насчетъ побѣговъ съ присковъ; благополучно ли весна прошла? — спросилъ я моего хозяина.

— У меня съ десятокъ бѣжало, да все такая пропитанщина была, чтода же радъ, что ушли. Прислали что ни на есть плохихъ рабочихъ, хорошихъ-то у себя на главномъ стану оставили, ну, вотъ они видятъ, что денегъ имъ задаточныхъ не отработать, взяли да и ушли бродяжить. У меня-то съ десятокъ ушло, а вотъ у Ротова да Паташева такъ чуть-ли не цѣлая четверть всей команды отвалила, въ особенности у перваго, у того изъ ста человѣкъ сорокъ ушло. Вотъ тутъ и мой золото. Слабы нынѣ въ тайгѣ порядки стали, не прежняя пора, — печально проговорилъ Иванъ Петровичъ. — Большая поблажка дана рабочимъ, ничего, почитай, съ нихъ не взыскиваютъ.

Конечно, мнѣнiе Ивана Петровича о старыхъ порядкахъ было отсталое, потому что въ прежнее время за побѣги съ присковъ наказывали нещадно, доходило дѣло даже до плетей, но нельзя было оправдать и рабочихъ, взявшихъ большiе задатки у золотопромышленниковъ и преспокойно бросавшихъ работу и уходившихъ съ присковъ почти безнаказанно. Добро бы они уходили только отъ такихъ господъ какъ Ротовъ и Паташовъ, гдѣ и кормили не важно и платили плохо, гдѣ даже не стыдились и обсчитывать ихъ, но бѣжать съ работъ отъ порядочнаго хозяина, въ силу своей страсти къ бродяжничеству и ту-неядству, было съ ихъ стороны предосудительно, ибо они ставили своего хозяина въ безвыходное положенiе, такъ какъ найти другихъ рабочихъ въ тайгѣ было затруднительно, а иногда и совсѣмъ невозможно.

На Талой у насъ была подстава, высланная съ нашего прииска, а потому, когда лошади были запряжены, я тотчасъ отправился далѣе, пожелавъ гостеприимному Ивану Петровичу намытъ побольше золота. Освѣдомившись дорогой у нашего конюха Василя все-ли, у насъ на приискѣ благополучно и нѣтъ-ли по дорогѣ медвѣдей, мы бойко ѣхали верстъ пять по лѣсистой и болотистой долинѣ рѣчки Талой и, переѣхавъ въ бродъ одну изъ ея вершинокъ, стали подыматься на такъ называемый Березовый хребетъ, служащiй водораздѣломъ притокамъ р. Рыбной и р. Шааргана. Березовый хребетъ, подъемъ на который тянется на протяженiи трехъ верстъ, составляетъ одну изъ высокихъ точекъ Южной тайги, спускъ же съ него въ вершину рѣчки Малаго Шааргана, притока Большаго Шааргана, весьма коротокъ и крутъ. Спустившись съ горы, дорога проходитъ по долинѣ рѣчки мимо оставленнаго уже Анiенскаго прииска компанiи Зотовыхъ, верстахъ въ двухъ отъ котораго расположенъ славившiйся нѣкогда своими богатствами Петропавловскiй приискъ. Миновавъ его, мы быстро пробѣжали мимо Аркадѣвскаго прииска, въ то время еще работавшагося, и вступили въ долину рѣчки Большаго Шааргана, которую переѣхали по довольно плохонькому, чуть живому мостику, и затѣмъ вскорѣ стали подыматься на такъ называемую Нѣмецкую гору.

Такое необычное названiе гора эта получила отъ внука знаменитаго нѣмецкаго поэта XVIII вѣка Лессинга, доктора Лессинга, имѣвшаго подъ нею золото-содержащiй приискъ, который онъ неудачно разрабатывалъ въ половинѣ сороковыхъ годовъ. Послѣ претерпѣнныхъ имъ неудачъ, онъ передалъ свой приискъ компанiи Рязановыхъ, а самъ вновь принялся за леченiе недуговавшаго человѣчества, но названiе за горой осталось навсегда. Гора эта поросла пихтовымъ и еловымъ лѣсомъ, подъемъ на нее и спускъ съ нея въ долину рѣчки Шаулкона довольно круты, но видъ съ горы на окрестные холмы и горы и на долину Шаулкона очень живописенъ. Растущiй на горѣ густой

лѣсъ, сильно былъ поврежденъ большимъ лѣснымъ пожаромъ, свирѣпствовавшимъ здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но на этой горѣ, уже сплошь заросшей густымъ непролазнымъ шиповникомъ и молодымъ березнякомъ, мирно царилъ здѣшній лѣсной помѣщикъ Топтыгинъ, за которымъ сюда перѣдко прѣзжали охотиться.

Живописная долина Шаулкона не широка, саженъ полтораста-двѣсти, а къ верховьямъ становится даже и того менѣе; она поросла кучами деревь, а лѣвый склонъ Шаулконскихъ горъ, возлѣ котораго извиается дорога, напоминаетъ своимъ видомъ скорѣе запущенный паркъ, нежели тайгу.

Въ Шаулконѣ слѣва впало нѣсколько рѣчекъ, при устьяхъ которыхъ расположены чистенькія травяныя полянки. Въ средней части долины, на широкомъ, отлогомъ склонѣ горы, красуется резиденція горнаго исправника Южной тайги; здѣсь находится его канцелярія, квартиры его помощника, пріисковой акушерки и прочія служебныя строенія. Всѣ эти многочисленныя и весьма приличныя постройки возведены золотопромышленниками на свой счетъ и стоили имъ значительныхъ денегъ, ими же эти строенія и поддерживаются и ремонтируются.

Скоро и весело бѣжали наши сытыя лошади по хорошей таежной дорогѣ, устроенной также иждивеніемъ золотопромышленниковъ, вверхъ по красивой долинѣ Шаулкона и незамѣтно какъ-то поднялись по пологому скату на Шаулконско-Мурожнскій водораздѣлъ. Еще съ Нѣмцевской горы видѣлись вдали высокія Мурожнскія горы, въ особенности выдѣлялся изъ нихъ, пестрѣвшій бѣлыми пятнами не растаявшаго снѣга, Подголешискій голецъ, самая высокая точка Южной тайги, достигающая до 4,000 футовъ высоты; теперь эти горы стояли передъ нами во всей своей красѣ, озаренныя яркимъ лѣтнимъ солнцемъ, подъ сводомъ голубаго неба, на которомъ не видно было ни одного облачка. Съ горы, съ которой мы тотчасъ же начали спускаться, предварительно затормозивъ нашъ тарантасъ, такъ какъ спускъ былъ крутой и извилистый, — открылась прелестная картина верховій рѣки Мурожной съ ея многочисленными постройками расположенныхъ здѣсь золотыхъ пріисковъ и таежною церковью. Долина Мурожной представлялась съ горы широкой волнистой равниной, изрѣзанной темными падами многочисленныхъ, но маловодныхъ ея притоковъ, покрытую множествомъ выработокъ, цѣлыми горами отвадовъ торфа и отбросовъ отъ промывокъ, гальки и эфелей. Теперь до нашего дома было недалеко, всего съ десятокъ верстъ, и, спустившись съ горы, мы бойко понеслись по лѣвому склону Мурожинской долины, мимо многочисленныхъ ея пріисковъ и черезъ часъ были уже дома, въ нашемъ таежномъ уголкѣ.

Плаваніе по рѣкѣ Питу.

Было чудесное июльское утро, воздухъ былъ чистъ и прозраченъ, не было ни дыму, ни чаду отъ лѣсныхъ пожаровъ, свирѣпствовавшихъ въ тайгѣ во второй половинѣ іюня и недавно погасшихъ отъ проливныхъ дождей послѣдней недѣли. Безоблачное, голубое небо раскинулось огромнымъ куполомъ надъ таежными горами и дремучими лѣсами, а яркое солнышко уже начинало давать себя чувствовать, и только лишь жужжаніе и пѣніе насѣкомыхъ, наполнявшихъ воздухъ, нарушали тишину зеленаго, сосноваго бора, по которому мы медленно двигались впередъ, такъ какъ таежная наша дорога все время шла въ гору, безконечно извиаясь своими частыми изгибами и поворотами. Я ѣхалъ на легкихъ таежныхъ дрогахъ, запряженныхъ парой крѣпкихъ лошадокъ, вещи же мои и прислуга еще рано утромъ отправились впередъ на Питское зимовье, принадлежащее золотопромышленной К^о Л. Дорога, по которой мы ѣхали туда же, была узка, извилиста и колотлива, по милости множества пересѣкавшихъ ее древесныхъ корней и небольшихъ рытвинъ и дождемоинъ. Поднявшись на гору, мы очутились въ густомъ листовномъ лѣсу, состоявшемъ изъ березы, ольхи и осины съ подлѣскомъ изъ жимолости, шиповника, таволги и моладаго березняка и осинника. Прокативъ порядочно по горѣ, мы спустились по пологому ея склону въ болотистую, неширокую долину рѣчки Кадры, лѣваго притока р. Пита, по которой недолгѣ и доѣхали до послѣдняго, предварительно пересѣкши широкій питскій лугъ, протянувшійся отъ устья вышеупомянутой рѣки Кадры вверхъ по рѣкѣ Питу на пять верстъ, до впаденія въ него справа значительной рѣки Понимбы. На нижней окраинѣ этого обширнаго луга, близъ берега р. Пита стояло Питское зимовье К^о Л. Внѣшній видъ Питскаго зимовья былъ неказистъ: низенькая казарма въ три окна съ небольшой горенкой, съ нарами вокругъ стѣнъ, съ невысокой входной дверью и чугунной печкой по середкѣ казармы. Рядомъ съ казармой стоялъ не-

большой амбаръ и затѣмъ конюшня съ навѣсомъ и станкомъ для подковки лошадей; вотъ и всѣ строенія, если не считать крытаго хвоею загона изъ жердей для лошадей. Построено это зимовье было еще въ началѣ сороковыхъ годовъ К° Демидовыхъ, для жилья приказчика и рабочихъ, на время сѣнобоса, производившагося на арендованныхъ у казны этой К° питскихъ лугахъ, и для жилья конюховъ зимою, во время перевозки сѣна съ луговъ на Оллоноконскій пріискъ этой же К° зимою. По продажѣ К° Демидовыхъ своего Оллоноконскаго пріиска въ 1859 г. К° Л., зимовье это перешло во владѣніе послѣдней и служило тѣмъ же цѣлямъ, что и К° Демидовыхъ. Въ наступившіе дорогіе годы 1859—60, 61 и 62 г. К° Л., для потребностей своихъ К—скихъ пріисковъ, стала покупать хлѣбные запасы, въ особенности муку, въ Енисейскѣ и доставлять ихъ оттуда по Питу, на Питское зимовье лѣтнимъ сплавомъ на лодкахъ. Доставленный на зимовье хлѣбъ складывался здѣсь въ амбаръ, тѣмъ болѣе, что Питское зимовье составляетъ конечный пунктъ плаванія на лодкахъ по рѣкѣ Питу, такъ какъ выше впаденія въ него р. Понимбы, верстахъ въ 5 отъ зимовья, начинаются извѣстные Таврикульскіе пороги, перегораживающіе всю рѣку въ нѣсколькихъ пунктахъ и совершенно непроходимые для грузовыхъ лодокъ. Даже на тунгусскихъ легкихъ берестяныхъ лодочкахъ-вѣткахъ опасно пускаться черезъ эти пороги, въ особенности въ меженное время навигаціи, когда фарватеръ рѣки мелѣетъ и рѣка, во всю ея ширину, разбивается въ порогъ на нѣсколько мелководныхъ и переполненныхъ камнями каналовъ.

Съ проведеніемъ новой на Питское зимовье колесной дороги, нынѣ многіе стали проѣзжать этимъ путемъ изъ южной въ сѣверную систему, такъ какъ всѣ прочіе туда пути — верховые и неудобные. Въ особенности въ дождливую погоду негдѣ укрыться отъ непогоды, нѣтъ ни зимовьевъ или промежуточныхъ пріисковъ, а потому во весь двухсотъ-верстный путь приходится ночевать въ лѣсу, подъ елкой, на открытомъ воздухѣ, или возить съ собой палатку. Къ тому же и самая дорога грязна, кочковата, болотиста и мѣстами камениста; приходится не однажды переѣзжать въ бродъ значительныя рѣчки, которыя, во время дождей, становятся довольно глубокими, вслѣдствіе чего и самые броды бываютъ небезопасны. По вновь проложенной, но еще очень неустроенной дорогѣ, возможно проѣхать въ легкомъ экипажѣ съ Южныхъ пріисковъ до Питскаго зимовья, отсюда плыть въ лодкѣ по р. Питу, на протяженіи 45—50 верствъ, до Усть-Брянскаго зимовья и оттуда снова ѣхать въ экипажѣ по Старо-Нифантьевской пріисковой дорогѣ на Сѣверные пріиски. Разница въ сравненіи съ верховыми дорогами будетъ невелика, всего на одинъ день пути, но за то путь этотъ будетъ удобнѣе всѣхъ остальныхъ, и нигдѣ не придется ночевать подъ откры-

тымъ небомъ. Питское зимовье стоитъ на возвышенномъ береговомъ яру рѣки Пита, на лѣвомъ по теченію ея берегу, тогда какъ правый ея берегъ обрамленъ высокими покрытыми лѣсомъ горами. Въ настоящее однако время, —самаго низкаго стоянія рѣчныхъ водъ, рѣка отстоитъ отъ зимовья, по крайней мѣрѣ, въ 50 саженьяхъ, образуя покрытый гальками діорита, кварца, гранита и сланцевъ широкой песчаный берегъ, весной же, а иногда и осенью, послѣ продолжительныхъ дождей, рѣка не только заливааетъ весь этотъ берегъ, но подступаетъ и къ самому зимовью, разливаясь въ ширину до $\frac{1}{4}$ версты. Въ особенности великъ и силенъ бываетъ весенній разливъ, при дружной веснѣ, —тогда рѣка разливается во всю ширину прибрежнаго дуга и окружаетъ зимовье со всѣхъ сторонъ, причѣмъ зимовщику не разъ приходилось спасаться въ теченіе нѣсколькихъ дней на чердакѣ своего жилища.

Въ такія обильныя водою весны по питскимъ лугамъ и островамъ бываетъ большой урожай травъ, но зато не мало же нахозяничаетъ на нихъ Пить, натащить гальки и песку, кореньевъ и обломковъ дерева, а нерѣдко навалить и цѣлую груду деревьевъ и корней, понадебляетъ водомоинъ и рытвинъ. Мѣстоположеніе Питскаго зимовья чрезвычайно живописно, въ особенности оно производитъ пріятное впечатлѣніе своимъ просторомъ на выѣхавшаго къ нему изъ лабиринта покрытыхъ дремучею тайгою горъ и узенькихъ таежныхъ долинъ. Рѣка Пить — самая большая рѣка Енисейскаго горнаго округа; она протекаетъ, насколько извѣстно, около 300 верствъ въ длину, раздѣляя обѣ золотоносныя системы — сѣверную и южную, и служить имъ административною границею. Она беретъ начало изъ такъ называемаго Питскаго хребта, лежащаго въ ея вершинахъ и возвышающагося отъ 2.500 до 4.000 футъ надъ уровнемъ моря, и впадаетъ съ правой стороны въ рѣку Енисей, близъ деревни Усть-Питской. Въ него впало съ обѣихъ сторонъ не мало рѣкъ, рѣчекъ и ключей; такъ, изъ южной системы вливаются въ него три, довольно значительныя, рѣки: Горбилоть, Большая Пенченга и Сухой Пить, а изъ сѣверной системы — рѣки Чиримба, Понимба, Вегуда, Брянка, Лендаха и Каменка. Ширина рѣки Пита весьма различна; выше впаденія въ него рѣки Чиримбы онъ не шире 30—40 сажень, ниже Чиримбы рѣка расширяется отъ 50 до 60 сажень, сжимаясь въ Таврикульскомъ порогѣ до 20 и 25 сажень и снова расширяясь внизъ отъ рѣки Понимбы до 80 сажень, какъ напримѣръ у Питскаго зимовья; отъ устья рѣки Лендахи, ширина его достигаетъ ста и 125 сажень и остается въ такой ширинѣ вплоть до своего устья. Пить можетъ считаться судоходнымъ отъ устья своего до устья Понимбы, но въ меженную воду, судоходство это, по милости Косаго порога, можетъ производиться до

зимовья только въ небольшихъ лодкахъ, поднимающихъ до ста пудовъ груза, отъ впаденія же въ него рѣчки Брянки Питъ судоходенъ во все лѣто для болѣе крупныхъ судовъ. Въ прежнее время, да иногда еще и теперь, до устья рѣки Брянки, находящагося на пять верстъ выше впаденія въ Питъ рѣки Лендахи, изъ Енисейска ежегодно плавали по Питу палубныя и парусныя суда, каюки и большія лодки съ разными припасами и товарами, а въ обратный путь сплавляли до Енисейска или до Усть-Питской деревни проѣзжающихъ изъ тайги, съ пріисковъ; нынѣ по Питу, съ проведеніемъ болѣе прямой и удобной для проѣзда на пріиски Ново-Нифантьевской дороги, а также за сокращеніемъ золотопромышленныхъ дѣлъ, судоходство это совершенно упало. На Питское зимовье доставлялись изъ Енисейска хлѣбныя запасы въ неособенно большомъ количествѣ и только въ рѣдкіе дорогіе годы, такъ какъ большія лодки съ грузомъ до 500 пудовъ не могутъ лѣтомъ проходить черезъ мелководный Косой порогъ; мелко сидяція же лодки, поднимающія грузъ до сотни пудовъ, проходятъ его свободно, но доставка такими небольшими грузами сильно удорожается. Вообще доставка хлѣбныхъ грузовъ на Питское зимовье производилась енисейскими остяками. Надо видѣть, съ какимъ искусствомъ и ловкостью эти остяки, а также и мѣстные тунгусы управляютъ лодкою и съ какой быстротой подвигаютъ ее вверхъ по теченію шестами; даже на такой быстрой рѣкѣ, какъ Питъ, они плывутъ вверхъ по рѣкѣ по 4 версты въ часъ.

Кромѣ сѣнныхъ покосовъ, довольно значительныхъ, какъ по берегамъ и островамъ Пита, такъ равно и по его главнымъ притокамъ, отдаваемымъ казною въ аренду частнымъ лицамъ, рѣка Питъ обильна рыбою: какъ въ немъ, такъ и по впадающимъ въ него рѣчкамъ производится зимовщиками и тунгусами рыболовство, ловятся преимущественно харіузы, лини и таймени; послѣдніе достигаютъ нерѣдко до пуда и болѣе вѣсомъ.

Прѣхавъ на зимовье, я засталъ моихъ спутниковъ за работой—кто приготовлялъ къ отплытію лодки, кто разсѣдывалъ лошадей и сортировалъ нашу поклажу, кто готовилъ завтракъ. Было уже около 9 часовъ утра, и, несмотря на такое раннее время, мы съ удовольствіемъ и примѣрнымъ аппетитомъ закусили, въ особенности послѣ такой тряской и колотливой дороги, проѣздъ по которой съ пріиска до Пита, несмотря на разстояніе около 30 верстъ, занялъ цѣлыхъ четыре часа. Послѣ завтрака, экипажъ мой потащили къ стоявшимъ въ ста саженьяхъ отъ зимовья лодкамъ. Тамъ сняли съ него колеса, уложивъ какъ ихъ, такъ равно и кузовъ экипажа въ одну изъ болѣе значительнаго размѣра лодокъ, куда помѣстили и всю прочую нашу поклажу. Я съ своимъ слугою и ѣдущимъ по одному пути со мною при-

казникомъ одного сѣвернаго таежнаго золотопромышленника размѣстились въ другой меньшаго размѣра лодкѣ съ двумя работниками—гребцами и зимовщикомъ, служившимъ намъ кормщикомъ и въ то же время лодманомъ. На лодкѣ съ поклажей находилось два гребца и кормщикъ, изъ пріисковыхъ рабочихъ, мало дѣло маракававшихъ въ управленіи лодкой. Наконецъ, размѣстившись по мѣстамъ, мы отчалили отъ берега и пустились въ наше плаваніе, быстро несясь, по нѣсколько мутноватой отъ промывокъ на золотыхъ пріискахъ, расположенныхъ на нѣкоторыхъ изъ притоковъ Пита, прозрачной его водѣ. Скоро мы достигли устья рѣки Кадры, шириною до 20 сажень, и завернули за находящійся въ устьѣ низенькій, поросшій тальникомъ островокъ, чтобы осмотрѣть разставленные тамъ морды—рыболовный снарядъ, сплетенный изъ вѣтокъ или прутьевъ вербы или тальника. Въ двухъ мордахъ мы нашли пару небольшихъ харіузовъ, линя и небольшого, фунтовъ на пять, тайменя, которыхъ и уложили въ находившійся съ нами походный котелокъ, для будущаго обѣда. Выйдя изъ устья Кадры на главное русло Пита, мы увидали, что наша большая лодка сидитъ на мели, протянувшейся почти во всю ширину рѣки отъ праваго ея берега. Воды на этой отмели было около $\frac{3}{4}$ аршина, тогда какъ главная струя рѣки или фарватеръ былъ подѣ лѣвымъ берегомъ, около котораго мы плыли. Рабочіе, управлявшіе большой лодкой, почти совсѣмъ не знали рѣки, да и плыли безъ всякой осторожности, а потому и наскочили на отмель. Мы вынуждены были къ нимъ подѣхать и помогли дружными усиліями сняться имъ съ отмели. Лодки тронулись снова въ путь; наша плыла впереди, а большая лодка, съ поклажей, плыла сзади насъ, держась нашего курса, чтобы снова не попасть на отмель или на камень. Такъ плыли мы безъ всякихъ приключеній верстъ съ десять до Косаго порога. Берега рѣки имѣли довольно однообразный характеръ: высокія сланцевыя горы сопровождали теченіе рѣки, лишь кое-гдѣ отступая нѣсколько въ сторону, образуя въ такихъ мѣстахъ неширокую, болотистую долину, поросшую кустарникомъ или еловымъ и пихтовымъ лѣсомъ. Береговая эта долина падала въ рѣку крутыми ярами и на крутыхъ заворотахъ рѣки была сильно занесена беспорядочными массами пловучаго лѣса, нанесеннаго сюда вешними высокими водами. На четвертой верстѣ отъ Кадры мы обогнули довольно большой островъ съ хорошимъ покосомъ. Островъ этотъ, длиною около версты, раздѣлялъ рѣку на два протока, изъ которыхъ правый былъ мелкій и не широкій, лѣвый же составлялъ главное русло рѣки. Ниже этого острова, до самаго устья р. Вегуды, нѣтъ уже болѣе удобныхъ для сѣнокоса луговъ, такъ какъ берега рѣки обрывисты и горы сжимаютъ рѣку съ обѣихъ сторонъ, оставляя только неширокую окраину берега. Не доѣзжая версты до

Косаго порога, съ обѣихъ сторонъ рѣки, въ особенности съ праваго ея берега, показались огромные валуны известковаго сланца, береговья же горы, состоящія изъ этой же горной породы, стали тѣснить съ обѣихъ сторонъ рѣку, круто, а мѣстами даже отвѣсно падая въ нее скалами. Пить, дѣлая въ порогъ крутой поворотъ вправо, казался издали какъ бы запертымъ со всѣхъ сторонъ горами и какъ бы уходящимъ подъ отвѣсно нависшіе надъ нимъ известковые бѣлые утесы. Вскорѣ такіе же огромные бѣло-сѣрые валуны стали всюду выростать изъ русла рѣки и послышался шумъ бушующаго вдали порога. Поверхность рѣки, до того совершенно гладкая, сдѣлалась волнистой, и короткія, прыгающія во всѣхъ направленіяхъ волны покрыли поверхность рѣки во всю ея ширину. Шумъ и ревъ порога быстро приближались къ намъ на встрѣчу, и лодки, подкидываемыя во всѣ стороны неправильнымъ волненіемъ, летѣли съ быстротою 20 верстъ въ часъ. Нашъ зимовщикъ-лоцманъ, стоя съ багромъ въ рукѣ на носу лодки, зорко наблюдалъ за ея ходомъ, покрикивая на двухъ гребцовъ и на рулевого, которымъ былъ ѣхавшій со мною приказчикъ, умѣвшій управляться съ рулемъ, а также и на плившихъ вслѣдъ за нами въ другой лодкѣ рабочихъ. Гребцы сильно наваливали на весла и работали, что говорится, въ потъ лица, а рулевой отчаянно загребалъ своимъ правильнымъ весломъ то справа, то слѣва. Огромные сѣрые камни всюду выглядывали изъ воды, заливаемые пѣнящимися волнами, которыя, въ свою очередь, ударяясь въ лодку, обдавали насъ брызгами. Ширина рѣки замѣтно уменьшилась и въ самомъ порогѣ, судя на глазъ, едва достигала 25 сажень.

— Ребятюшки, навались! — громко кричалъ зимовщикъ. — А ты, рулевой, смотри, держи все влѣво! Эй вы тамъ, удалые! — окрикивалъ онъ во всю мочь своего голоса плившихъ на задней лодкѣ, — не зѣвай, вали за нами прямо, греби шибче, сейчасъ плита будетъ.

И точно, дѣло было самое критическое. Длинный низменный каменный мысъ справа, разсыпавшійся множествомъ огромныхъ валуновъ, почти наискось перерѣзывалъ рѣку, оставляя узкій проходъ у лѣваго берега, въ свою очередь упиравшагося въ рѣку огромными плитами сѣро-бѣловатаго известковаго сланца, а въ самой серединѣ рѣки, у самаго фарватера, торчала полузаливаемая набѣгавшими волнами длинная известковая плита, оставлявшая узенькій, не болѣе 3-хъ, 4-хъ сажень проходъ между собою и лѣвымъ береговымъ утесомъ. Высокія волны, напиравшія на эту каменную гряду всей силой теченія рѣки у лѣваго берега, образовали обратное теченіе и водовороты, крутившіеся зловѣщими воронками. Плохо было бы намъ, если бы мы не попали въ узкій проходъ, ворота порога, а налетѣли бы на коварно

выглядывающую изъ набѣгавшихъ на нее волнъ плиту. Образовавшійся у каменьевъ въ порогѣ бурунъ, бросавшій нашу лодку какъ щепку изъ стороны въ сторону, захлестывалъ ее своими пѣнистыми валами. Еще одно мгновеніе — и лодка наша, черпнувъ изрядно носомъ воды, снова выпрямилась и юркнула въ узкій проходъ и, быстро завернувъ вправо, въ одинъ мигъ миновала порогъ, который ревѣлъ и грохоталъ уже за нами. Также счастливо проскользнула за нами и вторая, большая, наша лодка. Еще нѣсколько минутъ быстро неслись мы по расширявшемуся тутъ ложу рѣки, мимо высокихъ, отвѣсно падающихъ въ рѣку сѣрыхъ скалъ лѣваго ея берега, и затѣмъ выплыли на болѣе спокойную воду, благополучно одолѣвъ единственное и нѣсколько опасное препятствіе въ нашемъ плаваніи.

— Молись Богу, ребята, славно проплыли порогъ! не хуже правскихъ остяковъ, — весело говорилъ зимовщикъ гребцамъ. — Ну, теперь и трубочки закурить можно, отдыхайте, теперь насъ Пить самъ понесетъ до шивера.

Рабочіе перекрестились, положили весла въ лодку, отерли струившійся съ ихъ лицъ потъ и принялись набивать махоркой свои коротенькія трубочки-носогрѣйки.

— Теперь плыви хоть безъ весель, до самаго Тихаго плеса, а тамъ опять придется джеже грести, — стоять въ немъ вода словно въ озерѣ и не видно, какъ рѣка течетъ. Отдыхайте, отдыхайте, родимые, — одобрительно говорилъ зимовщикъ гребцамъ, усаживаясь поудобнѣ на носу лодки. — Въ Тихомъ-то плесѣ опять придется пораждать хозяину, чтобъ за-свѣтло на Брянку приплыть да выспаться хорошенько, — продолжалъ зимовщикъ.

— Ну, а какъ же вы обратно-то черезъ порогъ пойдете, съ лодками? — спросилъ я нашего лоцмана.

— Дѣлать нечего, придется помаяться, — отвѣчалъ онъ. — Лодку-то придется тащить бичевой всѣмъ народомъ, да на одной-то бичевѣ не утащишь, придется тащить двумя: больно ужъ онъ сердить въ межень-то бываетъ, того и гляди бичеву порветъ, — отвѣчалъ зимовщикъ. — Да намъ-то еще съ полгоря, лодка почитай поидетъ пустая, а вотъ когда къ намъ хлѣбъ-то на зимовье доставляли, такъ мыкали горе лодчаники. За весь-то день деньской едва-едва осиливали порогъ, такъ съ зари до зари и маялись. Много горя принимали лодчаники въ этомъ Косомъ порогѣ! Настоящій онъ Косой порогъ. Въ вешнее половодье куда его легче проходить: почитай, всюду дороги, да и не замѣтно его, такъ только волнение небольшое, а каменьевъ-то и знать незнать, плыви гдѣ хочешь.

— Какъ же въ межень то плавали большія лодки съ хлѣбомъ, паузились, поди? — спросилъ я.

— Гдѣ тутъ въ межень большой лодкѣ пройти? На Брянкѣ лодку разгружали, перегружали муку въ мелкія посудины пудовъ по сту, по полтора, да въ этакихъ и доставляли, да и то отъ Брянки до зимовья трое сутокъ шли, а вѣдь и сорока пяти версть нѣтъ. А все онъ, Косой, виновать; чтобъ ему пусто было!

— Ну, это Косой, а ты вотъ на Таврикульскомъ попробуй, замѣтилъ одинъ изъ гребцовъ.

— Таврикульскій! огрызнулся зимовщикъ.

— Да ты видалъ ли его когда? Знать, не видалъ, что спрашиваешь. На Таврикульскій-то и самъ водяной упарится подыматься. Его, братъ, ни въ какой посудинѣ не одолѣешь. Ужъ на что тунгусы или бѣглецы съ пріисковъ, да и тѣ пѣшкомъ его обходятъ.

И дѣйствительно, существующій на р. Питу другой значительно болѣе опасный, нежели Косой порогъ,—порогъ Таврикульскій, расположенный между устьями впадающихъ въ р. Пить рѣчекъ Аяхты и Таврикуля, почитается почти непроходимымъ порогомъ.

Онъ начинается еще нѣсколько выше устья р. Аяхты и тянется почти что болѣе пяти версть за р. Таврикуль, при устьѣ которой гранитныя скалы имѣютъ самыя причудливыя формы и очертанія. Тамъ, на вершинѣ горы, стоящей на лѣвой сторонѣ устья Таврикуля, одна изъ скалъ имѣетъ совершенно правильную форму стола объ одной средней ножкѣ. Другая скала имѣетъ видъ острокопечной пирамиды, на вершинѣ которой покоится огромный гранитный валунъ, грозящій ежеминутно свалиться въ долину. Правая при устьѣ Таврикуля гора, совершенно засыпанная его узкую долину огромными камнями и валунами, представляется какимъ-то разрушеннымъ древнимъ замкомъ, а самое русло рѣки Пита, сжатого здѣсь горами, унижено громадными гранитными глыбами темносѣраго цвѣта, между которыми узкими струями съ ревомъ и пѣною стремится клокочущая рѣка. Теченіе въ Таврикульскомъ порогѣ неправильное; онъ, можно сказать, вовсе не имѣетъ фарватера, вода быстро стремится извилистыми каналами между огромныхъ глыбъ гранита на протяженіи болѣе пяти версть. Еще въ большую воду, весною, можно рискнуть проплыть порогъ на небольшой лодкѣ съ опытными пловцами, какъ напримѣръ мѣстные тунгусы, да и то надо имѣть зоркій глазъ и немалую смѣтку, чтобы не наскочить невзначай на какой-нибудь подводный камень. Натуралистъ, докторъ Маакъ, бывшій въ пятидесятыхъ годахъ въ сѣверной тайгѣ, вздумалъ спуститься Таврикульскимъ порогомъ, въ августѣ, послѣ сильныхъ дождей и когда въ рѣкѣ было многоводе, — едва не погибъ со всѣми людьми и только какимъ-то чудомъ спасся отъ гибели, но его лодка

со всѣми его вещами и коллекціями пропала, разбившись въ дребезги о камни.

Черезъ часъ времени, какъ мы выплыли изъ Косаго порога, мы достигли устья рѣки Вегуды, значительнаго праваго притока р. Пита, имѣвшаго при устьѣ до 25 сажень ширины. Здѣсь мы пристали къ берегу, чтобъ сварить нашу уху и выпить чаю, а съ тѣмъ вмѣстѣ дать пообѣдать и нашимъ людямъ, тѣмъ болѣе, что уже было около двухъ часовъ дня.

Пока разводили огонь и варили уху, я бродилъ по покрытому мелкою галькою питскому берегу, чтобы размяться отъ не весьма удобнаго сидѣнья въ лодкѣ, но прогулка эта продолжалась не долго, ибо цѣлыя тучи назойливыхъ мошекъ и большихъ желтоватыхъ комаровъ рѣшительно не давали покою, и я вынужденъ былъ вернуться къ нашему костру, чтобы въ дыму его укрыться отъ нападенія несносныхъ насѣкомыхъ. Поѣвши съ грѣхомъ пополамъ ухи, въ которой вмѣсто перцу плавало множество попавшихъ въ нее мошекъ, мы живо собрались, усѣлись въ лодки и поплыли далѣе, не желая быть заживо съѣденными нашими крылатыми врагами и только, когда очутились на срединѣ рѣки, они нѣсколько оставили насъ въ покоѣ. Ниже Вегуды, по правому берегу Пита, возвышается круто падающая въ него стѣна красноватаго известковаго сланца, а черезъ рѣку протянулась небольшая гряда камешевъ, впрочемъ, не опасная для плаванія и замѣтная лишь по болѣе усиленному теченію воды, съ небольшимъ шумомъ и волненіемъ переливающейся черезъ камни, между грядами которыхъ имѣются широкіе и глубокіе проходы. Это такъ называемый Вегудскій шиверъ. Отъ впаденія рѣки Кондышимо, устья которой не видно изъ-за протянувшегося у лѣваго берега Пита длиннаго, поросшаго травкою и тальникомъ невысокаго острова, начинается такъ называемое Тихое плесо, простирающееся болѣе шести версть въ длину. Здѣсь русло Пита расширяется болѣе четверти версты въ ширину, и рѣка имѣетъ такое тихое теченіе, что кажется, какъ будто она совсѣмъ не течетъ, а стоитъ безъ движенія, какъ въ озерѣ.

— Ну, вотъ и Тихое плесо начинается, сказалъ зимовщикъ, приналягте, ребяташки, на весла, да гребите дружище, порадыте хозяину.

Ребяташки приналегли на весла, и досталось же имъ не мало поработать руками, такъ какъ лодка еле-еле двигалась въ этой лѣнливой водѣ. Цѣлыхъ два часа перегребали мы это скучное, длинное, широкое плесо, пока рѣка снова не сжалась подступившими къ ней съ обѣихъ сторонъ горами. Кончилось это плесо небольшимъ шиверомъ, въ которомъ, однакоже, не мало торчало изъ воды камешевъ,

образовывавших порядочный прибор и неправильное волнение, но не мѣшавших нашему плаванію, такъ какъ между грядями скалъ имѣлся широкій и удобный проходъ. Ниже шивера, имени котораго я не могъ узнать, теченіе рѣки дѣлалось снова покойнымъ и болѣе медленнымъ. Часа черезъ два плаванія отъ этого шивера, показалось, наконецъ, на высокомъ пригоркѣ правой береговой возвышенности деревянное строеніе, одноэтажный, значительныхъ размѣровъ, домъ съ мезониномъ, а пониже его, у берега рѣки, амбары, кузница и другія строенія. На лѣвомъ берегу рѣки видѣлись одноэтажныя, довольно большія казармы—это и было такъ называемое Усть-Брянское зимовье, цѣль нашего питскаго плаванія.

У обоихъ береговъ Пита стояло также нѣсколько большихъ и малыхъ лодокъ и два небольшихъ палубныхъ каюка. Все это вмѣстѣ взятое представляло довольно оживленную картину посреди совершенно дикой, пустынной, хотя и не лишенной красоты, мѣстности. Вскорѣ мы пристали къ правому берегу рѣки, противъ самаго зимовья, миновавъ устье небольшой, шумливой рѣчки Брянки. Встрѣченные на берегу обитателями зимовья, мы пошли по извиистой горной дорожкѣ къ высившемуся съ мезониномъ строенію, которое было станціоннымъ домомъ для прѣзжающихъ. Въ мезонинѣ его жилъ зимовщикъ съ своимъ семействомъ, а нижній этажъ, состоящій изъ 4-хъ свѣтлыхъ, довольно уютныхъ комнатъ былъ предназначенъ для прѣзжающихъ. Меблировка этихъ комнатъ, напоминала городскую, и вообще зимовье это было несравненно лучше и комфортабельнѣе, чѣмъ наши южно-системскія зимовья. Все показывало тароватость сѣверныхъ золотопромышленниковъ и любовь ихъ къ удобствамъ. По приходѣ на зимовье, насъ помѣстили въ лучшихъ его комнатахъ, куда занесли и нашъ багажъ и вслѣдъ за тѣмъ подали чай со свѣжими булками и московскими сухарями. Сервировка чая, посуда, столовое бѣлье и затѣмъ поданный ужинъ, состоящій изъ трехъ блюдъ: ухи, жареной рыбы и гречневой каши съ сливочнымъ масломъ и превкуснымъ молокомъ,—все свидѣтельствовало, что здѣшніе зимовщики совсѣмъ другого пошиба люди, чѣмъ наши южно-системскіе. и что они приучены къ другимъ, лучшимъ порядкамъ и требованіямъ, что, впрочемъ, вскорѣ подтвердилось въ лицѣ явившагося ко мнѣ самого зимовщика, одѣтаго ни въ какую-нибудь убогую сермягу, а совершенно по городски, какъ будто бы это былъ не зимовщикъ, а какой-нибудь значительнаго таежнаго ранга приисковый служащій. И дѣйствительно, здѣшніе зимовщики, проживающіе по обоимъ почтовымъ таежнымъ трактамъ, въ большинствѣ случаевъ другого склада люди, нежели южные ихъ

собратья. Они и развитѣе, и оборотистѣе, и состоятельнѣе, занимаются доставкой и перевозкой кладей на прииски, торгуютъ сѣномъ, котораго ставятъ за лѣто значительное количество, держатъ почтовыхъ лошадей, возятъ таежную почту и прѣзжающихъ и имѣютъ лодки, занимаются рыболовствомъ, поторговываютъ пушшиной, водочкой и всякимъ товарцемъ, а при случаѣ «золотою крупкой». Словомъ, ничѣмъ не брезгаютъ и, какъ говорится, молотятъ рожь на обухѣ. Поэтому у такого зимовщика и хозяйство устроено хорошо, есть достаточно коровъ, птицы домашней, хороший огородъ, есть даже таежные экипажи, вьючныя и верховыя сѣдла и десятка полтора, а не то и два лошадей.

Между здѣшними зимовщиками были такіе оборотистые люди, которые сколачивали преизрядные капиталы и сдѣлались впоследствии золотопромышленниками и, наживъ хорошія деньги, вышли въ люди. «Не всѣмъ такой фартъ, какъ питскому зимовщику В., бывшему зотовскому конюху, говорилъ мнѣ усть-брянскій зимовщикъ, ну, да вѣдь и нашъ братъ не обиженъ Создателемъ, и кабы не карты проклятыя, да не Енисейскъ, то жить можно было бы припѣваючи».

— А все, поди, въ старые годы лучше было, когда богатыя К^о въ тайгѣ водились, да золото мыли сотнями пудовъ въ лѣто?—спросилъ я.

— Оно конечно, тогда компаніоны съ ихъ комисіонерами денегъ не считали, зря на вѣтеръ бросали, а теперь стали куда прижми-стѣй, да и комисіонеровъ не держать, а такъ, простенькихъ управляющихъ изъ бывшихъ служащихъ, да нарядчиковъ, а все и теперь старательному, обиходному человѣку жить можно, да пожалуй еще и лучше прежняго. Прежде-то денегъ точно много обирали, ну да онѣ и шли тоже зря, на вѣтеръ; а теперь деньга-то туже дается, ну и бережется лучше.

Нашъ усть-брянскій хозяинъ хотя и не былъ еще Крезомъ, но уже стоялъ на дорогѣ къ процвѣтанію, такъ какъ Усть-Брянка, конечная питская пристань постояннаго питскаго судоходства, и лежитъ хотя на упраздненномъ въ послѣднее время почтовомъ трактѣ, но все же не совсѣмъ заброшенномъ; тѣмъ болѣе, что трактъ этотъ отъ Усть-Брянки находится въ лучшемъ состояніи, чѣмъ Ново-Нифантьевская нынѣшняя приисковая дорога. Хозяинъ нашъ былъ настолько гостеприименъ, что за ужиномъ предложилъ даже какъ угощеніе водку съ закусками и енисейскаго издѣлія «мадеру» и «хересь» съ заманчивыми этикетками на бутылкахъ. Словомъ, мы какъ будто бы были не на таежномъ зимовьѣ, а на порядочно устроенномъ золотомъ приискѣ.

— Хорошо вы тутъ на Брянкѣ живете!—сказалъ я зимовщику.

Точно не зимовье, а прииск какой богатый! Вы бы по Брянк-то шурфишек пару выбили, быть может, золото оказалось бы доброе?

— Да ужь и били, и не одинъ, да все что-то плохія знаки получались. Нѣтъ, вотъ на Камеро надо переѣхать, тамъ, сказываютъ, на С—вскомъ приискѣ золотишко доброе водится. Попросить надо будетъ М. К., не отдасть ли его въ аренду или на золотники. Похлопочите за меня, Н. В., у М. К.: онъ вашъ сродственникъ, можетъ, и отдасть!

Но я отговорилъ своего хозяина отъ этой пустой затѣи насчетъ прииска по Камеро, такъ какъ тамъ по развѣдкѣ у М. К. никакого «добраго золотишка» не оказалось.

Тотчасъ послѣ ужина въ комнату ко мнѣ внесли цѣлую грудку подушекъ и перину и превратили нашу горницу-салонъ въ спальню, со всѣми возможными въ тайгѣ удобствами. Я съ вечера распорядился привести въ порядокъ мой экипажъ и, назначивъ свой отъѣздъ съ зимовья въ семь часовъ утра, немедленно улегся спать, утомленный питскимъ путешествіемъ и вдоволь настрадавшись отъ назойливости докучливыхъ комаровъ и кровожадныхъ мошекъ. Несмотря на утомленіе, я заснулъ, какъ убитый, подъ чуть слышный шумъ, доносившійся до меня, быстро текущей, порожистой Брянки, — раздававшійся гдѣ-то тамъ, подъ горой, на которой стояло такъ гостепріимно пріютившее меня зимовье.

За золотымъ руномъ.

I.

— А когда мы это, Н. В., отправимся въ походъ, — такъ спросилъ меня служащій мой Гордѣй Ивановичъ, онъ же Гордеонъ, на языкѣ рабочихъ. — Вода теперь спала, трава маленько подросла, пора-бы и въ путь.

— Да, чего же торопиться, — возразилъ я, — вѣдь вотъ еще и въючныхъ лошадей и сѣделъ нѣтъ, да и Петрушка-тунгусъ не появлялся. Какъ же безъ него?

— Э, да лошадей и сѣдла мы живо добудемъ, у Ивана Карлыча попросите — дасть, да и много ли надо: три коня, да четыре деревянные, да своихъ есть до пятка, а что до Петрушки, такъ и безъ него пройдемъ.

— Ну, ужь и пройдемъ, хвастаешься, — возразилъ я.

— Ничуть не хвастаюсь, мало ли по тайгѣ бродить приходилось, — отвѣчалъ увѣренно Гордѣй.

Гордѣй былъ отчаянный таежникъ и перебывалъ во многихъ поисковыхъ партіяхъ, съ лѣсомъ и тайгой былъ хорошо знакомъ, былъ расторопный, смѣлый и смѣливый и въ тайгѣ неоцѣненный человѣкъ, но въ городѣ или вообще въ жиломъ мѣстѣ никуда почти не годился, ибо пилъ горькую и рѣдко бывалъ трезвъ, впрочемъ, въ послѣднее время и тутъ сталъ улучшаться, сталъ крѣпиться и пересталъ уже такъ безобразно распускать себя. На долго ли, впрочемъ, ибо у этого присковаго служащаго люда разгулъ въ жиломъ мѣстѣ, будь то городъ или деревня, сталъ правиломъ, исключенія бывали рѣдки. Да и какъ быть,

въ прежнее время, о которомъ я пишу (половина пятидесятихъ годовъ), еще сохранились свѣжія преданія о гомерическиххъ пирахъ и кутежахъ господъ «компаніоновъ», какъ называли тогда здѣсь золотопромышленниковъ, какъ напримѣръ, братьевъ Зо — хъ, Г. С., М. Р. и tutti quanti, быстро изъ ничего разбогатѣвшихъ, а потому кутившихъ во-всю. Игра въ карты, безпашное пьянство и разгулъ заражали не только служащихъ, приказчиковъ, но и рабочихъ, и въ первое послѣ расчета время въ городахъ, селахъ и деревняхъ шель кутежь, что называется, дымъ коромысломъ.

— А вѣдь и вправду, Гордѣй Ивановичъ, чего намъ зѣвать, время теплое, погода прекрасная, пойдѣмъ-ка въ поиски, въ страны незнаемыя, авось и обрѣтемъ какую ни на есть Колхиду. Съѣзжу-ка я сегодня къ Ивану Карловичу, авось раздоберется и дастъ лошадокъ и вьючныя сѣдла.

— Да вы ужъ тамъ чаю, сахару и сухарей, да и мяса вяленаго прихватите, своего-то не хватить, а пока что, мы здѣсь шурфы-то добьемъ, да и маршь въ походъ, и то какъ бы кто не пришелъ раньше насъ, да не займилъ площадь.

— Ну, кто туда, въ эту трущобу, теперь пойдетъ, у всѣхъ на умѣ теперь промывка золота, партій поисковыхъ посылать некогда, это вѣдь по осени — другое дѣло, время тогда свободное и люди есть залишніе.

— Не скажите, тоже вѣдь зарятся на хорошее-то золото, и лестно открыть его всякому.

— Да ты почему знаешь, что тамъ хорошее золото; бывалъ что-ли съ кѣмъ?

— Бывать-то не бывалъ, а слышать — слыхалъ. Была тамъ гдѣ-то около тѣхъ мѣстъ Рязановская партія; рабочіе сказывали, что знаки были хорошіе, да шурфовъ не доби́ли, вода одолѣла, да и приказчикъ былъ неопытный.

— Ну, братъ, рабочимъ-то вѣрить надо съ оглядкой, у нихъ вездѣ хорошее золото; врать, братъ, они мастера. Ихъ послушать, такъ чуть-ли не на каждой рѣчкѣ хорошее золото.

— Ну, да вѣдь, какъ вамъ угодно, а намъ здѣсь дней черезъ пять дѣлать будетъ нечего. Сила наша не велика; а вода въ шурфахъ озойная, не совладаешь. Все равно, придется уходить назадъ.

Надо сказать, что мы съ Гордѣемъ развѣдывали отведенную уже нашей компаніи площадь въ долинѣ значительной таежной рѣки Е., гдѣ дѣйствительно былъ сильный притокъ воды и гдѣ нашей развѣ-

дочной партіи, состоящей изъ 12 человѣкъ, пришлось очень потрудиться и все-таки многихъ шурфовъ, въ особенности въ ближайшемъ разстояніи отъ русла рѣки, пришлось не добить до постели розмши, удовольствовавшись верхними слоями золотосодержащаго пласта.

На другой день поѣхалъ я къ Ивану Карловичу на богатый Маринскій пріискъ, въ то время начинавшій только разрабатываться, и видно, попалъ къ нему въ добрый часъ, ибо онъ не только далъ трехъ нехватавшихъ намъ лошадей и деревянные вьючныя, но снабдилъ насъ вяленнымъ мясомъ, сухарями и всѣмъ, чѣмъ было нужно и чего у насъ нехватало.

— Ну, куда это вы запасааетесь, — допрашивалъ меня Иванъ Карловичъ, — ужъ не въ поиски ли?

— Какое въ поиски, некогда намъ этимъ заниматься, — схитрилъ я. — Вотъ любопытные шурфы подошли, придется недѣлку, другую лишка остаться, а за всѣмъ этимъ посылать некого, да и далеко до нашего пріиска, а вы, какъ добрый сосѣдь, помогите.

— Отчего не помочь, когда можно да есть изъ чего. Къ тому же и вы, молодой человѣкъ, какъ вижу, дѣловитый, надо такую молодежь поощрять; охотно помогу, посылайте завтра своего вѣрнаго Личарду-Гордѣя. Дѣльный онъ малый, да бѣда одна — пьяница горькій.

— Ну, здѣсь у насъ въ тайгѣ и пить-то нечего, у меня и водка-то вся, почитай, вышла, да вѣдь и я не люблю пьяницъ, самъ тоже не пью.

— Такъ-то оно такъ, а все же безъ водки въ тайгѣ нельзя, я и водки дамъ бутылочку, другую.

— Только, Бога ради, Гордѣю ни капли водки. Вѣдь пропаду я тогда.

— Ну, Гордѣй водки у меня не увидитъ, со своимъ конюхомъ пришлю.

Отобѣдавши у гостепріимнаго Ивана Карловича, обрусѣвшаго нѣмца, женатаго на русской, я живо покотилъ домой на своемъ бойкомъ Лысанкѣ, въ сопровожденіи моего друга, монгольскаго длинношерстаго пса Тунгусеньки. Обрадовался и Гордѣй моимъ вѣстямъ, и на другой день съѣздилъ къ Ивану Карловичу съ нѣсколькими рабочими, принялъ лошадокъ, которыя, кстати сказать, оказались не заморышами, а добропорядочными таежными коньками, привезъ и сухарей, и мяса, и сахарку, чай и даже для меня бѣлыхъ сухарей и банку варенья. Это ужъ была любезность супруги Ивана Карловича. Гордѣй былъ ни въ одномъ глазѣ. Дня черезъ три, окончивъ шурфовку, мы собрались въ походъ. Партія наша состояла изъ 12 рабочихъ, одного конюха, 2 плотниковъ, Гордѣя и меня. Лошадей у насъ было съ десятокъ, на трехъ ѣхали: я, Гордѣй и конюхъ, а семь шло подъ вьюками. Двѣ изъ вьючныхъ заняты были подъ горный инструментъ и такъ-называемыя

водоотливныя машинки, т. е. небольшія помпы или насосы, трубы которых у насъ были изъ гуттаперчи, а не изъ желѣза, какъ обыкновенно дѣлается. Тутъ же лежалъ нашъ немудрый скарбъ,—котелки, чайники мѣдные и прочій плотничій инструментъ, гвозди и подковы запасныя, на остальныхъ пяти лошадяхъ были навьючены ржаные сухари, вяленое мясо, крупа гречневая, соль, чай кирпичный, немного сахару, рукавицы, сало говяжье и прочее «баракло». Всея клади у насъ набралось пудовъ съ 75, почему пришлось ѣхать не скоро, а шагомъ, да и дорога-то была таежная тропа. Первыя 20 верстъ проѣзжали мы долиной р. Е., ея берегомъ или по откосамъ, окрестныхъ долинъ горъ, чтобы избѣжать излишнихъ изгибинъ рѣки. На первомъ привалѣ, близъ впадающей въ рѣку Е. быстрой горной рѣчки, мы наѣхали на тунгусскій таборъ, гдѣ и справились о нашемъ вожакѣ Петрушкѣ-тунгусѣ. Узнали, что онъ стоитъ со всеѣмъ своимъ чумомъ на устьѣ рѣчки Т., гдѣ промысляетъ рыбу. До этой рѣчки намъ оставалось идти еще 10 верстъ съ небольшимъ, что мы и сдѣлали въ тотъ же день, и около вечера были уже у Петрушкина чума. Петрушка былъ дома и очень, казалось, намъ обрадовался. Полагаю, главную причину радости была надежда раздобыться и полакомиться водкой, такъ какъ онъ твердо былъ убѣжденъ, что таковая у насъ непременно находится. «Здравствуй, другъ» — ухмыляясь привѣтствовала Гордѣя Петрушка, не высокаго роста чумазый, печесаный и, полагаю, никогда не мытый, среднихъ лѣтъ тунгусъ, съ специфическимъ тунгусскимъ запахомъ,—смѣсь дыма, грязи и рыбы или чего-то особеннаго, тунгусскаго.

— Что же ты, Петрушка, насъ падулъ, не пришелъ къ намъ, какъ обѣщаль, мы вотъ и безъ тебя пошли въ поиски. Не хорошо обманывать!

— Зачѣмъ обманывать, на этихъ дняхъ пришелъ бы, да подкормить оленей хотѣлъ, за зиму-то больно отощали. А это кто съ тобой, Гордѣй Ивановичъ? — спросилъ Петрушка, показывая на меня.

— Это мой молодой хозяинъ Л.

— Здравствуй, здравствуй,—засуетился Петрушка,—вотъ пожалуй къ намъ въ чумъ, оленьимъ молокомъ свѣжимъ угощу, уху сваримъ, рыбки взжаримъ.

— Спасибо, только дай намъ коней разсѣдлать, да размѣститься на ночлегъ. Да у тебя тутъ и травы-то нѣтъ хорошей, а намъ траву надо лошадей кормить.

— А вотъ на острову трава хорошая, какъ разъ напротивъ чума, да и на другомъ берегу трава добрая, подросла уже.

Мы слѣзли съ лошадей и саженьяхъ въ пятидесяти отъ чума выше на высокомъ, яристомъ берегу Е. устроили свой станъ. Рабочіе

живо натаскали хвороста, нарубили дровъ и развели два костра. Мы съ Гордеемъ устроились подъ развѣсистой елкой, подстлали подъ себя потники и тюменской работы коверъ, подъ головы положили сѣдла и подушки, все пѣнные пожитки и припасы сложили тутъ же и заварили въ мѣдномъ чайникѣ чай. Я пошелъ въ Петрушкинъ чумъ, около котораго уже стоялъ на привязи олень, котораго доила тунгуска, жена Петрушки. Оглянувъ ея никогда немытыя, черныя отъ грязи руки, которыми она доила оленя, причѣмъ нещадно дымила изъ своей желѣзной трубки какой-то смѣсью махорки, я содрогнулся при мысли пить оленье молоко, надоенное такими «чистыми» руками, и потому наотрѣвъ отказался отъ угощенія, говоря, что не любитель молока. Чтобы утѣшить огорченнаго моимъ отказомъ хозяина, я взялъ у него пару рябчиковъ и нѣсколько харіузовъ, за что пообѣщаль его угостить водкой и надѣлать фунтомъ табаку. Это его вполне утѣшило. Вернувшись къ себѣ и усѣвшись пить чай съ ржаными сухарями и даннымъ мнѣ вареньемъ супругой добраго Ивана Карловича, мы тотчасъ же были осчастливлены появленіемъ Петрушки со всеѣми его домашними, усѣвшимися на корточки въ нашемъ сосѣдствѣ.

— Чай съ сахаромъ, — молвилъ Петрушка.—Поди, усталъ, ѣхаль къ намъ, не близко вѣдь отъ вашей развѣдки до насъ.

— Ну, что-за усталъ. Не хитро проѣхать 30 верстъ. Что же идешь завтра съ нами?

— Отчего не идти, коли хорошо заплатишь.

— Да вѣдь, ты ужъ уговорился съ Гордѣемъ Ивановичемъ.

— Что съ Гордѣемъ уговариваться, вотъ ты—хозяинъ, съ тобой надо уговориться.

— Вишь вѣдь, куда плуть гнетъ, — сказалъ Гордѣй, — нѣтъ ужъ вы, Н. В., не сговаривайтесь, не пойдетъ и не надо, безъ него дойдемъ.

— Слышишь, Петрушка, что Гордѣй Ивановичъ говоритъ, я съ тобой разговаривать о цѣнѣ не стану; Гордѣй Ивановичъ тутъ главный, а я вѣдь у него въ подручныхъ.—Петрушка не вѣрилъ этому, но такъ какъ я показывалъ Гордѣю особые знаки вниманія, то Петрушка убѣдился, что съ насъ взятки гладки.

Угощаясь чаемъ, мы угостили имъ Петрушку и его грязную, печесаную супругу, а двумъ его подросткамъ-мальченкамъ дали по бѣлому сухарю и куску сахара. Это очень тронуло родительскія сердца, а когда былъ переданъ Петрушкѣ обѣщанный за рыбу и дичь табакъ и сверхъ этого ему и супругѣ его поднесено по чаркѣ водки, благодарности не было конца; вторая чарка, данная уже одному Петрушкѣ, изъ которой онъ однакоже удѣлилъ частицу своей женѣ, совершенно его растрогала.

— Теперь, — сказалъ онъ, — будь по-твоему, Гордѣй Ивановичъ,

значить, завтра на зарѣ отправимся, чтобъ къ вечеру дойти до мѣста. Дорога теперь хорошая, сухая, большая, можно сказать, дорога, два олень бѣжалъ, два собакъ бѣжалъ, только вотъ на хребтѣ болото будетъ. Мнѣ, значить, за проводку красненькую, 3 фунта табаку, да большой кирпичъ чаю. А тамъ что хозяинъ на милость пожалуетъ.

— Заслужишь, и хозяинъ пожалуетъ, — прибавилъ я.

— Ну, вотъ и ладно, айда по домамъ, спать пора.

Уха и рябчики поспѣли, ихъ намъ подали, первую въ мѣдномъ котелкѣ, а вторыхъ на берестѣ. Я вынулъ свой походный футляръ, въ которомъ заключались серебряная ложка, ножикъ и вилка. Петрушка и его семья зорко приглядывались ко всѣмъ моимъ движениямъ и перешептывались между собою на родномъ ихъ языкѣ. Ужинъ нашъ длился недолго, живо съѣдена была уха и рябчики, кости отъ которыхъ съ жадностью съѣлъ мой вѣрный песъ Тунгусинька.

Послѣ ужина, закуривши папироску и давъ одну Петрушкѣ, я спросилъ его насчетъ медвѣдей и часто ли онъ съ ними встрѣчается и какъ обходится въ случаѣ встрѣчи, не попадутъ ли намъ на дорогѣ эти хозяева тайги, тѣмъ болѣе, что ружье, да и то дробовикъ, было у одного только Гордѣя, самъ же я всегда ѣздилъ по тайгѣ безъ всякаго оружія.

— Медвѣдь теперь добрый, — отвѣчалъ Петрушка, — вотъ какъ изъ берлоги вылѣзаетъ, такъ злой бываетъ съ голоду, да и ѣсть-то ему въ тайгѣ нечего, теперь ужъ всякаго коренья вдоволь, поотѣлся немного. На той вотъ недѣлѣ попался намъ одинъ, да мы его спугнули, убѣжалъ въ сторону. Добрый вѣдь онъ звѣрь, не обижаютъ, коли его не обидишь.

— Ну, братъ, тамъ разговаривай съ нимъ, какъ на тебя пойдетъ.

— Э, да вѣдь у меня винтовка, да и пальма при мнѣ, не очень тоже ему со мной разговаривать-то можно. А на хребтѣ, куда завтра пойдемъ—водятся, да все больше муравьятники. Эоть-то не очень страшень.

— Тоже не скажи, у насъ славно муравьятникъ одного рабочаго ободралъ, — сказалъ Гордѣй.

— Опломаешь самъ, такъ обдеретъ. У васъ вотъ, хозяинъ, собака-то поди лкбого медвѣда остановить, вишь вѣдь кака большущая.

— Не знаю, каково съ медвѣдемъ будетъ справляться, не встрѣчались съ нимъ, да и молода еще, — сказалъ я.

— Медвѣдь выучить, — сказалъ Гордѣй. — У насъ на Демидовскомъ зимовьѣ Тугунку такъ выучилъ, что на диво, собакой-медвѣжатникомъ стала. Тоже молода была. Пришелъ это медвѣдь къ зимовью, а Тугунка, зимовщицья собака, и выскочи на него, да такъ на него и лѣзетъ. Ухватилъ медвѣдь кочку, да какъ швырнетъ ея въ собаку, да

такъ ловко потрафилъ, что Тугунка и ноги протянулъ. Вышелъ зимовщикъ съ ружьемъ, выстрѣлилъ въ медвѣда, да видно маху далъ, однакоже медвѣдь ушелъ. Взялъ онъ бѣднягу Тугунку, отнесъ въ зимовье, водой окатилъ, Тугунка и отошелъ, однако недѣлю безъ заднихъ ногъ лежалъ, ни встаетъ, ни сидитъ, ничего не ѣстъ. Отлежался однако и поправился. Взялъ его къ себѣ управляющій Демидовскій, и такая охотничья собака стала, на диво. Пошелъ онъ съ Тугункой на пиванью въ лѣсъ, этакъ съ версту отъ пріиска, ружья не захватилъ, глядь—большущій бурый медвѣдь. Что дѣлать, а вотъ тутъ Тугунка и показала свою удалъ и науку. Всталъ на заднія лапы Мишка, а Тугунка его хватъ за ляжки, и пристѣлъ медвѣдь и ни съ мѣста. Управляющій побѣжалъ домой, зарядилъ ружье пулей и бѣжить къ медвѣдю, а Тугунка заливается лаемъ, а медвѣда держитъ на мѣстѣ. Чуть хочетъ подняться бурый, а онъ снова за ляжки, да такъ до прихода назадъ управляющаго и держалъ. Ну, тутъ ему сейчасъ и рѣшеніе вышло, съ 25 шаговъ управляющій уложилъ бураго на мѣстѣ и теперь съ Тугункой не разстается.

Однако какъ ни длинень іюньскій день въ тайгѣ, а солнце уже стало закатываться. Надъ рѣкой подымался легонькій туманъ, узкая долина рѣчки Тугуньмы давно уже погрузилась въ тѣнь, какъ и сошедшія нади, наша широкая долина тоже начала погружаться въ сумракъ свѣтлой іюньской ночи, птички примолкли, только на острову, куда перегнали стреноженныхъ лошадей на пастьбу, раздавалось бряканье боталовъ, звонки колокольцевъ и звяканье ширкунцевъ, надѣтыхъ на лошадей.

Рабочіе поужинавъ курили трубки, нѣкоторые уже храпѣли или разговаривали вполголоса.

Наконецъ и наши гости ушли въ свой чумъ, мы же, завернувшись въ наши шинели и полущубки, старались уснуть, закрывъ лицо отъ комаровъ носовымъ платкомъ, хотя средство это оказалось непрактично, — пришлось завести около каждаго изъ насъ по небольшому дымокуру, которые хотя своимъ дымомъ ѣли глаза, зато совѣтъ отогнали комаровъ. Вскорѣ весь нашъ бивакъ погрузился въ глубокой сонъ, лишь шумѣла и рокотала рѣка на своихъ миниатюрныхъ переборахъ, переливаясь черезъ ихъ каменные гряды.

II.

Несмотря на іюнь, ночь была прохладная, а передъ восходомъ солнца сдѣлалось такъ свѣжо, что мы невольно проснулись и тотчасъ встали. Оправившись и умывшись изъ чайника ключевой водой, сдѣ-

дали распоряженіе перевести съ острова лошадей и приготовить чай. Рабочіе тоже поднялись: холодокъ всѣхъ поднялъ на ноги. Кто бѣжалъ на рѣку мыться, кто разводилъ потухшій костеръ, кто укладывалъ вещи, кто отправился за лошадьми на островъ. Туманъ курился надъ рѣкой, всѣ окрестныя пади и долины были окутаны густой дымкой тумана, но вершины горъ золотились уже восходящимъ солнцемъ. Въ воздухѣ чувствовалась сырость и прохлада, но день обѣщалъ быть жаркимъ и яснымъ. Вскорѣ закипѣлъ нашъ чайникъ, и мы усѣлись распивать чай. Явился Петрушка во всемъ своемъ оружіи; за спиной его болталась самодѣльная винтовка, — тунгусы мастера дѣлать свои нехитрыя ружья, — въ рукѣ у него была пальма.

— Чай съ сахаромъ, господа; пришелъ какъ-разъ къ сроку, — сказалъ нашъ будущій вожакъ.

— Садись-присаживайся, давай свою чашку, налью тебѣ чайку, — сказалъ я.

Ухмыляясь во всю свою неказистую, изрытую оспой, физиономію, подсѣлъ къ намъ Петрушка.

Между тѣмъ рабочіе тоже засѣли за чай, и черезъ полчаса чаепитія началась выючка лошадей; вскорѣ весь нашъ караванъ былъ приведенъ въ порядокъ и тронулся въ путь. Впереди шелъ Петрушка, сзади его ѣхалъ Гордѣй, затѣмъ я, за мною конюхъ съ двумя выючными въ поводу, остальныхъ выючныхъ вели рабочіе. Такъ какъ долина р. Е., гдѣ мы ночевали, была болотиста, то мы шли берегомъ рѣки, мимо Петрушкина чума, гдѣ еще всѣ спали, хотя былъ уже пятый часъ утра. Дойдя до устья р. Т., мы повернули по ней вправо и шли ея русломъ, которое теперь было не болѣе полутора или двухъ сажень ширины, хотя ложе рѣки было значительно шире. Вотъ мы и шли этимъ каменисто-галечнымъ ложемъ, чтобъ не брести по болоту; дойдя до начала долины р. Т., гдѣ она вступаетъ уже въ обрамляющія ея долину горы, мы вскарабкались на береговой ея яръ и пошли, пересѣкая ея долину, къ правой горѣ и попали въ такую топъ, что лошади вязли въ ней по брюхо. Хорошо еще, что ширина этой топи не превышала 25 сажень, да и то мы бились здѣсь съ выюками около часу времени. Наконецъ, достигнувъ правой горы, мы пошли вверхъ по долинѣ рѣчки Т. возлѣ самой горы и нерѣдко взбирались даже на ея косогоры для избѣжанія топкихъ болотистыхъ мѣстъ. Между тѣмъ солнце уже было высоко, воздухъ обогрѣлся, и стало дѣлаться жарко, туманъ исчезъ, въ воздухѣ разливался пріятный запахъ ели, пихты и сосны, рѣчка весело журчала отъ насъ влѣво, а мы все по-маленьку поднимались вверхъ по ея долинѣ, которая становилась все уже и уже. Вскорѣ подошли къ мѣсту, гдѣ долина эта раздѣлилась на двѣ отлоги, и мы взяли вправо, продолжая постепенно подыматься. Долина сгузи-

лась до 20 сажень и стала каменистой и довольно сухой, и черезъ часть она представляла изъ себя сухой логъ не болѣе 5 сажень шириной. Отсюда начался подъемъ на хребетъ, который оказался довольно-таки крутымъ, хотя за то и совершенно сухимъ. Горы были покрыты хвойнымъ лѣсомъ, преимущественно сосной, лиственницей; попадались кое-гдѣ ели, пихты и сибирскій кедръ и жиденскій подлѣсокъ изъ кустовъ березняка, жимолости и ольхи. Подымаясь постепенно въ гору, мы достигли гарей, гдѣ свирѣпствовали когда-то лѣсной пожаръ. Здѣсь лѣсъ уже стоялъ въ печальномъ видѣ, полуобгорѣлый, масса лежачихъ колодь отъ упавшихъ деревьевъ, поверженныхъ бурями, перегораживала намъ путь и заставляла лошадей или перепрыгивать черезъ нихъ, или обходить ихъ. Черезъ нѣсколько времени мы совершенно какъ будто бы взлѣзли на вершину хребта и отсюда стали виднѣться горы въ разныя стороны. Вправо отъ насъ къ сѣверо востоку стоялъ высокій хребетъ, на нѣкоторыхъ его гольцахъ лежалъ еще снѣгъ, прямо и нѣсколько лѣвѣе также виднѣлся высокій горный кряжъ, а еще лѣвѣе обозначались менѣе высокія, въ безпорядкѣ разбросанныя, горы.

— Петрушка! — закричалъ я, — какіе это гольцы бѣлѣются вправо?

— Это Чиряты видать, далеко они отъ насъ, верстъ съ полсотни будетъ, напрямикъ идти, въ день не дойдешь, а вотъ прямо-то высокій хребетъ, это тамъ Олинчимо-рѣка. Вотъ туда-то намъ и дорога будетъ.

— А далеко она, Отлинчимо эта?

— Э, да къ вечеру дойдемъ. Вѣдь еще впереди два перевала будетъ.

Въ это время бѣжавшій впереди Тунгусинька заливался неистовымъ лаемъ. Сначала думали, что или бѣлка или глухарь; подѣхали мы съ Гордѣемъ къ собакамъ и вдругъ видимъ на большой лиственницѣ, на одномъ изъ суковъ ея, сидятъ два медвѣженка. Гордѣй мой живо выхватилъ ружье и уже приготовился стрѣлять, но мнѣ жалко стало бѣдныхъ звѣрей, да вдобавокъ я имѣлъ въ виду мечь ихъ маменьки, которая за смерть своихъ чадь могла бы намъ надѣлать немало хлопотъ. Я остановилъ разрушительные порывы Гордѣя, и звѣрьки остались цѣлы, но Тунгусинька еще долго лаялъ подъ деревомъ и нагналъ насъ, когда мы уже спускались съ хребта. Между тѣмъ почва становилась все болотистѣе и болотистѣе; наконецъ, мы попали въ настоящее болото, которымъ пробирались съ великимъ трудомъ, въ особенности выюки. Эти нагорныя болота сплошь и рядомъ встрѣчаются на теменіи таежныхъ хребтовъ и причиною ихъ служатъ непронускающая воду глина, покрывающая эти плоскія вершины горъ.

Наше болото тянулось съ добрую версту, пока не начался спускъ съ горы, который былъ въ началѣ крутъ и обрывистъ. Наконецъ мы очутились въ вершинѣ ключа, по которому и продолжали спускаться до самаго впаденія его въ рѣчку, гдѣ, выбравъ болѣе сухую площадку на косогорѣ, мы и сдѣлали приваль. Да и пора было дать отдыхъ людямъ и лошадямъ; былъ уже десятый часъ дня, и жара сдѣлалась томительной, да и нашъ брегеть, желудокъ, требовалъ подкрѣпленія. Вьюки были тотчасъ сняты, лошади остались неразсѣданными, но мы ихъ всѣхъ стреножили, за исключеніемъ моей, Гордѣи и конюха, которыхъ привязали къ дереву, давъ имъ по порціи сухарей. Живо былъ разведенъ огонь и устроенъ костеръ, а также нѣсколько дымокуровъ отъ безчисленныхъ роевъ комаровъ, оводовъ и прочаго таежнаго «гноуса».

— Какъ эту рѣчку зовутъ, Петрушка?

— Кочеликаномъ,—отозвался онъ.

— Да вѣдь Кочеликанъ впалъ въ Е., пониже Татьяновки,—сказалъ Гордѣи.

— Это другой Кочеликанъ, тотъ отъ насъ вправо верстъ за 20 остался, если не больше. Это другой, тутъ тоже партія осенью стояла, вотъ тамъ, пониже, верстъ за пять отсюда.

— Ну, и что же — нашли золото?

— Кто ихъ знаетъ, говорятъ, ничего будто не нашли.

Я отправился осмотрѣть ближайшую долину рѣчки, въ руслѣ которой бѣлѣлись и желтѣли валуны кварца и попадалось немало обломковъ слюдянаго и глинистаго сланца. Рѣчка была не широка, не болѣе 3 аршинъ, а долина ея не превышала 20—25 сажень. Здѣсь, очевидно, было ея верховье.

Отдохнувъ часа два, мы снова пустились въ путь; было уже около полудня, когда стали вновь подниматься въ гору по маленькой ложбинкѣ.

Конечно читатель догадается, что мы все время шли цѣликомъ, безъ всякой дороги, какъ говорится, напрямикъ, хребтами. Тунгусы очень часто дѣлаютъ, для сокращенія пути, подобныя путешествія и никогда не сбиваются съ дороги, выходя къ мѣсту назначенія безъ ошибки. Вотъ такимъ-то прямымъ путемъ и вель насъ Петрушка.

Снова ползли мы на хребетъ, пересѣкавшій нашъ путь; гора впрочемъ не особенно была высока, зато болотиста и вся покрыта валежникомъ отъ прошедшаго здѣсь лѣснаго пожара и буреломовъ. Пробираясь между стволами упавшихъ деревьевъ или перескакивая черезъ нихъ, мы попадали въ жидкую грязь, гдѣ ноги лошадей вязли до лодышки. Вьючные наши кони здѣсь немало потрудились; иную, увязшую въ болотѣ между валежникомъ, приходилось вытаскивать и развьючивать,

по наконецъ всему бываетъ конецъ, такъ и нашему мученью наступило окончаніе, и мы стали спускаться въ какую то неширокую долину, по которой и направились далѣе.

— Петрушка, не наша ли это рѣчка?—закричалъ я ему.

— Нѣтъ еще, это ключикъ небольшой, мы его пройдемъ, тогда станемъ подниматься на хребетъ, за которымъ и будетъ Кото.

— Ужъ и надоѣло же мнѣ это болото,—сказалъ я;—кажется, лишниихъ бы десять верстъ проѣхалъ, лишь бы не по болоту хлюпаться.

— Да куда жъ проѣхать, когда никакой дороги нѣтъ,—молвилъ тоже дремавшій и уставшій Гордѣи. Въ это время собака моя взяла въ сторону и залилась лаемъ. Гордѣи проснулся и приободрился.—Ну, какъ бы опять не медвѣжата, ужъ пусть бы глухари что-ли оказались, вотъ бы и жаркое было — промолвилъ онъ, вынимая изъ чехла ружье.

И точно, оказались глухари, преспокойно сидящіе на деревѣ и ворчливо глядѣвшіе на лающую собаку. Но не успѣлъ Гордѣи еще книмъ подѣхать и прицѣлиться, какъ грянулъ выстрѣлъ, и обѣ птицы грохнулись съ шумомъ на землю. Это былъ выстрѣлъ Петрушкинъ и очень, какъ видно, удачный.

— Ахъ ты, подлець, вырвалъ у меня жаркое изъ рукъ!—закричалъ Гордѣи.

— Не безпокойся, будетъ у насъ жаркое, Петрушка тебѣ же ихъ поднесетъ въ чайниіи водочной порціи. Это и случилось. Петрушка съ торжествомъ поднялъ глухарей, прикончивъ раненаго одного изъ нихъ, и съ улыбочкой поднесъ ихъ мнѣ въ подарокъ.

Между тѣмъ мы снова стали подниматься въ гору, и на этотъ разъ подъемъ былъ крутой, но, къ счастью, почва подъ ногами была твердая. Галечная осыпь, хотя и заставляла лошадей усиленно карабкаться, но все же онѣ не тонули въ грязи. Подъемъ далѣе сдѣлался отложе, но продолжался добрыхъ полтора часа. Весь хребетъ этотъ былъ покрытъ листовнымъ, отчасти кедровымъ, березовымъ и осиновымъ лѣсомъ и довольно былъ сухъ, даже на темени его болота были незначительны, и мы весело его проѣхали даже кое-гдѣ рысдой, благо лѣсъ былъ несплошной, а довольно рѣдкій.

Спускъ съ хребта вначалѣ былъ довольно крутъ, но мы скоро вѣхали съ сухой ложокъ, которымъ и продолжали подаваться впередъ. По мѣрѣ нашего спуска, ложокъ превратился въ узкую, каменистую ложбинку, по которой рокоталъ по камнямъ ручей; берега его были покрыты толстымъ слоемъ мха и кустарникомъ таволги. Ручей затѣмъ превратился, отъ впаденія въ него сбоку такого же ручья, въ быстро текущую рѣчку, долина его расширилась, но зато была вся почти пере-

валена камнями и валунами черного глинистаго сланца и бѣлаго кварца, такъ что съ трудомъ пришлось выбирать дорогу для ѣзды.

— Что это, Петрушка, Кото что-ль?

— Нѣтъ еще, это рѣченка, которая впала въ Кото, а до Кото еще версты три или четыре.

Всѣ эти три или четыре версты, при нетерпѣннн моемъ добраться до обѣтованнаго Кото, показались мнѣ чуть не десяткомъ верствъ. Вотъ виденъ мысъ горы, ну, думаешь, конецъ рѣчужки, глядишь — а она все тянется да тянется. Опять мысъ или поворотъ долины. Ну, вотъ и Кото наконецъ. Опять не тутъ-то было, опять поворотъ. Просто, злость беретъ. Наконецъ и ручью нашему насталь конецъ, впереди долина расширилась, и за ней показался поперечный нашему направленію крутой хребетъ.

— Вотъ и Кото, — вскричалъ Петрушка,

— Веди туда, гдѣ трава водится, да мѣсто посуше для стану, — закричалъ я ему.

— Ну, баринъ, тутъ травы-то поискать надо, а что до сухоты, то здѣсь вездѣ сухо, вотъ пониже этой рѣчки славное есть мѣстечко: и сухо, и красиво, и воды даже немного, и травы есть, на ночь конямъ хватить.

Такъ мы и сдѣлали; выйдя въ долину Кото, мы перешли близъ устья нашу рѣчку, по которой спускались, и въ полуверствѣ вышли на полого-склоняющійся къ руслу Кото косогоръ, весь поросшій лиственницей, кедрами и мелкимъ кустарникомъ. Долина Кото противъ этого мѣста представлялась довольно широкой, до ста сажень, сама рѣчка была около 2 сажень шириной и шумно бѣжала по каменистому ложу, переполненному валунами бѣлаго, розово-бѣловатаго и изрѣдка желтаго кварца, глинистаго сланца и бурыхъ желѣзняковъ. Выбравъ ровное мѣстечко близъ рѣки, мы мигомъ соскочили съ лошадей порасправить наши усталые члены и, въ ожиданіи прихода вьюковъ, сѣли на мягкомъ мху покурить папиросы, привязавъ нашихъ коней къ сосѣднимъ деревьямъ.

— Съ прибытіемъ поздравляю, — молвилъ Петрушка, — въ добрый часъ золото найти.

Гордѣй мой уже рыскалъ по долинѣ рѣчки, мѣрилъ ее шагами, собиралъ обломки горныхъ породъ и, вернувшись къ намъ, сталъ ихъ пристально разсматривать и что-то соображать. Вскорѣ затѣмъ пришли наши вьюки и наши рабочіе, и работа на нашемъ стану закипѣла. Гордѣй тотчасъ распорядился сдѣлать для насъ шалашъ изъ нарубленныхъ молодыхъ березъ, и не прошло часу, какъ ужъ четыре подобныхъ шалаша стояли на площадкѣ, образуя собою букву П, открытою стороною которой она была обращена къ рѣчкѣ. Два шалаша стояли рядомъ и по

одному съ cadaго изъ боковъ. Нашъ шалашъ былъ болѣе всѣхъ другихъ, такъ какъ въ него сложена была и вся наша поклажа, въ остальныхъ трехъ помѣщались рабочіе. Въ серединѣ огороженной шалашами площадки возвышался костеръ, на которомъ приготавлился нашъ и рабочихъ обѣдъ и гдѣ грѣлись чайники для чая. Одинъ изъ рабочихъ былъ нашимъ всеобщимъ поваромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сторожемъ и дроворубомъ, и шорникомъ, и даже чуть ли не фельдшеромъ. Лошади были всѣ стреножены и пущены на пастбу. Пока все это приводилось въ исполненіе, солнышко сѣло, и сумерки стали наступать въ то время, какъ мы окончили предварительное устройство нашего стана. Напившись чаю и поужинавъ, нашъ станъ погрузился въ глубокой сонъ, такъ какъ всѣ чувствовали сильную усталость, сдѣлавъ слишкомъ 40 верствъ по очень затруднительному пути. На другой день мы встали съ восходомъ солнца, прибрались и, позавтракавъ, отправились съ Гордѣемъ, Петрушкой и однимъ плотникомъ осматривать площадь; ѣхали конечно верхами, прочимъ людямъ велѣли заправить горный инструментъ, плотнику — изготовить машинки. По разпросамъ у Петруши оказалось, что рѣчка Кото отъ 25 до 30 верствъ длиною, что мы стояли по крайней мѣрѣ въ 7—8 верстахъ отъ ея истока, что она принимаетъ въ себя немало ключей и другихъ мелкихъ рѣчекъ. По осмотрѣ же площади, которую мы изслѣдовали до устья рѣки, оказалось, что площадь долины, гдѣ мы стояли станомъ, имѣетъ до ста сажень ширины и въ такой мѣрѣ держится версты четыре до впаденія въ рѣку рѣчки малаго Кото справа, далѣе же долина рѣки расширяется до 150 сажень на протяженіи трехъ верствъ, а ниже сжата приблизившимися другъ къ другу хребтами до 40 сажень, но ниже этой тѣснины, которая тянулась не болѣе версты, долина снова расширялась и, чѣмъ далѣе къ устью, тѣмъ становилась шире и близъ устья рѣчки достигла до 200 сажень. Выше нашего стана площадь долины постепенно суживалась и уже въ одной верствѣ становилась не шире 50 сажень. Какъ опытный развѣдчикъ, Гордѣй рѣшилъ развѣдку ниже устья малаго Кото и поставилъ починный столбъ нашей заявки у верхняго конца тѣснины, а окончательный и второй столбъ поставилъ пятью верстами выше перваго; такимъ образомъ мы заняли сразу двѣ площади.

Вернувшись къ полудню изъ нашей экскурсіи, мы, усталые, измученные жарой и насѣкомыми, немного отдохнули, пообедали, выспались и часа въ два послѣ полудня, раздѣлившись на двѣ партіи, пошли съ Гордѣемъ размѣрять наши заявки. Гордѣй взялъ пять рабочихъ, плотника, длинную веревку сажень въ шестьдесятъ для размѣра площади, я — точно такое же количество людей и такую же веревку. Онъ пошелъ на нижнюю площадь, я — на верхнюю. Начиная отъ вто-

раго явочнаго столба, у котораго я приказалъ вырыть установленную горными правилами заявочную яму, я началъ отмѣривать по 250 сажень и у каждой полуверсты назначалъ выбить установленный заявочный шурфъ; такимъ образомъ, я прошелъ промѣромъ пять верстъ и въ концѣ поставилъ окончательный явочный столбъ съ надписью: «Окончательный пунктъ приска, явленнаго на такого-то, тогда-то». Вернулись мы домой часамъ къ шести вечера совершенно утомленными и измученными; комары и мошки насъ заѣли совсѣмъ, потъ лилъ градомъ, хотя въ долину за деревьями было не такъ жарко, но прыганье по кочкамъ, камнямъ и корягамъ изнурило меня въ конецъ. Такимъ образомъ, формальныя стороны дѣла были сдѣланы, и площади законно заняты.

За чаемъ мы принялись съ Гордѣемъ обсуждать, гдѣ намъ лучше начать развѣдку, и рѣшили, что въ широкомъ мѣстѣ пока не стоитъ, ибо тамъ могли и не натолкнуться на росыпь, а потому положили выбить шурфа два или три противъ стана, гдѣ долина рѣчки не была такъ широка и кромѣ того, почему-то на нашъ взглядъ казалась привлекательной; тутъ, по словамъ Гордѣя, и «шкварецъ», т. е. кварцъ, былъ желтѣе и желѣзняку довольно и сланецъ не такъ грубъ, словомъ, всѣ признаки, что тутъ-то и нужно искать золота. На завтра Гордѣй взялъ 6 рабочихъ и заложилъ въ линію отъ нашей стороны, черезъ долину къ правой горѣ, три шурфа, одинъ подъ самымъ уваломъ, гдѣ стоялъ нашъ станъ, другой черезъ 15 сажень и третій точно въ такомъ же разстояніи отъ втораго. Плотники пошли тесать и рубить крѣпи для крѣпленія шурфовъ, промывальщикъ прилаживалъ на рѣчкѣ свой походный вашгердъ, для промывки пробъ, а съ остальными людьми Гордѣй ушелъ на нижнюю площадь пробивать узаконенныя для заявокъ форменныя шурфы. Шурфы эти были такъ, скорѣе для виду, ибо возможно ли было выбить нашей командой шурфы до почвы или даже до пласта, въ особенности имѣя двѣ маленькія помпы для отливки воды съ глубины 4 или 4½ аршинъ. Конечно, мы исполняли неисполнимыя на практикѣ, но требуемыя закономъ формальности. Петрушку мы, вознаградивъ половиною платой, отпустили домой, наказавъ ему придти къ намъ черезъ десять дней. Такъ началась наша развѣдка долины р. Кото. Работая усердно, рабочіе наши въ первый же день на заданныхъ трехъ шурфахъ углубились отъ 2 до 2½ аршинъ, и вотъ показались послѣ синей иловатой глины буроватые рѣчники. Сейчасъ же изъ этихъ рѣчниковъ вернувшійся къ вечеру Гордѣй промылъ по ведру, въ которомъ мы считали до пуда вѣсу песковъ, но золота не оказалось, за то въ двухъ шурфахъ, лежащихъ въ серединѣ долины, показалась вода. На слѣдующій день мы эти шурфы, чтобъ не осыпались, стали крѣпить палями, т. е. стоячими

крѣпями изъ жердника, и поставили въ нихъ наши водоотливныя машины. Къ обѣду этого дня углубились еще на полъ аршина въ каждомъ шурфѣ, и бурые рѣчники смѣнились синеватыми рѣчниками глинистаго сланца, съ примѣсю галекъ кварца и желѣзняка. Вода усилилась настолько, что люди съ одного шурфа сведены были на средній шурфъ, гдѣ уже установили обѣ машинки. Первый же шурфъ былъ еще сухой, и въ немъ продолжались тѣ же буроватые, связанные отчасти глиной рѣчники. Этотъ шурфъ мы углубили еще на полтора аршина, а второй на одинъ аршинъ. Беря съ каждаго полъ аршина пробы, мы и тутъ не нашли признаковъ золота. На слѣдующій день отливъ воду изъ средняго шурфа, что взяло у насъ два часа времени, мы стали углублять нашъ шурфъ; и вотъ появился сѣроватый, довольно связанный слой рѣчниковъ, изъ котораго по пробѣ получили признаки золота до 10 долей содержанія во ста пудахъ песку.

— Добрый знакъ, — молвилъ Гордѣй, — видно, здѣсь быть золоту, — и повеселѣлъ духомъ. Первый шурфъ тоже углубили на аршинъ и тоже дошли до сѣрыхъ рѣчниковъ, въ которыхъ получили тоже признаки золота, но за то и въ немъ показалась вода. Теперь пришлось всѣмъ работать на одномъ шурфѣ, такъ какъ вода въ среднемъ шурфѣ усилилась, но мы ее все-таки одолѣвали и еще на аршинъ углубили шурфъ; сѣрые рѣчники продолжались, но золото не увеличивалось въ нихъ, и пробы были такого же достоинства, какъ и ранѣе. На слѣдующій день, рабочіе, отливъ воду къ обѣду, стали углублять шурфъ, но, пробивъ полуаршинный слой, наткнулись на плотный слой сланцевыхъ скалъ, значить, дошли до постели росыпи; слой рѣчниковъ, который они пробивали, оказался еще болѣе убогимъ по содержанію. Итакъ, первый нашъ блинъ вышелъ комомъ, шурфъ добила до почвы, песковъ нашли до 2 аршинъ, но сложное ихъ содержаніе оказалось менѣе десяти долей, что уже совсѣмъ плохо. Стали добывать третій шурфъ, но вода насъ здѣсь одолѣла, и мы ни до чего не добились, потративъ напрасно одинъ рабочій день. Затѣмъ обратились къ первому шурфу и здѣсь, проработавъ день, такъ же наткнулись на сланцевыя скалы, по-здѣшнему ребровикъ, но и тутъ золота оказались только признаки. Плохо стало выглядѣть наше дѣло, и мы повѣсили, какъ говорится, носы. Рѣшили выбить еще два шурфа къ противоположной горѣ, до которой отъ третьяго шурфа оставалось долины еще до 50 сажень. Эти шурфы мы пробивали до золото-содержащаго пласта два дня, прошли этимъ пластомъ по аршину; аршинъ этотъ оказался съ содержаніемъ долей на десять, но далѣе углубляться не могли, — насъ выжила изъ шурфовъ вода, и мы вынуждены были ихъ оставить, хотя въ крайнемъ, ближайшемъ къ горѣ, шурфѣ стали находиться крупныя обломки глинистаго сланца безъ

всякой примазки глины, что тоже могло служить признакомъ близости почвеннаго слоя. Такъ незамѣтно прошла недѣля и даже болѣе, но результаты нашей развѣдки были ничтожны. Между тѣмъ провізія наша стала приходить къ концу, и на всю команду ея оставалось много на 3 или 4 дня. Явился и Петрушка двумя днями ранѣе и явился очень кстати, такъ какъ намъ долѣе оставаться на Кото было немислимо. И вотъ, уничтоживъ предварительно наши явочные столбы, чтобъ не мѣшать другимъ заявлять Кото, забравъ наши пожитки, мы выступили изъ нашего лагеря, — утромъ на девятый день отъ начала нашего похода, — въ обратный путь. Теперь мы пошли другой дорогой. Сначала мы шли долиной Кото до ея истока и стали подыматься на хребетъ, отдѣляющій ее отъ долины р. Кочеликана. Поднявшись на этотъ водораздѣльный хребетъ, что заняло у насъ времени до поздняго обѣда, мы стали спускаться въ верховья Кочеликана и по его долинѣ направились внизъ къ его устью. Уже очень поздно мы достигли р. Е. и остановились здѣсь на ночлегъ, близъ самаго впаденія въ нее рѣчки Кочеликана. За чаемъ мой Гордѣй Ивановичъ пустился въ важные геологическаго свойства вопросы и изясненія о причинахъ нашей неудачи. — Да и какъ быть тутъ золоту, гдѣ были шурфы? — замѣтили Н. В. — какое тутъ крутое паденіе у площади, я прикидывалъ, вышло аршинъ на 16—20 сажень. Вѣдь тутъ все снесло и дальше осадило, вотъ въ этомъ котлѣ, что выше тѣснины. Вотъ тутъ надо было искать.

— Такъ почему же ты заложилъ шурфы не тамъ, а еще опытный разыскатель прозывается?

— Да намъ бы тамъ ни одного шурфа не добить. Турфа (т. е. пустые наносы) толстые, поди, аршинъ 5—6, а то и больше, пески не меньше 2—3 аршинъ, вѣдь тамъ, поди, вотъ какъ осаживало наносы передъ этими воротами. Водища въ шурфахъ поди такая, что и думать нечего намъ ее одолѣть, да и машинки наши, если бы изъ двухъ пришлось составить одну, такъ намъ и тогда болѣе 8—8½ аршинъ не пробить, длина ихъ не позволяетъ. Нѣтъ, вы посудите сами, какъ и быть тутъ золоту... Во-первыхъ, крутихъ; значить, его сорвало и вынесло; во-вторыхъ, повыше линіи мысъ, ну его, т. е. золото, непременно отнесло влѣво, какъ разъ на тотъ склонъ, гдѣ стоялъ нашъ станъ, вотъ гдѣ намъ надо было пощупать; въ-третьихъ, и породы здѣсь грубыя, шкварцу малость, все черный да грубый сѣрый сланецъ, да желѣзнякъ, пластъ словно гвиллой шиферъ, безъ связи или съ очень малой связью, да и связь-то какая-то илистая, а подпочвенный ребровикъ почитай безъ примазки. Ну, конечно, и не должно было быть тутъ золоту, оно или въ покатоности, гдѣ мы стояли, и безпремѣнно въ

этомъ котлѣ, что повыше сжима. Вишь вѣдь тутъ его какъ осадило, словно въ озерѣ.

— Такъ-то такъ и все можетъ быть, а все съ пустыми руками жаль ворочаться.

— Ишь вы чего захотѣли! Чтобъ на каждой вамъ рѣчкѣ было золото. Жирно будетъ!

— Ну, что жъ и было бы хорошо, а то что народу на поискахъ разорилось, сколько денегъ-то закопали задаромъ.

— Ничего не подѣлаешь, вотъ вѣдь и въ нашей компаніи 150 присковъ, а много ли съ золотомъ-то настоящимъ, — десятокъ или полтора наберется, а остальные тоже, поди, пустые, такъ зря захвачены. Вообще я, какъ вижу, тутъ у васъ въ тайгѣ одно счастье орудуешь, нашель — ладно, не нашель — прочь пошель.

— Не скажите, счастье-то счастьемъ, ну, тоже и смекалку надо имѣть, да и понаторѣть въ поискахъ, на породы горныя поглядѣть.

— Да гдѣ вы горнымъ-то породамъ учились, вѣдь вы въ горныхъ школахъ не бывали. Такъ, сами по себѣ, самоучки.

— Конечно, самоучки! А что вы думаете, ваши горняки-то открыли тутъ хоть одинъ какой путный промыселъ. Ни одного. Кто у насъ въ Енисейской тайгѣ золото открылъ, — Машаровъ, Канскій купецъ, Жмаевъ, заводскій человекъ, и все вотъ этакіе простые, но опытные люди со смекалкой. Въ Минусь, Ачинскѣ, Томской тайгѣ тоже первыми открывателями были либо уральскіе приказчики, либо штейгера, либо простые мѣщане, а про вашихъ обученныхъ горняковъ и слыхомъ не слыхать, чтобы они что-либо нашли. Вотъ тутъ ихъ было нѣсколько, и ни одинъ ничего не сдѣлалъ; въ карты играть, шампанское дуть они большіе мастера, а золото открывать — ни Боже мой. Да зачѣмъ далеко ходить, вотъ на рѣчкѣ-то нашей А. стоялъ вашъ горнякъ, шурфовалъ и ничего не отыскалъ «Нѣтъ», — говорить, — «тутъ ничего». Я же его нашель, да и какое золото, вотъ какъ ужъ мыть будемъ, поглядите. Да не только золото искать, и добывать-то его они не смыслятъ, вонъ въ прошломъ лѣтѣ сколько ихъ генераль-то губернаторъ сюда въ науку прислалъ, чтобъ научились, какъ золото-то добывать.

— Да и ты тоже расхвастался! Золото вѣдь случайно было открыто. Кто же изъ васъ, присковыхъ и поисковыхъ приказчиковъ, нашель его сознательно. Одно только счастье. Шаарганъ, Пескинъ, Актоликъ, Севагликонъ все случайно открыли.

— Не скажите, ужъ если правду говорить, то первые золото открыли охотники или бродяги, да и они со словъ остяковъ и тунгусовъ. Ну, и пошель слухъ, что желтый песокъ какой-то нашли, а по слуху пошли искать другіе-прочіе. Однакоже, если гдѣ нѣтъ шкварца,

тамъ не будемъ шурфовать, заранѣе знаемъ, что ничего не будетъ. Вотъ на Точильномъ ключѣ ужь его навѣрное нѣтъ, все жарновикъ, ни кусочка шкварца

Въ такихъ разговорахъ прошло время до ужина, и затѣмъ мы улеглись на покой. Хотя тумана и не было, но сырость съ рѣки такъ и пронизывала всѣ члены. Ясное, синее небо горѣло мириадами звѣздъ, тихо журчалъ Колечиканъ, переливаясь черезъ камни и смѣшивая свои чистыя воды съ мутными водами р. Е. Гдѣ-то въ тайгѣ укалъ цугачъ, да попискивала какая-то ночная пташка, а комары такъ и звенѣли своимъ пескончаемымъ концертомъ, но залетать близко къ намъ не смѣли, потому что мы лежали окутанные дымомъ нѣсколькихъ дымокуровъ. Усталый нашъ лагерь погрузился въ глубокой сонъ, который утѣшилъ насъ, новыхъ аргонавтовъ, въ нашей неудачѣ въ поискахъ за золотымъ руномъ.

Золото наши!

...Осень 1854 года была необыкновенно хороша, — теплая, ясная и сухая. Да и все лѣто, начиная съ 20 мая, погода была превосходная, жаркая и засушливая, такъ что съ 20 мая по 20 іюля не выпало ни одного дождя, но зато Илья Пророкъ насъ, таежниковъ, угостилъ такой грозой и такимъ ливнемъ, какой рѣдко случается въ тайгѣ. После Ильина дня погода опять стояла теплая и ясная. Все было бы хорошо, кабы не засуха и лѣсные пожары, а то дѣло дошло до того, что маленькія рѣки и ключи почти пересохли, да и большія на половину высохли, и промывки или совсѣмъ остановились, или мыли золота наполовину менѣе. У меня, на примѣръ, воду копили въ плотинкахъ два дня и мыли въ третій, и такъ до Ильинской грозы и ливня, который насъ снабдилъ водой на цѣлую недѣлю, но зато потомъ еще хуже бѣдствовали изъ-за безводья. Въ одной изъ моихъ плотинокъ ночевавшее стадо быковъ, которыхъ гнали въ сѣверную тайгу, выпило всю воду, и я не могъ въ ней потомъ скопить воды до самой осени. Опять же дожимали насъ лѣсные пожары; можно сказать, вся тайга горѣла кругомъ, дымъ стоялъ днемъ и ночью, да такой густой и ѣдкій, что и въ комнатахъ отъ него спасенья не было, солнце казалось или розовымъ или краснымъ кружкомъ безъ лучей, зато ни мошки, ни комара, ни другого жалящаго гнуса не было, ибо вся тайга представляла собою обширный дымокуръ, и такъ длилось до Ильинской грозы; послѣ нея пожары потухли, и стало много легче и пріятнѣе. Время было послѣ расчета, свободное, этакъ около Воздвиженья, я сидѣлъ у себя на балконѣ на И. пріискѣ и пилъ чай послѣ обѣда. На пріискѣ нашемъ народу осталась самая малость, а потому было тихо и пусто. Вдругъ вдали, по дорогѣ въ сѣверную тайгу, слышался необыкновенно сильный звонъ колокольцевъ и ширкунцевъ; видимо, кто-то быстро ѣхалъ верхомъ и сильно торопился. Какъ водится, при

этомъ, присковыя собаки подняли неистовый лай. Вотъ звонъ и лошадиный топотъ послышался близехонько, и вскорѣ передъ балкономъ показался нашъ конюхъ на сильно взмыленной лошади. Конюхъ ловко остановилъ лошадь, соскочилъ съ коня и, ведя его въ поводу, приблизился къ балкону и подаль мнѣ какую-то грязную, исписанную карандашемъ бумажку.

— Откуда ты, Иванъ, примчался?—спросилъ я его.

— Отъ Гордѣя Ивановича съ Кунтуяку. Золото нашли, больно хорошее золото, Н. В. Промывальщикъ Малафѣй сказывалъ, экое золото только на Пескиной видалъ. Вотъ въ запискѣ этой Гордѣй Ивановичъ все досконально прописываетъ, что какъ есть.

Извѣстіе это меня удивило и порадовало, но что-то я плохо ему вѣрилъ. Потому же плохо вѣрилось, что Кунтуякъ не разъ развѣдывался другими, давно, правда, но ничего тамъ не находили, а въ добавокъ Гордѣй любилъ и прихвастнуть не въ мѣру. Однакоже надо было познакомиться съ содержаніемъ записки, что представляло немалое затрудненіе—за долгую дорогу карандашъ стерся наполовину, записка промокла и, чтобы ее разобрать, пришлось прибѣгнуть къ увеличительному стеклу.

— Ну, Иванъ, ты поставь лошадь на конный дворъ, а самъ зайди къ становому, скажи, что я велѣлъ тебѣ подать стаканъ водки, отдохни и жди моихъ распоряженій. Иванъ ухмыляясь не уходилъ и что-то маялся на мѣстѣ.

— Ну, что же еще тебѣ надо?

— Да вотъ ребята наказывали, чтобы спросить у васъ по случаю открытія золота... водки на порцію прислать, находку спрыснуть.

— Ну, ладно, ты ступай, тамъ видно будетъ, что надо дѣлать. Иванъ удалился.

Взявъ увеличительное стекло, я сталъ разбирать Гордѣевы іероглифы. Записка гласила слѣдующее:

«Божьимъ произволеніемъ и вашего высокостепенства счастіемъ, приступилъ къ развѣдкѣ, добилъ одинъ шурфъ въ два золотника, второй добиваю тоже ладно, а третій начали. Пришлите припасовъ, чаю, сахару, водки и народу, хотя троихъ съ инструментомъ, да лошадь одну, да свѣчъ сальныхъ, да помпу, хотя малую, да рукавицъ. Сами приѣзжайте, увидите, что Гордѣй не даромъ заявлялъ Кунтуякъ, теперь не скажутъ, что дресвяный прискъ, а скажутъ золотой».

Надо знать, что породы горныя, сопровождающія долину Кунтуяка, составляли граниты и мелкозернистые порфиры съ примѣсью слюдянаго и глинистаго сланцевъ, и что росыпи по свойству своему принадлежали къ дресвянымъ. Оттого на Кунтуякъ никто почти не обращалъ вниманія, ибо всѣ были убѣждены, что гдѣ водится гранитная

порода, тамъ нѣтъ золота. Оттого же и смѣялись надъ Гордѣемъ, когда онъ заявилъ прискъ на Кунтуякъ, что онъ не золотой открылъ прискъ, а дресвяный. Хотя Кунтуякъ находился отъ нашего И. приска въ 80 верстахъ, въ глухой тайгѣ, я рѣшился подкрѣпить Гордѣя, исполнивъ его просьбу, и ѣхать къ нему, чтобы лично убѣдиться въ его открытіи. Отправляя въ концѣ августа Гордѣя на его дресвяную рѣчку, я подговорилъ съ десятокъ рабочихъ остаться въ развѣдкѣ до октября, а потому надо было спѣшить закончить заложенные имъ шурфы, чтобы добиться какого-нибудь результата. Призвавъ своего становаго, честнаго пожилаго нѣмца Ибаха, я велѣлъ ему снарядить нашъ караванъ, чтобы завтра чѣмъ свѣтъ ѣхать къ Гордѣю и всѣ эти 80 версты сдѣлать за одинъ махъ, если только было это возможно, потому что дорога, хотя и таежная, но на Кунтуякъ существовала и по нынѣшнему сухому лѣту была довольно сносная и просохшая.

На другой день, вставъ съ зарей и живо напившись чаю, я выѣхалъ съ приска, въ сопровожденіи двухъ выючныхъ лошадей, конюха Ивана и моего человѣка; трое же рабочихъ были отправлены пѣшкомъ съ строгимъ наказомъ въ два дня поспѣть на мѣсто назначенія. Первая тридцать верстъ была каменистая дорога до Дулижминскаго зимовья; вторая часть пути, 35 верстъ, была частью каменистая, но въ большинствѣ сносная верховая дорога; остальные 15 верстъ шли таежной тропой—по дѣльному таежному лѣсу. До зимовья мы доѣхали скоро и уже въ 8 часовъ утра были тамъ. Лошади были разсѣдланы, выюки сняты, и лошадей стреноживъ пустили на паству около самага зимовья, гдѣ былъ хорошій лугъ. Сами расположились на отдыхъ, занявшись чаепитіемъ и закуской. Въ 10 часовъ утра мы уже вновь были въ сѣдлѣ, но вторые 35 верстъ пришлось сдѣлать уже въ теченіе 5 часовъ времени. Въ три часа дня я приѣхалъ на прискъ Демидовыхъ, гдѣ въ тотъ годъ еще производилась разработка. Остановившись у управляющаго прискомъ, демидовскаго заводскаго человѣка для чаепитія, выюки я отправилъ съ конюхомъ впередъ, оставя при себѣ своего человѣка. На этомъ Демидовскомъ прискѣ царилъ крѣпостническій духъ уральскихъ заводовъ. Всѣ приказчики, начиная съ управляющаго, и всѣ мастеровые и постоянные рабочіе были крѣпостные изъ Тягила, только горные и лѣтніе рабочіе были вольные, но такъ какъ работы по промывкѣ золота были уже окончены, то здѣсь оставались въ большинствѣ только свои заводскіе люди. Все на прискъ было солидно, хотя тяжеловато и грубовато, какъ у Гоголевскаго Собакевича, всѣ ходили въ струнѣ и, несмотря на то, что управляющій былъ такой же крѣпостной, но все передъ нимъ стояло на вытяжку и склонялось ницъ, ибо онъ могъ казнить и миловать по своему произволу. Управляющій оказался очень радушнымъ и госте-

пріимнымъ, онъ угостилъ меня и прекрасными сливками, вкуснымъ печенемъ, вареньемъ, и принялся разспрашивать насчетъ нашей развѣдки. Я отозвался невѣдніемъ, ѣду самъ, молъ, познакомиться съ нею.

— Да, да,—проговорилъ Иванъ Іудовичъ,—такъ звали управляющаго,—вотъ поди жъ ты: 15 лѣтъ лежало мѣсто никѣмъ не занятое, мы-то возлѣ живемъ, по десяти разъ въ годъ зимой, почитай, мимо ѣзжали, и никто изъ нашихъ не подумалъ его занять, пошурфовать, что, молъ, такое за мѣсто это Кунтуякъ. А вотъ пришли люди со стороны, Богъ вѣсть откуда, заняли да еще и золото нашли. Ахъ, стыдъ, ахъ, срамъ какой для насъ, ближайшихъ сосѣдей. Да, не похвально, не похвально. Миѣ-то что, я здѣсь всего — второй годъ, а вотъ Павелъ-то Капитонычъ, который здѣсь 12 лѣтъ на управленіи сидѣлъ, такъ тому стыдно, и въ Тягилѣ, какъ про то узнають, не похвалять, очень даже не похвалять. Теперь его въ отличку повисили въ помощники управителя завода, а какъ узнають про Кунтуякъ, какъ бы къ домнѣ не приставили или въ шахту не угнали. И подѣломъ!

— Да что же такое произошло, за что его, бѣднаго, такъ жестоко казнить?

— Какъ жестоко, подѣломъ, говорю. Экое золото открыто, а онъ даже и не подозрѣвалъ, управляя тутъ, что у него оно подъ носомъ лежало.

— Да вамъ развѣ что извѣстно про золото на Кунтуякъ?

Управляющій лукаво взглянулъ на меня.

— А вамъ что ли ничего не извѣстно?

— Право, ничего положительнаго. Говорять, что-то есть, а что, и самъ не знаю. Вѣдь слухамъ вѣрить нельзя, надо самому убѣдиться. Мало ли въ тайгѣ звонять — золото нашли богатое, а поглядишь — вздоръ одинъ, какая-нибудь крупная золотина одна, а остальное только блендъ одинъ.

— Не скромничайте пожалуйста, я самъ сегодня былъ у Гордѣя и видѣлъ золото. Доброе золото, даже самъ пробу мылъ и убѣдился, что хорошее золото. Положимъ, пока одинъ шурфъ, ну да видать, что тутъ дѣло путное будетъ, съ чѣмъ васъ душевно и поздравляю. Переночуйте, куда жъ вамъ туда торопиться,—и кони устали, да теперь и спать-то въ палаткѣ холодно.

— Нѣтъ, ужъ увольте, оно холодно да не оводно, мошка и комаръ почти пропали. Вотъ назадъ поѣду, такъ ужъ дозвольте переночевать у насъ.

— Съ удовольствіемъ, милости просимъ, рады пріятному гостю.

Лошади наши были уже поданы, и мы съ человѣкомъ поѣхали полной рысью, благо по пріиску версты на двѣ дорога была отличная,

какъ шоссе. Промчавшись эти двѣ версты полной рысью, мы свернули влѣво по ключу, по которому еще съ версту шла порядочная верховая дорога, повернули вправо, переѣхали долинку ключа и стали подыматься въ гору. Подъемъ былъ не дологъ, но крутъ и каменистъ. Проѣхавъ съ полверсты по горѣ, мы стали спускаться въ верховья рѣчки Нижняго Севагликона, по убійственно ужасной дорогѣ. Спускъ былъ крутой, грязный, усыпанъ гальками и валунами чернаго глинистаго сланца, въ концѣ же спуска господствовали валуны сѣраго гранита. Мѣстами мы вели лошадей въ поводу, до того скользили ихъ ноги по каменистой осыпи и до того крутъ былъ спускъ, что кони наши съѣзжали съ него на крупѣ. Когда мы очутились въ долинѣ рѣчки, запертой высокими горами, сдѣлалось порядочно темно. Проѣхавъ версты съ двѣ по долинѣ Севагликона и перебравшись черезъ два впадающихъ въ него ключа, долинки которыхъ были узки, болотисты и топки, мы свернули по второму изъ нихъ и стали подыматься по лѣвой его отлогости, по которой вскорѣ доѣхали до большой листовницы съ прибитой на ней доской съ надписью: «Дорога на Кунтуякъ». Было таки порядочно темно, когда мы свернули на эту дорогу, представляющую узенькую тропку, извивающуюся между мелкоколѣсьемъ по склону горы. Подымаясь въ гору шагомъ и боясь потерять тропку, мы зорко за ней слѣдили и наконецъ слышали звонъ ширкунцовъ,—это ѣхалъ нашъ конюхъ Иванъ, со своими вьючными лошадьми, съ которыми онъ, вѣроятно, намаялся на спускѣ съ Севагликонской горы и въ болотѣ на ключикахъ. Звонъ ширкунцовъ дѣлался все явственнѣе, наконецъ, мы увидали вьючныхъ, и я окликнулъ Ивана.

— Далеко ли, Иванъ, еще до нашего стана?

— Должно быть, не далеко, слышно собаку, это Валетка нашъ тявкаетъ. У, сторожевая собака этотъ Валетка. А вѣдь невеличка собой, а мужественная собака. Ономясь, къ намъ повадилась ходить росомаха, мясо воровать. Валетка ее почуялъ, да какъ бросится къ ней, да какъ уцѣпитъ за нее, да залетаетъ лаемъ, просто страсть! Мы думали, медвѣдь, побѣжали это его выручать, глядимъ, а онъ это съ росомахой сцѣпился. Ну, мы ее тотчасъ же и уколошматили, и Валеткѣ предоставили въ награду всю росомахачью тушу.

Тявканье собаки становилось все громче и яснѣе; вскорѣ мы увидѣли на деревѣ новую доску и широкую просѣку и свернули на нее и начали спускаться съ горы. Минуть черезъ десять мы были уже у нашего стана, на Кунтуякъ, гдѣ насъ уже ожидали и въ честь прібытія хозяина выстрѣлили даже изъ ружья.

Первымъ вопросомъ Гордѣя, послѣ здорованья, былъ вопросъ о водкѣ.

— Привезли, Н. В., водку?

— А что?

— Да я общалась рабочимъ порцію за каждый шурфъ съ золотомъ, который они поскорѣе окончатъ.

— Вотъ какъ! Ну, думаю, вотъ гдѣ кроется причина богатаго золота.— Плохо дѣло, и Гордѣя, значить, поднадули. Чтобъ испытать его, я отвѣчилъ:— Водки не привезъ, на приискъ всю выпили!

— Жаль, — сказалъ Гордѣй, — рабочіе теперь будутъ вяло работать, и завтра третьяго шурфа не окончатъ, а я послѣзавтра думалъ переходить ко второму вверху ключику, гдѣ рабочій, копая канавку, напелъ подъ мохомъ золотины.

— Ну, что жъ, перейдемъ послѣ послѣзавтра, и водку у Бычинскаго достанемъ, не далеко Демидовскій приискъ.

Въ это время Гордѣй полѣзъ въ карманъ брюкъ и вынулъ оттуда бумажный капсюль съ золотомъ, котораго было около 5—6 золотниковъ.

— Вотъ оно золото наше каково! — сказалъ съ важностью Гордѣй, подавая мнѣ капсюль.

Я сталъ его разсматривать въ лупу. Золотые кристаллы оказались различной формы и въ большинствѣ окатистые, а не тертые.

Въ это время вошелъ въ палатку рабочій Иванъ Безпрозванья, мужчина ростомъ въ косую сажень.

— Здравствуйте, Н. В., пришли васъ съ приѣздомъ и хорошимъ золотомъ поздравить.

— Спасибо, Иванъ, спасибо и за хорошую работу, старайтесь, вотъ и Гордѣю Ивановичу приказалъ вамъ порцію сегодня подать.

— Благодарю покорно и напередъ будемъ стараться услужить вашей милости.

Иванъ затѣмъ исчезъ сообщить радостную вѣсть о порціи своимъ товарищамъ. Гордѣй вопросительно взглянулъ на меня, но въ это время въ палатку вошелъ мой человѣкъ съ боченочкомъ водки, который былъ довѣренъ ему, какъ пеньющему, ибо довѣрить боченокъ съ подобнымъ содержаніемъ конюху Ивану было бы то же, что довѣрить сливки коту Васкѣ, -- навѣрно изъ боченка немало бы убыло.

— А есть сегодняшнія пробы? — спросилъ я.

Гордѣй подаль мнѣ деревянный лотокъ съ выжженными на немъ лунками, куда укладывались взятые пробы, и во многихъ лункахъ золото лежало до краевъ.

— Да, видно и вправду открыли хорошее золото — подумалъ я и, позабывъ подъ приятнымъ впечатлѣніемъ сего событія всякую усталость, долго проговорилъ съ Гордѣемъ о развѣдкѣ Кунтуяка.

На другой день, утромъ послѣ чая я занялся повѣркой оконченныхъ уже шурфовъ, въ которыхъ по пробамъ дѣйствительно оказалось добропорядочное золото, причемъ турфа не превышала 3 $\frac{1}{2}$ аршинъ, а золотосодержащій пластъ доходилъ до 2 $\frac{1}{2}$ аршинъ въ толщину, значить, и отношеніе его къ пустымъ, покрывающимъ его породамъ, т. е. турфамъ, было довольно благоприятное. Если и 3-й шурфъ оказался бы съ порядочнымъ содержаніемъ золота, то надо было предположить, что ширина залеганія росыпи достигала 25—30 сажень. Словомъ, если бы и верхніе и нижніе шурфы, какіе мы предполагали еще пробить, оказались добропорядочными, то изъ этой площади на Кунтуякъ могъ бы выйти прокъ, и дѣло, значить, будетъ барышное.

Все послѣобѣденное время употреблено было на осмотръ долины Кунтуяка, которая была невелика, всего пять верстъ длиною отъ устья до вершины. Тутъ же были расположены къ пробитію новыя двѣ линіи выше и ниже той, которую теперь оканчивали, причемъ каждая изъ нихъ отстояла въ полуверстѣ отъ первой. Рабочіе наши сдержали слово — окончили третій шурфъ, несмотря на небольшой впрочемъ притокъ воды въ шурфѣ, который они одолѣвали на одну помпу. Шурфъ оказался слабѣе по содержанію, чѣмъ предыдущіе, но все же съ порядочнымъ золотомъ. Заложивъ на третій день шурфы въ верхней и новой линіи, я рѣшилъ отправиться домой съ моимъ человѣкомъ; дѣлать мнѣ тутъ было нечего, да и погода что-то стала хмуриться, собирался дождь. Послѣ обѣда, часа въ три по полудни я выѣхалъ обратно. На Демидовскій приискъ приѣхали мы уже въ шестомъ часу дня, тутъ сталъ накрапывать дождь, и Бычинскій, управляющій Демидовской, уговорилъ меня остаться у нихъ ночевать, такъ какъ станцію въ 35 верстъ довелось бы дѣлать въ потьмахъ ночью, что при пенастьѣ вовсе мнѣ не улыбалось, да если бы мы и доѣхали до зимовья на Дулижмѣ, то ночевать тамъ тоже было нерадостно, ибо зимовье это славилось обиліемъ злѣйшихъ клоповъ и блохъ. Такимъ образомъ, я остался у демидовскаго управителя въ гостяхъ, что впоследствии было для меня даже и не бесполезно. — Бычинскій оказался грамотнымъ и начитаннымъ человѣкомъ, онъ очень негодовалъ на своего старшаго, демидовскаго уполномоченнаго, проживавшаго въ селѣ Подымномъ, въ 300 верстахъ отъ здѣшняго прииска, гдѣ у Демидовыхъ была резиденція и производились небольшія въ окрестностяхъ Подымнаго разработки золотыхъ росыпей. Негадовалъ онъ и на крѣпостничество и крѣпостническіе порядки, на ничтожное вознагражденіе, какое они, служащіе и заводскіе мастерскіе, здѣсь получали.

— Помилуйте, — говорилъ онъ, — я, управляющій приискомъ, получаю триста рублей въ годъ жалованья, конторщикъ 180 руб., мой

помощникъ столько же, а матеріальный 120 р., а между тѣмъ у насъ же служатъ двое съ воли и занимаютъ низшія должности, а получаютъ болѣе меня жалованья. Какое тутъ можетъ быть усердіе къ дѣлу! Рабочіе наши получаютъ по 7—8—9 руб. въ мѣсяцъ, а вольные рабочіе по 15—18 и 20 р. въ мѣсяцъ. Да въ добавокъ я, въ силу моихъ полномочій, могу, начиная съ моего помощника до послѣдняго крѣпостнаго здѣсь рабочаго, разложить и выпоротъ, какъ равно и мой старшій, въ свою очередь, можетъ пріѣхать сюда и разложить и выпоротъ меня. Вѣдь это такое тяжелое положеніе, такая нравственная пытка, что я и сказать не могу. Всѣ мы точно подѣ Дамокловымъ мечемъ сидимъ, и капризъ уполномоченнаго рѣшаетъ нашу участь. А вѣдь дѣло здѣсь очень хорошее, была бы моя воля, я бы показалъ, что здѣсь можно еще сдѣлать.

— Ъдучи по вашему пріиску, — возразилъ я, — я замѣтилъ, что онъ почти весь пройденъ работами, остались только маленькіе, коротенькіе цѣлики.

— Прежній управляющій здѣсь 12 лѣтъ сидѣлъ и весь, почитай, пріискъ узкимъ разрѣзомъ проработалъ и всю пѣнку снялъ, намъ же что похуже оставилъ, да къ тому же немало и отвалами галечными завалилъ добраго золота. Нынѣшній уполномоченный нашъ спитъ и видитъ, какъ бы уѣхать домой, надоѣла ему Сибирь, настаиваетъ со всѣмъ закрыть работы и продать пріискъ. Я же, напротивъ, настаиваю на его дальнѣйшей разработкѣ и представилъ въ заводское управленіе смѣту на будущій годъ и берусь намытъ пять пудовъ полтора ста челоуѣками и дать 10.000 р. барыша. Теперь ждемъ ревизора съ заводовъ, чтобъ рѣшить нашъ споръ съ уполномоченнымъ нашимъ. Онъ противъ разработки.

И точно, споръ въ послѣдствіи рѣшился въ пользу Бычинскаго; но, къ его несчастью, онъ не намылъ пяти пудовъ, и вмѣсто 10.000 руб. барыша получилось столько же убытка. Бычинскаго смѣнили и отправили на Уралъ, а пріискомъ сталъ управлять малограмотный заводскій приказчикъ, при которомъ убытки получались ежегодно. Это послужило убѣдительнымъ доказательствомъ словъ уполномоченнаго, и пріискъ было рѣшено продать. Я его потомъ купилъ за 3.000 р. и добылъ на немъ до 30 или 35 пудовъ золота, да и теперь еще ежегодно добываютъ на немъ отъ 15 до 25 фунтовъ въ лѣто, такъ что Бычинскій былъ совершенно правъ, утверждая, что пріискъ еще вовсе не выработался и его разрабатывать было не безвыгодно.

Угостивъ меня настоящими сибирскими пельменями, подававшими и вареными, и жареными, и пареными, со всевозможными соусами, меня уложили спать на деревянную, широчайшую кровать, на которой нагромождено было безчисленное количество перинъ и поду-

шекъ. Бычинскій пожелалъ мнѣ доброй ночи и пріятнаго сна. Дѣйствительно, послѣ палатки выспаться въ теплой комнатѣ и на порядочной постели представляло немалое наслажденіе, и я хорошо выспался. На другой день утромъ, за чаемъ поданы были и оладьи, и блины, и пышки, и чего-чего только не было наставлено. Конечно, все это угощеніе производилось на хозяйскій счетъ, и въ этомъ отношеніи демидовскіе не скупились — служащіе и мастеровые заводскіе получали прекрасное довольствіе и изобильный кормъ, зато вольные рабочіе довольствовались далеко не такъ роскошно.

— Ну, какъ вы развѣдкой довольны на Кунтуякѣ? — рѣшился спросить меня Бычинскій.

— Да, какъ сказать, шурфа три ничего себѣ, вотъ что дальше будетъ, не знаю. Кстати, позвольте васъ попросить, одолжите моего Гордѣя запасами, съ нашего пріиска послать ему далеко, а вы въ сосѣдяхъ, а мы за нихъ вамъ деньгами, по вашей продажной цѣнѣ, заплатимъ.

— Что жъ, извольте, дѣло сосѣдское, только многого и у насъ нѣтъ въ излишкѣ, вотъ желѣза и желѣзныхъ издѣлій вволю. Что же, работать будете въ будущемъ году?

— Да, не знаю какъ, развѣ пригготовительныя работы за лѣто сдѣлаю, да мѣсто подѣ машину выну, да для пробы на бутаркѣ пески поую.

— Конечно, конечно, осторожность не мѣшаетъ, чѣмъ сразу влчюпаться съ большой командой.

— Вотъ я тоже такъ разсуждаю. Однако, прощайте, пора и въ походъ, вѣдь отъ васъ до насъ добрыхъ 65 верстъ будетъ.

На зимовье Дулижминское мы прискакали около двухъ часовъ дня, здѣсь купили у зимовщика 10 фунтовъ ржаныхъ сухарей, которые онъ, вѣроятно, вымѣнялъ на водку отъ проходившихъ послѣ разсчета демидовскихъ рабочихъ; напѣлись чаю и закусили. Въ разговорѣ съ зимовщикомъ узнали, что по нашей дорогѣ, на хребтѣ, шляется медвѣдь, который даже прошлой ночью подходилъ къ зимовью. Не желая запоздать въ дорогѣ, мы уже въ три часа тронулись далѣе, тѣмъ болѣе, что предстояло четыре перевала черезъ горные хребты. Скоро мы проскакали пространство до подъема черезъ первый зимовейскій хребетъ, поднялись на него и поѣхали къ спуску съ него. Моя собака и увязавшаяся за нами съ зимовья, брошенная здѣсь рабочими, собаченка бѣжала впереди, и вдругъ видимъ, что онѣ вернулись къ намъ и побѣжали позади насъ. «Что бы это значило», подумалъ я. Приближаясь къ спуску хребта, и лошади начали пофыркивать и настораживать уши. «Ну, думаю, дѣло дрянъ, навѣрное медвѣдь, а у насъ никакого оружія, ни даже топора». Только-что мы подѣхали къ спуску.

ску, глядь: вправо отъ насъ, саженьхъ въ десяти, на остаткахъ падали отъ издохшей тутъ лошади сидитъ бурый косолапый Мишка. Лошади остановились, какъ вкопанныя, мы же съ человѣкомъ въ одинъ голосъ заревѣли благимъ матомъ; собаки наши, подбодренные нашимъ крикомъ, съ неистовымъ лаемъ бросились къ звѣрю, который, вѣроятно, ошеломленный всѣмъ этимъ, быстро соскочилъ со своей трапезы-падали и пустился бѣжать во всѣ лопатки въ чашу лѣса; только, какъ говорится, пятки сверкали, да кусты трещали. Собаки пустились за нимъ въ погоню, а мы стали спускаться потихоньку съ крутаго спуска. Выѣхавъ на болѣе отлогое мѣсто, мы рысцой поѣхали далѣе, и только тутъ догнали насъ наши собаки, усталыя и съ высунутыми языками отъ быстрой погони. Въ семь часовъ вечера мы благополучно безъ всякихъ приключеній приѣхали домой.

Слухъ о томъ, что на Кунтуякѣ нашли хорошее золото, не извѣстно какъ, но быстро распространился по всей тайгѣ. Конечно, слухъ этотъ былъ еще раздутъ и преувеличенъ; говорили, что чуть не второй Актотликъ открыли, и меня засыпали вопросами. На мои скромныя увѣренія, что ничего особеннаго нѣтъ, только улыбались и, конечно, думали, что я нарочно скрываю про найденныя богатства. Это вѣдь ужъ такая общеизвѣстная манера въ тайгѣ. Не прошло и недѣли, какъ полѣзли въ нашу сторону поисковыя партіи, и все на Кунтуякъ, но такъ какъ тамъ заявлять было нечего, — мѣста не было, — то кинулись развѣдывать долинки впадающихъ въ него логовъ и ключей, которыхъ, кстати сказать, было до десятка.

На нихъ стояло уже нѣсколько поисковыхъ партій, но всѣ ихъ развѣдки показали только, что розсыпей по ключамъ со стоящимъ работъ золотомъ не было. Вскорѣ всѣ эти партіи ушли и уже болѣе на Кунтуякъ никто не заявлялся. Въ сибирской тайгѣ это ужъ такое обыкновеніе, что чуть гдѣ проявлялось какое-нибудь открытіе золота, часто даже фиктивное, какъ всѣ разомъ бросаются къ этому мѣсту или въ его окрестности и начинаютъ неистово заявлять направо и налево всѣ горы и доли, о которыхъ ранѣе никто не думалъ и не помышлялъ. Конечно, все это кончается однимъ шумомъ и бесполезной хлопотней, и практическій результатъ отъ этого рѣдко достигается. Еще не такъ давно, когда была открыта въ К. округѣ, по р. Осиновой, хорошаго содержанія розсыпь, то десятки поисковыхъ партій бросались искать золото въ его окрестности; чуть не весь городъ К. принялся бредить золотыми богатствами и, какъ говорится: старъ и младъ, чиновникъ и мѣщанинъ, чутьли даже кухарки и горничныя не составляли компанію для поисковъ; сотни площадей было заявлено, но путнаго ничего не вышло, одна казна, да рабочіе или скорѣе питейныя лавки были въ

барышахъ: казна — отъ марокъ на прошенія и заявленія, а рабочіе, дравшіе въ три-дорога за время нахождения въ поискахъ и потомъ сносившіе большую часть заработка кабатчикамъ и виноторговцамъ. Горячечный бредъ этотъ золотой лихорадки, охватившій К. округъ, длился около года, но разрѣшился для многихъ разореніями и безвозвратными потерями и всеобщимъ разочарованіемъ.

Шестнадцать дней въ снѣгу.

— Фу ты, Господи! Совсѣмъ упарился! Да скоро ли мы придемъ къ мѣсту роздыха? Сколько еще до него осталось?—Такъ ворчалъ я и спрашивалъ идущаго впереди меня Гордѣя. Шли мы на лыжахъ по дремучему лѣсу, пробираясь напрямикъ съ нашей партией на рѣчку Дулинъ. Я шель на лыжахъ впервые, а потому по неопытности чуть не каждые десять шаговъ проваливался въ снѣгъ то той, то другой ногой, вязъ по колѣно, а иногда проваливался чуть не по поясъ, почему, несмотря на десятиградусный морозъ, обливался потомъ, проклиналъ п лыжи, и прямую дорогу, и золото, и рѣчку Дулинъ. Обернувшись ко мнѣ, Гордѣй проворчалъ:—далеко еще, да вѣдь съ вами много не ускачешь, вишь вѣдь вы до сихъ поръ еще не научились ходить. До роздыха-то еще поди съ десятокъ верстъ осталось.—Петрушка, а Петрушка, далеко ли еще до Бухарихты?— Знакомый уже намъ Петрушка-тунгусъ скользилъ впереди всѣхъ на лыжахъ, какъ по паркету, куря свою металлическую трубку-носогрѣйку.

— До Бухарихты, спрашиваешь,—отвѣчалъ онъ—до Бухарихты еще 12 верстъ.

— Ахъ! чтобъ васъ язвило!—отвѣтилъ сердито Гордѣй, не извѣстно къ кому обращаясь съ этимъ сибирскимъ браннымъ выраженіемъ.—Этакъ мы и къ обѣду не попадемъ; вѣдь, почитай, три часа бродимъ по лѣсу; ну да съ Николаемъ Васильевичемъ не ускачешь; вишь, вѣдь какъ запарился, отъ него, точно отъ коня, паръ идетъ. Остановись,—кричалъ онъ Петрушкѣ,—куда тебя несетъ нелегкая! Да вѣдь и мужики съ салазками отстали!

Съ нами было до 15 рабочихъ, которые всѣ шли на лыжахъ, и каждый изъ нихъ тащилъ попеременно съ полдюжины легкихъ салазокъ, на широкихъ полозьяхъ съ припасами и горнымъ инстру-

ментомъ. На всѣхъ этихъ салазкахъ было съ десятокъ пудовъ клади, сухарей, провѣснаго мяса, крупы, соли, чаю, сахару и говяжьего сала, а также кайлы, лопаты, пара желѣзныхъ ломовъ, столько же балдъ и кое-какія мелочи. Рабочіе были также неважные ходоки и тоже нерѣдко вязли въ снѣгу или падали на ходу. Все это замедляло наше движеніе впередъ, а между тѣмъ надо было двигаться во что бы то ни стало, иначе другіе могли насъ предупредить и занять прежде насъ рѣчку. Поэтому мы избрали прямую дорогу черезъ хребты, по которой до Дулина было сорокъ верстъ, а кружнымъ путемъ по дорогѣ, которая притомъ не была еще протоптана, — было верстъ на 70 или около того.

Петрушка остановился, я и Гордѣй подошли къ нему, вскорѣ подошли къ намъ и рабочіе. Я сѣлъ на однѣ изъ салазокъ перевести духъ и выкурить папиросу. Порядкомъ уморившіеся рабочіе также закурили свои трубки

— Ну, и дорога, ахъ! чтобъ ее пятнало!—выругался нашъ промывальщикъ, онъ же поваръ и плотникъ Малафей. И завель же ты насъ, Петрушка, къ чорту въ неворотищу!

— Какого еще тебѣ надо пути,—огрызнулся Петрушка,—снѣгъ хорошій, дорога ровная, ни пеньковъ, ни сучковъ, иди какъ въ избѣ по полу.

— Хороша твоя изба, хорошая, нечего сказать, по брюху въ снѣгу вязнешь! Гляди-ко-сь, хозяинъ-то какъ упарился.

— Э, да что, онъ на лыжахъ ходить не умѣетъ, я тому не причина. Не ходи зимой въ тайгу, коль на лыжахъ ходить не можешь!

— Дай срокъ, Петрушка, —сказалъ я,—вотъ понаторѣю, не хуже твоего побѣгу.

— Побѣжишь, какъ бы не такъ! Вотъ постой-ка, скоро гора будетъ, вотъ съ нея въ Бухарихту спускаться будемъ, не расшиби-ка лба, придержи-вайся хорошенько за шестъ правильный, а то какъ-разъ на пень угодишь.

Отдохнувъ минутъ съ десять, мы продолжали нашъ путь и на этотъ разъ шли какъ будто получше; черезъ часъ подошли къ горѣ и стали подыматься на нее по сухому ложку, черезъ часъ осилили и подъемъ, пошла по ровному мѣсту, а еще черезъ полчаса стали и спускаться.

— Эй, осторожнѣй!—кричалъ Гордѣй,—садись всѣ на корточки, да правъ осторожно, да салазки-то придержи-вай, а то разбѣгутся да разобьются о пень, плохо тогда будетъ!

Спускъ былъ куда тяжелѣе подъема, лыжи скользили быстро и, какъ ни осторожничали рабочіе, а нѣкоторые опрокидывались на насъ и зарывались въ снѣгъ чуть не по уши, на посмѣяніе своихъ това-

ришей, которые пособляли ихъ вытаскивать. Спустились однакоже благополучно и вышли въ падъ правой вершины рѣки Бухарихты. Здѣсь мы рѣшили напиться чаю и закусить, тѣмъ болѣе, что прошли 25 верстъ, и до Дулина оставалось верстъ съ 15. Живо разгребли снѣгъ, развели маленькій костеръ, налили большой мѣдный чайникъ водой и поставили на огонь. Рабочіе закусывали сухарями и варенымъ мясомъ, мы же съ Гордѣемъ чернымъ хлѣбомъ и солониной. Вскипятить воду и настругавъ кирпичнаго чая въ чайникъ, выкурили по папироскѣ и затѣмъ стали пить чай изъ деревянныхъ китайскихъ чашекъ, паливая его и нашимъ рабочимъ и Петрушкѣ. Напившись наскоро чай и забросавъ костеръ снѣгомъ, мы пустились въ дальнѣйшій путь, подымаясь по долинь Бухарихты и затѣмъ на высокий горный хребетъ, съ котораго спускъ велъ насъ прямо къ рѣчкѣ Дулину, въ ея верховья. Спустившись въ Дулинъ, мы пошли внизъ по ея долинь и достигли ея устья, гдѣ и остановились лагеремъ, разбросавъ до земли снѣгъ и окруживъ нашъ станъ срубленными молодыми елками, какъ сплошной стѣной.

Въ то время какъ мы устраивали нашъ станъ, Гордѣй съ нѣсколькими рабочими пошелъ къ устью рѣчки поставить починный столбъ и выкопать явочную яму. Вернувшись оттуда, онъ съ Петрушкой и двумя лучшими ходоками на лыжахъ отправился вверхъ по долинь рѣчки, версты за четыре съ половиной, поставить другой окончательный столбъ и починный столбъ второй заявки и выкопать у нихъ ямы. Вернулся онъ только къ ночи. Такимъ образомъ мы заняли двѣ площади по Дулину. На другой день, едва стало свѣтать, мы уже встали, напились чаю и принялись за дѣло; я заложилъ два шурфа, въ полу-верстѣ отъ устья рѣчки вверхъ по ея долинь, которая здѣсь была не шире 50 сажень, а Гордѣй пошелъ на вторую заявку, чтобы поставить въ пяти верстахъ отъ второго починнаго столба второй окончательный столбъ, выкопать у него явочную яму и заложить пару шурфовъ вверхъ отъ втораго починнаго столба въ ста пятидесяти саженьяхъ поперекъ долины рѣчки, которая тоже и здѣсь не превышала пятидесяти сажень. Дулинъ была таежная горная рѣчка, верстъ 15 длиною, съ очень неширокой долиной, которая въ ея верховьяхъ суживалась до 20 сажень. Рѣчка эта имѣла крутое паденіе, а ея верховья отличались еще большею крутизною и во многихъ мѣстахъ были перевалены огромными осипями камней съ сосѣднихъ горъ; камни эти лежали мѣстами огромными кучами и безпорядочными грядами, точно на каменкѣ, и состояли изъ неправильной формы обломковъ грубаго темно-сѣраго и чернаго глинистаго сланца. Вообще долина рѣчки по осмотру ея въ теченіе первыхъ двухъ дней, насколько позволялъ снѣгъ, не представляла ни-

чего замѣчательнаго и по неимѣнію въ ней болѣе интересныхъ, общающихся присутствіе добронпорядочнаго золота, горныхъ породъ, насъ крѣпко разочаровала. Между тѣмъ болѣе мягкая погода стала смѣняться морозцемъ, дни стали ясными, ночи не столь темными по милости множества ярко горящихъ звѣздъ. Скоро морозъ усилился и дошелъ до 36° R., а затѣмъ температура стала еще болѣе понижаться, доходя днями до 40°, а ночами до 46° R. Какъ мы ни были тепло одѣты, но такой морозъ, даже при полномъ безвѣтріи и тишинѣ воздуха, давалъ себя знать, въ особенности ночами. Мы просто не могли спать; сидя у огромнаго костра, мы только дремали, причеиъ одинъ бокъ у насъ грѣлся отъ костра, зато другой мерзъ, и приходилось то и дѣло поворачиваться къ огню, чтобы его отогрѣвать. До сна ли тутъ было? Чай былъ наше спасеніе, мы его пили безчисленное число разъ, и мѣдный нашъ чайникъ не сходилъ съ костра, и, надо правду сказать, что чай оказалъ намъ въ нашемъ трудномъ положеніи неоцѣненные услуги. Онъ насъ ободрялъ, согрѣвалъ и утѣшалъ. Днемъ, когда мы были на занятіи и въ движеніи, мы еще мало чувствовали стужу, хотя она и хватала насъ за нось, но вечеромъ и ночью, — а въ началѣ декабря дни очень короткіе, ночи же занимаютъ три четверти сутокъ. — и когда приходилось сидѣть у себя, на стану, подъ елкой, морозъ казался намъ особенно чувствительнымъ. Конечно, о чтеніи нечего было и думать, приходилось или молчать, глотая горячій чай въ безпримѣрномъ количествѣ, или слушать рассказы рабочихъ, Петрушки-тунгуса или Гордѣя, поворачиваясь къ плававшему костру то тѣмъ, то другимъ бокомъ.

— Ну, Гордѣй Ивановичъ, завелъ ты насъ въ такую холодину, на этотъ пустопорожній Дулинъ! — говорилъ Гордѣю Малафей. — И кто это выдумалъ, что тутъ золото есть? Ахъ, чтобы ему никогда его не видать въ жизни!..

— Помолчи, Малафей, вотъ ужъ завтра до песковъ дойдемъ, такъ смотри, какую пробу намоешь, — огрызнулся Гордѣй.

— Какъ же, держи карманъ шире! Намоешь тутъ пробу! Нось да пальцы отморозишь, а пробы не достанешь. Вишь, въдѣ въ шурфахъ какая дурь идетъ. Камень грубый, дресвяникъ, шкварцевъ-то совсѣмъ, почитай, не видать. Не будетъ тутъ ничего. Сидѣли бы мы теперь въ казармѣ на прискѣ, точно въ раю. Тепло да свѣтло, а тутъ, братъ, подъ елкой то въ такой морозъ куда не сладко. Смотри-ка, въ мѣсу ни звѣря, ни птицы, — все попряталось, одинъ воронъ да сычъ, да и тѣхъ рѣдко когда увидишь.

— Петрушка всему дѣлу заводчикъ, — сказалъ какой-то рабочій.

— И точно онъ, щучій сынъ, — отвѣчалъ Малафей. — Все твер-

диль на приски: «ужь я вамъ рѣчку укажу, золото безпремѣнно будеть». Вотъ и указаль, а вѣдь все, чтобъ ему хозяинъ водки поднесъ да табакомъ, чаемъ, сахаромъ надѣлил. Эй, Петрушка, что ты молчишь, тунгуская ты пятница, гдѣ же золото?—Сказывай!

Петрушка сосаль трубку и какъ-то сюсюкаль.— Подожди, Малафей Ивановичъ, вотъ на дняхъ намоешь.

— Намоешь, какъ же. У, идоль! Смотри, какъ не намое, такъ мы тебя выучимъ, какъ врать да людей смущать. А еще крещеный!

— Развѣ ты, Петрушка, крещеный?—спросилъ я его.

— Какъ же, мы крещеные. Мы всѣ тутъ, тунгусы, крещеные,— отвѣтилъ самодовольно Петрушка.

— Да когда же ты крестился?

— А вотъ когда насъ генераль-то питерскій, что прѣзжалъ на свои приски, крестилъ, какъ бишь его звали. Большой генераль, еще сзади у него, пониже спины, ключъ золотой висѣлъ. Я самъ это видѣлъ, какъ онъ нашимъ крестнымъ отцомъ былъ съ исправничихой.

— Э, братъ, да ты крестникъ Михаила Александровича Дикобразова! Это вы еще вторично къ нему послѣ крестинъ приходили просить, чтобъ еще разъ васъ крестить — сказаль я.

Всѣ рабочіе такъ и фыркнули со смѣха.

— Вишь, вѣдь идолы какіе! Понравилось имъ, что послѣ крестинъ надѣлили ихъ чистой, ситцевой рубахой, чаемъ, сахаромъ, табакомъ, мукой и водкой, вотъ они и въ другой рядъ креститься захотѣли,—проговорилъ сердито Малафей. Ахъ же и горе—христиане!

— Правда это, Петрушка?

— Правда-то правда, ну, да это мы по дурости сдѣлали.

— И что вамъ сказали у Михаила Александровича?

— Да что сказали! Сказали, что нельзя другой разъ креститься, и ничего не дали.

— И какъ это Михаилъ Александровичъ васъ за это не отодралъ на конюшнѣ. Удивительно, право! — сказаль Гордѣй. — Онъ вѣдь и приказчиковъ своихъ крѣпостныхъ не стыдится при людяхъ наказывать розгами и рабочихъ такъ дуеть, что и исправнику не сравниться. Ну, и бѣжить же отъ него народъ!

Я постарался повернуть этотъ щекотливый для золотопромышленника, въ присутствіи рабочихъ, разговоръ, хотя не симпатичный типъ питерскаго барина-крѣпостника намъ всѣмъ претилъ въ нашей сибирской тайгѣ.

— Расскажи-ка ты, Гордѣй, какъ ты это Кунтуякъ занималъ, да соперниковъ своихъ провель.

— Э, да что рассказывать, дѣло давно уже было,— отвѣчалъ Гордѣй, ухмыляясь, хотя очень любилъ рассказывать это событіе.

— Ну, Расскажи, Расскажи, Гордѣй Ивановичъ,— упрасиваль Малафей.

— Ну, слушайте, коли такъ. Пришелъ это я на Кунтуякъ, на самое его устье, народишку у меня три съ половиной человекъ, потому что четвертымъ была баба. Только-что я это палатку поставилъ и столба-то еще явочнаго не приготовилъ, какъ вдругъ вижу, народъ идетъ и приказчикъ верхомъ, а съ нимъ вьючныхъ лошадей съ десятокъ. Ну, думаю, плохо дѣло, это соперники, молъ, мои. Какъ быть? Здороваюсь это я съ приказчикомъ, а онъ мнѣ въ отвѣтъ тоже говорить: «Здравствуйте, вы чихъ будете?» Я ему и соври.— «Демидовскіе, сѣно ѣдемъ косить на Пить». «Вотъ и прекрасно»,— отвѣчаетъ приказчикъ. — «Вы всѣ здѣшнія мѣста знаете, не знаете ли, гдѣ тутъ рѣчка Кунтуякъ». — «Какъ же не знать,— отвѣчаю я. — А вы откуда?» «Да мы Н—скіе, ѣдемъ на Кунтуякъ, вожака не взяли, а только знаемъ, что онъ въ Пить гдѣ-то тутъ впаль по близости». — «Да вы откуда прѣхали-то»,— спрашиваю я. «Да, вотъ, проѣхавши Демидовскій станъ, спустились въ какую-то рѣчку да прямо хребтомъ сюда по тропѣ и прѣхали». Хорошо, молъ, думаю я. Направляю я тебя на Кунтуякъ, что ты его и не сыщешь. — «Ну вотъ что, поѣдьте со мной, говорю я Н—скому приказчику, я васъ провожу недалеко и укажу прямую дорогу». «Ахъ, какъ мы вамъ благодарны будемъ. Я вамъ за это 25 рублей заплачу, если укажете». Ну, я сейчасъ же это побѣжалъ за своею лошадыю, благо неразсѣдлана еще была, вскочилъ въ сѣдло и повель моихъ новыхъ друзей внизъ по Кунтуяку, до другой рѣчки Аяхты. Выведа ихъ туда, указаль логъ на другой сторонѣ Аяхты, да и говорю: «Вотъ вы поѣзжайте этимъ самымъ логомъ, перевалите гору и живо спуститесь на Пить, а потомъ поѣзжайте берегомъ Пита нальво, и версть черезъ пять будетъ и Кунтуякъ. Всего ѣзды отсюда версть съ-десять или пятнадцать, не болѣе». — «Очень вамъ благодаренъ»,— сказаль Н—скій приказчикъ, далъ мнѣ 25 рублей и всю свою партію повернулъ по указашному мною направленію. Я же тотчасъ вернулся назадъ, поставилъ починный на Кунтуякъ столбъ, выкопаль яму, заложилъ шурфъ, потомъ поѣхаль въ самую его вершину съ конюхомъ, поставилъ окончательный столбъ и выкопаль яму.

— На другой день, съ зарей поручилъ тремъ рабочимъ заложить девять шурфовъ, по длинѣ рѣчки, въ равныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ и каждый пробить по три четверти аршина, а самого себя опредѣлил на первый отъ починнаго столба шурфъ и пробилъ его поглубже. Все это было сдѣлано, и къ вечеру вся моя заявка была

обдѣлана вполнѣ. Смотрю, звонки слышны и что же, это мой Н—скій приказчикъ съ вьюками ѣдетъ ко мнѣ обратно. Остановился у моей палатки, слѣзъ съ лошади, да и говоритъ: «Плутъ ты такой-сякой, мошенникъ, какой ты Демидовскій, ты Л—скій приказчикъ и стоишь ты на самомъ этомъ Кунтуякѣ, а меня спровадилъ въ труппу какую-то. Ъздили, ѡздили, никакой тамъ рѣчки не нашли, да хорошо еще, что на Демидовское зимовье вышли, такъ Демидовскій зимовщикъ дорогу намъ сюда указалъ. Я ему и говорю: да меня вашъ служащій къ тебѣ направилъ, что на покосъ къ тебѣ съ народомъ идетъ. А зимовщикъ засмѣялся мнѣ въ лицо, да и говоритъ: да это не нашъ служащій, это Л—скій Гордеонъ на Кунтуякѣ съ партией стоитъ, ну, вотъ онъ васъ и сплавилъ отъ себя подальше. Ахъ, вы злодѣи этакой, не стыдно ли вамъ!»

— Что же, говорю, сказано въ пословицѣ: не зѣвай, а про себя припасай, я такъ и поступилъ. Пожалуйте ваши 25 рублей обратно, вамъ они пригодятся, все же хоть убытку на эстолько вашей Компаніи будетъ меньше. Ничего не подѣлаешь, ужъ наша служба такова. Взялъ приказчикъ свои деньги и попросилъ позволеніе переночевать у моей палатки. Да что, говорю, въ палатку пожалуйте, чайку напейтесь. Угостилъ я его чаемъ, а онъ мнѣ и говоритъ: «Нѣтъ, ужъ я у васъ ночевать тутъ не буду, досадно больно, что маху далъ и рѣчку прозѣваль, я народъ свой на Демидовскій станъ отправилъ и самъ туда поѣду». — Ну, какъ знаете, теперь свѣтло да и ѣхать не жарко, да и гнусу ночью меньше. Такъ онъ отъ меня и уѣхалъ. Ужъ смѣялись надъ нимъ Демидовскіе, смѣялись. Ловко Гордѣй васъ обогрѣлъ, ну, да впередъ наука.

— И точно, что ловко, — промолвилъ Малафей. — Да ужъ что говорить, Гордѣй Ивановичъ опытный, старый воробей, на мякинѣ не обманешь.

— Что говорить, одно слово: дошли мы Гордеонъ, — говорили смѣясь рабочіе.

Въ такихъ разговорахъ проходило по вечерамъ время, и забывался донимавшій насъ морозъ. А морозъ по истянѣ былъ трескучій. Въ ночной тишинѣ по лѣсу раздавался трескъ лопавшихся отъ стужи деревьевъ, и нерѣдко точно ружейные выстрѣлы раздавались въ окружавшемъ насъ со всѣхъ сторонъ дремучемъ лѣсу. Такъ и вспоминалась слышанная въ дѣтствѣ сказка, какъ «Морозко по елкамъ поскокаиваетъ и палкой о нихъ поколачиваетъ». Ночи все время стояли ясныя, и съ половины нашего пребыванія на Дулинѣ сдѣлались лунными и свѣтлыми. Холоднымъ свѣтомъ заливала замерзшую тайгу луна, тихо катаясь по темноглубому небесному своду, на которомъ, несмотря на яркій блескъ ея лучей, ярко горѣли небесныя свѣтила первыхъ вели-

чинъ. Странное дѣло, чѣмъ болѣе мы жили въ лѣсу, тѣмъ намъ менѣе ошутительнымъ казался морозъ, хотя ни разу онъ не былъ ниже 40° R., — точно мы къ нему привыкли, точно отерпѣлись, — но какъ бы мы ни привыкли переносить эту ужасную стужу, мечты о печкѣ, кровлѣ и теплой постели невольно залѣзали въ душу, и эта зимняя развѣдка претила намъ всѣмъ своей затяжкой, своей безконечностью. Нерѣдко въ дремотѣ, снились мнѣ теплая комната, хорошая постель и прочія удобства, но пробужденіе разрушало эту мечту, и пріятное сновидѣніе разлеталось въ прахъ отъ ощущенія холода, закрадывавшагося чуть не ежеминутно подъ песчовое одѣяло и теплую оленью доху, и вотъ снова принимались за горячій благодѣтельный китайскій напитокъ, единственный спасительный и цѣлительный въ нашемъ безотрадномъ положеніи. И дѣйствительно, положеніе было безотрадное: выбитые до почвы шурфы обнаруживали росыпь съ слабымъ содержаніемъ золота, не стоящимъ разработки. И такъ всѣ наши труды, всѣ муки, претерпѣваемыя отъ мороза, были напрасны, но тѣмъ не менѣе мы рѣшили ихъ претерпѣть до конца, пока не убѣдимся, что Дулинъ — нестойкій предметъ нашихъ исканій, тѣмъ болѣе, что шурфы давались на диво, такъ какъ турфа и пески были не толсты и вода въ шурфахъ ничтожная. А морозъ не уменьшался и точно порядился насъ заморозить или выжить съ Дулина. Такъ прошло двѣ недѣли, за это время мы успѣли выбить пятнадцать шурфовъ, въ 4 линіяхъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ на долину рѣчки. Результаты были самые плачевные.

— Ну, Гордѣй, — сказалъ я ему вечеромъ въ четырнадцатый день, — пора намъ отсюда убираться, ничего тутъ не будетъ.

— Да позвольте еще хоть два шурфика выколотить, я такъ думаю, что золото прибило вправо, отжало его къ правой горѣ этимъ лѣвымъ мысомъ.

— Вздоръ ты говоришь! У васъ вѣчно одна поговорка: отбило, прибило, вынесло, точно золото щепка какая или точно вы были сами въ то время, когда образовывались здѣсь росыпи. Нахватались откуда-то глупыхъ теорій таежныхъ геологовъ-самоучекъ, да и бредите ими.

— Ну не скажите. Ваши вотъ ученые, горные-то инженеры, ничего вѣдь по сію пору не открыли; а ежели золото-то и было открыто въ Сибири, да и у насъ въ тайгѣ, такъ все же нашимъ братомъ-самоучкой.

— Случайность, больше ничего, — отвѣтилъ я.

— И это неправда! Вотъ вѣдь не стану же я шурфовать тамъ, гдѣ нѣтъ такихъ породъ, что при золотѣ бываютъ; ужъ если кварцу,

зеленаго камня, талька или другаго сланца нѣтъ, такъ иди мимо, искать тутъ нечего.

— Такъ зачѣмъ же ты насъ на Дулинѣ иди подбилъ? Кварцу здѣсь мало, сланецъ грубый, песчаниковый, породы самыя непривлекательныя.

— Это точно, что породы здѣсь неважныя, а вотъ ходилъ же слухъ, что здѣсь когда-то партія поисковая стояла и золотину крупную нашли. Ну да вѣдь и у насъ въ шурфахъ тоже есть пропластокъ, тонкій, правда, а все-таки доль на 30 слишкомъ будетъ, значить, не совсѣмъ же пусто, кое-что и есть.

— Ну, братъ, ты это оставь, твой пропластокъ гроша не стоитъ, всего-то онъ въ четверть аршина, да и того даже нѣтъ. Я тебѣ скажу, что эти два шурфа будутъ послѣдними. Довольно самимъ морозиться и людей морозить, и то ворчать начинаютъ. Да и понятно, у нихъ хоть и теплые тулупы, а все же морозъ-то какъ подъ тулупъ заползеть, такъ моркотно станетъ.

Мы на томъ и порѣшили, выбить въ излюбленномъ Гордѣемъ мѣстѣ два шурфа и прикончить развѣдку, о чемъ я и людямъ объявилъ, и они такъ этому обрадовались, что окончили ихъ въ полтора дня. Результатъ вышелъ наипечальнѣйшій. Шурфы, выбитые на мѣстѣ, куда, по убѣжденію Гордѣя, должно было прибить золото, вышли самыя убогими по содержанію золота. Въ послѣднюю ночь нашего пребыванія на Дулинѣ на ясномъ небѣ показались перистыя облака, что предвѣщало перемѣну погоды. И точно, морозъ какъ будто хотѣлъ смиростивиться надъ нами, въ виду нашего скорого ухода съ Дулина. Какъ будто сразу потеплѣло, и термометръ нашъ показывалъ всего 30° холода. На другой день къ обѣду мы прикончили наши дѣла на Дулинѣ, наскоро пообѣдали остатками нашей провизіи, напились на дорогу чаю и, живо собравшись въ обратный путь, тронулись домой. Научившись ходить на лыжахъ, я шелъ бодро и скоро, не проваливаясь, какъ проваливался въ началѣ, рабочіе тоже пріучились къ лыжамъ, а сазанки наши, теперь значительно облегченные или почти пустые, не затрудняли уже рабочихъ, которые, въ чаюніи возвращенія домой, въ теплую казарму, быстро подвигались впередъ. Живо мы взобрались на переваль къ рѣчкѣ Бухарихтѣ и того скорѣе спустились съ него, пройдя не останавливаясь мѣсто нашего привала на этой рѣчкѣ, точно также скоро бѣжали мы съ Бухарихты, не чувствуя усталости, окрыленные мыслью ночевать въ теплѣ, подъ крышой. На пріискъ свой мы пришли уже довольно позднею, но все-таки пришли во-время, ибо ночью разразился неистовый буранъ, который теперь намъ былъ не страшень. Боже, какимъ раемъ показался намъ нашъ пріискъ, послѣ шестнадцати-дневнаго пребыванія въ снѣгу, подъ елкой, на

сорока-градусномъ морозѣ! Мнѣ казалось въ эту ночь, что все золото Актолика и Севагликона не могло бы прельстить меня встать съ моей теплой постели и двинуться въ эту бурю въ путь для его заявки. Буря выла, какъ лютой звѣрь, снѣгъ клубился и метался съ шумомъ въ окно моей комнаты, въ которой ярко топилась маленькая чугунная печка, распространяя тепло и усладу. Я думаю, то же пріятное ощущеніе испытывали и наши рабочіе въ жарко натопленной казармѣ, скинувши свои тулупы и протянувшись въ одномъ бѣльѣ на своихъ нарахъ.

— Что было бы съ нами сегодня на Дулинѣ? — подумалъ я, ибо, несмотря на буранъ, термометръ все-таки показывалъ не менѣе 25° R. холоду. Лежа въ постели, я пробѣгалъ газеты, полученныя въ мое отсутствие, какъ вдругъ вошелъ въ комнату Гордѣй.

— Ну, что, Гордѣй Ивановичъ, тебѣ надо? я думалъ, ты уже поужиналъ, отогрѣлся, да спать залегъ, послѣ шестнадцати-суточной бессонницы и нестерпимой стужи, а ты еще бродишь.

— Да вѣдь подумайте, куда-то затерялъ развѣдочный журналъ нашей шурфовки. Не у васъ ли гдѣ?

— Ахъ, ты неугомонный таежникъ! Да на что онъ тебѣ, журналъ этотъ, золота не оказалось, рѣчку не заявили, какая намъ въ немъ теперь нужда?

— Все же для порядку слѣдовало бы его сохранить, бываетъ — понадобится!

— Никому онъ не понадобится, а намъ съ тобой менѣе всего. Поди ложись спать и брось думать о Дулинѣ, ну его къ ляду! Спасибо — что во-время домой вернулся, теперь тамъ поди — бррр! и я завернулся чуть не съ головой въ одѣяло.

Гордѣй постоялъ, постоялъ, махнулъ рукой и вышелъ изъ комнаты; я же задулъ свѣчку и въ моментъ, даже не помню какъ, погрузился въ глубокой сонъ.

Съ медвѣдемъ въ перегонку.

Въ нашей Енисейской тайгѣ водятся два вида медвѣдей: бурый и черный, или муравьятникъ. Первый значительно больше втораго; случаются экземпляры отъ 14 до 16 и даже до 18 четвертей, а второй—отъ 10 до 12 четвертей. Муравьятникомъ прозвали чернаго медвѣдя за пристрастіе его къ муравьинымъ ящамъ, которыя онъ отыскиваетъ въ муравейникахъ, безжалостно истребляя и разрывая эти муравьиныя постройки. Здѣшній медвѣдь начинаетъ свою лѣтнюю дѣятельность въ апрѣлѣ, а прекращаетъ ее около Покрова, ложась на зиму въ берлогу, но есть между ними неугомонные шатуны, которые еще бродятъ осенью, до ноября и лишь въ первой половинѣ этого мѣсяца избираютъ себѣ зимнюю квартиру. Опасенъ медвѣдь весной, когда онъ выльзъ изъ берлоги, худой и тощій, и когда ему ѣсть въ лѣсу почти нечего, опасенъ онъ во время течки, опасны также полуголодные шатуны, а еще опаснѣе медвѣдица съ ребятишками, дрожащая за драгоценную ихъ жизнь, ибо она маменька чадолубивая и ревнивая. Странствуетъ она впрочемъ не одна, а въ сопровожденіи пѣстуна, — молодаго, годовалаго медвѣдя, котораго она сильно муштруетъ и за всякую его провинность наказываетъ по-своему, по-медвѣжьи. Опасна бываетъ встрѣча съ подобнымъ милымъ семействомъ плохо вооруженному и неискусному стрѣлку и всякому безоружному прохожему и проѣзжему; не менѣе опасна встрѣча весной и съ полуголоднымъ звѣремъ; но за то въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ встрѣча съ отъѣвшимъ и разжирѣвшимъ Мишкой не представляетъ особенной важности, въ особенности, если его не трогать, — онъ обыкновенно бываетъ въ это время благодушенъ и уступчивъ. Да и вообще нашъ лѣсной хозяинъ не изъ храбрыхъ, онъ пугливъ и трусоватъ; пугается всякой нечаянности, громкаго, внезапнаго окрика и шума. Въ половинѣ іюля, а иногда и ранѣе, въ тайгу пригоняютъ скотогоны живой скотъ изъ Канскаго и Минусинскаго

округовъ, а также изъ Западной Сибири, и къ этому времени медвѣди какъ по инстинкту выходятъ къ скотопромышленнымъ трактамъ и дорогамъ; въ это время нерѣдко ихъ можно встрѣтить бродящими около этихъ путей, въ чайніи заплучить какого-нибудь заблудившагося бычка, барана или лошадей; иногда медвѣди бродятъ здѣсь чуть не артельно въ три, четыре особи, и рѣдко скотогоны не платятъ имъ этой невольной дани. Вызываетъ ихъ также на таежныя пути и другое обстоятельство, въ особенности въ сентябрѣ и весной: обиліе падали, въ видѣ подохшихъ лошадей, которыя, если онѣ почему-либо подохли, то тутъ же и оставляются и никѣмъ не прибираются. Если падаль эта почему-либо находится близъ какого-либо пріиска, то она, помимо того, что служить пищей для прісковыхъ собакъ и другихъ лѣсныхъ хищниковъ, непременно привлекаетъ къ себѣ и медвѣдя, который не опускаетъ случая ею попользоваться и нерѣдко убираетъ эту падаль, утаскивая ее въ лѣсъ, и для охраненія таковой отъ другихъ попользователей, закрываетъ ее вѣтками, хвостомъ и даже землей и мохомъ.

Любимою пищею медвѣдя служатъ корни нѣкоторыхъ корнеплодныхъ растений, а въ особенности ягоды: голубика, черника, малина и брусника; также полевая мышь, бурундуки, для ловли которыхъ онъ прибѣгаетъ къ такой стратегіи: медвѣдь ложится на спину и начинаетъ свистать по-бурундучьи; бурундукъ, полагая, что это свиститъ бурундучья самка, прибѣгаетъ на этотъ звукъ и попадаетъ въ добычу медвѣдя. Даже енисейскіе остяки переняли у медвѣдя этотъ способъ лова бурундуковъ. Непрочь, во время голодухи, Мишка заняться и рыбной ловлей; такъ на маленькихъ рѣчкахъ, въ которыхъ водятся хариусы, онъ устраиваетъ въ рѣчкѣ преграду изъ кочекъ, травы и хвосту и выплескиваетъ лапою изъ-за этой устроенной имъ плотины рыбу на берегъ, которую затѣмъ и подѣдаетъ.

Какъ-то въ іюлѣ 1858 года пріѣхалъ я по дѣлу на Петропавловскій золотой пріискъ, по р. Шааргану, къ управляющему имъ Денисьеву, отобѣдалъ у него. За обѣдомъ, конечно, шель обыкновенный таежный разговоръ—о золотѣ и работахъ, затѣмъ незамѣтно отъ этого дѣловитаго разговора, перешли къ медвѣдямъ и охотѣ.

— Слышали, — говорить мнѣ Денисьевъ, — у насъ тутъ на Шаарганѣ медвѣди пошаливаютъ.

— Нѣтъ, не слыхаль! А что?

— Да и какъ еще пошаливаютъ! У Зотовскаго матеріальнаго лошадей на стану задрали, а на Талой — корову. Видно, скоро скотогоны будутъ! И то мнѣ Лейбовичъ пишетъ, что къ Ильину дню быковъ пригонитъ. Вотъ они, медвѣди-то, видно и пронюхали, что

скотогоны близко, на дорогу и вышли, чтобъ встрѣтить старыхъ знакомыхъ, дань съ нихъ свою получить. Тоже вѣдь бароны таежные, медвѣди-то! Ну, какъ тѣ въ старые годы съ проѣзжихъ купцовъ дань собирали, такъ и они собирать свою дань собрались. До пятка, говорятъ, появилось. Зотовскій матеріальный, какъ прослышалъ это, такъ и ружья свои приготовилъ, а тутъ они у него ночью коня и съѣли.

— А онъ-то гдѣ же былъ, со своими ружьями?

— Да по обыкновенію проспалъ, гдѣ же больше. Теперь караулить каждую ночь, а медвѣди-то и не показываются.

— Знаете что, я такъ думаю, что все это одни медвѣжьи сказки!

— Не скажите, вездѣ теперь ихъ видѣли, да и у насъ, на верхнемъ стану, даже на пильню, по Чадовскому ключу, приходили, на Урумкѣ, словомъ, повсюду.

— Этакъ мнѣ отъ васъ засвѣтло уѣхать надо, вѣдь мнѣ какъ-разъ и по Чадовскому ключу, и по Урумкѣ ѣхать придется. Ну да теперь медвѣдь добрый, отѣлся, да къ тому же я не скотогонъ, съ меня ему дани получать не приходится.

— Не скажите тоже, вчера ободралъ у Горчаковскихъ угольщика; хорошо, что товарищи во-время съ собакой выручили, а то бы задралъ на смерть.

— Ну, навѣрное угольщикъ самъ былъ виноватъ, разсердилъ чѣмъ-нибудь медвѣдя.

— Ну, ужъ не знаю подробностей, какъ дѣло было.

Я ужъ собрался было ѣхать, какъ къ крыльцу прискакали трое верховыхъ, изъ нихъ одинъ былъ извѣстный скотогонъ Сорокинъ, его приказчикъ и конюхъ.

Сорокинъ пошелъ къ намъ, а приказчикъ и конюхъ, привязавъ лошадей, усѣлись въ тѣни, на завалинкѣ дома.

— Здравствуйте, какъ здоровье, каково моете, — привѣтствовалъ насъ Сорокинъ, войдя въ комнату и потрясая наши руки своими жилистыми ручищами, ухватившими ихъ словно клещами.

Сорокинъ былъ высокаго роста въ 3 аршина 2 вершка, крѣпкій, сильный мужчина лѣтъ подшестьдесятъ; вѣсу въ немъ было около одиннадцати пудовъ. Ѣздилъ онъ верхомъ на двухъ смѣльныхъ верховыхъ лошадяхъ, чрезвычайно сильныхъ и рослыхъ, и доставалось же отъ него этимъ двумъ несчастнымъ конькамъ, такъ какъ вынести на себѣ эту тушу не всякому коню было под силу, и много онъ коней погубилъ на своемъ вѣку, хотя ѣздохъ онъ былъ превосходный и умѣлъ обходиться съ лошадьми. Сорокинъ былъ крупный капиталистъ-скотогонъ и ежегодно пригонялъ съ Линіи, изъ Западной Сибири отъ 3 до 5-ти тыс. головъ линейскаго скота на прииски Сѣверной

и Южной тайги. Скоть его былъ крупный и жирный, не чета мѣстному енисейскому скоту, который вѣсилъ въ сложности не болѣе 8—9—10 пудовъ, тогда какъ сорокинскій скоть обходился по 14—15 и даже 18 пудовъ, не считая сала, кожи, ногъ и потроховъ, зато и цѣна его скота далеко превосходила цѣну мѣстнаго скота, въ особенности канскаго, который рѣдко бывалъ болѣе 6—7 пудовъ вѣсомъ.

— Добро пожаловать, Иванъ Степановичъ. Ну, какъ живешь-можешь? Скоть, видно, гонишь въ дальнюю тайгу!

— Живемъ да хлѣбъ жуемъ; скоть точно-что гонимъ и въ вашу и въ дальнюю тайгу. Скоть близко, дозвольте на нижнемъ стану вашемъ пустомъ переночевать, все лучше, чѣмъ въ лѣсу; на рѣчкѣ, медвѣдь проклятый у васъ тутъ шляется, вчерась на Рыбной быка угналъ. Ахъ, чтобъ ему пусто было!

Мы переглянулись.

— Ну, что жъ, Иванъ Степановичъ, тоже и медвѣдю кушать надо. Онъ вѣдь хозяинъ-баринъ здѣшний, надо вамъ ему тоже и дань заплатить. Платите же вѣдь дани разнымъ господамъ, не безъ того, ну, вотъ и медвѣдь, все равно, что исправникъ, тоже свою мзду желаетъ за пропускъ получить. А вы его обходите даями-то, вотъ онъ самъ и распорядился. Извольте ночевать, только вѣдь у насъ здѣсь медвѣди по вашей же милости пататься начали; говорятъ, артелью бродятъ.

— Ахъ, чтобъ имъ пусто было! Ну, да здѣсь мы на стану скоть-то отъ нихъ убережемъ, костры разложимъ, да стрѣлять по временамъ будемъ.

— Извольте, извольте, а теперь чайкомъ займемся, садитесь пожалуйста; вамъ, поди, и стоять-то трудно.

— Ничто, привычны, а тоже и съѣсть боимся, крѣпки ли стулья-то у васъ, Петръ Ивановичъ, смѣясь садился Сорокинъ.

— Стулья—что твоя крѣпость, таежный плотникъ дѣлалъ, два вѣка прожить.

Между тѣмъ лошади были мнѣ поданы, я распрощался съ хозяиномъ и гостемъ, сѣлъ на дрожки и покатилъ на своей тройкѣ, которая гремѣла, звонила и звучала колокольцами, подвѣсками и ширкунцами. Спустившись съ горки, на которой стояло присковое строеніе, мы по отличной, какъ поссе, таежной дорогѣ покатали по долину Шааргана и вскорѣ достигли Чадовскаго ключа, по которому и стали подыматься въ гору, на переваль къ рѣчкѣ Урумкѣ. Дорога шла не долиной ключа, а горнымъ склономъ, полого спускавшимся къ ключу. Весь этотъ склонъ покрытъ былъ рѣдкимъ лѣсомъ и молодымъ кустарникомъ, и дорога шла по нему въ «тянигусъ», т. е. медленно подымаясь въ отлогую гору. Такъ мы ѣхали верстъ пять, не-

замѣтно поднимались на водораздѣль Урумка и Шааргана и стали круто спускаться по долинкѣ впадающаго въ первый небольшого горнаго ключика, заросшаго густымъ хвойнымъ лѣсомъ и березнякомъ. Спустившись къ устью ключика, мы выѣхали въ довольно широкую долину рѣчки Урумка, которую и переѣхали въ бродъ, на правую его по теченію сторону. Дорога наша вилась по долинѣ рѣчки у самаго горнаго, сланцеваго хребта, довольно значительной высоты и круто падающаго въ долину. Рѣчка Урумкъ, шириною отъ 2 до 3 сажень, струилась по долинѣ, журча по своему каменистому ложу; капризно извиваясь, она то подбѣгала къ самой дорогѣ, то отходила въ сторону, къ серединѣ своей долины, то отбѣгала къ лѣвому ея берегу, представлявшему обширный пологій горный скатъ, поросшій рѣдкимъ лѣсомъ и кустарниковъ. Вся ширина долины не превышала ста сажень, причѣмъ долина была болотиста, поросла кустами жлюности и таволги, молодыми елками и березками.

Только-что мы переѣхали рѣчку и повернули влѣво внизъ по долинѣ, какъ мой конюхъ, правившій лошадьми, повернулся ко мнѣ и, указывая въ сторону кнудомъ, сказалъ:—Гляди-ко, гляди, Николай Васильевичъ, медвѣдь вѣдь бѣжитъ да какъ близко. Ахъ, шутъ-тя возьми, вѣдь ничего не боится, вотъ вѣдь какой!

Посмотрѣлъ я влѣво по указанію, и дѣйствительно саженьхъ въ тридцати, много сорока отъ насъ, по лѣвому косогору, за рѣчкой бѣжалъ бурый Мишка по одному направленію съ нами.

— Ну, что намъ теперь дѣлать, — спросилъ конюхъ, замѣчая, что лошади стали тревожиться, завидѣвъ непрошеннаго провожатаго.

— Да что же дѣлать, какъ не ѣхать. Поѣзжай, да погромче покривай.

Конюхъ неистово загалгалъ на лошадей и, взмахнувъ кнудомъ, помчался крупной рысью по дорогѣ. Медвѣдь, оглядываясь въ нашу сторону, тоже прибавилъ рыси и даже побѣжалъ въ прискокку, ни чуть не измѣняя своего направленія.

Мнѣ стало смѣшно и забавно.

— Иванъ, да что ты гонишь, какъ сумасшедшій, вѣдь намъ еще 16 верстѣ бѣжать, да на двѣ горы подыматься, вѣдь эдакъ лошадей загонишь, а отъ медвѣдя не убѣжишь. Поѣзжай рысцой!

Иванъ осадилъ лошадей и поѣхалъ рысцой, поминутно покриывая на лошадей и на медвѣдя. Медвѣдь убавилъ шагъ и потрусилъ по кустамъ, то пронадая за ними, то снова появляясь, но бѣжалъ вровень съ нами, держась отъ насъ въ 30—40 саженьхъ, смотря по тому, какъ извивалась наша дорога, то подбѣгая къ косогору, то удаляясь отъ него.

— Послушай, Иванъ, останови тройку, не будетъ ли лучше, авось онъ отстанетъ.

Лошади были немедленно остановлены и фыркали и прядали ушами, но въ то же время остановился и медвѣдь, сѣлъ на заднія лапы и глядѣлъ на насъ.

— Ахъ ты окаянный, эхъ, плохо безъ ружья, такъ бы я его тутъ и прикончилъ, — сказалъ съ досадою Иванъ.

— Какъ бы не такъ, у тебя бы со страху руки ходенемъ ходили, да ты и сейчасъ трусишь. Ну, поѣзжай, брось медвѣдя, только не гони лошадей.

Иванъ тронулъ возжи, лошади побѣжали чуть не вскачь, тройку трудно было сдерживать, и намъ вдвоемъ пришлось держать возжи и править мчавшимися лошадьми. Хорошо еще, что дорога была ровная и прекрасно укатанная и нигдѣ не было мостовъ и гатей, а то недолго бы и опрокинуться. Наконецъ съ страшными усилиями удалось сдержать лошадей и заставить ихъ бѣжать рысью, но все-таки мчали онѣ насъ около версты, производя неистовый звонъ своими привѣсками и колокольцами. Оглянувшись въ сторону по направленію медвѣдя, я увидалъ его бѣжавшимъ во весь духъ по лѣсу, параллельно нашему пути.

— Иванъ, а медвѣдь не отстанетъ, смотри-ка, какъ лупить, точно старается насъ догнать.

Иванъ повернулъ голову тоже по направленію Мишки. — Вѣдь онъ, проклятый, и въ самомъ дѣлѣ насъ нагоняетъ. Ну, быть бѣдѣ! Кабы къ лошадямъ не бросился, вѣдь ничего ему не стоитъ перебѣжать на дорогу, тогда насъ разнесутъ лошади.

Дѣло становилось точно серьезнымъ, по вотъ слышимъ навстрѣчу намъ бѣжить тройка, гремя своими колокольцами, и нашъ медвѣдь повернулъ влѣво въ лѣсъ и быстро сталъ удаляться въ его чащу. На встрѣчной тройкѣ ѣхалъ какой-то приказчикъ. Мы остановились, чтобъ разъѣхаться и дать перевести духъ лошадямъ, сильно запыхавшимся отъ быстрого бѣга. Разъѣхавшись съ встрѣчными, мы черезъ полчаса достигли устья рѣчки Урумка и Удерейскаго брода, черезъ рѣку Удерей, и часъ спустя были дома, не встрѣтивъ болѣе нашего спутника-медвѣдя.

Разказы о медвѣдяхъ, встрѣчи съ ними и охоты за ними составляютъ немалую тему для таежныхъ разговоровъ, послѣ повседнежнаго разговора о золотѣ.

Много ходить анекдотовъ и разказовъ, курьезныхъ и траги-комическихкихъ. Въ мое время курсировалъ разказъ о встрѣчѣ однимъ изъ золотопромышленниковъ медвѣдя.

Потелъ этотъ золотопромышленникъ съ своего пріиска въ лѣсъ по

какому-то дѣлу, и вдругъ навстрѣчу ему медвѣдь. Что дѣлать? Ни ружья, ни топора съ собой нѣтъ, но благо недалеко стояло толстое, въ три обхвата, дерево; спрятался золотопромышленникъ за него, а медвѣдь къ нему. Въ страхѣ и не помня себя отъ ужаса, сталъ золотопромышленникъ ходить кругомъ дерева такъ, чтобъ между нимъ и медвѣдемъ оставалось дерево. Медвѣдь хочетъ его облапить, а онъ за дерево. Медвѣдь ходитъ на заднихъ лапахъ и рычитъ, а золотопромышленникъ прячется за дерево, ходитъ вокругъ него, такъ они кружились съ часъ или болѣе. Наконецъ золотопромышленникъ, въ страхѣ, не помня себя, взмолился медвѣдю: «Михайло Ивановичъ, я вѣдь не по вашей части сюда зашелъ, а по золотопромышленной. Отпусти, Христа ради». Шапку снималъ передъ нимъ, а медвѣдь ничему не внимаетъ и все за нимъ ходитъ, все хочетъ его ухватить. На пріискѣ однако хватились хозяина, кто-то видѣлъ въ какую сторону онъ пошелъ; побѣжали искать, и вдругъ видятъ, что кругомъ дерева вертится ихъ хозяинъ и медвѣдь. У искавшихъ хозяина былъ топоръ, да видно и люди были сильные. Ну кричатъ, а медвѣдь какъ слышалъ да завидѣлъ идущихъ на выручку людей, бросился въ лѣсъ и былъ таковъ.

Долго смѣялись надъ золотопромышленникомъ, говорили ему, что онъ съ медвѣдцей повѣнчанъ, и что отнынѣ ему нечего въ лѣсу медвѣдей бояться, такъ какъ всѣ они ему стали сватами. Такъ его медвѣжьимъ сватомъ и прозвали, а медвѣжьему свату было не до смѣха, посидѣлъ, говорятъ, съ перепугу. Рассказывали и такой анекдотъ, а можетъ быть и дѣйствительный случай; съ медвѣдемъ всякое бываетъ. Ыдетъ какой-то приказчикъ верхомъ по тайгѣ, а ему на встрѣчу Миша. Испугался конь, всталъ на дыбы, сбросилъ сѣдока да и былъ таковъ. Очутившись на землѣ и видя, что Мишенька приближается къ нему, онъ, лежа на дорогѣ, тихонько перевернулся ничкомъ и притаилъ свое дыханіе. Подошелъ Мишка къ приказчику, обнюхалъ его, поворочалъ его съ боку на бокъ, потаскалъ зубами за ногу, даже ложился на него брюхомъ, а приказчикъ ни живъ, ни мертвъ, со страху обмеръ и ни-гу-гу. Посидѣлъ на немъ Мишка, снова обнюхалъ и какъ будто прочь пошелъ. Но приказчикъ, не очнувшись еще отъ страха, все лежалъ не шевелясь, и благо ему было, ибо медвѣдь немного погодя снова вернулся къ нему и давай его вновь съ боку на бокъ переваливать, сгребъ его за шиворотъ, приподнял и бросилъ о землю, посидѣлъ около него и прочь пошелъ.

Долго лежалъ приказчикъ не шевелясь, и неизвѣстно, сколько бы еще пролежалъ въ безсознательномъ состояніи, но ѣхали по дорогѣ чьи-то конюхи, видятъ: лежитъ человѣкъ. Остановились, подняли его, а онъ съ перепугу какъ закричитъ: «Михайло Ивановичъ, да вѣдь я

мертвый». Конюхи подумали сначала, пьянъ человѣкъ, да какъ взглянулись въ лицо, видятъ—на себя не похожъ, дали ему глотокъ воды. Приказчику вернулось тутъ сознаніе, и онъ рассказалъ имъ, что съ нимъ случилось. Бѣднягу привезли на пріискъ да прямо въ больницу, потому что съ нимъ сдѣлалась горячка, насилу вылечили, совсѣмъ было человѣкъ пропалъ. А вотъ ужъ этотъ рассказъ, что сейчасъ приведу,—сухая правда, такъ какъ случился съ нашимъ рабочимъ. Нанятъ былъ у насъ рабочій на Мурожную, по фамиліи Суворовъ. Вотъ и апрѣль прошелъ, а Суворовъ на пріискъ не является. Что такое съ нимъ сдѣлалось?—удивлялся я, такъ какъ Суворовъ хорошій, прилежный и сильный былъ работникъ. Пришелъ май, получаемъ вдругъ съ пріиска К. Асташева бумагу такого содержанія: «Рабочій, такой-то Суворовъ, являсь на пріискъ, заявилъ пріисковому управленію, что за полученными имъ ранами въ борьбѣ съ медвѣдемъ не можетъ слѣдовать далѣе. По медицинскомъ осмотрѣ оказалось, что на плечахъ у него ободрапа кожа и сильныя ссадины и царапины, почему онъ положенъ на излеченіе въ пріисковую больницу». Сейчасъ же посланъ былъ мною нашъ становой, справиться, что такое случилось, и повидать Суворова, и вотъ что по его разказу оказалось. «Иду энта я,—рассказывалъ Суворовъ становому,—съ послѣдняго зимовья на Мурожную и только-что сталъ подыматься на Тальскій хребетъ, а мнѣ на встрѣчу муравьятникъ, да не маленькій, а во какой. У меня кромѣ мѣшка съ лопотью да посошка ничего. Ахъ, думаю, дуй-тя горой, вишь вѣдь задержка какая! Стою да смотрю на подлеча, а и онъ это сидитъ на заднихъ лапахъ да точно облизывается, а съ дороги не сходитъ. Кричалъ-кричалъ, въ мѣдный чайникъ стучалъ, нѣтъ, нейдетъ прочь, не пукаетъ. Вотъ я это перекрестился и пошелъ къ нему навстрѣчу, онъ на заднія лапы да какъ взгребетъ меня. Ну да я не простъ, батожекъ свой бросилъ да и ухватилъ его обѣими руками за горло и ну давить, да такъ и задавилъ до смерти. Справившись съ медвѣдемъ, забралъ свой мѣшокъ да и пошелъ на пріискъ, только ужъ дальше Асташевского идти не могъ, больно саднили плечи и спина, тутъ я и легъ въ больницу. Не повѣрили мнѣ по началу. Говорю, пошлите на дорогу, подберите медвѣдъ. Поѣхали конюхи и приволокли удавленника на пріискъ, тутъ я его и продалъ управляющему за пять рублей. Удивились всѣ; эка, говорятъ, у тебя силища-то, медвѣдъ задавилъ. Какая, говорю, сила, вотъ прежде посмотрѣли бы, годовъ съ десятокъ назадъ, такъ точно сила была, когда желѣзные лома о колѣнко свое, какъ пруть какой, ломалъ надвое». Вотъ каковъ былъ нашъ таежный Суворовъ!

О т в о д ъ .

Быль уже конецъ іюля, отличавшійся съ самага Ильина дня удивительно теплой погодой. Послѣ Ильинской грозы, на другой день лиль-ливня теплый дождь, но на третій день была ясная и жаркая погода съ сильнѣйшей ночной грозой, послѣ которой цѣлый день моросиль дождикъ, а затѣмъ снова наступила ясная и теплая погода. Однимъ словомъ, несмотря на конецъ таежнаго лѣта, которое обыкновенно заканчивается вторымъ Спасомъ, погода стояла, на удивленіе не только теплой, но даже жаркой. Не было и недостатка воды въ рѣчкахъ, не было сильной грязи въ разрѣзахъ, золото шло въ забояхъ доброе, а потому на душѣ было весело и радостно. Въ большой комнатѣ моего присковаго дома, выходящей своими четырьмя окнами и стеклянной балконной дверью на сѣверъ и востокъ, съ видомъ на зарѣчныя лѣсистыя горы и присковыя работы и служившей мнѣ гостиной, столовой и приемной, было тихо и душно, несмотря на открытыя настежь два окна и балконную дверь. Было уже довольно темно, почему на стоявшемъ посреди комнаты обѣденномъ кругломъ столѣ, на которомъ было накрыто четыре прибора, горѣло двѣ стеариновыхъ свѣчи, въ чугунныхъ подсвѣчникахъ, издѣлія мѣстнаго Абаканскаго желѣзнаго завода. Посреди стола красовались, кромѣ суда съ горчицей, уксусомъ и перцемъ, графинъ съ водкой и двѣ бутылки съ мадерой и хересомъ собственнаго Шушляевского розлива, — такъ назывался извѣстный тогда винный погребокъ въ городѣ К. Тутъ же стояла на тарелкахъ закуска, состоящая изъ соленыхъ и маринованныхъ таежныхъ грибовъ, рѣдиски, огурцовъ и не менѣе знаменитой углицкой колбасы, прозванной нами въ тайгѣ почему-то «сапожу», вѣроятно за ея запахъ, напоминающій запахъ кунгурскихъ сапогъ. Я сидѣлъ на простомъ, таежнаго издѣлія, деревянномъ табуретѣ, у открытой балконной двери, наслаждаясь вечерней

прохладой, тихой, теплой и звѣздной таежной ночи и вспыхивающей гдѣ-то въ отдаленіи зарницей. На широкомъ диванѣ, идущемъ вдоль одной изъ стѣнъ комнаты, во всю ея ширину, обитомъ простой киргизской кошмой и дешевенькимъ темнымъ ситцемъ, лежалъ, дымя папирсой, прѣбывавшій ко мнѣ для отвода заявленной мною, въ долину рѣчки Тугунъ, площади — горный отводчикъ Декманъ. Въ углу между печкой и стѣной стоялъ, въ смиренной позѣ, въ форменной одеждѣ, помощникъ его, Савватій Ильичъ, мужчина довольно уже пожилыхъ лѣтъ. Этотъ Савватій Ильичъ или по-просту Савватій, какъ его обыкновенно называли у насъ въ тайгѣ, былъ удивительный, нынѣ уже вымирающій типъ выслужившагося изъ «ундеровъ» межеваго вѣдомства чиновника четырнадцатаго класса. Не имѣя никакого образованія, кромѣ первоначальной грамоты, а тѣмъ болѣе специальныхъ межевыхъ познаній, кромѣ долгой практики и умѣнья обращаться съ астролябіей, нивелиромъ и промѣрной цѣпью, онъ, по недостатку тогда въ Сибири специалистовъ-межевщиковъ, выслужился въ чиновники и сталъ помощникомъ горнаго отводчика золотосодержащихъ площадей. Такъ какъ и большинство тогдашнихъ отводчиковъ тоже едва мараковали въ межевомъ дѣлѣ, то такой, набившій руку долговременной практикой, помощникъ, былъ золотымъ и необходимымъ человѣкомъ для своего отводчика, безъ котораго послѣднему было бы затруднительно исполнять свое дѣло. Савватій былъ притомъ человѣкъ безхитростный и трудолюбивый; одна была бѣда съ нимъ: очень онъ любилъ выпить лишнее, а какъ выпьетъ, бывало, то такъ раскисалъ, что уже никуда не годился, а потому за нимъ необходимо было надзирать и доглядывать. Вотъ и теперь, завидя приближеніе къ дому моему управляющаго, неспяго добытое въ послѣобѣденную смывку золото, въ сопровожденіи присковаго казака, смотрителя машины и двухъ промывальщиковъ, освѣщавшихъ ему путь двумя громадными берестяными факелами, я обратился къ Савватію съ словами.

— Савватій Ильичъ, золото несутъ, скоро ужинать будемъ, пора закусывать. Выходите изъ вашего угла, садитесь къ столу. Что вы тамъ стоите, точно наказанный школьникъ? Савватій оставался безъ движенія и въ отвѣтъ мнѣ только моргалъ своими узенькими слезливыми глазами и какъ-то сладко улыбался.

— Идите же закусывать и выпить чарочку водки, — говорилъ я ему.

— Не могу-съ, — отвѣчалъ Савватій. — Никакъ не могу-съ, Николай Васильевичъ; при всемъ моемъ желаніи, опасаясь съ мѣста сдвинутся. Боюсь упасть, одному мнѣ не дойти до стола.

Декманъ засмѣялся, сказавъ ему: Ахъ ты старая крыса, опять размякъ! Да гдѣ ты это успѣлъ нализаться?

Савватій ухмылялся и тихо проговорилъ:

— Виноватъ, Оскаръ Карловичъ, выпилъ должно быть лишнее, а гдѣ—теперь даже не упомяну.

— Ну и губка же ты, Савватій, — продолжалъ Декманъ. — Какъ же мы завтра съ тобой отводъ дѣлать будемъ?

— Не беспокойтесь, — промямлилъ Савватій, — выплосью, и за ночь все пройдетъ, только опохмѣлитесь чарочку дайте, все въ лучшемъ видѣ обдѣлаемъ. Что отводъ, два сдѣлаемъ, коли надо будетъ!

— Ахъ ты, грѣховодникъ, право! — продолжалъ Декманъ. — Нѣтъ ужъ вы, Николай Васильевичъ, прикажите съ нами на отводъ вашему приказчику Коростелеву ѣхать; онъ молодецъ по этой части, отлично умѣетъ распоряжаться, въ особенности, если сами не поѣдете.

— Не беспокойтесь, — отвѣчалъ я. — Я и самъ поѣду, и Коростелева захвачу. Да я ему уже сегодня объ этомъ говорилъ, чтобъ онъ завтра чѣмъ свѣтъ отправился съ рабочими на отводъ, чтобъ тамъ столбы межевые припасъ, надписи вырѣзалъ, вѣхи и колья приготовилъ; онъ и ваши инструменты, и все нужное съ собой увезетъ. Въѣдъ до Тугуна отсюда недалеко, не больше восьми верстъ. Коростелевъ съ народомъ будутъ на отводѣ къ семи часамъ утра, а мы приѣдемъ туда къ восьми и сейчасъ же примемся за дѣло. Что же до Савватія, то мы вытрезвимъ его и увеземъ съ собой, а водки ему, до окончанія отвода и пока не вычертитъ вчернѣ плана, не дадимъ ни капельки. Послѣ можетъ напиться сколько захочетъ. Слышите, Савватій?

Савватій какъ стоялъ, такъ и упалъ на колѣни.

— Боже мой, — проговорилъ онъ жалобно, — неужто ни капельки! Ну къ чему такая ко мнѣ жестокость! Нѣтъ, какъ хотите, я безъ водки не могу дѣлать отвода, я лучше тогда не поѣду вовсе, пусть Оскаръ Карловичъ самъ отводитъ, я боленъ, я совсѣмъ боленъ! И Савватій чуть не плакалъ.

— Да встаньте вы, горе-помощникъ, — проговорилъ съ тревогою въ голосъ Декманъ. — Не бойтесь, мы вамъ дважды въ день будемъ давать водку по чаркѣ, въ обѣдъ и къ ужину. Вставайте, говорю, не ревите!

— Не могу-съ, никакъ не могу-съ, ноги не слушаются. Радъ бы встать, но не въ силахъ, — проговорилъ повеселѣвшій вновь Савватій. Намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ помочь этому несчастному, и мы съ Декманомъ подняли Савватія, подвели къ столу и усадили на стулъ.

Тѣмъ временемъ пришелъ мой управляющій, подали ужинъ, и мы стали ужинать. Савватій просіялъ. Изрытая оспой, шадровитая, круглая физиономія его освѣтилась блаженствомъ; онъ чувствовалъ теперь досягаемость для него и водки, и закуски; вина же винограднаго онъ

не пилъ, называя его бурдой и кислятиной, чѣмъ оно въ большинствѣ случаевъ и было, въ особенности разлива фирмы Шупляева, гдѣ напримѣръ мадера продавалась штофами, цѣной по полтора рубля штофъ, а красное и бѣлое—шпанское, по тридцати копѣекъ серебромъ за бутылку.

Въ особенности же возликовалъ Савватій, когда я ему налилъ чарку водки, сказавъ при этомъ, что это на сегодня послѣдняя и чтобъ затѣмъ, закусивъ и поужинавъ, онъ немедленно отправился спать, что онъ исполнилъ, а такъ какъ самъ онъ не могъ ступить шагу, то и былъ отправленъ на покой въ сопровожденіи слуги моего—Федора, который и уложилъ его въ постель въ своей горенкѣ.

На другой день, рано утромъ мы были уже на ногахъ. День былъ ясный, свѣтлый и теплый, и обѣщаль быть жаркимъ. Мой Коростелевъ съ рабочими уже съ часъ тому назадъ, какъ отправился на Тугунскій отводъ. Мы уже успѣли пить чай, приказавъ немедленно сдѣлать верховыхъ лошадей. Савватій явился къ чаю уже протрезвившимся и, садясь къ столу, умильно глядѣлъ на меня, точно котъ на сливки.

— Кушайте чай, Савватій, да собирайтесь въ путь, сейчасъ поѣдемъ на Тугунъ, — сказалъ я.

— Въ моментъ буду готовъ, Николай Васильевичъ, только ужъ вы, по обѣщанію вашему, одолжите мнѣ рюмочку на опохмѣлье. Право, голова что-то болитъ, а вотъ какъ полечусь да подкрѣплюсь рюмочкой, — живой человекъ стану. Дѣлать нечего, я пошелъ въ шкафъ и, наливъ ему рюмку водки, сказалъ:

— Обѣщанную вамъ даю, но помните уговоръ: до обѣда водки не просите.

— Благодарю васъ за эту, только, неужели вы будете столь жестокосерды ко мнѣ, — сказалъ Савватій — и по приѣздѣ на Тугунъ не дадите вспрыснуть начало отвода?

Декманъ строго взглянулъ на Савватія и промолвилъ внушительно:

— Ни капли не получишь, кончай чай, не раздabarывай и пошелъ готовься къ отъѣзду.

Савватій примолкъ, насупился и принялся пить чай, наливая его изъ стакана на блюдце; онъ дулъ на него немилосердно, глотая затѣмъ его въ прикуску. Окончивъ пить чай, обгрызки своего сахара онъ положилъ къ себѣ въ карманъ, опрокинулъ вверхъ дномъ стаканъ на блюдце, многозначительно крякнулъ, всталъ и отправился собираться въ дорогу. Выкуривъ по папироскѣ, мы съ Декманомъ пошли одѣваться, вышли затѣмъ на крыльцо, у котораго уже дожидались наши лошади и гдѣ въ то же время стоялъ и нашъ Савватій, готовый къ отъѣзду. Сѣвъ на коней, мы поѣхали гуськомъ прямо къ противополо-

ложной горѣ, через старую выработку, выбравшись изъ нея по деревянному взвозу. Пересѣкши долину нашей рѣчки, стали подыматься по широкой, хорошо протоптанной тропѣ на лѣсистый, горный хребетъ, служившій водораздѣломъ долины нашей рѣчки и Тугуна. Чистый и теплый воздухъ былъ насыщенъ ароматами хвойнаго лѣса, который густо разросся по склону горнаго хребта. Несмотря на довольно крутой подъемъ, лошади наши шли бодро и весело, сопровождаемая цѣлой сворой увязавшихся за нами прискоковыхъ собакъ. Черезъ полчаса мы были уже на вершинѣ горы и отсюда двинулись быстро впередъ, по ровной площади ея темени, поросшей лиственницами, кедрами и сосной. Черезъ четверть часа мы стали спускаться въ Тугунскую покать хребта, въ верховья рѣчки. Спустившись въ долину Тугуна, мы двинулись внизъ по ея теченію, около лѣвой горной возвышенности, ограничивающей съ этой стороны долину. Пройдя около пяти верстъ, мы достигли починнаго пункта заявленной мною площади, гдѣ Коростелевымъ была поставлена палатка, а его самого и рабочую команду застали за изготовленіемъ вѣхъ. Соскочивъ съ лошадей и отдавъ ихъ конюху, мы всѣ двинулись къ починному столбу, и здѣсь отводчикъ съ Савватіемъ установили свою астролябію и стали отмѣчать градусы, затѣмъ, взявъ направленіе къ правой, по теченію, горѣ, стали вѣшиться и отбивать широту у начальнаго пункта отвода. Пройдя по вѣхамъ пятьдесятъ сажень разстоянія и выйдя на правый увалъ горы, мы тутъ утвердили починный, широтный столбъ нашего отвода. Къ сожалѣнію, склоненіе магнитной стрѣлки не было опредѣлено, какъ бы это слѣдовало по правиламъ, по неумѣнію или лѣности господъ межевщиковъ, почему и было отмѣчено потомъ въ межевомъ журналѣ, что по случаю ненастной, туманной погоды сего не было сдѣлано, хотя на этотъ разъ солнце сіяло у насъ, какъ говорится, всю. Впрочемъ, это столь обычное явленіе при отводахъ, что какъ будто бы такъ и быть должно, и я зналъ только двухъ межевщиковъ за все мое пятнадцатилѣтнее пребываніе въ тайгѣ, которые могли сдѣлать и дѣлали наблюденія надъ склоненіемъ магнитной стрѣлки, прочіе же всегда ссылались на ненастную погоду, такъ что, просматривая сотни межевыхъ журналовъ, можно было подумать, что у насъ въ тайгѣ постоянно или туманная или дождливая погода. Отбивъ начальную широту вправо отъ нашего приска, по прорубленной узенькой просѣлкѣ и утвердивъ починный межевой столбъ, сдѣлали на немъ двѣ затеси, одну, обращенную къ долинѣ рѣчки, а другую—глядѣвшую вверхъ по рѣкѣ. На затесяхъ этихъ написали и вырѣзали ножомъ названіе приска, кому онъ принадлежить, годъ и число дня отвода. Затѣмъ, отъ столба поперекъ площади, къ противоположной горѣ, черезъ долину рѣчки, согласно линіи, опредѣленной астролябіей, стали

вѣшиться и рубить просѣлку, и снова черезъ пятьдесятъ же сажень утвердили другой межевой широтный столбъ, совершенно такой же, какъ и первый и съ такою же на немъ надписью. Приступивъ къ отводу площади, я заявилъ отводчику, что мы пойдемъ по обрѣзу правой, круто падающей въ долину рѣчки, горы и согласно ея очертанію будемъ принимать въ отводъ всю долину, во всю ея ширину, и дѣлать повороты грани тамъ, гдѣ долина дѣлаетъ такіе же повороты и уклоны. Установивъ у праваго межеваго столба астролябію, мы взяли прямую линію въ сто двадцать сажень, вверхъ по долинѣ провѣшили, промѣряли цѣпью, и, такъ какъ здѣсь гора и сама долина дѣлали поворотъ, то рѣшили поставить тутъ широтный межевой столбъ, что мы и сдѣлали, благо Коростелевъ запасся и межевными столбами. Между тѣмъ наступилъ, какъ говорится, адмиральскій часъ; къ тому же мы порядкомъ утомились отъ нашихъ хлопотъ, почему рѣшили идти обѣдать. Въ палаткѣ уже ожидалъ насъ готовый обѣдъ, состоящій изъ щей, жареныхъ харьюзковъ, тутъ же наловленныхъ въ небольшую ивовую морду, взятую съ приска нашимъ конюхомъ, любителемъ рыбной ловли, и жаркаго изъ рябчиковъ, убитыхъ по дорогѣ Коростелевымъ, который и былъ приглашенъ мною къ обѣду.

Мы уже принялись за обѣдъ и стали хлебать щи изъ общей чашки, но Савватій сидѣлъ понурившись, не принимаясь за ѣду, умилно поглядывая на меня.

— Кушайте же, Савватій, — сказалъ я.

— Кусокъ въ горло нейдетъ, — отвѣчалъ онъ. — Безъ спрыска отвода не могу ничего ѣсть. Боюсь какъ бы отводъ не затянулся, если его не спрыснуть.

— Такъ что же вы молчите, — сказалъ я, вынимая изъ кармана дорожную флажку съ коньякомъ. — Ну, вотъ вамъ, кушайте на здоровье и спрыскивайте отводъ, чтобы шель скоро и гладко и не замѣшался.

Савватій какъ-то торжественно принялъ у меня изъ рукъ чарку коньяку обѣими руками и, пожелавъ намъ здоровья, съ блаженной улыбкой опрокинулъ ее разомъ къ себѣ въ ротъ.

— Экъ, вѣдь какой горлодеръ коньячекъ! — сказалъ онъ. — Ну, напитокъ, огонь просто; поди, въ Красноярскѣ брали. Ай-да и коньякъ, только боюсь, какъ бы мнѣ не захромать, ужъ вы меня отъ хромоты-то ослобоните, пожалуйста еще чарочку.

Дѣлать нечего, пришлось ему подать и вторую, чтобъ не хромалъ.

— Ну, теперь у насъ отводъ пойдетъ какъ по маслу, — сказалъ Савватій; — послѣ обѣда, не отдыхая, къ чему терять золотое время, мы съ Николаемъ Павловичемъ Коростелевымъ тотчасъ же примемся за дѣло. Вы вѣдь ему, поди, все уже указали, какъ надлежитъ дѣ-

лать, поэтому не трудитесь, отдыхайте съ Оскаромъ Карловичемъ, мы одни съ нимъ все справимъ, не будь я старый Савватій.

Послѣ этой рѣчи, онъ съ жадностью принялся за ѣду. Отводчикъ Декманъ, глава всего дѣла, молчалъ, такъ какъ Савватію возражать было нечего, ибо хорошо понималъ, что безъ послѣдняго ему пришлось бы отводить пріискъ съ недѣлю, если не болѣе, а ловко напрактиковавшійся Савватій, безъ его вмѣшательства, все дѣло это оборудуетъ въ какіе-нибудь три дня. Послѣ обѣда всѣ мы принялись курить. Я, по составленному нами съ Коростелевымъ планчику Тугунской долины, толковалъ послѣднему, какъ лучше принять отводъ; Декманъ, подъ нашъ говоръ, погрузился въ сладкую дремоту, а Савватій приготавлился къ работѣ. Окончивъ свой разговоръ съ Коростелевымъ, я отпустилъ его съ Савватіемъ на дальнѣйшую работу по отводу, а самъ отправился внизъ по долинѣ рѣчки осмотрѣть ея низовье, оставшееся до сихъ поръ еще незапаятымъ. Вернулся я уже къ паузнѣ, часамъ къ пяти, и засталъ всѣхъ въ палаткѣ за чаепитіемъ.

— Ну, какъ дѣла?—спросилъ я.

— Да, ничего, прошли уже съ версту, съ того мѣста, гдѣ давеча остановились, —думаемъ сегодня версты двѣ пройти, —отвѣчалъ Савватій.

— Вотъ и отлично, —сказалъ я, —значить, палатку надо будетъ перенести версты на двѣ съ половиной отсюда, вверхъ по рѣчкѣ. Распорядитесь этимъ дѣломъ, Коростелевъ. —Оскаръ Карловичъ, какъ вы полагаете, здѣсь почевать или ѣхать домой на станъ? —спросилъ я Декмана.

— Да не знаю, право, —лѣниво отвѣчалъ тотъ. —Я полагаю, что Савватій здѣсь и одинъ справится, мы же можемъ завтра сюда снова пріѣхать.

— Конечно, справлюсь, —сказалъ Савватій. Да и что вамъ, право, за охота тутъ почевать, комары васъ заѣдаютъ, да вдобавокъ еще простудитесь. Поѣзжайте съ Богомъ на станъ, а завтра насъ и навѣстите.

— Мудрыя рѣчи приятно слышать, —отвѣчалъ Декманъ; —а вы, Савватій, хорошенько займитесь отводомъ, да не напутайте и не наврите чего-нибудь.

Савватій обидѣлся послѣднимъ замѣчаніемъ.

— Вреть не вѣдь, а не Савватій, —обидчиво сказалъ онъ. —Развѣ вы что замѣчали подобное? —спросилъ онъ Декмана.

— Ну, не обижайтесь, я это такъ къ слову, —возразилъ Декманъ.

— То то и есть, къ слову, —сказалъ Савватій. —А что бы безъ меня было сей годъ? Вы вотъ со мной ужъ двѣнадцать отводовъ сдѣлали, а другіе-то и половину того едва одолѣли! Мы вотъ къ Успенью всѣ наши отводы кончимъ, а другимъ-то еще далеко до конца. Да

правду пословица говорить: далеко кулику до Петрова дня, такъ и отводчикамъ Шанину и Мерзову далеко до насъ, то-есть до Савватія, —съ гордостью и самодовольствомъ прибавилъ онъ. —Поищите-ка другаго такого помощника какъ Савватій; небойсь, не найдется. Я вѣдь по отводамъ-то здѣсь лѣтъ двадцать хожу, всю тайгу знаю, какъ свои пять пальцевъ, и, не будь старый Савватій горькимъ пьяницей, давно бы отводчикомъ былъ и капиталы бы наживалъ, да и богачемъ сталъ.

— Ну, ну, пошла-поѣхала, —говорилъ смѣясь Декманъ. —Слышали ли вы, —обратился онъ ко мнѣ, —такого заядлага, стараго хвастуна, какъ этотъ Савватій? Ахъ, Савватій Ильичъ, не заноситесь, —гордымъ и чваннымъ и Богъ противится.

Савватій понялъ, что сдѣлалъ неловкость по отношенію къ своему начальству, замаялся и притихъ, дѣлая какія-то комическія ужимки.

— Я вѣдь это такъ, не ради чего другаго, —вымолвилъ онъ. —Простите Бога ради, Оскаръ Карловичъ!

— Ну, Богъ съ вами, неисправимый болтунъ, —шутливо промолвилъ Декманъ.

Послѣ паужны, мы всѣ снова отправились на отводъ, гдѣ и проработали до восьмага часа вечера; тѣмъ временемъ палатку и весь нашъ лагерь передвинули вверхъ по долинѣ, болѣе чѣмъ на двѣ версты, на сухой, лѣвый косогоръ ея долины. Здѣсь намъ подали нашихъ верховыхъ лошадей, и мы съ Декманомъ, въ сопровожденіи нашего конюха-рыболова, распрощавшись съ Савватіемъ, отправились домой на пріискъ. На другой день, утромъ, къ девяти часамъ мы снова пріѣхали на отводъ и застали Савватія за работой, —онъ быстро подвигался впередъ, такъ что, пробывъ у него часа три, вплоть до обѣда, мы съ Декманомъ снова вернулись домой и въ этотъ день болѣе на отводъ уже не ѣздили. Вечеромъ я получилъ отъ Коростелева записку, что завтра до обѣда они съ отводомъ площади покопчатъ, что Савватій, какъ говорится, ни въ одномъ глазѣ, бодръ и усердно работаетъ и просить до пріѣзда его не обѣдать, такъ какъ онъ можетъ быть только чуточку запоздастъ къ обѣду.

Однако же я рѣшился на другой день пораньше утромъ съѣздить на отводъ, такъ какъ пріемъ послѣдней версты, въ верховьяхъ долины Тугуна, очень интересовалъ меня. Въ верховьяхъ своихъ Тугунъ протекаетъ по широко раскинувшейся долинѣ, многочисленными истоками, представляющими собою сѣтъ мелкихъ ручьевъ, образующихъ обширное болотистое пространство. Я сообщилъ мое намѣреніе Декману, но оно ему, какъ видно, было не по нутру.

— Что мы тамъ станемъ дѣлать, —сказалъ онъ. —Безъ насъ все сдѣлаютъ, вы вѣдь дали уже ваши приказанія Коростелеву и посмо-

трите, они съ Савватіемъ все отлично устроятъ. Охота вамъ вставать чѣмъ свѣтъ и ѣхать на сѣденіе комарамъ и мошкамъ. Мнѣ эта ваша идея кажется отнюдь незаманчивой.

— Какъ знаете, — отвѣчалъ я; — вы оставайтесь, а я считаю нужнымъ сѣздить на отводъ и поѣду утромъ рано, чтобъ вернуться домой къ обѣденной сѣмкѣ золота. У насъ завтра вступаетъ въ работу интересный забой, будутъ промывать дресвянистые пески зеленого цѣвта, которые рабочими прозваны глухариннымъ кормомъ.

— Ну, вотъ и предлогъ не ѣхать. Охота, право, вамъ по тайгѣ таскаться, мало вы ее изѣздили на своемъ вѣку, въ особенности когда предстоитъ такая интересная промывка, сказалъ Декманъ.

Но я остался при своемъ мнѣніи и рѣшилъ выѣхать съ приска въ шесть часовъ утра, чтобы къ одиннадцати быть дома, почему и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы мнѣ къ шести часамъ были готовы верховыя лошади; Декманъ же отъ поѣздки отказался.

Вставъ на другой день утромъ въ пять часовъ и занявшись передъ поѣздкой на отводъ чаепитіемъ, я услышалъ изъ комнаты, гдѣ ночевалъ Декманъ, его голость.

— Да вы и взаправду ѣдете на отводъ?

— Сейчасъ ѣду, даже лошади у крыльца дожидаются, — отвѣчалъ я.

— Ну когда такъ, то и я поѣду, велите и мнѣ осѣдлатъ коня.

Вслѣдствіе этой непредвидѣнной задержки, мы выѣхали не въ шесть, а почти въ семь часовъ и на Тугунъ пріѣхали около восьми, гдѣ и нашли всѣхъ за работой. Опредѣливъ направленіе послѣдней межевой линіи въ четыреста саженъ длиною и принявъ на этомъ протяженіи въ отводъ площадь не въ сто, а въ полтора саженъ шириною, мы поставили въ концѣ этой линіи окончательный межевой столбъ нашего отвода, совершенно такой же, какой былъ поставленъ при починной грани приска. Отъ этого столба, въ ширину приска была прорублена узенькая просѣлка, по которой мы прошли цѣвью и при концѣ ея, на разстояніи ста пятидесяти саженъ, утвердили другой, соотвѣтствующій первому, широтный окончательный столбъ отвода, который этимъ и былъ законченъ. Окончивъ наши дѣла на Тугунѣ, мы втроемъ, съ Савватіемъ, тронулись въ обратный путь и къ одиннадцати часамъ дня были уже дома.

— Теперь, — сказалъ Савватій, входя въ комнату, — всепокорнѣйше прошу васъ дать мнѣ возможность поздравить васъ, Николай Васильевичъ, съ принятіемъ отвода и пожелать вамъ добыть изъ него сто пудъ золота.

— Съ удовольствіемъ, Савватій Ильичъ, — отвѣчалъ я ему, — вы

молодецки сдѣлали свое дѣло, а потому мой коньякъ-горлодеръ къ вашимъ услугамъ.

— Вотъ это пріятно слышать, — весело проговорилъ Савватій. — Пріятна заслуженная похвала, но и награда за оную усладительна.

— Ахъ ужъ и задамъ же я этому подлецу-горлодеру хорошую встряску. Настоящій, скажу вамъ, горлодеръ, сейчасъ видно, что по Шушляевского, а Елисеѣвскаго розлива. — Куда Шушляшкѣ съ питерскимъ Елисеѣмъ тягаться, провинціи съ столицей.

Въ нашей гостиной-столовой я уже нашелъ накрытый столъ съ закуской, къ которому и усѣлся Декманъ съ Савватіемъ.

— Ну, Савватій Ильичъ, — сказала я, подавая ему мою дорожную фляжку съ коньякомъ, котораго тамъ впрочемъ оставалось не болѣе двухъ-трехъ чарокъ, — вотъ вамъ въ ваше распоряженіе вся моя фляга, вкусите...

Савватій съ жадностью обхватилъ фляжку обѣими руками, затѣмъ, отвинтивъ ея пробку, опрокинулъ фляжку себѣ въ ротъ и не больше какъ черезъ минуту поставилъ ее на столъ и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на насъ съ Декманомъ.

— Ай-да Савватій, — съ усмѣшкой сказалъ Декманъ, — молодчина, полфляжки коньяку съ одного маху охолостилъ. Не бережешь ты себя старина!

— Да неужто тамъ было полфляжки? — недоумчиво обратился ко мнѣ Савватій.

— Конечно же, сами вы знаете, что мы съ Оскаромъ Карловичемъ плохіе питухи, а вы вѣдь немного изъ нея выпили на отводѣ, ну, теперь ее и прикончили.

— А мнѣ показалось, что тамъ было всего нѣсколько капель на донышкѣ, — съ кислою миною проговорилъ Савватій. Ну, ужъ и фляжка же ваша, Николай Васильевичъ, настоящая аптекарская стекляночка, изъ нея не пить, а лечиться, да и то принимая черезъ чай по ложкѣ.

— Теперь ты, Савватій Ильичъ, — сказалъ строго Декманъ, — ступай къ Николаю Васильевичу въ кабинетъ, и тамъ, пока мы сходимъ на сѣмку, вычерти по свѣжей памяти и по своему черняку планъ отвода, да непременно окончи его къ обѣду. Слышишь, старина.

— Слушаю-съ, Оскаръ Карловичъ!

— Если окончишь планъ, то Николай Васильевичъ опять тебѣ преподнесетъ, да не половину, а цѣлую фляжку коньяку. Понялъ? Вѣдь вы дадите ему, Николай Васильевичъ, цѣлую фляжку, не правда ли?

— Всенепремѣнно дамъ, только пусть сдѣлаетъ планъ.

Савватій тотчасъ же отправился ко мнѣ въ кабинетъ вычерчивать планъ отвода, а мы съ Декманомъ отправились на сѣмку золота. — Сѣмка золота дала самые неожиданные результаты: вмѣсто обычнаго

фунта золота, получилось всего полфунта, и «глухариный корм» оправдал свое название, — содержание въ немъ золота оказалось самое мизерное. Возвратившись домой къ обѣду, мы нашли Савватія за работою, онъ уже оканчивалъ вычерчиваніе плана и, спустя четверть часа времени, вручилъ его мнѣ, потомъ послѣ обѣда я снялъ съ него для себя копію.

Отобѣдавъ и выпивъ чаю, — кстати сказать: на прискахъ чай пьютъ чуть не по шести разъ въ день, — я вручилъ Савватію обѣщанную ему мною полную фляжку коньяку, для осторожности не много впрочемъ разбавленной водою, которую онъ почти тутъ же и покончилъ, крикая отъ удовольствія, похваливая столь любимый имъ горлодеръ, и затѣмъ отправился спать. На другой день, утромъ, отводчики уѣхали домой, на тотъ прискъ, гдѣ была ихъ резиденція, такъ называемый сборный пунктъ. Въ половинѣ сентября, послѣ окончанія присковыхъ работъ, я выѣхалъ изъ тайги домой въ городъ К. Приѣхавъ въ деревню Савину, на берегу Енисея, гдѣ былъ черезъ него перевозъ на почтовую Каргинскую станцію Енисейско-Красноярскаго тракта, я замѣтилъ у одного изъ крестьянскихъ домовъ такъ называемой земской квартиры, гдѣ останавливаются проѣзжающіе по казенной надобности, небольшой тарантасъ, окруженный группою савинскихъ мужиковъ. На мой вопросъ: кто тутъ проѣзжаетъ, крестьяне чуть не хоромъ отвѣтили. «Проѣзжаетъ тутъ изъ тайги самъ Савватій, а при немъ какой-то Дехманъ». Вотъ какъ, подумалъ я, спускаясь по грязному деревенскому проулку къ енисейскому перевозу. — Какого, и здѣсь даже, за предѣлами тайги, Савватій извѣстенъ болѣе, чѣмъ его прямое начальство.

Конецъ карьеры Савватія былъ однакоже крайне печальный: за непомѣрное пьянство, несмотря на его способность къ работѣ и знаніе своего дѣла, онъ былъ уволенъ отъ службы съ какимъ-то небольшимъ пенсіономъ, а потомъ не вдолгъ послѣ того онъ умеръ въ больницѣ отъ бѣлой горячки.

Г о р д ѣ й.

Какъ-то въ одно изъ осеннихъ, ноябрьскихъ утръ является ко мнѣ въ комнату присковаго моего домика приказчикъ Гордѣй, извѣстный намъ таежный развѣдчикъ, страстный искатель золота и любитель таежныхъ приключеній.

— Съ добрымъ утромъ — чай съ сахаромъ, — промолвилъ онъ, стоя на порогѣ комнаты и видя, что я занимаюсь чаепитіемъ.

— Здравствуй, Гордѣй, что скажешь, — отвѣтилъ я на его низкій поклонъ.

— Да я къ вамъ, — вымолвилъ Гордѣй, — и все опять по тому же дѣлу, о которомъ говорилъ вчерась.

— Это что же, про Уромокъ, что ли? Я, братъ, ужъ и забылъ о немъ. Пустое дѣло и нелѣпая затѣя!

— Позвольте-съ, почему пустая и нелѣпая затѣя-съ, — отвѣчалъ Гордѣй съ обидой въ голосъ. — Вы только мнѣ позвольте, а я ужъ самъ все обдѣлаю. Тамъ, сказываютъ, золото есть хорошее, туда ужъ многіе собираются, этакъ мы, глядишь, заноздаемъ и рѣчку опустимъ, потомъ жалтъь будете.

— Да пойми ты, умная голова, что Уромокъ, поди, уже давно заняли, да и затѣмъ онъ намъ, и безъ него у насъ болѣе чѣмъ полтора-ста площадей заявлено! Что мы съ ними только дѣлать будемъ?

Гордѣй ухмылялся и съ гордостью проговорилъ:

— А вѣдь все я тутъ орудовалъ. Все это, почитай, наполовину мои заявки. Спасибо Михаилу Константиновичу, онъ меня слушался, вотъ мы съ нимъ чуть не цѣлую четверть тайги и отвоевали. Ужъ и ругаютъ же меня съ нимъ таежники! Буда ни сунутся, все занято, всюду наши явочные столбы торчатъ. Ишь вѣдь, говорятъ, каковскіе, и все это Гордѣевы дѣла, и когда это онъ, треклятый, успѣваетъ. Боже мой! и гдѣ-то у насъ только заявокъ нѣтъ? И на Пенченгѣ, и на Уде-

реѣ, и на Мурожной, и на Индыглахъ и даже на Питу. Всюду мы, плюнуть некуда, вездѣ наши явочные столбы значатся.

— И что тутъ хорошаго, — возразилъ я. — Заняли мѣста много, а и двухъ десятковъ площадей не развѣдали. Только деньгамъ переводъ на гербовую бумагу для заявокъ и просьбъ объ отводахъ, да отводчикамъ доходъ, а К° одни непроизводительные расходы.

— Не скажите, — отвѣчалъ обидчиво Гордѣй, — а бывають изъ этихъ площадей половина окажется съ золотомъ, вотъ все разомъ и окупится, а К° важиветъ миллионы.

— Какъ же, держи карманъ шире! Вѣдь заявляете-то зря, такъ сказать, по наитію. Въ особенности ты. Ты вѣдь, говорятъ, въ торокахъ и столбы-то явочные возишь и даже съ готовыми надписями. Вы вѣдь ни одного шурфа при заявкахъ до почвы не пробили и о содержаніи въ явочныхъ шурфахъ золота въ вашихъ явочныхъ актахъ пишете, не выдавши самаго золота, а такъ только, по соображенію, а болѣе по воображенію. Хорошо, что отводчики на это сквозь пальцы смотрять и никакого вниманія не обращаютъ, благо имъ сполна уплачивается сторгованный съ ними гонораръ, а то бы вамъ ни одной площади не отвели. У васъ вѣдь не шурфы явочные, а просто ямы какія-то накопаны.

— Нѣтъ ужъ вы благословите меня идти на Уромокъ, завтра же, а то и сегодня вечеромъ, съ пяткомъ рабочихъ двинусь туда и займу площадь, иначе задаромъ она отъ насъ уйдетъ, — проговорилъ вкрадчиво Гордѣй.

— Дѣлать-то тебѣ на пріискѣ я вижу нечего, сидѣть надоѣло сложа руки, вотъ тебя и подмываетъ на новыя заявки, — отвѣчалъ я.

— Позвольте-съ, однако, вѣдь и Михаилъ Константиновичъ приказывалъ мнѣ не зѣвать и чуть гдѣ что окажется возможнымъ занять, тотчасъ же туда отправляться и заявлять. Я вѣдь оттого такъ и стараюсь, что мнѣ такъ предписано поступать ради пользы К°, а впрочемъ, какъ вамъ будетъ угодно, потомъ ужъ на меня не пеняйте, если упустимъ площадь. На Уромкѣ у насъ еще до сихъ поръ заявокъ не было, а рѣчка, сказываютъ, занятая и площади на ней широкія, съ отлогостями, а что до шкварцу, то его тамъ цѣлыя залежи и всякихъ цвѣтовъ, въ особенности много жирнаго и золотистаго, и колчедану достаточно, вѣдь это же явный признакъ, что золото тамъ есть; окромя того, Уромокъ своими вершинами съ другими золотоносными рѣчками соприкасается, — ораторствовалъ Гордѣй.

Я разсмѣялся.

— Ахъ ты геологъ-минералогъ! Ты бы хоть кварца шкварцемъ не называлъ, а то вѣдь неучемъ прослывешь. Ну Богъ съ тобой, поѣзжай, куда знаешь, коли на мѣстѣ не сидится, даю тебѣ пять че-

ловѣкъ, но только на одну недѣлю; самъ знаешь, мнѣ люди нужны для подготовительныхъ работъ, а ихъ у насъ въ обрѣзъ.

— Помилуйте, да я все въ пять дней оборудую, что мнѣ тамъ попусту болтаться. Если сегодня въ ночь уѣду, такъ завтра на зарѣ буду на Уромкѣ, обставлю столбами и промѣрю площадь, выбью узаконенные шурфы.

— То-есть, незаконныя ямы, — перебилъ я его смѣясь.

— Ну, хорошо-съ, пусть по-вашему — ямы, сдѣлаю описаніе мѣстности и вернусь, а тамъ съ первой почтой и заявку въ земскій судъ пошлю. Вотъ дѣло у насъ и въ шляпѣ будетъ.

Затѣмъ Гордѣй помался немного и вкрадчиво проговорилъ:

— Не будетъ ли милости насчетъ отпуска мнѣ изъ амбара водки, хотя бутылочку, другую, и самому передъ походомъ выпить, да и рабочимъ, что со мной поѣдутъ, подать, чтобъ на заявкѣ дѣло шло бодрѣе. Прикажите матеріальному выдать ужъ ровно три бутылки, все жъ и въ дорогу надо съ собой взять, а я сегодня же соберусь и послѣ ужина тронусь въ путь. Прикажите становому дать мнѣ четырехъ лошадокъ, да столько же дровней или кошевку маленькую. Все же отъ насъ до Уромка добрыхъ верстъ двадцать пять будетъ, куда же ночью тутъ пѣшимъ бѣжать съ припасами, а на подводахъ часа черезъ четыре на мѣстѣ будемъ, и живой рукой какъ нагрянемъ, такъ рѣчку и займемъ.

↓ Дѣлать было нечего, пришлось становому написать приказъ объ отпускѣ Гордѣю пяти рабочихъ, четырехъ лошадей, трехъ дровней и кошевки, а матеріальному о выдачѣ ему трехъ бутылокъ водки и необходимаго провіанта и всякаго нужнаго инструмента.

Часовъ въ десять вечера является ко мнѣ Гордѣй, одѣтый по дорожному, въ своей старой волчьей шубѣ, съ пыжиковой шапкой въ рукахъ.

— Ужъ ты и собрался, — спросилъ я его. — Скоро поправился.

— Наши сборы недолгіе. Пришелъ попрощаться. Ыдемъ въ одноконь, на трехъ дровняхъ и кошевкѣ, припасовъ захватилъ дня на три, а тамъ понадобится что, такъ приплю нарочнаго. Рабочихъ взялъ шустрыхъ.

— Поди и столбы заявочные захватилъ съ собой, — спросилъ я его разсмѣявшись, — и надписи на нихъ вырѣзалъ?

— Какъ-же безъ столбовъ, дѣло вѣдь ночное, гдѣ-жъ ихъ тамъ готовить, да и дѣло тоже надо дѣлать скрытно, безъ огня, чтобъ не примѣтилъ кто. Я и надписи на нихъ сдѣлалъ и вырѣзалъ, все какъ есть въ аккуратѣ. Благословите, въ добрый часъ.

— Ну, съ Богомъ, въ добрый часъ. — Да смотри не напорись на

скандалъ, и если мѣстность ужъ кѣмъ-нибудь занята, такъ ай-да назадъ, въ споръ и ссору не ввязывайся.

— Помилуйте, зачѣмъ скандалить, мы тихимъ манеромъ, по-хорошему. Да и кому туда быть. Вишь вѣдь какой свѣжище-то выпалъ вечеромъ, я и лыжи съ собой захватилъ, безъ нихъ поди тамъ шагу нельзя сдѣлать. А ужъ вы пожалуйста водочкой-то насъ не обижайте, пришлите съ моимъ нарочнымъ хоть еще парочку бутылокъ, вѣдь ступено на заявкѣ-то будетъ.

— Ладно, ладно, пришлю, — отвѣтилъ я.

— Ну, такъ будьте здоровы, мы сейчасъ же и въ походъ, и къ зарѣ будемъ на мѣстѣ.

Тутъ Гордѣй мнѣ низенько поклонился и вышелъ изъ комнаты, и черезъ какую-нибудь четверть часа времени я услышалъ тихо промчавшихся мимо моихъ оконъ четыре кошевки, быстро исчезнувшихъ въ ночномъ сумракѣ при спускѣ подъ горку, на которой стоялъ мой таежный домикъ.

На другой день, около полудня я получилъ съ нарочнымъ отъ Гордѣя записку, писанную карандашемъ на клочкѣ засаленной бумаги. Вотъ что онъ писалъ: «Приѣхали на зарѣ на рѣчку, какъ съ нами въ одно время пришли туда-же Плотниковскіе. Мы столбъ поставили повыше праваго ключика, а они повыше нашего свой столбъ поставили. Галдятъ, что будто бы ранѣ насъ пришли, а я имъ говорю «врѣте», мы гораздо ранѣ васъ прибили. Гляди, говорю, у насъ столбъ стоитъ и надпись на немъ уже сдѣлана, да и яма передъ столбомъ выкопана, а вы еще только столбъ свой ставите, уходите-ка добромъ, а то худо будетъ «я площади своей не уступлю». Приказчикъ ихъ меня исправникомъ страшаетъ: я, говорить, сейчасъ объявку пошлю, опъ тебя казакъ отсюда прогонитъ. «Ну, говорю я ему, жалуйся, тамъ видно будетъ, а я свое дѣло дѣлать буду». — Прочитавъ его записку, я написалъ ему, чтобъ онъ ѣхалъ домой и снялъ свои столбы и отнюдь-бы не затѣвалъ дѣла, и эту записку отправилъ Гордѣю съ его же нарочнымъ, давъ ему отдохнуть съ часокъ времени. — Послѣ этого, на другой уже день получаю отъ Гордѣя вторую записку, гдѣ онъ мнѣ пишетъ, что на-завтра долженъ прибыть на Уромокъ исправникъ и рѣшить споръ о томъ, кто пришелъ первый на мѣсто, онъ-ли, Гордѣй, или Плотниковскій приказчикъ, почему ему уѣхать на присскъ невозможно. Ужасная досада взяла меня на Гордѣя за его глупое упрямство, но дѣлать было нечего, и я рѣшилъ на другой день ѣхать на Уромокъ, чтобъ присутствовать на судьбищѣ.

Приѣхавъ къ Гордѣю я засталъ тамъ исправника съ его письмоводителемъ, отбиравшаго показанія отъ рабочихъ и обоихъ приказчиковъ, предвараля ихъ, что въ достоверности ихъ показаній они всѣ

примуть присягу, для чего приказалъ имъ всѣмъ прибыть на С—скій присскъ, гдѣ была церковь и проживалъ священникъ, и непременно къ завтрашнему дню, такъ какъ отъ Уромка до С. присска было не болѣе 10—12 верстъ. Гордѣй и его рабочіе завѣряли, что до нихъ никого на площади рѣчки не было, что они прибыли ранѣе и тотчасъ же приступили къ заявкѣ, а Плотниковскій приказчикъ и его люди утверждали противное, и что они первые заняли рѣчку. Словомъ, вышелъ споръ, какихъ не мало бывало и бываетъ въ такихъ случаяхъ въ тайгѣ. Въ этотъ-же день, послѣ допроса, обѣ партіи снялись съ мѣста и отправились на С—скій присскъ, и я съ исправникомъ тоже поѣхалъ туда. На другой день рабочихъ и обоихъ приказчиковъ позвали въ церковь, гдѣ они, послѣ очень крутого и энергичнаго увѣщанія ихъ священникомъ, были приведены къ присягѣ, а затѣмъ начались скучные формальные допросы и записи отвѣтовъ въ протоколъ. Цѣлый день занимались этимъ неблагодарнымъ дѣломъ; впрочемъ занимался имъ собственно письмоводитель исправника, а мы съ нимъ, съ священникомъ и приссковымъ управляющимъ играли въ преферансъ. Къ вечеру допросы были окончены и изъ показаній обоихъ сторонъ выяснилось, что обѣ партіи пришли почти въ одно время, хотя каждая утверждала, что она пришла ранѣе другой. Однако же Гордѣй не унывалъ и, вызвавъ меня на крыльцо дома, гдѣ мы играли въ карты, тихонько передалъ мнѣ, что онъ переговорилъ уже съ Плотниковскими рабочими, и что ежели я куплю имъ два ведра водки или выдамъ тридцать рублей денегъ, за которые они купятъ у здѣшняго матеріальнаго это же количество вина, то они откажутся отъ своихъ показаній, а ежели не пожалѣете двухсотъ рублей дать Плотниковскому приказчику, такъ онъ сниметъ свои столбы и предоставитъ намъ рѣчку.

— Ну, нѣтъ, братъ, этого я не сдѣлаю, — отвѣтилъ я Гордѣю. — Что-же это за подлець народъ такой! Присягу принималъ, да еще въ церкви, и вдругъ за тридцать рублей продаетъ свою совѣсть! Нѣтъ ужъ ты уволь меня отъ этого. Да хорошъ нечего сказать и Плотниковскій приказчикъ, если ты только не врешь, который за двѣсти рублей продаетъ интересы своего хозяина. Ужъ если начали дѣло, такъ пусть оно идетъ своимъ чередомъ и пусть судъ насъ расудитъ, кто правъ, кто виноватъ.

— Ну, какъ вамъ будетъ угодно, — отвѣчалъ уныло Гордѣй. — Я бы на вашемъ мѣстѣ это дѣльцо мигомъ бы устроилъ, и безъ суда и безъ проволочки Уромокъ былъ бы нашъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, оставь меня въ покоѣ, я въ это дѣло ввязываться не желаю. Отправляйтесь-ка вы всѣ домой, исправнику вы болѣе не нужны, а на Уромкѣ дѣлать вамъ теперь нечего.

Гордѣй, повѣся носъ, отошелъ отъ меня и уже къ утру слѣдующаго дня мы были у себя дома на приискѣ.

Въ результатѣ всего этого Уромонскаго дѣла была полная неудача. Судь приговорилъ, что такъ какъ обѣ поисковыя партіи пришли одновременно и въ добавокъ не соблюли нѣкоторыхъ требуемыхъ закономъ формальностей, то мѣстность на Уромкѣ была зачислена въ казну, и должна быть вновь объявлена свободной для заявокъ чрезъ подлежащее начальство.

Этотъ послѣдній эпизодъ не расхолодилъ страсти Гордѣя къ новымъ поискамъ и заявкамъ. Онъ былъ по этимъ дѣламъ persona grata у нашего неутомимаго компаніона Михаила Константиновича и употреблялся имъ по всѣмъ подобнымъ дѣламъ такъ же, какъ и по отводамъ приисковъ, такъ какъ Гордѣй и отводческое дѣло зналъ довольно порядочно. Впрочемъ, надо отдать Гордѣю справедливость, онъ былъ неутомимъ, относительно довольно трезвъ, въ этотъ пьяный и кутежный періодъ золотопромышленности, и въ то-же время честенъ и неподкупенъ по отношенію своихъ хозяевъ, хотя съ чужими дѣйствовалъ безъ зазрѣнія совѣсти, и обманъ и плутни съ ними не считалъ грѣхомъ или чѣмъ-либо зазорнымъ.

— Не я первый, не я послѣдній, — говорилъ въ такомъ случаѣ Гордѣй, — всѣ здѣсь таковы. Всѣ наравятъ тебя провести и объегорить, а потому нечего имъ въ зубы смотрѣть. Ихъ не надуешь, тебя-же надуютъ да въ дуракахъ оставляютъ, ну, а я не таковскій.

И точно, въ отношеніи противниковъ онъ ничѣмъ не стѣснялся, почему реномэ его въ тайгѣ было не завидное, хотя въ то-же время его ставили въ примѣръ другимъ за его юркость и ловкость.

— И ловокъ-же этотъ Сидоровскій Гордѣй, — говорили про него въ тайгѣ! — И какъ онъ это успѣваетъ? Куда ни сунемъ вездѣ съ нимъ встрѣтимся, повсюду онъ. Когда и спать-то онъ шельма этакая?

Но однажды онъ попалъ-таки въ просакъ, благодаря своему краснбайству, подъ влияніемъ обильнаго угощенія своего соперника, и проспалъ одну заявку. Отчаянію его не было предѣловъ! Съ горя онъ запилъ и кружилъ цѣлую недѣлю, насилу утѣшился и то только потому, что занятая другимъ у него подъ-носомъ площадь оказалась съ ничего нестоющимъ содержаніемъ золота. Впослѣдствіи, за отбѣздомъ изъ Сибири его патрона Мих. Конст., онъ перешелъ на службу къ другой компаніи, куда его взяли съ руками, но недолго прослужилъ тутъ и кончилъ свой бурный вѣкъ въ таежной, приисковой больницѣ, схвативъ тифъ или воспаленіе легкихъ въ одной изъ своихъ многочисленныхъ таежныхъ экспедицій въ поискахъ за золотымъ руномъ, не оставивъ по-себѣ ни гроша, какъ это въ большинствѣ случается бываетъ съ таежными служаками, проживающими и прокучивающими

все свое жалованье по выѣздѣ съ золотыхъ приисковъ въ жилия мѣста или въ ближайшіе къ тайгѣ города. Въ этомъ отношеніи они не далеко ушли отъ приисковыхъ рабочихъ, не вѣдающихъ, что значить экономія и бережливость, живя изо-дня-въ-день беззаботно, какъ птицы небесныя.

Весною.

Въ прежнее суровое время, до начала шестидесятыхъ годовъ, бѣгство рабочихъ съ присковъ весною и въ началѣ лѣта было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, и причины его крылись какъ въ характерѣ присковскихъ рабочихъ, большинство которыхъ состояло изъ ссыльно-поселенцевъ, людей бездомныхъ, привыкшихъ къ бродяжеству и скитанью, такъ равно и въ условіяхъ присковскихъ порядковъ. До шестидесятыхъ годовъ обхождение на прискахъ съ рабочими было суровое и грубое; каждый служащій могъ не только ругать, но и бить рабочаго, а господа управляющіе даже наказывать тѣлесно; кромѣ того, на нѣкоторыхъ прискахъ рвеніе не по разуму господъ управителей къ усиленію промывки и добычи золота доходило до того, что они морили своихъ рабочихъ работами чуть не по 18 часовъ въ сутки, да притомъ еще давали имъ скудное вознагражденіе сравнительно съ другими. Не обходилось также и безъ обидъ въ расчетахъ, а въ особенности при продажѣ изъ присковаго магазина необходимыхъ для рабочихъ товаровъ, за которые брали лишнее, спабяя ихъ вдобавокъ товарами плохаго качества. Вотъ съ такихъ присковъ, гдѣ были подобные милые порядки, рабочіе бѣжали десятками и даже сотнями, такъ какъ другого способа протестовать противъ подобныхъ злоупотребленій у нихъ не было, ибо мѣстныя власти орудовали односторонне, становясь на сторону сильнаго и богатаго, зато и щедраго для нихъ промышленника, нисколько не заботясь о низшихъ и маломочныхъ и для нихъ ни въ какомъ отношеніи не интересныхъ.

Я очень хорошо помню, какъ съ присковъ богатой К^о Г. К. Б., гдѣ главноуправляющимъ былъ очень суровый и прижимистый сибирякъ, и гдѣ потому и на прискахъ царствовало подобное же направленіе, бѣжали люди десятками, чуть не цѣлыми артелями, и процентъ бѣглыхъ доходилъ до 15-ти на сто; помню, какъ съ одного приска,

тоже богатой К^о Б., изъ 450 рабочихъ бѣжало 120 человѣкъ; припоминаю, какъ у одного чиновнаго золотопромышленника, бывшаго блюстителемъ порядка въ губернскомъ городѣ К., нѣкоего П., изъ 70 человѣкъ бѣжало 40 душъ, а у К^о Ш., — гдѣ былъ свирѣпый управляющій, мѣщанинъ К., бывшій рабочихъ кулакомъ, палкой и чуть не засѣкавшій ихъ до смерти, — бѣжало около трети всего числа бывшихъ на прискѣ рабочихъ. Но это были исключенія, въ общемъ же на прискахъ хотя и сурово обращались съ людьми и держали ихъ въ струнѣ и въ ежовыхъ рукавицахъ, но зато кормили отлично снабжали хорошими товарами и по божескимъ цѣнамъ, плата хорошо за работы и вознаграждая изрядно за усиленный трудъ. Даже съ такихъ присковъ, ихъ же было большинство, не говоря уже о тѣхъ, гдѣ съ рабочими обращались болѣе гуманно и мягко, бѣглыхъ было немного, процентовъ 5—6, да и то уходили или никуда не годные люди, или такіе, которые уже съ-поконъ-вѣку привыкли бродяжничать, или просто уходили домой въ силу своихъ хозяйственныхъ, домашнихъ обстоятельствъ. Я помню, какъ у меня съ одного приска бѣжало два отрядныхъ пильщика, которымъ уже въ маѣ пришлось на руки по 15 руб. с., значить, къ сентябрю имъ бы пришлось получить по 70—80 р. с. каждому, да и работали они по своей волѣ, съ подряду, но одинъ изъ нихъ былъ крестьянинъ, а другой — поселенецъ, и послѣдній сманилъ перваго къ побѣгу, и они бѣжали, оставивъ свой заработокъ; припоминаю, какъ съ другого приска ушли 15 человѣкъ изъ 200, только изъ-за того, что приказчикъ, принимавшій отъ нихъ исполненный ими урокъ, обсчитывалъ ихъ и обманывалъ въ свою пользу, а управляющій не защитилъ ихъ отъ этихъ обмановъ, между тѣмъ работы на этомъ прискѣ были легкія и удобныя, люди обрабатывали уроки въ теченіе 12 рабочихъ часовъ и хорошо довольствовались пищею и вознаграждались рабочей платой.

Причинами побѣговъ бывали и довольно комичныя обстоятельства; такъ, у меня съ одного приска бѣжалъ рабочій потому, что жена побила его въ присутствіи всей артели, другой бѣжалъ оттого, что онъ служилъ мишенью насмѣшекъ для всей своей артели. Его почему-то рабочіе прозвали жабой и трунили надъ нимъ. Мужиченко онъ былъ вздорнаго, неуживчиваго характера, не стерпѣлъ онъ насмѣшекъ и сбѣжалъ ночью, унеши съ собою все выданное на обѣдъ артели мясо, чѣмъ ихъ оставилъ безъ обѣда въ наказаніе за насмѣшки; еще помню, третій бѣжалъ оттого, что плохо кашеварничалъ, и рабочіе обѣщали его поучить артельной расправой, какъ варить щи и кашу. Но и помимо этихъ причинъ, когда приходила весна, т. е. вторая половина мая, погода становилась теплой и ясной, лѣсъ начиналъ зеленѣть и распускаться, лѣсныя птицы запѣвали свои весенніе концерты

и все въ природѣ оживало и расцвѣтало, все манило на широкій просторъ и свободу, словомъ, когда, по выраженію рабочихъ, «генераль Кукушкинъ начиналъ звать ихъ въ лѣса на вольную волкошку», тогда у слабыхъ натуръ, привыкшихъ къ бродяжничанью и странничеству, являлась какая-то неудержимая страсть сбѣжать въ лѣсъ, въ даль, на волю, и ничто уже ихъ не могло тогда сдерживать, когда эта страсть закрадывалась въ ихъ сердца. Ни страхъ наказанія, ни страхъ поимки и странствованія по острогамъ, ни голодь, ни холодъ, ничто не останавливало отъ побѣга; человекъ забывалъ все, бросалъ все, нерѣдко жену, и бѣжалъ, куда глаза глядятъ, унося съ собой краюху хлѣба и кое-что изъ своего немудраго барахла, но захвативъ непременно топоръ, огниво и свой кисеть съ табакомъ. У такого бѣглаго, конечно, не было ни рубля за душой, никакихъ заботъ о своемъ прокормленіи, да и къ чему? Черемша уже распустилась, можно питаться черемшиносколькими днями, а тамъ сколотить себѣ плотикъ и спуститься по рѣкѣ Питу въ жилое мѣсто или точно такъ-же выйти въ жилое мѣсто напрямикъ лѣсами, минуя большія дороги; вѣдь въ тайгѣ-матужкѣ вездѣ дорога, а дошелъ до жилья, тамъ уже можно какъ ни-на-есть пробиться или наняться за одни харчи къ мужику на заимку или, въ крайнемъ случаѣ, обокравъ того же мужика, странствовать по глухимъ деревушкамъ, пока не словятъ. Но бѣжать, непременно бѣжать у такихъ субъектовъ становилось идее фиксе, отъ той тяжелой, казарменной обстановки, отъ ненавистныхъ работъ, изо-дня-въ-день схожихъ между собою, изо-дня-въ-день повторяющихся неизмѣнно въ теченіе 4-хъ, 5-ти мѣсяцевъ. Бѣжали и не одни лѣнтыи или нигуда негодные люди, иногда уходили, подъ вліяніемъ страсти къ бродяжничеству, добрые и трудолюбивые рабочіе, у которыхъ представлялся впереди и хорошій заработокъ, и которые стояли по своимъ качествамъ на хорошемъ счету у присковаго управленія и заслуживали къ себѣ довѣріе. Расскажу здѣсь исторію одного такого субъекта, котораго побѣгъ удивилъ насъ всѣхъ.

Былъ у насъ на Кунтуякѣ, еще въ первый годъ его первоначальной развѣдки и разработки, рабочій Иванъ Безпрозванья, парень этакъ 35 лѣтъ, высокій ростомъ, сильный, статный, къ горной и земляной работѣ способный, большой балагуръ и весельчакъ. Словомъ, парень на всѣ руки, и куда его только ни поставь, всюду найдется, отлично сдѣлаетъ свое дѣло, да и тѣ, которые съ нимъ работали совмѣстно, становились дѣлательными и усердными, такъ онъ ихъ подбодрялъ своимъ примѣромъ и прибаутками.

Бывало скажетъ становой (помощникъ управляющаго на прискѣ):

— Завтра, Иванъ, надо намъ почвенную по разрѣзу канавку про-

вести, забой топить, надо дѣло это въ ночь сдѣлать, ужъ я тебя поставлю, а ты постарайся, кончи къ началу работъ. Выбери себѣ чело-вѣкъ двухъ, трехъ работниковъ получше.

— Слушаю-съ, Константинъ Ивановичъ, да вы мнѣ въ помощь Петрушку Зайчика, да Федюшу Тонконогова дайте, вотъ я съ ними и поправлюсь.

— Что ты, что ты, Иванъ, да вѣдь это что не самые ледашіе изъ всей артели.

— Ничего, Константинъ Ивановичъ, посмотрите, какъ они у меня будутъ работать, и не узнаете ихъ.

— Ну, какъ знаешь. Кончишь, порція будетъ, а тебѣ двойная.

— Благодаримъ покорно, кончимъ безпремѣнно.

И точно, люди эти съ Иваномъ работали отлично, и канавка была окончена къ сроку.

Или опять шурфъ нужно было добить непременно, ну, тутъ Иванъ, по своей опытности и смѣлкакъ, былъ незамѣнимъ. Отберетъ это бывало пятокъ плохенькихъ работниковъ, да такъ ихъ подбодритъ разными шутками и прибаутками, что шурфъ непременно окончатъ и добьютъ до почвы и съ водой управятся. Такъ онъ работалъ усердно всю осень, зиму и весну. Приходить это онъ однажды къ становому и говорить:

— Надоѣла мнѣ эта горная работа, Константинъ Ивановичъ, сдѣлайте меня конюхомъ, Сысой теперь въ больницу ушелъ, такъ на его мѣсто.

— Ну какой же ты конюхъ, — отвѣчалъ Константинъ Ивановичъ, — ты вѣдь прирожденный горнякъ, гдѣ жъ тебѣ съ лошадьми возиться, не съумѣешь, поди.

— Я-то не съумѣю? Старый гусарь, да съ лошадьми обходиться не умѣетъ. Нѣтъ, напрасное говорите; нѣтъ, ужъ вы дозвольте мнѣ въ конюха.

— Ну, быть по-твоему, будь конюхомъ, да связку свою береги, теперь дорога-то въ лѣсу каторжная, мигомъ лошадей попортить.

И вотъ Иванъ цѣлый мѣсяцъ конюшничалъ, и вся его связка лошадей не только не попортилась, а напротивъ, поправились, да и другіе-то конюха, глядя на него, работали усерднѣе. Носилъ онъ въ одномъ ухѣ большую мѣдную серьгу, и бывало какъ вытянется предъ тобой во весь ростъ, да взглянетъ прямо въ глаза, ну настоящій американскій индѣецъ, словно изъ куперовскаго романа, только томагавка не хватаетъ. А между тѣмъ незлобивый былъ человекъ, всѣ его любили на прискѣ, ни съ кѣмъ онъ не ссорился, ни съ кѣмъ не бранился и никакихъ отъ него не слыхать было трехэтажныхъ словъ, которыми любили присковые рабочіе подчасъ оснащать свою рѣчь. На-

чнетъ бывало въ казармѣ послѣ ужина про свою жизнь и свои похождения рассказывать, у всѣхъ животики надрываются отъ смѣха, и такое веселье идетъ, слушать любо. Золотой былъ работникъ и хороший, повидимому, человекъ, хотя и уволенный изъ каторги на поселенье. Было уже начало іюня, сижу я это вечеромъ послѣ ужина и читаю газеты, какъ мнѣ докладываютъ, что пришелъ Иванъ и непременно желаетъ меня видѣть. Вышелъ я къ нему въ переднюю. Иванъ поклонился мнѣ и промолвилъ:

— Я къ вашей милости, Николай Васильевичъ.

— Что скажешь, Иванъ?

— Да хочу у вашей милости просить, чтобы вы меня рассчитали.

— Что! Рассчитать тебя? Нѣтъ, Иванъ, и не проси. Во-первыхъ, ты подписалъ контрактъ работать до 10 сентября, а во-вторыхъ, пойми, что вѣдь ты пятерыхъ замѣняешь одинъ. Да что съ тобой? Недоволенъ ты чѣмъ? Обидѣлъ тебя кто-нибудь? Кажется, мы всѣ тебя здѣсь любимъ.

— Всѣми я доволенъ, никто меня не обидѣлъ и ни на что не жалуясь, а только какъ милости прошу расчета.

— Ну ужъ уволь, расчета тебѣ не будетъ; рассчитай тебя, завтра же подъ тѣми же предлогами явятся нѣсколько человекъ. Что же это будетъ такое, ты пойми, умная голова. Ужъ лучше ты бѣги съ приска, — твое счастье, если не попадешься казакамъ, которые тебя отведутъ къ исправнику, а тотъ тебѣ задастъ сотню горячихъ, да проведутъ снова къ намъ на прискъ.

— Бѣжать я не желаю, — мрачно сказалъ Иванъ, — я не пропитанный какой, а что до вашего исправника и его ста горячихъ, то я плюю на него.

Тутъ Иванъ плюнулъ на полъ и растеръ плевокъ ногою.

— Вотъ для меня вашъ исправникъ что означаетъ. Я, котораго трижды сивозъ строй гоняли, разъ кнутомъ стегали, два раза плетью драли, да подъ конецъ полиціймейстеръ К. Столбовской меня 600 позановъ угостилъ, послѣ чего я два мѣсяца въ больницѣ провалялся, чтобы ему пусто было. Вашего же исправника не боюсь нисколько, а казачишки-то его и подступиться ко мнѣ не посмѣютъ. Ну явите, добрый Николай Васильевичъ, божескую милость, рассчитайте меня добромъ. Не могу я здѣсь оставаться, какъ слышалъ я дней съ десять тому назадъ, какъ генералъ Кукушкинъ нашего брата къ себѣ зоветъ, такъ самъ не свой сталъ, хандра одолѣла и работа на умъ нейдетъ.

«Ну, плохо дѣло, — подумалъ я, — надо его рассчитать, да умненько, а то, чего добраго, еще натворить, что и не радъ будешь».

— Хорошо, Иванъ, — сказала я ему, — я тебя, въ уваженіе твоего хорошаго поведенія и добросовѣстной работы, рассчитаю, но ты сдѣлай такъ, какъ будто бы ты ушелъ самовольно. Да съ чѣмъ ты, глупый, пойдешь, денегъ ты бралъ немало, да изъ магазина тоже позабиралъ?

— Мнѣ, Николай Васильевичъ, за всѣмъ тѣмъ по 1-е іюня очищается 5 р., да за недѣлю іюня что пожалуете, ну хоть еще 5 р., мнѣ и довольно.

— Хорошо, ты получишь свои деньги, я тебѣ выдамъ твой видъ, подпишу твой расчетный листъ, но ты уйди тайкомъ, чтобы другимъ не было соблазна.

Я вытребовалъ изъ конторы его видъ, отдалъ его ему, подписалъ его расчетный листъ, который былъ у него на рукахъ, отдалъ деньги, посоветовалъ взять у хлѣбопека ковригу хлѣба и въ довершеніе подаль ему стаканъ водки.

Иванъ поклонился мнѣ въ поясъ и промолвилъ:

— Покорнѣйше васъ благодарю, Николай Васильевичъ, въ вѣкъ не забуду, похожу по тайгѣ и опять къ вамъ приду, а вы не оставьте. Табачкомъ бы вотъ еще снабдили.

— Гдѣ жъ его взять, теперь въ магазинъ идти поздно, вотъ на тебѣ съ полсотни папирось.

Иванъ взялъ ихъ и сунулъ за пазуху, и, еще разъ поклонившись до земли и пожелавъ мнѣ здоровья, исчезъ за дверью.

Весь разговоръ нашъ съ Иваномъ шелъ съ глазу на глазъ, такъ какъ я выслалъ на это время человекъ изъ передней. Иванъ сдержалъ слово, онъ ночью исчезъ съ приска, когда всѣ спали. На утро, на раскомандировку, въ 4 часа, Иванъ, конечно, не явился. Всѣ этому изумились и недоумѣвали. Иванъ всегда являлся первымъ. Становой всѣхъ о немъ спрашивалъ, не видалъ ли кто его, но никто его не примѣтилъ. Думали, что заболѣлъ и въ больницу ушелъ, но и тамъ не оказалось. Вся рабочая артель жалѣла объ Иванѣ и причину его побѣга приписали молодой бабенкѣ Аграфенѣ. «Это она, халда, виновата! Экой парень къ ней подлаживался да увивался, а она, халда, куражилась надъ нимъ. Я, говоритъ, мужняя жена, и вы, Иванъ Степанычъ, отъ меня отстаньте, никогда не буду вашей сударкой. Ахъ, халда, а вѣдь вотъ связалась же съ мизгиремъ этакимъ, какъ фершалъ, а этакое молодца забрала. Онъ это безпремѣнно отъ нея ушелъ, обида взяла, да ужъ и не въ терпѣжъ видно стало. Вотъ и ушелъ. Ахъ, бабы проклятыя! Грѣхъ отъ нихъ только».

Часовъ въ семь утра, когда я пилъ чай, явился ко мнѣ становой съ докладомъ, что бѣжалъ съ приска Иванъ Безпрозванья. Я прикинулся удивленнымъ и огорченнымъ.

— Послали бы погоню за нимъ, — сказалъ я.

— Да бесполезно будетъ, — отвѣчалъ становой, — навѣрное онъ ушелъ въ полночь или какъ свѣтать стало и, при умѣньи его быстро ходить, онъ отошелъ теперь, поди, далеко; поди, за Пенченгой, если не далѣе. Гдѣ жъ его теперь догонишь. А жаль, лучше бы трое бѣжало, чѣмъ одинъ этотъ Иванъ, этакого работника на всемъ приискѣ нѣтъ другаго.

Тѣмъ дѣло и кончилось, но исторія походовъ Ивана еще не совсѣмъ была кончена, и разыгралась она въ августѣ, мѣсяца черезъ два.

Недѣли черезъ три пріѣхалъ я въ гости къ управляющему К° С. на рѣчкѣ Мамонъ, въ разговорахъ съ нимъ узнаю, что Иванъ работаетъ у нихъ на приискѣ.

— И представьте себѣ, какой работникъ, — говорилъ мой пріятель-управляющій, — золотыя руки! И какъ вы его рассчитали?

Я рассказалъ, какъ я рассчиталъ Ивана.

— А вотъ, какъ вы его наняли? — спросилъ я своего пріятеля.

— Иду я по приску, — сказалъ онъ, — а на встрѣчу мнѣ этотъ молодецъ съ котомкой за плечами. Бѣглый не бѣглый, вотъ я его и спросилъ:

— Куда, моль, идешь?

— Я, говорить, рассчитанный съ прииска Л., а иду, куда глаза глядятъ.

— Ну, думаю, вретъ. Покажи паспортъ свой!

Показалъ свой видъ и расчетный листъ, вами подписанный.

— Ну, говорю, не хочешь ли у насъ остаться, въ конюха намъ надо человѣка.

— Въ конюха извольте, да уговоръ: въ горную, земляную работу не посылать, надоѣла она мнѣ хуже горькой рѣдки. Какое жалованье дадите?

— Изволь, въ земляную и горную работу посылать не буду, а жалованье 20 руб. въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ. Что же, согласенъ?

— Извольте получить паспортъ, согласенъ.

— И золотой же паренъ оказался, дѣло у него горитъ и спорится, и даже не пьющій, отъ водки отказался. «Опротивѣла, говорить, она мнѣ, зарокъ далъ не пить». Просто чудеса.

Но Ивана мнѣ видѣть не удалось, онъ куда-то былъ посланъ или просто не желалъ мнѣ показаться.

Въ августѣ пріѣзжалъ ко мнѣ въ гости на приискъ дядя мой, въ половинѣ августа онъ отправился обратно домой, и мы повезли его на своихъ лошадяхъ до прииска на р. Мамонъ, гдѣ управлялъ мой пріятель; оттуда до села Рыбнаго, на Ангарѣ, мой дядя ѣхалъ на его

уже лошадяхъ и за кучера съ нимъ отправленъ былъ какъ-разъ мой Иванъ Безпрозванья.

Отъ Мамона до Рыбной всего сто верстъ, и ѣзды на своихъ лошадяхъ двое сутокъ, да обратно столько же, но вотъ прошло 5—6 дней со дня отъѣзда, а ни Ивана, ни лошадей нѣтъ какъ нѣтъ. Управляющій мамонскій сталъ беспокоиться за ихъ участь и отправилъ въ Рыбную приказчика своего съ конюхомъ разузнать, что случилось съ тройкой лошадей, упряжкой и Иваномъ. Приказчикъ доѣхалъ до Рыбнаго и остановился у одного изъ зажиточныхъ крестьянъ, гдѣ постоянно останавливался его управляющій. Здѣсь онъ нашелъ только пару лошадей, сбрую и записку. Записка была отъ Ивана, который писалъ нижеслѣдующее: «Простите, Бога ради, за то, что я сдѣлалъ. Меня гонитъ хандра съ прииска, и я не могу туда вернуться, опротивѣла мнѣ тайга. Такъ какъ за конторой у меня имѣется до 50 р. с. заработка, то я взаменъ ихъ взялъ одну изъ худшихъ пристяжекъ и деревягу сѣдельную съ подушкой, остальное все оставилъ у Степана въ сохранности. Вещи мои, какія остались на приискѣ, отдайте бабкѣ Дарьѣ, за ея работу на меня. Вашъ беспокойный горемыка Иванъ». Приказчикъ вернулся съ лошадьми и запиской на приискъ, а объ Иванѣ всякій слухъ пропалъ, и болѣе онъ въ тайгѣ съ тѣхъ поръ не появлялся. Гдѣ онъ сложилъ свою буйную голову и успокоился — этотъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошій паренъ, неизвѣстно. Вѣроятно, и всѣ предшествовавшія его бѣды, вытерѣнные имъ въ его жизни, связаны съ его страстью и какой-то маніей бродяжничества и странничанья, по крайней мѣрѣ было извѣстно, что гоняли его сквозь строй за побѣги изъ полка, гдѣ онъ служилъ.

За послѣднее десятилѣтіе, по официальнымъ свѣдѣніямъ, число бѣжавшихъ съ присковъ Енисейскаго округа представляется въ слѣдующихъ цифрахъ: для сѣверной части округа оно выражается процентною цифрою 3,76, для южной части округа — 7,35. Причину такой разницы въ цифрахъ бѣжавшихъ между обоими округами, я полагаю, надо искать отчасти въ томъ, что южный округъ лежитъ вблизи жилыхъ мѣстъ, приски его удалены отъ нихъ на разстояніи отъ 50-ти до 120 верстъ, тогда какъ приски сѣвернаго округа лежатъ въ болѣе глухой тайгѣ и удалены отъ жилыхъ мѣстъ отъ 250 до 300 верстъ. Быть можетъ, причины эти также кроются и въ самихъ присковыхъ распорядкахъ и условіяхъ работъ южнаго округа, гдѣ мелкіе хозяева и арендаторы, обрабатывающіе приски, съ очень небогатымъ содержаниемъ золота, болѣе прижимисты на расчеты, — можетъ быть, также зависятъ и отъ характера самихъ рабочихъ, нанимаемыхъ въ предѣлахъ Канскаго округа, издавна славящихся своею страстью къ побѣгамъ и бродяжничанью. Я, напримѣръ, никогда почти не нанималъ

канскихъ рабочихъ и, какъ ни были значительны у меня работы, всегда нанималъ рабочихъ въ Красноярскомъ или Ачинскомъ округахъ, гдѣ и сами рабочіе лучше по своимъ качествамъ, какъ рабочая сила, и менѣе склонны къ побѣгамъ, потому ли, что они болѣе удалены отъ приисковъ или по другимъ какимъ причинамъ, тогда какъ рабочіе Канскаго округа — ближайшіе сосѣди южнаго Енисейскаго округа.

У меня процентъ бѣжавшихъ никогда почти не достигалъ въ общей сложности 3—4, хотя главное ядро работъ лежало въ предѣлахъ южнаго округа.

В а р в а р ы .

— Стой, остановись, что вы за люди, — закричалъ передовой изъ ѣхавшихъ двухъ всадниковъ, на бойкихъ таежныхъ коняхъ, троимъ какимъ-то оборванцамъ, которые скрытно пробирались по густо растущему молодому березняку, среди котораго вилась узенькая, лѣсная тропинка, по которой ѣхали оба всадника. Передовой изъ нихъ сидѣлъ на статномъ, гнѣдомъ конѣ, осѣдланномъ хорошимъ кавалерійскимъ сѣдломъ съ вальтрапомъ изъ перличьей кожи и съ походнымъ, изъ той же кожи, чемоданчикомъ въ торокахъ. Самъ всадникъ былъ еще молодой человѣкъ съ русыми волосами и открытымъ, безбородымъ лицомъ, съ добрыми, голубыми глазами и небольшими русыми же усиками надъ верхней губой. Обуть онъ былъ въ длинные охотничьи сапоги, доходившіе ему до половины бедра, одежда его состояла изъ засунутыхъ въ сапоги, темнаго цвѣта, суконныхъ панталонъ, такого же пальто, наглухо застегнутаго на груди, и низкой, круглой, кожаной съ широкими полями шляпы. Въ одной его рукѣ была маленькая нагайка — погонялка, а другою онъ держалъ черный ременный поводъ. Слѣдующій за нимъ, на буланомъ конѣ, верховой, одѣтый щеголевато, какъ одѣваются таежные конюхи-франты, кромѣ казачьей нагайки въ правой рукѣ, имѣлъ за плечами малокалиберную охотничью винтовку, въ торокахъ же у него болтались двѣ небольшія кожаныя переметныя сумки. Оборванцы, завидѣвъ подъѣзжавшихъ къ нимъ всадниковъ, хотѣли было скрыться, но вторично повторенный окрикъ съ угрозою стрѣлять, заставилъ ихъ остановиться, подойти къ подъѣзжавшимъ къ нимъ всадникамъ и снять шапки. Первый изъ этихъ троихъ бродягъ былъ съ блѣднымъ исхудалымъ лицомъ, среднихъ лѣтъ мужчина, второй — молодой парень лѣтъ двадцати, тоже какой-то заморенный юноша, а третій — былъ пожилой, лѣтъ подъ шестьдесятъ, съ желтымъ, болѣзненнаго цвѣта лицомъ мужикъ. Всѣ

трое одѣты были въ какія-то рубища, на ногахъ у нихъ видѣлись худые, стоптанные бродни, за спинами у каждаго болтались котомки берестянки, въ которыхъ, повидимому, было очень мало поклажи, такъ какъ люди эти не тяготились ими, шли прямо, не сгибая спины; у всѣхъ трюхъ въ рукахъ было по деревянному батогу, а у передоваго за поясомъ заткнутъ былъ еще топоръ и небольшой желѣзный котелокъ.

— Сказывайте, что-за люди и откуда и куда идете?— окрикнулъ передовой всадникъ подошедшихъ къ тропинкѣ бродягъ.

— Мы—Голубовскіе, расчитаны недавно, идемъ домой, въ деревню,—отвѣтилъ какъ-то неувѣренно пожилой мужикъ.

— Все врешь, вы просто-на-просто бродяги, бѣжавшіе съ приска. Ну-ко Назаръ, вяжи ихъ, каналій, благо мы ѣдемъ теперь къ исправнику, такъ доведемъ ихъ туда,—сказалъ строго молодой человѣкъ.

— Батюшка, помилосердуй, не прикажи насъ вязать,—сказалъ упавшимъ голосомъ пожилой мужикъ и повалился на колѣни, кланяясь низко въ землю.

Тоже сдѣлали и остальные двое, они лежали ничкомъ, не подымая головы, даже какъ будто бы слышались тихія рыданія.

Молодой человѣкъ, при видѣ такой неожиданной картины, совершенно, какъ говорится, опѣшилъ и пожалѣлъ, что произнесъ такъ не кстати свою угрозу.

— Да ну васъ къ ляду, вставайте на ноги, да убирайтесь по-добру по-здорову, куда глаза глядятъ,—проговорилъ онъ.

Бродяги мигомъ поднялись на ноги и, низко кланяясь, благодарили.

— Скажи ты мнѣ, ради Бога, по правдѣ, —спросилъ молодой человѣкъ пожилого бродягу,—откуда вы, съ какого приска и почему ушли?

— Голубчикъ ты нашъ родненькій, ушли мы съ Успенскаго приска, отъ «варваровъ». Знаешь комисіонера-то ихняго, Дикарева и евойнаго управляющаго, Лебединова. Ушли мы родненькій отъ того, что моченьки нашей не было дольше терпѣть. Замучили они насъ, проды, всю душеньку вымотали, всю силушку вытянули, всю спинушку изстегали. Каторга, хуже каторги. Глянь-кось у меня задъ-отъ.

И онъ, повернувшись къ всаднику задомъ, спустилъ съ ногъ портки и поднялъ свой старый, истрепанный азямишко и свою грязную рубаху. Весь его задъ былъ изсѣченъ и въ большихъ темно-багровыхъ рубцахъ.

— Боже милостивый!—невольно вскрикнулъ молодой человѣкъ, при видѣ слѣдовъ истязаній у пожилаго рабочаго. — Да, они, какъ видно, и въ самомъ дѣлѣ варвары, по шерсти имъ дана и кличка!

— А вы бы посмотрѣли, баринъ, какъ они парня-то отдѣлали, у него не только гузно изсѣчено, а и спина-то вся исполосована,— продолжалъ рассказывать пожилой мужикъ.

— Да какъ же они смѣютъ такъ съ вами поступать? Вы бы жаловаться шли къ ихъ главному комисіонеру Дикареву или, еще лучше, къ самому исправнику,—проговорилъ участливо молодой человѣкъ.

— Ужъ куда намъ жаловаться! Дикаревъ и не допускаетъ до себя, а если и допустить, то зарычитъ на тебя словно цѣпной пёсъ, ногами затопаетъ и прогонитъ, а исправникъ... тутъ мужикъ махнулъ рукой... лучше ужъ къ нему и не ходить. Онъ еще тебѣ вдвое прибавитъ, чтобъ не ходили къ нему жалиться да беспокоить. Онъ вѣдь Дикарева-то боится хуже губернатора. Съ нимъ, съ Дикаревымъ-то, не шути; онъ, братъ, и исправника-то въ рукахъ держитъ, что своего Лебединова. Онъ вѣдь здѣсь все равно что царь!

— Когда же вы ушли съ приска и куда теперь идете,—спросилъ его молодой человѣкъ?

— Ушли мы ночью, третьяго дня, а пробираемся на р. Пить, выйдемъ къ нему пониже порога, сдѣлаемъ тамъ плотишко, да и спустимся Питомъ въ Енисей, только бы благополучно Брянскій кордонъ миновать. Ну да никто какъ Богъ, не мы первые, не мы послѣдніе; за эту недѣлю поди человѣкъ тридцать съ приска-то бѣжали.

— Съ чѣмъ же вы идете, припасишки-то есть-ли у васъ?—спросилъ пожилаго мужика молодой человѣкъ?

— Захватили съ собой пару ковригъ хлѣба, да полъ-кирпича чаю, да соли малость,—отвѣчалъ послѣдній.

— Немного, братъ, у васъ, какъ видно, провизіи, а путь-то дальній! Чѣмъ же питаться-то будете?—допрашивалъ его молодой человѣкъ.

— А чѣмъ Богъ пошлетъ, а то черемшой,—она нонѣ вишь какъ хорошо уродилась, тоже и дикій лукъ мало дѣло подростъ. Вотъ и провиантъ нашъ готовъ,—отвѣчалъ пожилой мужикъ.

— Горемыки вы, горемыки!—Задумчиво сказалъ молодой человѣкъ.—Послушай, Назаръ,—обратился онъ къ своему конюху,—что у тебя въ сумакъ-то еще изъ провизіи осталось? Мы вѣдь сегодня къ ночи приѣдемъ къ «варварамъ», такъ залишній-то провиантъ отдай этимъ несчастнымъ.

Назаръ порылся въ сумакъ и объявилъ,—что имѣется еще коврига хлѣба, кусокъ солонины, полъ-кирпича чаю и малость сахара.

— Ну, вотъ ты и отдай все, кромѣ сахару, чаю у меня еще на заварку хватить, да и сухари у насъ бѣлые остались—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Назаръ сталъ было возражать, что молъ еще шестьдесятъ верстъ

осталось и сегодня пожалуй не до́хать до стану, придется гдѣ-нибудь въ полѣ заночевать, да и самимъ тоже ѣсть захочется; но молодой человѣкъ настоялъ на своемъ и Назаръ передалъ пожилому мужику все то, что ему было приказано передать.

Всѣ трое рабочихъ снова упали на колѣни и, кланяясь въ землю, горячо благодарили молодого человѣка.

— Спаси тебя Богъ и помилуй, что пожалѣлъ насъ несчастныхъ. Дай тебѣ Богъ здоровья и благополучно прѣхать куда ѣдешь и здоровымъ назадъ вернуться, — говорили рабочіе.

Но молодой человѣкъ, пришиоривъ коня, крупной рысью поскакалъ по тропинкѣ, а за нимъ, гремя ширкунцами и подвѣсками мчался, не отставая отъ него, и его конюхъ Назаръ.

Про́хавъ версть съ двадцать и переваливъ черезъ высокую, такъ-называемую Трехъ-этажную Гору, путники спустились въ красивую долину небольшой, таежной, горной рѣчки, весело рокотавшей своими чистыми, хрустальными струями по разсыпаннымъ по ея ложу сланцевымъ галькамъ и золотистаго и бѣлаго цвѣта кварцевымъ валунамъ. Рѣчка эта или Веселый ключъ, какъ его называли нѣкоторые, за милость ея долины, не вдалекѣ отъ таежной дороги, вливалась своимъ неширокимъ устьемъ въ значительную таежную рѣку, катившую свои мутныя желто-бураго цвѣта волны по широкой, болотисто-травянистой долинѣ.

Въ верховьяхъ этой послѣдней рѣки расположены были нѣсколько работавшихся золотыхъ приисковъ и между ними самый значительный въ таежномъ мірѣ по обширности своихъ работъ У. приискъ К° Г., управляемый такъ-называемымъ на языкѣ таежныхъ рабочихъ «варваромъ». — У «варвара», который самъ-по-себѣ не былъ злымъ человѣкомъ, былъ главнымъ его начальникомъ суровый и жесткій сибирякъ Дикаревъ, свѣтило тогдашняго золотопромышленнаго міра и великій его дѣловой авторитетъ.

Режимъ этого человѣка отличался своею жестокостью, безсердечностью и самоуправствомъ. Это былъ тицъ скрытнаго, суроваго, но не глупаго сибиряка, воспитаннаго въ школѣ приснопамятныхъ сибирскихъ комиссаровъ и капитанъ-исправниковъ. Типы эти, несмотря на произведенные съ того времени реформы сибирской администраціи еще жили въ описываемое время или скорѣе отживали свой вѣкъ. Надо знать, что въ это отдаленное отъ насъ десятками тремя съ половиною лѣтъ время значительная часть таежной, приисковой администраціи не отличалась мягкостью въ своихъ отношеніяхъ къ рабочимъ; жестокость и самоуправство царило не только на приискахъ, управляемыхъ Дикаревымъ, но и на другихъ и между различными приисковыми управляющими; Кулаковы, Ильины, Лебединовы, отли-

чающіеся своимъ самоуправствомъ и жестокостью, имѣли немало подражателей. Впрочемъ и въ эти жестокія времена было немало приисковъ, гдѣ была иная система управленія и обхожденія съ рабочимъ людомъ, но подобные приiski были тогда немногочисленны и только лишь съ шестидесятыхъ годовъ наступило измѣненіе стараго. Даже самъ Дикаревъ, послѣ того, какъ жестокосердый Ильинъ былъ посаженъ въ Е. острогъ на высылку, за истязаніе рабочихъ, отмѣнилъ у себя розги и мордобитіе. По этому поводу рассказывалась нижеслѣдующая сцена однимъ изъ ея очевидцевъ. Когда въ тайгѣ сталъ извѣстенъ конецъ долго тянушагося въ сибирскихъ судахъ дѣла управляющаго Ильина, то рѣшеніе суда, осудившаго Ильина въ острогъ, поразило всѣхъ какъ громомъ. И вотъ, когда въ одно прекрасное утро къ бывшему въ это время на приискахъ Дикареву явился съ докладомъ управляющій его Лебединовъ, донося ему, что все на приискѣ обстоитъ благополучно и находится въ должномъ порядкѣ, что всѣ нерадивые, строптивые получили должное возмездіе, а менѣе виновнымъ сдѣланы отеческія внушенія; — тутъ прервалъ его рапортъ суровый принципаль словами: «Сего впредь быть не должно. Розги съ забоевъ отнынѣ убрать и впредь таковыхъ не упорѣблять, а отъ отеческихъ внушеній (слѣдовало бы сказать заушеній) воздержаться. Слышишь, воздержаться!»

Лебединовъ, какъ стоялъ такъ и обмеръ отъ необычности такого неслыханнаго распоряженія. Не вѣря своимъ ушамъ и полагая, что ослышался, онъ позволилъ себѣ сдѣлать возраженіе.

— Позвольте-съ, Николай Петровичъ, я-съ не понялъ-съ. Какъ-же это такъ съ, вѣдь намъ жить будетъ нельзя съ послѣ такой отмѣны-съ.

— Но-но-но .. сказано тебѣ воздержаться и никому никогда березовой гаши болѣе не отпускать, — отвѣчалъ сухо Дикаревъ.

Лебединовъ все еще продолжалъ стоять въ полномъ недоумѣніи, и необычныя слова грознаго принципала какъ-то не укладывались въ его головѣ.

— Виновать-съ, Николай Петровичъ, ничего не понимаю-съ, что изволите приказывать съ, — продолжалъ онъ.

— Когда такъ, то пошелъ, дуракъ, вонъ, — сердито пробурчалъ Дикаревъ.

Только послѣ этого обычнаго для него эпитета уразумѣлъ наконецъ Лебединовъ, что принципаль его не бредитъ и что онъ сознательно отдалъ небывалый за время его долгаго управленія приискомъ приказъ.

Лебединовъ развелъ руками и вышелъ изъ комнаты, пораженный и удивленный, но разложенныхъ кучками по забоямъ розогъ до вечера изъ разрѣза не убиралъ, хотя таковыхъ и не употреблялъ въ дѣло,

предполагая, что въ концѣ концовъ принципаль его еще быть можетъ передумаетъ. Когда же вновь явился къ нему съ вечернимъ докладомъ, то объявилъ, что все на прискѣ идетъ какъ должно и что никто тѣлесно не былъ наказанъ. Послѣ этой фразы онъ ожидалъ себѣ строгаго выговора въ послабленіи, но выговора не послѣдовало.

— Но-но-но, — проворчалъ Дикаревъ, — убралъ ли ты изъ разрѣза розги. Смотри, еще разъ приказываю оныхъ болѣе отнюдь не употреблять и отъ внушеній воздержаться.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте-съ получить мнѣ расчетъ-съ, — проговорилъ нерѣшительно Лебединовъ. — Теперь намъ житья-съ не будетъ, и за порядокъ на прискѣ я не отвѣчаю-съ.

— Пошелъ вонъ и не смѣй просить расчета, — строго и рѣшительно проговорилъ Дикаревъ.

— Лебединовъ мгновенно исчезъ и о расчетѣ уже болѣе не заикался. Все, что здѣсь описывается и рассказывается о Дикаревѣ и Лебединовѣ, происходило много лѣтъ спустя послѣ настоящаго рассказа, а въ то время, когда происходила встрѣча молодаго человѣка съ бѣглыми, порядки у Дикарева были старинные, такъ сказать, до-реформенные.

Остановившись близъ устья Веселаго ключа, на небольшой зеленой, возвышенной надъ русломъ рѣчки полянкѣ, обѣнненной высокими, темными елями, тихо шумѣвшими своей густой хвоей подъ напоромъ дуновения лѣтняго вѣтерка, молодой человѣкъ соскочилъ съ своего коня, сказавъ Назару, принявшему отъ него его лошадь:

— Здѣсь мы часокъ отдохнемъ, покормимъ своихъ лошадокъ зеленой травкой, сами закусимъ, чайку напьемся да и дальше. Привязывай пока лошадей къ дереву, разведи костеръ, да сбѣгай за водой для чая.

Назаръ въ свою очередь соскочилъ съ лошади и, принявъ отъ молодаго человѣка его коня, отвелъ обѣихъ лошадей въ сторонку и привязалъ ихъ къ дереву на выстойку, чтобъ передъ кормомъ они немножко хотя подобрали потъ. Затѣмъ былъ разведенъ небольшой костеръ изъ сухихъ еловыхъ вѣтвей, послѣ чего Назаръ съ мѣднымъ чайникомъ отправился за водой на протекавшую подъ угоромъ рѣчку, молодой же человѣкъ, закуривъ папиросу, усѣлся поудобнѣе на коверъ невысокой зеленой травки, густо покрывавшей площадку возвышенности, на которой сдѣланъ былъ приваль.

Минуты черезъ три Назаръ поспѣшно вернулся къ мѣсту привала и тихо проговорилъ молодому человѣку.

— Знаете, баринъ, намъ тутъ негоже оставаться, надо сейчасъ садиться на коней, да поскорѣй убираться отсюда.

Молодой человѣкъ быстро вскочилъ на ноги и съ тревогой спросилъ Назара. — Что ты такое тамъ увидалъ, чего такъ испугался? Мѣдвѣдь что ли тутъ бродить?

— Кабы медвѣдь, такъ это было бы еще поль-бѣды, — проговорилъ Назаръ, — а какіе-то люди бродятъ, не то бродяги, не то бѣглецы съ присковъ. Да вотъ они уже поднимаются къ намъ по угору, указалъ Назаръ на группу изъ четырехъ человѣкъ, жалкихъ оборванцевъ, тихо бредущихъ съ батожами въ рукахъ и съ котомками за плечами.

Оглянувъ подымавшихся по угору людей, молодой человѣкъ шепнулъ Назару: «Не трусъ, этихъ бояться нечего; видишь, калѣчь какая! Опять видно Голубовскіе. Ужъ такая намъ сегодня видно задача. Видимо, что мы къ «варварамъ» приближаемся».

Молодой человѣкъ громко сказалъ Назару: «Ступай-же за водой, а я безъ тебя присмотрю за конями. — Эй, вы молодцы-архаровцы, какъ васъ тамъ зовутъ, — обратился онъ весело къ неизвѣстнымъ странникамъ, — куда и отколь бредете, не отъ «варваровъ» ли съ работъ сбѣжали? Сегодня еще мы вашихъ товарищей повстрѣчали, поклонъ вамъ шлютъ: скажи, говорятъ, коль встрѣтишь нашихъ, чтобъ поспѣшали на Пить, пониже Чиримбы, за порогомъ, плотъ помогать строить». Незвѣстные люди, услышавъ слова, обращенныя къ нимъ молодымъ человѣкомъ, мигомъ покидали шапки и какъ-то весело ухмыльнулись. Одинъ изъ нихъ, средняго роста, чернявый и худощавый мужиченко, подойдя поближе низко поклонился и вымолвилъ: «Сегодня, голубчикъ, видѣлъ нашихъ, а мы-то ихъ силится догнать, да не знаемъ куда лучше идти и въ какую сторону».

— А вы идите скорешенько на Пить: извѣстно вашъ братъ, бѣглый, норовитъ выйти пониже пороговъ, чтобъ плоты строить, ну, и вы туда же норовите. Мы вашихъ отсюда въ 20 верстахъ повстрѣчали, хлѣба и чаю имъ дали, ну, и вы скорѣй утекайте за ними, а то кабы не было отъ «варваровъ» погони за вами. Сколько же у нихъ народу отвалило сей годъ? — продолжалъ спрашивать молодой человѣкъ.

— Страсть, что нонѣ народу отъ нихъ сбѣжало, никакъ человѣкъ съ полсотни, да и еще собираются, — отвѣчалъ мужиченко. — Не въ моготу стало, баринъ! Самъ посудите!

Молодой человѣкъ, вынимая для себя папироску изъ папиросницы, подаль одну чернявому мужиченку и кромѣ того далъ ему еще три штуки, для его товарищей. Когда чернявый мужиченко, отнеся имъ папиросы, снова къ нему вернулся, молодой человѣкъ уже сидѣлъ на травѣ, близъ огонька; тѣмъ временемъ и Назаръ вернулся съ чайникомъ воды и поставилъ его на огонь вскипятить для чая воду. Молодой человѣкъ указалъ мужиченку мѣсто, гдѣ онъ и усѣлся на корточкахъ, поныхивая данной ему папироской.

— Какъ тебя зовутъ, — спросилъ его молодой человѣкъ?

— А зовутъ меня, баринъ, Зовуткой, по прозвищу Уткой.

— Ну, ты эти шутки оставь, — сказалъ ему молодой человекъ, — вѣдь я васъ не выдамъ, что-жъ пустое болтаешь.

— А коли ты таковский, такъ зовутъ меня, баринъ, Авдѣмъ.

— Отчего это вы бѣжать затѣяли, отъ такой богатой Компаніи уходите, голодать вѣдь будете, припасовъ-то на дорогу, чай, вы не припасли.

— Что, баринъ, будешь дѣлать: отъ хорошаго житья не побѣжишь, а силушки нѣтъ болѣе терпѣть лютость ихнюю.

— Да что они съ вами тамъ такое дѣлаютъ? Плохо кормятъ что-ли? Разсчетомъ обижаютъ или другое что не по праву, — спросилъ мужика молодой человекъ.

— На пищу грѣхъ жалиться, да пища-то въ нутро нейдетъ. Погляди-ка на наше житье, до пищи-ли! Работой насъ изморили, до полночи, почитай, работаемъ, все уроки кончаемъ; хоть тресни, а урокъ окончи; пока не кончишь, съ работы не пустятъ. Ну когда-жъ тутъ ужинать бѣжать, до столовой-то съ версту будетъ, притулишься тутъ же гдѣнибудь подъ забоемъ да и уснешь, а въ три часа утра ужъ будилка бѣжить, да кричить: «вставать пора», ну встанешь этто на ноги, перекрестишься да и опять за работу, а тамъ смотришь ужъ и машину пустили, да такъ до 7 часовъ утра и маешься словно муха сонная. Тутъ тебѣ передышку на полчаса дадутъ, чайку попить съ хлѣбцомъ и снова до 11 часовъ дня работаешь. Въ 11 часовъ спабаемъ для обѣда, а въ половинѣ перваго опять на работу погонять и робишь до паужны, тутъ опять на полчаса отпускаютъ чайку попить, а тамъ ужъ, братъ, какъ знаешь, работай, пока урока не кончилъ, хоть до полночи. Вотъ она жизнь-то наша какова у этихъ богатыхъ компаніонцевъ! — говорилъ чернавый мужикъ. — Да и это не все еще: придетъ этто Лебединовъ управляющій въ разрывъ, а ему смотритишка, Мухортимъ мы его прозвали, сейчасъ жалиться на насъ начнетъ. Этотъ — говоритъ вотъ, лодырничаетъ, а другой вотъ спитъ, а третій ему, слышь, грубитъ, и сейчасъ этихъ, на кого Мухортый пожалится, тутъ-же Лебединовъ разложить велитъ и выпоретъ. У нихъ вѣдь для того на забой и пучки розогъ припасены, а конюха, чтб въ забояхъ за лошадьми присматриваютъ, отчехвостятъ тебя, раба Божія, въ лучшемъ видѣ. Жалованьишко за такую каторжную работу тоже не ахти какое; въ маѣ намъ, забойщикамъ, и по 15 дѣлковыхъ не очистилось. Ну, всѣ тѣ, которые послабже изморились: ни ѣда, ни работа имъ на умъ нейдутъ. Что тутъ станешь дѣлать? Одно средство осталось бѣжать куда глаза глядятъ; жаловаться идти нашему брату на нихъ некуда да и не къ кому.

Молодой человекъ, сидя на травѣ, задумчиво слушалъ разсказъ Авдѣя, куря свою папирску, а между тѣмъ и кипятокъ поспѣлъ, о чемъ доложилъ ему Назаръ. Молодой человекъ вытащилъ изъ кар-

мана пальто завернутый въ бумажку фамильный чай и, отдавъ его Назару, приказалъ весь высыпать его въ чайникъ. Черезъ пять минутъ чай былъ готовъ и Назаръ придвинулъ чайникъ къ своему спутнику.

— Доставай-ка Назаръ, стаканъ, авось онъ у тебя еще въ цѣлости, — сказалъ конюху молодой человекъ.

Назаръ порылся въ сумахъ, но увы, оказалось, что стаканъ разбился.

— Какъ же теперь быть? — спросилъ молодой человекъ, изъ чего мы будемъ пить чай?

— А я тебѣ, баринъ, живо смастерю посудину, — сказалъ Авдѣй и тотчасъ побѣжалъ къ недалеко стоявшей толстой березѣ, срѣзалъ у нея нѣсколько кусковъ бересты и, плотно свернувъ одинъ изъ кусковъ въ родѣ тюрючка, закрѣпилъ концы бересты другъ за друга. Такимъ образомъ получилось подобіе какого-то конического, импровизированнаго сосуда, изъ котораго дѣйствительно можно было по нуждѣ пить чай, воду и всякую какую угодно жидкость.

— Вотъ тебѣ, баринъ, нашъ таежный стаканъ, — сказалъ Авдѣй, подавая молодому человеку свое издѣліе, — а сейчасъ сдѣлаю и другой для твоего Назара.

Молодой человекъ разсмѣялся и, наливъ изъ чайника въ свой берестяный стаканъ чая, сталъ его пить въ прикуску съ поданнымъ ему Назаромъ, также завернутымъ въ обрывокъ газетной бумаги, сахаромъ, мокая въ стаканъ куски обломавшихся отъ тряской дороги сухарей, вытаскиваемыхъ имъ изъ боковаго кармана своего пальто.

Назаръ между тѣмъ пустилъ на траву лошадей, предварительно спутавъ имъ переднія ноги, вернулся къ костру и, получивъ въ свою очередь издѣліе Авдѣя, сталъ наливать себѣ изъ чайника чай и пить его въ прикуску съ поданнымъ ему молодымъ человекомъ кускомъ сахара. Чаепитіе ихъ заняло однакоже не болѣе получаса времени, и когда окончилось, молодой человекъ отдалъ Авдѣю весь оставшійся у него сахаръ, остатки сухарей и чай, который Авдѣй вылилъ изъ чайника въ имѣвшійся у него желѣзный котелокъ.

— Вы однако-же здѣсь не засиживайтесь, — сказалъ ему молодой человекъ, за вами можетъ быть послана погоня, да и товарищей вашихъ, что мы сегодня встрѣтили, вамъ надо нагонять. Да пройти-то напрямикъ на Пить, пониже порога съумѣешь ли? — спросилъ онъ Авдѣя.

Послѣдній отвѣчалъ, что прямую дорогу ему не найти.

— Ну, такъ вотъ какъ иди, — продолжалъ молодой человекъ; — какъ перевалишь отсюда первый высокій хребетъ, то выйдешь на рѣчку Таврикъ, спустишь ея до ея устья, да какъ перейдешь въ бродъ Чи-

римбу, иди правымъ ея берегомъ до второй рѣчки или ключика, имъ подымись до вершины и перевали черезъ хребетъ въ рѣчку Безимянку, а оттуда держись на юго-западъ и перевали невысокую гору на Таврикуль-рѣчку, ею иди вплоть до устья и выйдешь прямо къ порогу. Если не будете мѣшкать, завтра къ обѣду будете на мѣстѣ, а тамъ, пониже порога, и товарищей вашихъ найдете.—Авдій рассыпался въ благодарностяхъ и за чай съ сахаромъ и за указаніе прямой дороги, а тѣмъ временемъ Назаръ поймалъ лошадей, распуталъ ихъ, обуздалъ, подтануль подируги и статнаго гнѣдаго подвелъ къ своему молодому барину, который тутъ же и прыгнулъ въ сѣдло.

— Прощайте, баринъ,—сказалъ Авдій,—дай тебѣ Богъ счастливо ѣхать, поклонись отъ насъ «варварамъ», пусть они насъ напрасно не ищутъ, все равно не найдутъ.

Молодой человѣкъ разсмѣялся и закричалъ, спускаясь съ угора къ рѣчкѣ, въ отвѣтъ Авдію: «Отыскивать васъ это—все равно что искать вѣтра въ полѣ. Смотри, не ошибись дорогой, шагай здорово, а то товарищей не захватишь, безъ васъ уплывутъ».

Проѣхавъ версть пятнадцать по довольно сносной, благодаря сухой погодѣ, таежной дорогѣ, по берегу быстрой и мутной рѣчки В. до перваго черезъ нее брода, путники наши увидали на другомъ ея берегу кучку людей, сидящихъ и стоявшихъ на ея берегу и о чемъ-то между собою толкующихъ; при нихъ было четыре осѣдланыхъ лошади, которыхъ держали подъ уздцы двое конюховъ, двое же изъ проѣзжихъ сидѣли на упавшемъ отъ бури большомъ и толстомъ стволѣ громадной ели. Переѣхавъ рѣчку въ бродъ, вода которой не достигала и въ полъ-бока лошади, молодой человѣкъ подѣхалъ къ сидящимъ на бревнѣ людямъ и, въ свою очередь соскочивъ со своего коня, котораго передалъ своему конюху, поздоровался съ ними.

— Здравствуйте! Вы чьихъ будете, — спросилъ онъ одного изъ сидящихъ, повидимому присковаго прикащика.

— Мы—Голубовскіе. А вы чьи и откуда?—отозвался тотъ.

— Я такой-то и оттуда-то,—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Прикащикъ тотчасъ всталъ, снялъ свой картузь и вѣжливо попросилъ молодаго человѣка садиться съ нимъ рядомъ, на мѣсто вставшаго съ бревна его товарища, оказавшагося присковимъ казакомъ съ ихъ Голубовскаго приска.

Усѣвшись на бревнѣ, молодой человѣкъ вынулъ свой портсигаръ, взялъ оттуда папирску и поподчивалъ ими сѣвшаго возлѣ него Голубовскаго прикащика и стоявшаго возлѣ него казака, котораго попросилъ садиться. Въ тайгѣ вѣдь встрѣчаются, родомъ не считаются.

— Далеко-ли еще отсюда до вашего приска —спросилъ онъ своего сосѣда.

— Да еще не близко, версть, пожалуй, съ двадцать добрыхъ будетъ; вотъ мы вскорѣ послѣ обѣда оттуда выѣхали, а теперь почитай пять часовъ будетъ. Дорога-то ужъ больно камениста, а мѣстами и болотиста, впрочемъ лиха-бѣда до рѣчки Коккоко доѣхать, а тамъ дальѣе дорога будетъ добрая.

— Господинъ Дикаревъ и г. Пейеръ у себя на стану или выбыли куда?—переспросилъ молодой человѣкъ прикащика.

— Г. Дикаревъ выѣхали на-дняхъ въ Енисейскъ, а Пейеръ здѣсь остался, —отвѣчалъ прикащикъ. Вы вѣроятно у нихъ остановитесь, а то быть можетъ у Лебединова, управляющаго. Оба будутъ рады васъ принять. Рѣдкій вы гость въ нашей тайгѣ. Впрочемъ рассказываютъ, что скоро у насъ дѣла заведете, спросилъ какъ-то вкрадчиво прикащикъ.

— Я остановлюсь у добраго моего пріятели Пейера и вотъ именно ѣду сюда для того, чтобъ осмотрѣть наши приски и узнать, какое тутъ можно будетъ завести дѣло.

— Что-жъ, въ добрый часъ,—отвѣчалъ прикащикъ.

— Скажите мнѣ пожалуйста,—обратился къ нему молодой человѣкъ,—отчего это отъ васъ сей годъ столько народа бѣжить?

Прикащикъ отвѣтомъ замаялся и промолчалъ, казакъ же какъ-то выразительно крикнулъ и переглянулся съ конюхами.

— Что-же это вы молчите,—продолжалъ молодой человѣкъ, обращаясь къ прикащику?

— Да какъ вамъ сказать, балуется народъ; у насъ, конечно, потачки имъ, лодырямъ, не даютъ, требуютъ только должнаго; одно вотъ дѣйствительно нехорошо, даже намъ, служащимъ, отыготительно, долго ужъ морять на работѣ. Отдыху мало, ни выспаться, ни отдохнуть нельзя какъ слѣдуетъ. Ну, конечно рабочему-то еще болѣе тяжело, чѣмъ намъ грѣшнымъ. Другого сказать нечего,—ѣсть рабочимъ даютъ въ-волю, даже сверхъ положенія, чего-же лучше, —отвѣчалъ прикащикъ.

— Вы, быть можетъ, хотите сказать,—продолжалъ молодой человѣкъ съ усмѣшкой,—что ѣсть имъ въ-волю даютъ березовой кашей или другого чего. Я вотъ сегодня утромъ видѣлъ вашихъ рабочихъ, кормленныхъ этой кашей и по-истинѣ ужаснулся. Вѣдь это чортъ знаетъ что такое у васъ дѣлается!

Прикащикъ вскочилъ съ бревна какъ ужаленный и быстро спросилъ: «гдѣ видѣли, у кого?»

— Да у вашихъ бѣглыхъ, что мнѣ попались навстрѣчу. Сказывали мнѣ, что они идутъ жаловаться на Дикарева и его Лебединова, да на какого-то смотрителя Мухортова. Пусть, молю, полюбуются, каково они съ нами обращаются.

— Ахъ какъ это непріятно, — сказалъ съ тревогою въ голосѣ прикащикъ. Ну что-жь, нельзя тоже и не поучить, вѣдь и по закону, на прискахъ предоставлено право артельной расправѣ наказывать нерадивыхъ, грубыхъ и непослушныхъ рабочихъ, подвергая ихъ тѣлесному наказанію.

— Это вѣрно, — возразилъ молодой человѣкъ. — Но вѣдь все это предоставлено суду артельной расправы, а не самолично управляющему прискомъ. Да и ей, этой расправѣ, не предоставлено права злоупотреблять наказаніями и не истязать рабочихъ, здорово живешь. У васъ же, говорятъ, даже и розги въ разрѣзахъ кучами заготовлены. Правда это, скажите по совѣсти?

Прикащикъ молчалъ. Молодой человѣкъ обратился съ такимъ же вопросомъ къ казаку и конюхамъ. Казакъ въ отвѣтъ пробурчалъ что-то невнятное, въ родѣ «не могу знать», а конюхи угрюмо глядѣли въ землю.

Молодой человѣкъ бросилъ окурокъ папиросы, поднялся съ бревна и приказалъ Назару подать ему его лошадь. Всѣ какъ-то при-молкли.

— Ну, прощайте, — сказалъ онъ садясь въ сѣдло, — только если вы выѣхали догонять вашихъ бѣглыхъ, а это видно по связкамъ веревокъ въ торокахъ у конюховъ, то не трудитесь, никого не нагоните. Они далеко впереди васъ. Напрасно будете себя и коней мучить, поѣзжайте-ка домой!

Ударивъ нагайкой своего коня, онъ поскакалъ по ровному, каменистому, усѣянному мелкой галькой берегу мутной рѣки, вверхъ по ея долинь, оставивъ въ раздумьи прикащика Голубовской компаніи съ его сателлитами. Солнце уже стало склоняться къ закату и широкая, болотистая долина рѣки начала подергиваться легкимъ туманомъ, когда наши всадники достигли устья быстрой и бурливой рѣчки Кокко, отъ которой до главнаго стана Голубовскаго приска оставалось четыре версты. Это послѣднее разстояніе было сдѣлано въ какія-нибудь двадцать минутъ, благодаря торной и хорошо укатанной дорогѣ, и молодой человѣкъ въѣхалъ на главный станъ, гдѣ его встрѣтилъ грохотъ громадной восьмибочечной золотопромывальной машины.

Было уже около десяти часовъ вечера, но июньскіе вечера, какъ и самыя ночи свѣтлы и не даромъ зовутся бѣлыми ночами. Тѣмъ не менѣе, несмотря на то, что было уже поздно, работа въ широкихъ присковыхъ разрѣзахъ кипѣла, и сотни рабочихъ копошились въ нихъ, какъ муравьи, и только лишь кое-гдѣ виднѣлись оконченные вполнѣ уроки по забоямъ.

Пріѣхавъ на главный станъ и остановившись у втораго уполномоченнаго компаніи, добѣйшаго старика, нѣмца Пейера, не имѣвшаго,

впрочемъ, никакого значенія на прискѣ, нашъ молодой путешественникъ съ энергіей, свойственной молодости, принялся за предложенный ему чай съ густыми сливками и вкусными печеньями, а затѣмъ и за ужинъ, въ особенности показавшійся ему вкуснымъ послѣ шестидесяти-верстнаго верховаго таежнаго пути. Ужь было болѣе половины одиннадцатаго часа ночи, а противная восьмибочечная машина все еще гремѣла и грохотала, точно она вовсе не чувствовала усталости вертѣться и грохотать день-денской, съ утра до поздней ночи.

— Дорогой Карлъ Ивановичъ, — спросилъ, наконецъ, молодой человѣкъ ужинавшаго съ нимъ Пейера, — что это у васъ ночныя работы что-ли на прискѣ? Никакъ на двѣ смѣны моете золото?

Какой, мой душь, ночная работа; это все еще денная продолжается! Это нашъ несносный Дикаревъ завелъ здѣсь такой порядокъ. Ахъ, какъ стыдно, стыдно! Сколько у насъ нынѣ народъ бѣжалъ!

— Да, вы что же смотрите, милѣйшій, — возразилъ ему молодой человѣкъ.

— Я, я здѣсь нуль. Онъ главный. Управляющій Лебединовъ и тотъ здѣсь болѣе значить чѣмъ я. Мнѣ только ежедневно рапортички приносить и болѣе ничего. Да вотъ и самъ Лебединовъ, здѣшній визирь нашего падишаха сюда идетъ, значить скоро и промывка окончится.

И точно, машина еще разъ какъ-то нерѣшительно громыкнула и тотчасъ-же замолкла, а на дворѣ уже давно стояла свѣтлая, тихая лѣтняя ночь.

Въ комнату, гдѣ мы ужинали, вошелъ франтовато одѣтый, въ высокихъ охотничьихъ сапогахъ, средняго роста, чумазый, крѣпкаго сложенія, съ рѣзкими манерами господинъ, типичный представитель таежнаго служащаго высшаго ранга. Раскланявшись съ нами, онъ отрекомендовался пріѣзжему гостю, сказавъ: «здѣшній управляющій Лебединовъ».

Послѣ обычнаго привѣтствія «хлѣбъ да соль» и вопроса, обращеннаго къ гостю: «давно ли изволили пожаловать», Лебединовъ сказалъ Пейеру:

— А вѣдь бѣглыхъ-то, Карлъ Ивановичъ, видно не поймали! Какковы, однако, шельмы, какъ скоро они успѣли далеко убраться! Подумайте, въ самый обѣдъ семеро съ забоевъ ушло, унесли свои котомки, караваевъ съ пять хлѣба, около пуда мяса, да топоровъ съ пятокъ, да одинъ ломъ съ балдою прихватили. Нѣтъ, вѣдь вотъ подлець народъ, бѣжали, да еще добро хозяйское забрали. А жаль, что не попались, уважилъ бы я ихъ, канальевъ, до новыхъ вѣшниковъ бы не забыли. Не встрѣтили-ли вы нашихъ бѣглецовъ? — обратился онъ къ пріѣзжему гостю.

— Сегодня не встрѣчалъ, а вотъ вчера немало вашего народу падало навстрѣчу, — отвѣчалъ гость.

— А нашъ служащій съ казакомъ и двумя конюхами не встрѣчался-ли гдѣ-нибудь съ вами? — спросилъ Лебединовъ.

— На послѣднемъ отсюда бродѣ видѣлся съ ними. Развѣ они еще не вернулись на присѣкъ? — спросилъ гость.

— Нѣтъ еще! Гдѣ же Мухортому догнать вчерашнихъ, хоть бы ужъ сегодняшнихъ кого-нибудь захватили и то было бы отлично. Ужъ отдѣлалъ бы я ихъ подь красный лакъ, этихъ мерзавцевъ, — сказалъ сердито Лебединовъ съ злою усмѣшкою въ лицѣ.

— Однако, г. Лебединовъ, вы къ народу не очень какъ видно ласковы, — сказалъ сухо молодой человѣкъ.

— Да вѣдь нельзя-съ быть съ нимъ ласковымъ, — отвѣчалъ Лебединовъ. — Большой руки мерзавецъ здѣшній народъ. Лукавъ, лѣнивъ и не отесанъ-съ. Учить ихъ надо-съ, а безъ этого хоть съ присѣка бѣги, житья-съ не будетъ.

— Ваше-ли дѣло его учить, да не за тѣмъ они пришли въ тайгу, чтобъ учиться правиламъ нравственности, къ тому же отъ вашего способа ученья проку вылететь мало. Палкой нравственности не научишь, — отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Вѣдь я-съ не въ томъ смыслѣ говорю учить, какъ вы понимать изволите, — отвѣчалъ Лебединовъ. — Ихъ надо учить добросовѣстно работать: не прекословить и не бѣгать-съ. Если они задатки взяли, контрактъ подписали; значитъ продали себя и свою шкуру компаніи вплоть до расчета-съ. А компанія вправѣ требовать-съ отъ нихъ работы, а отъ дѣла барышей. Они же лѣнятся, плохо работаютъ-съ, вотъ за это и слѣдуетъ ихъ учить, чтобъ работали добросовѣстно, а они, мерзавцы, лодырничаютъ, бросаютъ работу, бѣгутъ-съ, чѣмъ компаніи большіе убытки наносятъ, а съ насъ господа уполномоченные за это взыскиваютъ-съ, — витѣйствовалъ Лебединовъ.

— Вы сами того не зная, большіе убытки дѣлу наносите! Заставляете людей египетскую работу дѣлать, держите ихъ на ней чуть не до полуночи, отдыху имъ не даете, кормите, смотря по вашей работѣ, не важно, да и жалованье незавидное имъ платите, при томъ еще бьете и тираните. Что же имъ осталось дѣлать — какъ не бѣжать! Гдѣ у нихъ защита противъ васъ? Не у исправника-ли? Да исправникъ-то вамъ давно душу и тѣло свое продалъ, онъ и пикнуть передъ вами не смѣетъ.

— Хорошенько его, мой душъ, хорошенько, именно тираны они, а не люди, не даромъ его и Дикарева рабочіе «варварами» прозвали, — горячился старикъ Пейеръ. — Меня они не слушаютъ и знать не хотятъ.

Лебединову, видимо, было непріятно это нападеніе своего, хотя и безгласнаго, но все же въ нѣкоторомъ родѣ начальства.

— Ахъ, добрѣйшій Карлъ Ивановичъ, — возразилъ Лебединовъ, — вы что знаете? Кабы не Николай Петровичъ, развѣ могъ бы быть здѣсь такой образцовой-съ порядкомъ? Развѣ компанія ваша получила бы такіе дивиденды-съ отъ разработки своихъ присѣковъ? Только строгостью и держится здѣсь вся эта стройность на присѣкахъ нашей компаніи!

— Вотъ, вотъ, большіе-то дивиденды и спутали у васъ все въ вашей голевѣ, вы и забыли, что у васъ живіе люди, а не машинъ работаютъ. Моему довѣрителю получать 80 или 100 процентовъ на рубль все равно, мой душъ, онъ за этимъ не гонится. Мнѣ же у васъ тошнить на присѣкъ отъ этой вашей строгости, я отъ того и въ разрѣзъ не хожу, потому что у васъ тамъ чуть не постоянная драка, вѣчно кого-нибудь бьютъ или дерутъ. Смотрѣть гадко, — горячился Пейеръ.

Лебединовъ не выдержалъ, покраснѣлъ и сконфузился отъ этой новой филиппики при постороннемъ своего уполномоченнаго. Пейеръ, между тѣмъ, не унимался, ему какъ видно нравилось сорвать свое сердце хоть на Лебединовѣ, въ отсутствіи своего товарища, грознаго и суроваго Дикарева, за то пренебреженіе, въ какомъ онъ находился, несмотря на свой рангъ, втораго уполномоченнаго на присѣкъ.

— Доиграетесь вы ужъ, — говорилъ онъ, — съ вашимъ Николаемъ Петровичемъ до чего-нибудь непріятнаго. Вотъ объ Ильинѣ, вашемъ двойникѣ, началось уголовное дѣло, смотрите, какъ бы и васъ не потянули тоже въ судъ; теперь вѣдь не прежняя пора, теперь въ Россіи новій духъ повѣялъ, руки-то вамъ надо покороче держать.

Лебединовъ во время этой рѣчи Пейера какъ-то безпокойно ѣрзалъ на стулѣ; напоминаніе ему о нашумѣвшей тогда въ тайгѣ исторіи управляющаго Ильина было ему крайне непріятно.

— Что же мнѣ дѣлать-съ, — возразилъ онъ, — уже безъ прежняго однако апломба. Николай Петровичъ требуютъ-съ точнаго исполненія ихъ предначертаній-съ, чтобъ столько-то было выработано и добыто золота. Ну, мы и стараемся имъ угодить-съ, а ежели что и случится-съ, надѣмся, что они насъ не выdadутъ-съ. Сила у нихъ въ губерніи большая-съ.

— Да неужели у васъ состраданія нѣтъ къ людямъ, вѣдь не двухильные они — въ свою очередь сказалъ молодой человѣкъ! — Вѣдь и машина устааетъ и ломается, а вы отъ людей невозможнаго требуете. Смотрите-ка, вѣдь ужъ полночь на дворѣ, а у васъ еще только съ вечерней смывки золото несутъ. Когда же отдохнуть и выспаться прикащикамъ, рабочимъ вашимъ и даже вашимъ главнымъ помощникамъ въ работахъ — лошадямъ?

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ, золото несутъ, — поспѣшно сказалъ Лебединовъ и быстро сорвался съ своего стула. — Ну, теперь мнѣ надо идти въ контору и распорядиться. Пожалуйста завтра къ намъ въ разрѣзъ и на восьмиблочную машину, — обратился онъ къ молодому человѣку, — такого чуда, какъ она, въ тайгѣ не бывало, у насъ у однихъ такое замѣчательное сооруженіе, дѣлающее честь нашему механику Андрею Андреевичу Клоссу.

Лебединовъ раскланялся съ нами, пожелавъ доброй ночи, и, пожавъ намъ руки, поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

— Добрый вѣдь малый, — проговорилъ Пейеръ, — трезвый, честный и дѣльный, но сухой, жесткій и безсердечный, мой душъ, чело-вѣкъ. Ученикъ и правая рука нашего Дикарева. Ахъ, скорѣй бы мнѣ изъ этого ада выбраться! Съ отправкой первой сдачи золота, послѣ Петрова дня, тотчасъ же уѣзжаю въ Е—скъ, а тамъ и домой въ К—скъ. Ну, Христось съ вами, — сказалъ онъ, обращаясь къ своему гостю, — спите спокойно, да и мнѣ, старику, пора на боковую.

Тутъ мы оба поднялись съ нашихъ мѣстъ распрощались другъ съ другомъ и пошли въ свои комнаты на ночной нашъ отдыхъ.

Новый способъ.

Въ зиму 1858—59 года въ Е—ь золотопромышленномъ мѣрѣ только и было разговоръ что о новомъ способѣ промывки золотосодержащихъ песковъ по американской системѣ, вывезенномъ изъ Калифорніи нѣкимъ сибирякомъ Пакулевымъ, причемъ не только къ промывкѣ песковъ, но и къ вскрышѣ торфовъ предполагалось примѣнить этотъ новоявленный, американскій способъ. Споровъ за и противъ въ обществѣ было много множество; кто одобрялъ, кто хулилъ новый способъ, но въ общемъ раздавалось болѣе похвалъ, нежели порицаній. Вообще, много возлагалось надеждъ на этотъ новый способъ, упразд-нявшій при примѣненіи его дорогостоящія золотопромывальни, а въ особенности конную подвозку песковъ и отвозку отъ машинъ отбро-совъ промывки въ отвалы, какъ равно и торфовъ. Примѣненіе этого новаго американскаго способа къ разработкѣ пріисковъ, если бы таковое вполнѣ удалось, совершенно измѣнило бы ихъ эксплуатацію и весь строй золотопромышленнаго дѣла въ Сибири, что въ свою очередь отразилось бы и на развитіи самаго промысла. — Такое коренное измѣ-неніе пріисковаго хозяйства повлекло бы за собой удешевленіе раз-работки, а это дало бы возможность разрабатывать площади съ болѣе убогимъ содержаніемъ золота, какое въ то время разрабатывалось. По-этому понятно то волненіе, какое охватило тогда не только золотопро-мышленный мѣръ, но и всѣхъ тѣхъ, кто къ нему какъ къ нибудь и чѣмъ нибудь соприкасался, и такихъ было много множество.

Пояснимъ теперь, какимъ образомъ попала къ намъ въ Сибирь эта американская выдумка и кто такой былъ ея носитель?

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ, въ одной изъ волостей К. округа былъ волостнымъ писаремъ нѣкто Пакулевъ; у него произошли какіе то нелады съ мѣстнымъ земскимъ своимъ начальствомъ, вслѣдствіе чего Пакулевъ былъ устраненъ отъ должности, а чтобы вымѣстить на немъ

свою досаду, это начальство, за какія то якобы неправильности по волостному управленію, упекло его подь слѣдствіе. Попасть подь слѣдствіе волостному писарю, при немилости къ нему мѣстныхъ властей ничего нѣтъ легче, но находится подь нимъ ничего нѣтъ хуже, потому что тогда не только, какъ говорится, утробу, но и всю душу изъ него вымотаютъ, въ особенности въ тогдашнее темное время старинной сибирской судебной процедуры. Какимъ-то образомъ однакоже Пакулеву удалось выбраться, несмотря на подписку о невыѣздѣ, за предѣлы своей губерніи, махнуть въ Питерь, а затѣмъ и за море—окантъ въ Америку, а оттуда и въ благословенную Калифорнію, гремѣвшую тогда баснословными своими богатствами новооткрытыхъ золотыхъ росыпей и неслыханными тамошніе плацеры, рабыхъ золотоискателей. Пакулевъ попалъ на тамошніе плацеры, работаль на нихъ, мыль золотоносные пески на всѣхъ тогдашнихъ золотопромывальныхъ устройствахъ, въ томъ числѣ и на вошедшихъ тогда во всеобщее употребленіе лонгъ-томахъ и слюйсахъ. Побившись нѣсколько времени на плацерахъ и скопивъ порядочно денегъ, благо добыча золота вышла для него удачною, онъ разработалъ чертежами лонгъ-томовъ и слюйсовъ и, сдѣлавъ по-русски описаніе этихъ золотопромывальныхъ устройствъ, ловкій сибирякъ, поспѣшилъ обратно въ Россію и вернулъ въ Питерь. Представить куда слѣдуетъ просьбу о выдачѣ привилегіи на свое *soit-disant* изобрѣтеніе, внести за нее деньги было дѣломъ нѣсколькихъ дней. Затѣмъ Пакулевъ написалъ и напечаталъ книжку о своемъ новомъ способѣ разработки золотыхъ приисковъ съ приложеніемъ къ ней пояснительныхъ чертежей, сталъ ее пропагандировать между петербургскими золотопромышленниками и при усиленныхъ ходатайствахъ вскорѣ получилъ и десятилѣтнюю на свой способъ привилегію. Заручившись затѣмъ рекомендательными письмами отъ вліятельныхъ въ Петербургѣ лицъ къ Е—у правителямъ, онъ поспѣшилъ на родину въ Сибирь. Здѣсь уже объамериканившийся сибирякъ безбоязненно и смѣло явился къ властямъ, представилъ имъ свои рекомендаціи и свое изобрѣтеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и 3000 р. с. на выписку изъ Астрахани мастера для осетровъ рыболововъ засолкѣ рыбы и дѣланія изъ добываемыхъ тамъ осетровъ икры и вязиги, чего ранѣе въ Сибири дѣлать не умѣли.—Вскорѣ затѣмъ онъ былъ вполне обфленъ во всѣхъ взведенныхъ на него провинностяхъ, освобожденъ отъ слѣдствія и снова сталъ полноправнымъ гражданиномъ. Тотчасъ послѣ своего возвращенія въ Сибирь, онъ началъ агитацію въ пользу своего изобрѣтенія между мѣстными золотопромышленниками и заинтересоваль имъ многихъ, а въ особенности тогдашняго Котовскаго уполномоченнаго Миртовскаго. Этотъ ловкій мужчина, вышедшій въ люди изъ лона тогдашнихъ петербург-

скихъ частныхъ полицейскихъ приставовъ и неизвѣстно какимъ образомъ попавшій въ уполномоченные богатой золотопромышленной Котовской К°, находившейся въ то время однакоже подь управленіемъ двухъ конкурсовъ, устроенныхъ надь главными участниками этой К°, быстро оцѣнилъ своимъ проницательнымъ умомъ выгоды, какія можно будетъ извлечь изъ Пакулевской выдумки. Онъ вскорѣ сошелся съ изобрѣтателемъ и приобрѣлъ отъ него его привилегію за 40.000 р. с., предварительно испробовавъ примѣненія новаго способа, въ небольшомъ впрочемъ размѣрѣ, къ промывкѣ песковъ и эфельныхъ отваловъ. Завладѣвъ привилегіей, Миртовскій, распоряжаясь громадными работами на Котовскихъ приискахъ, гдѣ дѣйствовало множество золотопромывальнъ, а число рабочихъ доходило чуть не до 1500 человекъ, порѣшилъ производить всѣ горныя работы на приискахъ этой К° по новому американскому способу, что давало ему возможность возратить съ избыткомъ всю затраченную имъ на покупку привилегіи сумму. Такое примѣненіе *en grand* новаго способа къ разработкѣ приисковъ произвело конечно необычайную сенсацию во всемъ Е—мъ золотопромышленномъ районѣ.

— Слышали ли вы, что Миртовскій-то затѣялъ?—спросилъ меня знакомый Е—й золотопромышленникъ, на одномъ изъ клубныхъ вечеровъ нашего благороднаго собранія.

— А что, — спросилъ я?—Нѣтъ, пока ничего неслыхалъ.

— А то, что всѣ работы въ будущемъ лѣтѣ на Котовскихъ приискахъ на новый, американскій способъ переводить? Какъ это вамъ кажется? Полторы слишкомъ тысячи человекъ сразу на америку. Все будетъ по-американски. И торфа вскрывать и пески мыть. Всѣхъ лишнихъ лошадей продаетъ, оставляетъ ихъ самую малость. Сломить онъ себя на этой американкѣ шею, непременно сломить, — горячился мой знакомый.

— Да почему же сломить, — возражалъ я.— Не зря же онъ это дѣлаетъ, вѣроятно надѣется на себя и на новый способъ.

— Да какъ же это возможно такую ораву рабочихъ и на всѣхъ приискахъ сразу на америку переводить? Вѣдь это рискъ. Миѣ, — говорить онъ, ни вашихъ старомодныхъ машинъ не нужно, ни таратаекъ, ни лошадей, у меня все вода по желобамъ понесетъ. Какъ же, понесетъ вода, дождайся. Вотъ его точно-что съ управленія снесетъ эта вода. Ну, и обошелъ его этотъ Пакулевъ. Ахъ, какъ обошелъ. Слышно и привилегію ему свою продалъ.

— А за много — спросилъ я моего знакомаго.

— Ну, ужъ тутъ до правды не доберешься. Кто говоритъ за сорокъ, а кто и за двѣсти тысячъ. Да откуда этотъ Миртовскій деньги-то такія досталъ?

— Да успокойтесь, — говорил я своему приятелю, — двух соть тысяч Миртовскій не дастъ, не таковскій онъ человѣкъ, а вотъ сорокъ тысячъ — такъ это правдоподобно.

Такъ-то такъ, человѣкъ онъ неоплошный, а вдругъ возьметъ да и дастъ двѣсти тысячъ. Вѣдь денно и ночью бредить этими треклятыми американками.

— Ну, а вамъ-то до всего этого какое дѣло? — возразилъ я.

— Мнѣ-то, конечно, до Миртовскихъ проказъ никакого дѣла нѣтъ, — отвѣчалъ мой приятель, — а все же въ-чужь жалко бѣдные Котовскіе приски. Онъ съ нихъ, сказываютъ, за одно лѣто, пятьдесятъ тысячъ беретъ за привилегію, а наместъ ли еще золото, это Богъ вѣсть.

— Да почему же не намытъ, вѣдь моютъ же на нихъ золото въ Калифорніи? Развѣ вы сомнѣваетесь въ пользѣ примѣненія американокъ въ нашей тайгѣ? — спросилъ я.

— Не только сомнѣваюсь, но вполне убѣжденъ, что ничего путнаго изъ нихъ не выйдетъ; сухая ерунда. Да я этого Пакулева съ его американками и на прискѣ то къ себѣ не пушу, — отвѣчалъ онъ.

— Да почему же ерунда! — возразилъ я. — Быть можетъ въ этомъ дѣлѣ есть что либо путное. Надо испробовать, вѣдь не даромъ же завели ихъ у себя калифорнцы?

— Э, батенька, то вѣдь въ Калифорніи, а не у насъ гдѣ-нибудь въ Россіи. Тамъ, я слыхалъ, и зимы-то не бываетъ, круглый годъ, почитай, лѣто, а у насъ какъ завернетъ 30—40° мороза, такъ земля-то на 2 на 3 аршина промерзнетъ, вотъ тутъ и работой на американкѣ. Опять же у насъ и лѣтомъ въ рѣчкахъ воды бываетъ маловато, мыть, почитай, нечѣмъ, да и земля-то наша не то что ихняя, у насъ и глина, и мясничка, а у нихъ тамъ, сказываютъ, земля что пухъ, галька да песокъ одинъ. Нѣтъ, не ко двору она намъ эта америка.

— Все-таки испытать не мѣшаетъ, — сказалъ я, — можетъ быть эфельные отвалы на ней перепускать можно или на маленькихъ работахъ и заработкахъ она пригодится. И это уже недурно будетъ.

— Что вы, что вы, нигдѣ она не пригодится, — заговорилъ мой приятель. — Вчера, по поводу этой америки у извѣстнаго вамъ здѣшняго золотопромышленнаго авторитета Николая Петровича собраніе было, и Николай Петровичъ заявилъ на собраніи, что вся эта америка — сущій вздоръ, а Пакулевъ — пустой прожектеръ. А ужъ Николай Петровичъ такъ выразился — значить дѣло дрянъ. Да и не только Николай Петровичъ, а вотъ и Александръ Николаичъ, тоже вѣдь немалое золотопромышленное свѣтило, первый, почитай, у насъ техникъ и изобрѣтатель разныхъ разностей, и тотъ не одобрилъ американки. Сносъ-то какой на нихъ золота будетъ, да и пачкотня-то какая въ раз-

рѣзѣ сдѣлается, не оберешься при нихъ, говорить, убытковъ. Ужъ если такіе авторитеты и такое мнѣніе высказываютъ, то поистинѣ жалъ Котовскихъ присковъ и злополучнаго Миртовскаго. Прогорить онъ съ этой америкой въ конецъ.

— Поживемъ, увидимъ — возразилъ я. — Вѣдь не съ дуру же Миртовскій всѣ работы на америку переводить. Дѣло вѣдь это не шуточное, сами знаете, какую онъ отвѣтственность передъ своими доверителями на себя принимаетъ.

Какъ не знать, — проворчалъ мой приятель. — Ну, да ему что, у него свои расчеты, ему убытка не будетъ.

Словомъ, всѣ наши консерваторы были противъ американокъ, либералы и новаторы стояли за нихъ горой, а мы, занимавшіе середину между, ними были ни за, ни противъ, приговаривали только: «Поглядимъ, что вотъ у Котовскихъ отродится, тамъ дѣло виднѣе будетъ».

Тѣмъ временемъ Миртовскій, покончивъ съ Пикулевымъ, укатилъ въ Питеръ, гдѣ и женился на очень молоденькой, хорошенькой, образованной и музыкальной барышнѣ, хотя у него сѣдина уже значительно заполонила голову. По пріѣздѣ на приски молодая м-ше Миртовская очаровала собою, своею любезностью и превосходною игрою на роялѣ всѣхъ и вся. И старый и малый, въ особенности первые, такъ и таяли отъ одного ея взгляда и готовы были молиться на нее; и точно, Миртовская въ то время была не зауряднымъ явленіемъ, при той бѣдности на хорошихъ, свѣтски образованныхъ женщинъ въ Сибири, и въ особенности въ тайгѣ.

Между тѣмъ на Котовскихъ прискахъ кипѣла работа, тысячи длинныхъ, короткихъ, широкихъ и узкихъ сплотовъ и желобовъ, тысячи американскихъ рѣшетокъ и ловушекъ изготовлялись сотнею плотниковъ и столяровъ, а доски для нихъ пилились чуть не полсотней паръ пильщиковъ. Въ апрѣлѣ началась вскрыша торфа по-старому впрочемъ способу, на тачкахъ, такъ какъ земля еще не оттаяла, а въ рѣчкахъ было мало воды, лошадей же на прискахъ было самое ограниченное количество. Въ маѣ, когда показалась вода по разрѣзамъ всѣхъ четырехъ Котовскихъ присковъ, установили многочисленныя линіи и радусы американскихъ сплотовъ, началась вскрыша торфа водой по новому способу и чистенькіе, щеголеватые до того разрѣзы вскорѣ оказались до-нельзя замусоренными и засоренными. Вотъ началась и промывка песковъ, но, по каменистости и вязкому ихъ свойству, промывалась ихъ значительно менѣе прежняго, еще хуже того протирались самые пески, и золото терялось въ плохо обмытой галькѣ, вслѣдствіе чего, вмѣсто обычной добычи, одного пуда золота въ день получалось его не болѣе полупуда. Но Миртовскій не унывалъ, онъ

былъ настойчивъ и все приписывалъ непривычкѣ къ новому дѣлу рабочихъ и прикащиковъ.

Большое взяло меня любопытство съѣздить въ Дальнюю тайгу посмотреть эти новыя работы и познакомиться съ новымъ способомъ работы на американкахъ, тѣмъ болѣе, что у меня на приискахъ, которые я тогда разрабатывалъ, пески были чрезвычайно дресвяны и разрушисты, а потому ознакомиться съ американками подмывало не одно только праздное любопытство, а надежда примѣнить ихъ къ своимъ работамъ.

Въ концѣ июня, освободившись нѣсколько отъ дѣлъ, я отправился прямымъ, верховымъ, таежнымъ трактомъ на Котовскіе прииски, отстоявшіе отъ моего мѣстожительства въ 160 верстахъ. Дня черезъ полтора я добрался до перваго работавшагося прииска Дальней тайги и здѣсь остановился на ночлегъ у пріятеля моего, управляющаго приискомъ, добродушнѣйшаго нѣмца Оссера. Конечно, первымъ дѣломъ, какъ только-что мы усѣлись за чаепитіе, начались разспросы о таежныхъ новостяхъ и событіяхъ.

— Что у васъ новенькаго, что хорошенькаго, — спросилъ я Оссера?

— Да, что новенькаго, самая замѣчательная новость м-ше Миртовская. Ахъ, что за прелесть-женщина! Одинъ восторгъ! У насъ въ тайгѣ всѣ отъ нея безъ ума. Ужъ начто нелюдимъ и бука нашъ Николай Петровичъ и тотъ какъ будто малость оттаялъ и сталъ помягче.

— Да вы мнѣ расскажите не о м-ше Миртовской, а о м-ше Америка, какъ она у васъ поживаетъ, да что подѣлываетъ, — отвѣчала я.

— Что америка, — возразилъ полупрезрительно Оссеръ, — самое пустое и неудачное дѣло. У Миртовскаго всѣ служащіе и рабочіе ругаютъ ее на всѣ четыре корки, скоро сбѣгутъ всѣ отъ нея. При этомъ-то золотищѣ, какое у нихъ тамъ въ россыпяхъ содержится, въ половину противъ прежняго его намыываютъ. Дрянъ, говорю вамъ, вся эта америка, а вотъ м-ше Миртовская, такъ это «все отдай, да мало».

— Послушайте Андрей Андреевичъ, — сказалъ я, — да вѣдь вы женатый, старый хрѣнъ, и вамъ ли за молоденькими дамами увиваться?

— Э, батенька, вотъ какъ вы ее завтра увидите, такъ другое запоете, и на всю Миртовскую америку плюнете, да и Кунтуякъ вашъ забудете, а будете около нея ходить, да восторгаться. По ея милости у Миртовскаго на приискѣ гости не переводятся. Все ѣздить будто бы америку смотреть. И весело-же у нихъ, ахъ какъ весело!

— Я вѣдь не затѣмъ сюда пріѣхалъ, чтобъ восторгаться м-ше Миртовской, да мнѣ и некогда. Завтра поѣду на Т—скій приискъ, ознакомлюсь тамъ хорошенько съ америкой, попутно осмотрю работы на К—мъ, съѣзжу на Н—скій, — словомъ постараюсь изучить американскій способъ во всѣхъ его примѣненіяхъ, еще съѣзжу на Енашино,

и оттуда махну къ себѣ домой, на Кунтуякъ, чтобъ 5-го іюля быть дома, такъ какъ мы въ это время отправляемъ наше золото въ Барнаулъ, за первую половину операціи.

— Ладно, ладно, — смѣясь говорилъ мнѣ Оссеръ, — вотъ какъ увидишь нашу сѣверную богиню, такъ и изучать америку забудешь, да и самъ не примѣтишь, какъ лишнюю недѣлку проживешь у насъ.

Напившись чаю и затѣмъ поужинавъ, я, утомленный верховой ѣздой, пошелъ спать, а Оссеръ отправился на вечернюю съемку золота.

На другой день, распростившись съ гостепріимнымъ Оссеромъ, я поѣхалъ на Т—скій приискъ къ Миртовскому, съ которымъ вовсе не былъ тогда еще знакомъ. По пути завернулъ на Кон—скій приискъ Котовыхъ и здѣсь впервые увидѣлъ работы американскимъ способомъ. Обходя работы и разспрашивая любезно показывавшихъ ихъ мнѣ прикащиковъ, я вынесъ убѣжденіе, что примѣнять америку на такой россыпи, какая была на Кон—мъ, было не выгодно. Работы шли неуспѣшно, выглядѣли грязно и всѣ, отъ прикащиковъ до рабочихъ, ихъ не одобряли, но промывка старыхъ эфельныхъ отваловъ шла довольно хорошо и для этого дѣла новый способъ видимо годился.

На Т—скій приискъ я пріѣхалъ уже къ раннему таежному обѣду и остановился на квартирѣ управляющаго приискомъ. Отдохнувъ нѣсколько съ дороги и пріодѣвшись, я отправился знакомиться съ г. Миртовскимъ, у котораго засталъ довольно многочисленное общество. Представившись хозяевамъ и объяснивъ цѣль моего пріѣзда, я встрѣтилъ очень радушный пріемъ и приглашеніе, во-первыхъ, къ обѣду, а во-вторыхъ, оставаться у нихъ на приискѣ столько времени, сколько мнѣ понадобится и осматривать всѣ работы и устройства. Поблагодаривъ за столь любезное приглашеніе, мы передъ обѣдомъ оставались въ гостиной и занимались общимъ разговоромъ, тѣмъ болѣе, что у меня и у любезныхъ хозяевъ, въ особенности хозяйки, оказалось нѣсколько общихъ знакомыхъ въ Петербургѣ. Дѣйствительно, м-ше Миртовская оправдала сложившееся о ней въ тайгѣ реномѣ. Она была молода, изящна, мила и очаровательна, очень любезна, но, къ сожалѣнію, мнѣ некогда было заниматься ея пріятнымъ обществомъ, тѣмъ болѣе, что г. Миртовскій почти весь обѣдъ посвящалъ меня въ тайны новаго американскаго способа работъ и мнѣ мало довелось съ нею разговаривать.

Послѣ обѣда я ушелъ на работы и возвратился домой уже позднимъ вечеромъ. На другой день, я опять провелъ все утро на работахъ, а послѣ обѣда, распрощавшись съ гостепріимными хозяевами я отправился на Енашино, по пути заѣхалъ на Н—скій приискъ и осмотрѣлъ тамошнія большія работы, производившіяся американскимъ

способомъ, въ широкомъ, чуть не стосаженомъ разномъ. На Енапимо, на Николаевскомъ прискъ куда я прѣхалъ, я засталъ большой переполохъ. Прѣхавшій изъ Питера ревизоръ и уполномоченный и вмѣстѣ съ тѣмъ близкое лицо хозяйствъ, Олковъ, смѣнялъ главноуполномоченнаго К°, авторитетнаго въ то время человѣка въ тайгѣ по части присковой техники Александра Николаевича, а потому на прискъ этомъ, гдѣ проживало все главное начальство грандіозной этой К°, у которой работало въ то время до 3.000 человѣкъ рабочихъ, происходило великое смятеніе и необычная суета. За ужиномъ, однакоже, разговоръ шелъ о работахъ Миртовскаго, надъ которымъ всѣ смѣялись и пророчили ему отъ америки полную неудачу и разореніе управляемыхъ имъ Котовскихъ присковъ, сожалья о гибели такого прочнаго и лучшаго въ тайгѣ дѣла. При разставаніи моемъ съ Миртовскимъ, онъ снабдилъ меня книжкой Пикулева съ чертежами американокъ, а я въ свою очередь отмѣтилъ въ моихъ замѣткахъ много тѣхъ фактовъ, которыхъ я самъ былъ очевидцемъ, а также и мнѣнія служащихъ и зрителей разръзовъ на Котовскихъ прискахъ, такъ что вернулся домой достаточно наученнымъ и съ совершенно вѣрно составленнымъ у меня мнѣніемъ о новомъ американскомъ способѣ. Мнѣніе это однакоже было скорѣе въ его пользу, въ особенности, что касается промывки эфельныхъ отваловъ и разрушистыхъ, дресвянистыхъ росыпей на рѣчкахъ съ крутымъ паденіемъ. Что же касается другихъ росыпей, подобныхъ тѣмъ, какія разрабатывались на Котовскихъ прискахъ, то разработку таковыхъ, въ особенности большими командами, я считалъ и непрактичнымъ и невыгоднымъ.

Въ этомъ отношеніи я былъ за-одно съ прочими противниками новаго способа и конецъ операціи этого года вполне оправдалъ эти неблагоприятныя для американокъ мнѣнія. Кончилась операція этого года для Котовскихъ присковъ весьма печально, вмѣсто обычныхъ ста пудъ золота, которые ежегодно добывались на нихъ прежнимъ способомъ, въ этотъ злополучный для нихъ годъ не было добыто и половины, хотя содержаніе золота въ росыпяхъ было прежнее, а потому, вмѣсто барышей, получился довольно значительный убытокъ, да въ добавокъ всѣ разръзы были до-нельзя загрязнены, запылены и завалены отбросами промывокъ. Конечно, подобный результатъ работъ этого года для Миртовскаго имѣлъ неблагоприятныя послѣдствія, такъ какъ недолгѣ послѣдовало его увольненіе отъ должности уполномоченнаго Котовской К°. Но онъ не унывалъ, надѣясь на свою счастливую звѣзду.

И дѣйствительно, несмотря на полную почти неудачу примѣненія новаго способа на Котовскихъ прискахъ, нашелся однако же въ тайгѣ нѣкій простоватый человѣкъ, уполномоченный своихъ братьевъ, бо-

гатыхъ золотопромышленниковъ, Тригоровъ, увѣровавшій въ пригодность «америки», а еще болѣе — въ краснорѣчивость Миртовскаго и заключившій съ нимъ условіе, которымъ отдавалъ ему на годъ въ полное распоряженіе богатѣйшій прискъ своихъ довѣрителей съ тѣмъ, что онъ, Миртовскій, поставитъ на немъ всѣ горныя работы американскимъ способомъ на 600 человѣкъ, на счетъ его, Тригорова, довѣрителей, но за право пользованія этимъ способомъ, онъ, Тригоровъ, обязался ему, Миртовскому, уплатить изъ первой полочки денегъ за золото сорокъ тысячъ рублей серебромъ. И вотъ, Миртовскій началъ разрабатывать новымъ способомъ попавшій ему въ руки этотъ злополучный прискъ, на которомъ, до этого времени, на рабочую команду въ 600 человѣкъ, ежегодно добывали пятьдесятъ пудовъ золота. Вся тайга, можно сказать, ахнула отъ изумленія, отъ этой новости! И Господи, что вышло изъ всего этого и что случилось съ этимъ несчастнымъ Тригоровскимъ прискомъ! Всѣ прежнія его работы, всѣ чистенькіе его разръзы были безобразно занесены илами, грязью, эфелями и отбросами промывки. Вскрываемый «американками» торфъ и промываемые на немъ въ то же время пески смѣшались вмѣстѣ, а потому грязь и нечистота работъ была невообразимая; всѣ канавы были занесены до неузнаваемости, а въ результатѣ всего этого, вмѣсто обычныхъ пятидесяти пудовъ золота, было намыто всего десять пудовъ, изъ которыхъ пошло Миртовскому слишкомъ три пуда за его привилегію, а остальные на покрытіе расходовъ по операціи, и въ концѣ концовъ получился колоссальный убытокъ, чуть не въ двѣсти тысячъ рублей серебромъ.

Послѣ этой катастрофы, постигшей новый способъ, слава его окончательно померкла и вѣра въ него совсѣмъ-было утратилась. Однако же новый способъ не исчезъ безслѣдно, а мѣстами водворился съ успѣхомъ и довольно прочно. Такъ, на разрабатываемыхъ въ то время мною золотыхъ прискахъ Аяхтинской группы онъ примѣнялся къ промывкѣ всецѣло и съ большимъ успѣхомъ. Такимъ образомъ, я сдѣлался тогда почти единственнымъ данникомъ Миртовскаго, и до самаго 1866 г. платилъ ему деньги за его привилегію.

За этотъ продолжительный періодъ времени, я сдѣлалъ, кромѣ того, и другія приспособленія въ американкахъ и сталъ примѣнять ихъ къ промывкѣ песковъ и на недресвянистыхъ только росыпяхъ, а на росыпяхъ, хотя и сланцевыхъ, но легкосвязныхъ. Что же касается до промывки эфельныхъ отваловъ американками, то это было признано удобнымъ всѣми, даже ихъ противниками и промывка эфелей новымъ способомъ всюду укоренилась, да кажется практикуется и донинѣ, во всѣхъ тайгахъ.

Съ недовѣріемъ и страхомъ смотрѣли на меня мои служащіе, когда

по приѣздѣ въ дальнюю тайгу, я приказалъ нашимъ прискоковымъ плотникамъ дѣлать, согласно чертежамъ и рисункамъ, американскіе желоба, сплотки, ящики, рѣшетки и другія ловушки, подставки для устройства у насъ на прискѣ промывки песковъ американскимъ способомъ, объявляя притомъ, что этимъ способомъ мы будемъ отнынѣ промывать пески и добывать золото.

— Ахъ, что это вы, Н. В., загѣваете, — говорилъ мнѣ мой становой, Семень Васильевичъ Пановъ — Вотъ, поистинѣ, чудное дѣло будетъ, если мы не испакостимъ нашихъ работъ! Кажется, чего еще, дѣло у насъ идетъ хорошо, машины моютъ исправно, золота добываемъ мы порядочно, а на вашей американкѣ и разрѣзы всѣ займемъ, да и золота-то будемъ добывать поди наполовину, все снесетъ съ эфелями въ канаву.

— Да почему же вы такъ думаете? — говорилъ я.

— А вотъ увидите, золото непременно понесетъ, огромный сносъ будетъ, а во-вторыхъ — и мыть песковъ будемъ менѣе; гдѣ же это видно, чтобъ на такомъ жолобѣ да полтора кубика песковъ пропустить въ рабочей день, — возражалъ Пановъ.

— А мы пропустимъ, — отвѣчалъ я. — Да нашихъ песковъ не полтора, а два куба пропустить можно, будь у насъ воды болѣе, золото же останется въ первыхъ рѣшеткахъ и далѣе его не снесетъ, вѣдь не щепана оно, а тяжелый металлъ, къ тому же и золото у насъ не тертое, а окатистое.

Становой мой качалъ головою и охалъ, а мы дѣятельно готовились къ устройству промывки новымъ способомъ.

У насъ на прискахъ было три разрѣза, въ которыхъ производились работы; для осторожности и чтобы приучить рабочую команду и служащихъ къ новому способу промывки, я поставилъ желоба только въ одномъ изъ этихъ разрѣзовъ, продолжая промывку золота въ двухъ другихъ на золотопромывальныхъ машинахъ. Сперва мы установили только три радіуса американокъ и съ перваго же дня промывки дѣло у насъ пошло на ладъ. Рабочимъ сразу понравилась «американка». Швыряй, знай, пески прямо въ желобъ, вмѣсто того, чтобы класть ихъ въ таратайку, потомъ сидѣть и ждать, когда эта таратайка вернется съ машины.

Въ результатѣ всего было то, что работавшіе на американкахъ въ этотъ же день отработались двумя часами ранѣе, чѣмъ тѣ, которые работали въ другихъ разрѣзахъ, несмотря на непривычку ихъ къ этому новому дѣлу и на то, что имъ заданъ былъ урокъ полтора кубика песковъ на радіусъ. Рабочихъ все это очень порадовало, а потому, въ виду успѣха дѣла мы поставили въ этомъ разрѣзѣ на слѣдующій день десять радіусовъ линій и остановили нашу золотопромыш-

ленную машину, на которой работало 25 лошадей и 60 человѣкъ рабочихъ. На десяти радіусахъ работало всего 45 человѣкъ и ни одной лошади, а песковъ мы промыли то-же количество, что и на машинѣ, да и золота получили столько же, сколько ежедневно добывали, разница была та, что люди наши окончили свои работы не въ 8 часовъ вечера, какъ обыкновенно кончали, а въ 6 часовъ по полудни. Послѣ этого всѣ мои противники американокъ смолкли, а черезъ два-три дня сдѣлались отъявленными ихъ партизанами.

Надѣлавъ достаточно желобовъ и всякихъ приспособленій для устройства промывки по новому способу, я ввелъ ее и въ другихъ разрѣзахъ нашихъ присковъ и съ этого времени у насъ болѣе не громыхали наши золотопромышленныя машины, по самый день окончательной выработки этихъ присковъ.

— Ну, что теперь скажешь, — говорилъ я моему скептику, становому Панову недѣли, двѣ спустя послѣ повсемѣстнаго введенія у насъ промывки по новому способу? — И моему не меньше прежняго и сносъ золота ничтожный! А ты все твердилъ: «не пойдетъ, не пойдетъ у насъ америка».

— Да что ужъ теперь говорить, — отвѣчалъ съ усмѣшкой Пановъ, — очень для насъ удобный способъ. Валимъ мы въ ящики песку страсть сколько и все проносить, какъ ни въ чемъ не бывало. Ну и золото все какъ есть въ первомъ, а много во второмъ, отъ забоя, ящикъ и какъ будто бы его и не сносить. Я ужъ досконально провѣрялъ сносъ. И промывальщикъ мыль и самъ я пыталъ эфеля, и шлица, точно сносъ самый малый, а все какъ будто сомнительно.

— Что сомнительно? — возразилъ я, — да вѣдь самъ видишь, что съ хвостовыхъ послѣднихъ желобовъ, почитай, одни доли снимаемъ за цѣлый день, какой еще сносъ надо. Вѣдь у насъ на машинѣ больше было.

— Такъ-то такъ, а все какъ-то сомнительно, хотя почитай всё золото лежитъ, да еще какъ плотно, не отдерешь, въ первыхъ рѣшеткахъ.

— На то оно и благородный металлъ, а не мякина. Оно само садится въ ловушки и забивается туда струей воды, да и галечки, что въ желобахъ набиваются, не пускаютъ его внизъ. Пойми это.

— А все-таки было бы любопытно это провѣрить, — возразилъ мнѣ съ усмѣшкой Пановъ.

— Что же, согласенъ, — отвѣчалъ я. — Завтра у насъ перестановка линій, мы ихъ передвинемъ впередъ, къ забоямъ; пока эта работа происходитъ, мы установимъ три радіуса желобовъ къ хвостовымъ ящикамъ и эфельно-галечнымъ кучамъ и будемъ ихъ промывать все время до обѣда. Задай рабочимъ урокъ по одному кубику на линію, вотъ и узнаешь всю суть дѣла. Да положи въ первые желоба, кромѣ ловушекъ, еще и сукна.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ Паповъ.

На другой день все предобѣденное время мы занимались перемывкой эфелей и перепустили ихъ до 3,600 пудовъ, но золота изъ нихъ добыли не болѣе одной трети золотника, такъ что весь нашъ сносъ опредѣлился не болѣе одной доли со ста пудовъ, вчетверо меньше, чѣмъ онъ былъ, когда мы промывали пески на машинѣ.

Послѣ этого опыта, становой мой, Паповъ, созналъ очевидную пользу промывки у насъ песковъ новымъ способомъ. Конечно, мы могли бы даже и торфъ снимать «американкой», такъ какъ онъ по свойствамъ своимъ былъ удобенъ для этого дѣла, но недостатокъ воды въ нашихъ рѣчкахъ вынудилъ насъ ограничиться примѣненіемъ американокъ къ одной только промывкѣ песковъ.

Такимъ образомъ водворился у насъ на Аяхтинскихъ пріискахъ новый способъ, и мы были, почитай, единственными во всей Енисейской тайгѣ, которые вели валовую промывку россыпей «американкой». Много ѣздило къ намъ постороннихъ лицъ и горныхъ властей посмотреть наши работы, — послѣдніе, вначалѣ съ недовѣріемъ относились къ нововведенію, но затѣмъ убѣдились въ цѣлесообразности его на этихъ нашихъ пріискахъ, такъ какъ на другихъ моихъ пріискахъ, имѣвшихъ не дресвянистыя россыпи, я не рисковалъ примѣнять новый способъ, хотя работы въ небольшихъ размѣрахъ кое-гдѣ и производилъ на нихъ американкой и не безуспѣшно.

Однако, что же сдѣлалось съ Пакулевымъ, вывезшимъ изъ Калифорніи этотъ новый способъ, и съ Миртовскимъ, купившимъ отъ него его привилегію? Пакулевъ, не имѣя болѣе дѣла въ Сибири и окончивши съ своей привилегіей, вскорѣ куда-то исчезъ съ нашего горизонта и впоследствии говорили, что все, что онъ нажилъ, потерялъ и померъ въ бѣдственномъ положеніи. Правда ли это или ложь, достоверно утверждать не могу, но въ Сибири онъ болѣе, дѣйствительно, не появлялся.

Миртовскій послѣ тригоровскаго разгрома не находилъ уже охотниковъ на его способъ, а потому взялъ въ разработку въ одной изъ таегъ нѣсколько пріисковъ, бился съ ними, какъ говорится съ хлѣба на квасъ, хотя въ началѣ фортуна ему какъ будто улыбнулась, а потомъ эта вѣтреница его покинула, какъ покинула его въ свою очередь и его красавица-женка, перебравшаяся въ развеселый Питеръ изъ унылой Сибирской тайги. Затѣмъ онъ еще долгое время мыкался на пріискахъ Т. тайги, гдѣ тоже держалъ у себя въ арендѣ нѣсколько пріисковъ и кое-какъ перебивался, пока добрая наша всеобщая избавительница отъ всѣхъ золъ и напастей — смерть — не сжалилась надъ нимъ и не перенесла этого стараго грѣшника туда, гдѣ нѣтъ ни новыхъ, ни старыхъ способовъ добычи золота.

Таежные орлы.

Былъ у меня въ тайгѣ пріятель, Семень Ивановичъ Памфилинъ, который служилъ управляющимъ на одномъ изъ пріисковъ К^о В. Л. Человѣкъ онъ былъ не безъ образованія и заѣхалъ въ Сибирь въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ, въ первую пору золотой горячки, во время открытія Енисейскихъ золотыхъ богатствъ, да такъ здѣсь и остался, совершенно втянувшись въ таежную жизнь. Пріѣхалъ онъ сюда съ кѣмъ-то изъ своихъ питерскихъ знакомыхъ, отправившимся въ Сибирь искать золото; тогда такихъ охотниковъ до поисковъ золота было не мало, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ слухъ о сибирскомъ богатомъ золотѣ достигъ до береговъ невской столицы. Какъ водится, золота ни онъ, ни пріятель его не нашли, зарывъ въ землю не одинъ десятокъ тысячь рублей на его поиски. Такихъ неудачниковъ тогда было тоже немало. Пріятель Семена Ивановича, разочарованный, укатилъ обратно въ Питеръ, а онъ, втянувшись въ тогдашнюю развеселую сибирскую жизнь, не пожелалъ съ нею разстаться, пристроившись техникомъ въ богатую и тароватую К^о Г., гремѣвшую тогда своими, казалось, неисчерпаемыми золотыми богатствами, и въ особенности славившуюся своими пирами и веселымъ житьемъ. Вращаясь въ тогдашнемъ золотопромышленномъ водоворотѣ, Семень Ивановичъ со всѣми перезнакомился: такъ какъ въ молодости своей, тогда онъ былъ еще довольно молодымъ человѣкомъ, былъ душевнымъ, развеселымъ малымъ, то его всѣ чрезвычайно полюбили, и хотя онъ отродясь техникомъ не бывалъ, но въ К^о Г. онъ былъ принятъ на эту почтенную должность, а вскорѣ затѣмъ получилъ и мѣсто управляющаго на одномъ изъ ея золотыхъ пріисковъ. Человѣкъ онъ былъ неглухой, сообразительный, а главное, вполне честный, поэтому скоро постигъ всю тогдашнюю нехитрую пріисковую техническую премудрость и сдѣлался даже замѣтнымъ между тогдашними

присковыми управителями. Въ мое время, въ половицѣ шестидесятихъ годовъ, Памфилинъ былъ живой хроникой своего времени и всего того, что происходило въ тайгѣ и тогдашней золотопромышленной столицѣ, городѣ Е., въ золотопромышленномъ муравейникѣ. Во время моего съ нимъ знакомства, бурныя времена золотопромышленности уже миновали и давно отошли въ область преданія, и небезынтересно было иногда послушать его рассказы объ этихъ героическихъ временахъ, въ особенности въ минуты находившей на него откровенности; вообще же онъ былъ молчаливъ и малосообщителенъ. Хотя ему было не болѣе пятидесяти годовъ, но проведенный имъ десятокъ лѣтъ среди тогдашней безшабашной таежной и городской сутолоки наложилъ на него свою неизгладимую печать. Онъ выгляделъ опустившимся и преждевременно состарившимся, хотя еще вполне сохранялъ бодрость душевную и умственную, но здоровье его было уже надорвано, онъ сильно кашлялъ и какъ-то хирѣлъ, такъ что вскорѣ сошелъ съ жизненной сцены, окончивъ земное существованіе на одномъ изъ таежныхъ кладбищъ.

— Ахъ, Семень Ивановичъ, — сказалъ я ему, въ одно изъ моихъ его посѣщеній, въ свободное отъ работъ, осеннее время, — расскажите пожалуйста, какъ жилось у васъ, въ тайгѣ и въ Е., въ эпоху знаменитыхъ сороковыхъ годовъ? Говорятъ, что очень было весело и шумно...

Семень Ивановичъ въ этотъ разъ былъ какъ-то веселѣе и здоровѣе обыкновеннаго, словомъ, былъ въ хорошемъ расположеніи духа; кромѣ того, онъ всегда какъ-то ко мнѣ благоволилъ и любилъ мои къ нему посѣщенія, въ особенности, когда не былъ занятъ своимъ таежнымъ дѣломъ, которое онъ исполнялъ ревностно.

— Всяко бывало, — отвѣчалъ онъ, — было и весело и шумно, а подчасъ очень дико и глухо. Что ужъ говорить; однимъ словомъ, сумасшедшее было время, не знаю, какъ мы его и выжили и вынесли. Ну-да, по правдѣ сказать, теперь немного, кто изъ прежнихъ въ живыхъ остался; всѣ, какъ говорится, сгорѣли или прогорѣли.

— Рассказывайте, рассказывайте, — настаивалъ я, — вы вѣдь въ этомъ омути въ самой его серединѣ вертѣлись и всѣхъ и вся знали и видѣли.

— Еще бы мнѣ не знать, — продолжалъ Памфилинъ. — Вѣдь и я тоже жизнь-то свою со всѣми прожигалъ. И право, какъ подумаешь нынѣ, такъ на себя дивишься, какъ это на все насъ хватало? Кажется, за двоихъ жили, ну-да вотъ теперь и приходится расплачиваться за это. Видите ли, на кого я сталъ похожъ, а я вѣдь здоровякъ былъ! Да я еще что? У насъ вотъ не такіе еще орлы-то бывали? Вотъ хоть бы Константина Тихоновича Котова или Сте-

пана Федоровича Воробьева, или Урипла Александровича Бѣлоситова, или даже Мытарева, Орозова, Упрямецва или Забубеннова взять? Ну, это точно орлы были. Самый первый сортъ таежные орлы. И вѣдь что только эти люди творили, ума помраченье! какъ имъ это все съ рукъ сходило, и какъ это они дѣлы оставались? Впрочемъ, изъ нихъ теперь, почитай, что никого не осталось, всѣ примерли, а вотъ я еще живъ, слава те, Господи! должно быть, и мнѣ скоро придется ноги протянуть, совсѣмъ здоровьишко плохо стало. Умыкали бурку крутыя горки! Про подвиги нашихъ орловъ долго бы пришлось рассказывать, а вотъ расскажу я вамъ про двѣ тогдашнія свадьбы. Умо-рушка была съ ними, расскажешь, иной не повѣритъ, скажетъ: выдумка. Ну, а какъ я самъ свидѣтелемъ всему этому былъ, то поневоли повѣришь.

— Да какъ у васъ времени и денегъ-то на все хватало? — спросилъ я.

— Эко тоже выдумали! — отвѣчалъ Памфилинъ. — Денегъ-то у насъ тогда столько было, что куры не клевали, а времени послѣ работъ зимой дѣвать некуда было. Жили мы тогда, какъ всѣ русскія широкія натуры, на распашку. Золотище-то было, почитай, у всѣхъ богатое, не нынѣшнему чета. Вотъ вы теперь въ ползолотника содержаніемъ пески моете, да Бога хвалите, а мы бы всю такую дрянъ въ сомнительный отвалъ свезли, — такой у насъ тогда бывалъ отвалъ на прискахъ. Вы вотъ въ бортахъ разрѣза 10 да 12 доль оставляете, а мы бы тогда и золотникомъ поступились. Съ машинъ золотопромышленныхъ нашихъ тогда сносъ-то золота былъ не въ 3—4 доли отъ ста пудъ, какъ теперь, а въ 20 да 30 доль. А все же какъ-ни-какъ, золота-то втрое болѣе намывали противъ нынѣшняго. Скажетъ это, бывало, Котовъ управляющему своему Жаеву: «Аеанасій Ивановичъ, ну-ка покажи дорогимъ гостямъ, сколько ты сегодня золота намоешь? Пари я держалъ на ящикъ шампанскаго, что въ послѣобѣденное до ужина время пудъ намоешь. Боюсь, какъ бы не проиграть пари, а еще пуще, осрамиться!» Аеанасій Ивановичъ только ухмыльнется въ бороду. Заводскій онъ былъ Котовыхъ чловѣкъ, но они ему за его богатые открытія вольную дали и своимъ управляющимъ сдѣлали. И хорошій онъ былъ управляющій, хоть и самодуръ немного! Ну, вотъ, онъ сейчасъ же побѣжить по работамъ, а глядишь къ ужину не пудъ, а полтора тащатъ. Ну, тутъ такая пальба изъ пушекъ на Титовскомъ пойдетъ и такое хлопанье пробокъ изъ бутылокъ шампанскаго начнется, такія подымутся пѣсни да пляски, что даже чорту тошно. Да, что еще! Бывало въ сорокъ седьмомъ или сорокъ восьмомъ годахъ на Севагликонѣ вечеромъ, послѣ работъ, большая пальба начнется; это значило, что не только на Ти-

товскомъ запудили, но и на Отрадномъ, на Маринскомъ, да и у Воробьева на Святодуховскомъ; а ужъ про Платоновскій, на Актоликъ, и говорить нечего, тамъ не только пудили, а двупудили, подчасъ и трипудили. И чудное дѣло, ѣхаль я какъ-то разъ вечеромъ съ Севаликона на Актоликъ, и какъ разъ на самомъ перевалѣ, на горкѣ нахотился, и вдругъ слышу, такая канонада на обѣихъ рѣчкахъ началась, точно у васъ въ Питерѣ съ Петропавловской крѣпости.

Тутъ я остановилъ восторги моего пріятеля, напомнивъ ему, что онъ общалъ мнѣ рассказъ о двухъ свадьбахъ.

— Да гдѣ жъ тутъ удержаться! Вы вѣдь вотъ этого ничего не видали, и понять не можете, а я все это видѣлъ, пережилъ и самъ все на себѣ испыталъ. — Бывало это въ тайгѣ ѣдетъ Петръ Ѳедоровичъ Воробьевъ. Впереди его на статномъ ворономъ конѣ, весь въ шелку и бархатѣ, выступалъ его любимый конюхъ съ мѣднымъ рогомъ въ рукѣ. Конь его весь въ подвѣскахъ да ширкунцахъ, за версту слышно, да и конюхъ временами въ рогъ трубитъ, знай, моль, что богатый золотопромышленникъ ѣдетъ. За этимъ конюхомъ самъ Петръ Ѳедоровичъ рядомъ съ нимъ его прихвостень-племянникъ Орозовъ, на статныхъ лошадяхъ. Какія лошади — звѣри, одно слово, а не кони, — теперь нѣтъ такихъ. Петръ Ѳедоровичъ тоже молодецъ, какихъ мало: статный, стройный, рослый, черноокий, заглядѣнье парень, весь въ бархатѣ и шелку, ну, настоящий оперный пѣвецъ. Ахъ, и влюблялись же въ него бабы! То-есть какъ еще! Ну любую бери, не откажетъ! И точно! Незачѣмъ было ему и жениться, такъ и остался холостякомъ. Вѣдь какъ въ тайгѣ, такъ равно во всѣхъ нашихъ сибирскихъ золотопромышленныхъ городахъ стоило ему только любой по-султански свой платокъ бросить и готово, — или сама къ нему придеть, или онъ къ ней иди смѣло. Вотъ только грѣхъ съ одной бѣличкой вышелъ, а хорошенькая была! но ему воспротивилась и въ монастырь затворилась. Ну, да не удержалъ и монастырь, ловкіе пособники дѣвку выкрали оттуда и предоставили ее своему благодѣтелю-патрону. Ну, тѣмъ дѣло и кончилось. Кому слѣдуетъ, говорятъ, 25.000 рублей отсыпали, да сударушкѣ столько же на приданое отвалили, а тамъ и замужъ выдали, такъ вся эта, въ свое время, шумная исторія и окончилась, а Петръ Ѳедоровичъ, хоть и дорого, а свое взялъ и въ волю патѣшился.

— Да вы, Семень Ивановичъ, все въ сторону отъ предмета настоящего отвлекаетесь, — замѣтилъ я.

— Ахъ, да, про свадьбы-то! Ну, вотъ дайте только окончить рассказъ о выѣздѣ Петра Ѳедоровича. Сзади за нимъ слѣдуетъ верхомъ татаринъ его Махмедка, человекъ на всѣ руки, одѣтъ черкесомъ, а за нимъ еще два конюха, и тоже въ шелку и бархатѣ на статныхъ воро-

ныхъ лошадяхъ. Ну, словомъ, выѣздъ турецкаго паши, и ужъ тутъ имъ не попадайся навстрѣчу, а попался, такъ дай дорогу и отъѣзжай къ сторонкѣ, не отъѣдешь, такъ самого вѣжливыню попросятъ да отведутъ, а заартачишься, такъ и нагаекъ отвѣдаешь. Конечно, съ знакомыми управляющими или золотопромышленниками или тамъ съ чиновниками таежными дѣло обходилось иначе, по-человѣчески, ну а съ простыми смертными не очень-то чинились. И вѣдь какіе орлы-то у насъ въ тайгѣ были. Примутся гдѣ въ карты играть, въ особенности въ городѣ зимой, когда деньги за золото получать. — Боже мой, груды золота, полуимперіаловъ, на столахъ наворожены; стопы ассигнацій, точно какая оберточная бумага торчатъ. Старья-то бумажки куда не красивы были. Ну, и играютъ сутки, а то и двое и трое, да что при этомъ выпьютъ, ужасу подобно. Куда все это и помѣщалось! Теперь у насъ въ тайгѣ все измельчало! А тутъ цѣлыя состоянія обращались и переходили изъ рукъ въ руки. А еще, напримѣръ, Уріиль Александровичъ Бѣлоситовъ, что это былъ за орелъ! Отставной поручикъ уланскій, весь въ орденахъ, и сабля за храбрость у него была. Человѣкъ, чуть не съ сажень росту, статный, бравый и съ лица молодецъ, даромъ что ему сорокъ лѣтъ о ту пору было съ хвостикомъ. Былъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и образованный, начитанный человекъ, по-французски и по-польски говорилъ, техническими науками занимался, воздухоплаваніемъ, водяными колесами. Видали, чай, его на Платоновскомъ приискѣ колесище чуть не пятнадцать сажень въ діаметрѣ, которое, впрочемъ, за неимѣніемъ достаточно въ Актоликѣ воды, такъ и не дѣйствовало; но это еще не все, а главное, послѣ того какъ въ польскій мятежъ потерялъ онъ подъ Минскомъ ногу, такую себѣ сдѣлалъ самолично превосходную, искусственную на шалнерахъ ногу, что могъ стигать ее, какъ хотѣлъ, и ходилъ на ней, какъ на живой. Незнакомый съ нимъ и не подумаетъ, что у него вся лѣвая нога искусственная. Подшефе, бывало, даже вальсъ танцевалъ. И силища же была у человека! Подковы разгибалъ, кочерги желѣзные въ жгуты вязалъ, тройку бѣшеныхъ лошадей на всемъ скаку осаживалъ: такъ лошади на крупъ и садутъ. Душа человекъ, весь нараспашку, даже и на флейтѣ чувствительные романсы игралъ, очень всѣ его любили, покойника. А вотъ, поди-жь ты, какъ странно женился этотъ молодецъ, сказать даже смѣшно. Была у него сударка изъ мѣшаночекъ, дѣвушка такъ себѣ, самая обыденная, онъ ее и грамотѣ даже научилъ. Ну, жили они ничего себѣ, ладненько и любовно, тутъ, конечно, вскорѣ обнаружили послѣдствія такого согласнаго житія. Только она у него въ домѣ не жила, а приходила къ нему, когда онъ ее позоветъ, болѣе же онъ самъ у нея пребывалъ. Вотъ братья-то ея и видятъ, что сестрица ихъ нашла, къ тому же и Уріиль-то Александровичъ простота, они и по-

рѣшили какимъ-нибудь способомъ повѣнчать его съ своей сестрой. Уриль-то ужь тѣмъ часомъ и жениха для сударушки своей подыскалъ, служащаго какой-то К°, молодаго парня. Братцы же этого вовсе не имѣли въ виду и ждали только случая, какъ бы самого Уриила повѣнчать съ своей сестрой, а случай, какъ на грѣхъ, скоро и представился. Въ одну изъ кутежекъ, бывши уже въ сильномъ градусѣ, Уриль и говорить пріятелямъ своимъ:

— Устроимте пикникъ, а чтобы весело было, поѣдемте на свадьбу, я хочу свою Фроську сегодня повѣнчать.

Ну, конечно, вся компанія пришла въ восторгъ, тѣмъ болѣе, что всѣ были уже здорово выпивши. Послалъ Уриль нашъ за двумя тройками лошадей, за подготовленнымъ имъ для своей сударки женихомъ, котораго тутъ же порядочно накатили виномъ, чтобы какъ-нибудь не артачился, взяли про запасъ дюжину холодненькаго, прихватили и горяченькаго, ромцу съ коньячкомъ, да и покатили къ дому невѣсты. Дѣло было уже довольно поздно вечеромъ—Фрося и ея братья были дома. Входитъ это Уриль со своими пріятелями къ нимъ въ горницу, да и говорить:

— Привезъ я тебѣ, Фрося, жениха, живо одѣвайся, ѣдемъ вѣнчаться, да и вы, братцы родные, будьте у ней шаферами, а теперь, пока невѣста одѣнется, выпьемъ за благополучное окончаніе нашего дѣла.

Братцы живо сообразили все дѣло, послали за самой отличной тройкой къ своимъ пріятелямъ, двумъ ямщикамъ, и когда тѣ пріѣхали, а невѣста была готова, сѣли съ нею въ пошевни и покатили въ ближайшую сельскую церковь, въ Верхосельи, гдѣ предположено было вѣнчаться. Уриль съ своими пріятелями и съ женихомъ поѣхали за ними. Братцы пріѣхали задолго до Уриила Александровича, уговорились съ попомъ, который было уже спать ложился, поспѣшили освѣтить церковь, куда всѣ и отправились, и ждутъ. Вотъ къ церкви подкатили обѣ Уриилы тройки, а братцы подходятъ къ Уриилу и объявляютъ ему, что все уже готово, извольте, молъ, пожаловать, невѣста и батюшка дожидаются.

— Расчудесно,—промычалъ Уриль, а у самого и языкъ, и ноги заплетаются...

Онъ и вся его честная компанія ввалились въ церковь, а о припасенномъ женихѣ вовсе забыли и оставили его въ саняхъ, такъ какъ онъ совсѣмъ размякъ,—не промычить ни тати, ни мамы. Надо думать, что Уриль и его собутыльники съ-пьяна ничего не понимали, какъ и зачѣмъ они попали въ церковь, но братцы не зѣвали, подвели Уриила къ невѣстѣ, поставили съ ней рядомъ и сунули ему свѣчу въ руки, а сами его поддерживаютъ, чтобы какъ-нибудь онъ не свалился. Батюшка

тоже не зѣвалъ и въ какія-нибудь двадцать минутъ всю службу справилъ, и вотъ послѣ вѣнца повезли молодыхъ домой въ городъ. Уриль Александровичъ всю дорогу прохрапѣлъ. Привезли его въ квартиру, а тамъ его вѣрные драбанты-крѣпостные, Сенька и Демка, мертвецки пьяные, во всю храпятъ. Братцы, уѣзжая, подослали къ нимъ своего человѣка, чтобы онъ ихъ напоилъ, что тотъ и выполнилъ. Ну, затѣмъ, уложили молодыхъ и оставили однихъ. На-утро просыпается нашъ Уриль Александровичъ, а возлѣ него существо женскаго пола обрѣтается. Всмотрѣлся въ него и видитъ, что это его Фрося. Что-за чудо? Растолкалъ и спрашиваетъ:

— Фрося, да ты какъ тутъ очутилась? Кажись, я за тобой не посылалъ вчера?

— Да гдѣ же мнѣ, вашей законной супругѣ, и быть, какъ не около васъ!—отвѣчала та.

— Что ты брешешь,—загремѣлъ Бѣлоситовъ,—какая такая ты мнѣ законная супруга! Ты просто сударка, пошла прочь, коли пришла незваная. Вотъ я тебя на-дняхъ замулъ отдамъ, тогда у тебя и законный супругъ будетъ!

— Не трудитесь отдавать,—отвѣчала Фрося,—сами вчерась со мной въ Верхосельи повѣнчались, на трехъ тройкахъ туда ввечеру ѣздили.

Уриль Александровичъ такъ и остолбенѣлъ, и тутъ ему припомнился его вчерашній пикникъ.

— Ахъ, чортъ возьми, и точно, да вѣдь мы ѣздили туда вѣнчать тебя съ Платошкой; какъ же я-то тутъ очутился? Значить, я по ошибкѣ здѣсь у тебя, на кровати, Платошкино мѣсто занимаю. Съ пьяныхъ-то глазъ видно мы всѣ вѣчеръ переиутались. Ну, извини. Я сейчасъ одѣнусь и его къ тебѣ пришлю. Вотъ вѣдь казія какая.

— Опять же говорю,—продолжала Фрося,—не трудитесь никого посылать ко мнѣ. Платошка вчера былъ пьянъ, такъ въ саняхъ и остался, а вы сами стали въ церкви на его мѣстѣ и повѣнчались со мной. Да что вамъ отъ этого убытокъ или худо какое вышло! Жили мы съ вами безъ малаго годъ согласно, подарками я васъ не разоряла, какъ другія, была вамъ вѣрна и предана, за что же вы меня теперь обижаете?

Посмотрѣлъ на нее Уриль Александровичъ, видитъ, баба та же, что и ранѣе была, та же Фрося, посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, почесалъ за ухомъ, махнулъ рукой, да и говорить:

— Ну, если мы и въ правду съ тобой вчера повѣнчались, Фрося, и общаешь остаться такою, какъ была, то, значить, это ужь такое предопредѣленіе свыше, и быть посему. Поцѣлуемся же, законная жена моя.

Такъ они и зажили ладненько. Немало, однакоже, Фросѣ пришлось терпѣть горя вполсѣдствіи отъ капризнаго и взбалмошнаго характера своего кутилы-мужа, пока онъ не остепенился. Что тамъ, однако, ни говори, а изъ нея вышла преданная жена и домовитая хозяйка. Вотъ какъ женился нашъ таежный орѣлъ Бѣлоситовъ, и было же потомъ смѣху между нами. Да и самъ онъ не разъ смѣялся надъ собой.

— Ну, баба, а славно она меня поддѣла! Клянусь Богомъ рѣшительно не помню, какъ все это произошло. Припоминаю, что были въ какой-то церкви, что-то пѣли, читали, что насъ водили, я же вполне былъ убѣжденъ, что нахожусь шаферомъ у Платошки и женю его на моей Фросѣ. А тутъ, здравствуйте, самъ, не зная того, женился.

Памфилинъ улыбнулся и видимо снова оживился.

— А, вотъ, это было по-истинѣ что-то совсѣмъ особенное, можно сказать—даже изъ ряду вонъ выходящее; теперь ничего подобного и быть не можетъ. Было у насъ два брата, богатые и тароватые золото-промышленники, Константинъ и Арисъ Тихоновичи Котовы. Костя былъ рослый, дородный, сильный мужчина. Любилъ онъ силою похвалиться, а также и выносливостью своей крѣпкой природы. Пить онъ могъ, какъ рѣдко кто, и пилъ все, что только носило названіе крѣпкихъ напитковъ, но еще любилъ женщинъ. Онъ былъ непобѣдимъ и неподражаемъ по своей удивительной неутомимости.

Но всѣ эти подвиги не прошли ему даромъ, и онъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того умеръ: даже его желѣзная натура не выдержала чрезмѣрныхъ излишествъ этого богатыря. Другой братъ былъ въ другомъ родѣ, это была тоже широкая русская натура, подчасъ хотя и диковатая, но съ болѣе эстетическими вкусами, болѣе изящными манерами, даже не безъ признаковъ нѣкоторой образованности. И вотъ онъ задумалъ жениться, рѣшивъ сочетаться бракомъ съ одной богатой и недурной собою екатеринбургской барышней. Къ свадьбѣ были сдѣланы приготовления, выписывалась всякая всячина изъ Томска, Москвы и Питера и чего-чего тутъ не было. Гостей приглашали чуть не цѣлую сотню, если не болѣе, а такъ какъ дѣло было зимой, то къ вѣнцу ѣхали на разукрашенныхъ коврами и всякими попонами и лентами тройкахъ. Послѣ вѣнчанья, на свадебномъ пиру угощали всѣхъ до упаду, тутъ не было конца, музыка неистово гремѣла туши, и всѣ безъ отговорокъ должны были пить эти тосты, будь то мужчина или женщина. Настоящій пиръ Валтасаровъ. Кто не пилъ тостовъ, тому шампанское лили на голову, не избѣгали этой ванны и дамы. Поили виномъ и шампанскимъ не только гостей, но и прислугу, даже конюховъ, которые тройками правили, подъ конецъ поили шампанскимъ и лошадей троечныхъ, даже медвѣдя ручнаго, что былъ у Котовыхъ во дворѣ, и

того наполнили до-пьяна. Чудачествамъ разнымъ конца не было. Упившихся гостей съ провожатыми развозили по домамъ, гдѣ кто жилъ, у кого же квартира почему-либо не было въ городѣ, тѣ остались спать у хозяевъ, гдѣ кому пришлось. Ужъ поздно на зарѣ увели подъ руки молодыхъ въ опочивальню, сами врядъ-ли бы они до нея добрались, и тѣмъ закончился пиръ, что все было выпито и вылито. Трезваго человека наврядъ ли бы кто нашелъ въ этотъ день у Котовыхъ. Настоящій былъ кутежъ. На третій день, когда наконецъ пришли въ надлежащія чувства, Котовы съ посланцами всѣмъ тѣмъ мужчинамъ и дамамъ, которыхъ обливали шампанскимъ и платья которыхъ были отъ того попорчены, рассылали штуки дорогаго сукна мужчинамъ и куски шелковыхъ и бархатныхъ матерій дамамъ. Послѣ этого пира во всемъ городѣ не было ни одной бутылки шампанскаго, и за нимъ пришлось посылать эстафету въ Томскъ, чуть не за 500 верстъ, чтобъ привезти оттуда нѣсколько ящиковъ для опохмѣленья.

— Да неужели никто изъ гостей не сердился за такое грубое насилие? — спросилъ я.

— Сердился! Экъ хватили! — Да за что же было сердиться? Всѣмъ было весело, а что шампанскимъ обливали да платье испортили, такъ, во-первыхъ, дѣлалось это по-дружески, шутки-ради, а что до платья, которое пришлось бросить, такъ изъ подаренныхъ котовскихъ матерій сдѣлали взамѣнъ попорченнаго новое, даже можетъ лучшее, чѣмъ у кого было.

— Веселая, сударь, была свадьба, а какъ вновь привезли изъ Томска шампанское, такъ такой Котовы задали снова пиръ, что, ай лю-ли малина, только ужъ тутъ никого болѣе не обливали виномъ, а только веселились до упаду, и пировали цѣлыхъ двое сутокъ подрядъ, только для сна и расходились по домамъ, а карточные игроки и совсѣмъ даже не расходились. Ужъ тутъ и пѣли и плясали, пѣли и пили, а главное пили, но все вообще было чинно, благородно и безъ всякихъ излишествъ или чего другаго прочаго. Да, развеселая была свадьба, скажу вамъ.

— Ну и времена, и правы! — сказалъ я. — Это какая-то Дикобразія была, а не Сибирь! Да какъ это вы не спились всѣ съ кругу; когда же дѣломъ-то занимались?

— Вотъ тоже чего выдумали! — отвѣчалъ Памфилинъ. Мы дѣломъ весной да лѣтомъ занимались, да и зимой дѣлъ-то не оставляли. Всему было свое время, всему свой часъ, а что до того, чтобы спиться, такъ я вамъ скажу, мы такъ ужъ наспиртовались, что шампанское-то мало на насъ и дѣйствовало. Впрочемъ, и у насъ были люди съ эстетическими вкусамъ,—вотъ хоть бы одинъ изъ коммисіонеровъ богатой К^о Г., Эдаковъ. Состоялъ онъ въ ней съ товарищемъ своимъ, обру-

сѣвшимъ московскимъ нѣмецкимъ жидкомъ, Пейеромъ, по прозванію «мой душъ» — въ сотоварищахъ при главномъ уполномоченномъ богатой К^о Г., суровомъ и непреклонномъ Дикаревѣ, безъ котораго они, впрочемъ, шагу ступить не смѣли. Ну, такъ вотъ, этотъ Эдаковъ тонкій былъ знатокъ хорошей кухни, хорошихъ винъ и всего прочаго. Никто не умѣлъ лучше его устроить пикника, пирушки или обѣда. У него на языкѣ былъ постоянно Брилье де-Саварень, котораго онъ считалъ непогрѣшимымъ въ дѣлѣ хорошаго вкуса. Былъ однажды устроенъ за городомъ пикничекъ, дядушка вашъ покойничекъ въ немъ тоже участвовалъ. Вадили мы, сударь, это по осени, на десяти тройкахъ, въ любимую нашу пригородную мѣстность, молодыхъ барашковъ въ честь Бахуса заклать, а потому пикничекъ удался на славу; было очень оживленно и весело, только вышло тутъ маленькое приключеніе съ этимъ Пейеромъ, чуть не стоившее ему жизни. Вечеромъ уже, когда всѣ хоровыя пѣсни были перепѣты, вдругъ хватились, что не дурно было-бы еще барашка отвѣдать, очень ужъ вкусныхъ для этого пиршества нашъ искусникъ Эдаковъ припасъ. Да гдѣ-жъ его взять? Въ глазахъ что ли у всѣхъ двоилось или ужъ совсѣмъ зрѣніе помутилось, только не помню ужъ кто и говорить: «Смотрите-ка, вонъ тамъ въ кустахъ барашъ стоитъ!» И точно, видимъ, въ сумеркахъ, что-то такое, очень похожее на барана. А это тамъ сидѣлъ нагнувшись, задремавшій, сѣдовласый, съ курчавой головой Пейеръ. Мигомъ подскочили къ нему, выгнали изъ-подъ куста, понесли къ костру и давай его вертѣть надъ огнемъ и приговаривать: «жарься, жарься, барашекъ, на вертелѣ». Пейеръ оралъ во все горло, огонь былъ не великъ, а то плохо-бы пожалуй пришлось, въ-время замѣтили болѣе трезвые эту глупую комедію и вырвали его изъ рукъ вертѣвшихъ. Старикъ отдѣлался однимъ испугомъ, но кое-что изъ одежды истлѣло. Смѣху было немало, и долго послѣ того звали Пейера агнцемъ пасхальнымъ.

— Слава тебѣ, Господи, теперь всѣ эти безобразія стали преданіемъ, — сказалъ я.

— Ужъ что и говорить, — продолжалъ Памфилинъ, теперь ни пить, ни дѣть, ни веселиться не умѣютъ! Да, правду сказать, и не изъ чего! На нынѣшнемъ-то долевымъ содержаніи золота немного намоешь, о прежнихъ-то колоссальныхъ барышахъ и думать забыли, рады-радешеньки концы съ концами свести или хоть 20—25 проц. на рубль получить и за то Бога хвалить. До кутежа или веселья тутъ! Вотъ и стало все смирно да тихо, а съ тѣмъ вмѣстѣ и тошнехонько скучно! А въ прежнее-то время, какъ это бывало, осенью, послѣ работъ, выѣдутъ это въ резиденцію, на «Ермакъ» или тамъ въ городъ. Дымъ коромысломъ. Всѣ веселятся: и хозяйва, и приказ-

чики, и рабочіе! Ахъ Ермакъ, Ермакъ, мнѣ тамъ весело жилось, приятно вспомнить. До рѣкостава почти половина тогдашнихъ хозяевъ и управляющихъ тамъ жила, а потомъ уже переѣзжала на зиму въ городъ.

— Видаль я вашъ любимый Ермакъ, какъ плылъ внизъ по Енисею. Что тамъ хорошаго! Кругомъ неоглядная тайга, да разваливающаяся строенія.

— Вотъ то-то и есть, видѣли вы его тогда, когда онъ въ полный упадокъ пришелъ, а посмотрѣли бы вы на него въ сороковыхъ годахъ. Да, тогда это точно что была золотопромышленная резиденція. По высокому берегу Енисея, насупротивъ люднаго села Назимовскаго, тянулся длинный рядъ резиденцій: Голубковская, Малевинская, Базилевская, Гороховская, Машаровская, Пашковская и еще нѣкоторыя другія. Каждая резиденція, въ особенности богатыхъ хозяевъ, была въ свою очередь точно богатая усадьба помѣщичья, съ домами для хозяевъ, служащихъ, казармами для рабочихъ, многочисленными амбарами для склада хлѣбныхъ и иныхъ запасовъ, конюшнями и другими хозяйственными строеніями; при каждой резиденціи и баня и кузница, и другія мастерскія, конные дворы для выходящихъ на кормежку съ присковъ лошадей. Назимово тоже тогда кишѣло жизнью, тамъ и лавки разныя были, откупной винный складъ, кабакъ и другія пріятныя для холостежи заведенія; наѣзжали тогда изъ Енисейска и веселыя дѣвицы, ко времени выхода съ присковъ рабочихъ и выѣзда приказчиковъ. А выносили рабочіе тогда съ присковъ громадныя деньги, благодаря старанью въ сверхъ-урочное время и въ праздники на богатомъ золотѣ, не то что нынѣ. Сто, полтора, двѣсти рублей, это, почитай, обычный былъ заработокъ, который работникъ выносилъ съ присковъ. Ну ужъ и что тогда въ Назимовѣ творилось, и не описать! Много творилось безобразнаго, подчасъ и гнуснаго, а подчасъ и смѣшнаго. Идетъ это, бывало, богачъ-рабочій по улицѣ, весь въ бархатѣ или въ шелковой рубахѣ, шляпа съ навлинымъ перомъ на головѣ, на бекрень надѣта, въ одной рукѣ шелковый платокъ держитъ да его по грязи волочитъ, въ другой пачка рублевокъ, которыя онъ впереди себя въ грязь швыряетъ и по нимъ выступаетъ, впереди его какой-нибудь молодецъ на гармоникѣ наигрываетъ, а сзади его свита—полупьяныя дѣвки да бабы молодыя пѣсни визжать, а тутъ какъ пройдетъ эта процессія, на брошенные въ грязь ассигнаціи накидывается толпа прокутившихся оборванцевъ и начинается отысканіе затоптанныхъ бумажекъ, и конечно подымается между ними ругань и драка. Ну да всего не опишешь. Лѣтомъ у Ермаковской пристани, въ особенности въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ, цѣлый караванъ барокъ, каюковъ и лодокъ, изъ Минусы или Канскаго округа съ хлѣбомъ, овсомъ и сѣномъ.

А какъ откроется въ тайгу санный путь и рѣки встануть, такъ опять потянутся съ Ермака безконечные обозы со всякаго рода припасами на пріиски, съ товарами и прочими пріисковыми заготовками. Въдѣ въ ту пору съ Ермака шла главная на Сѣверные пріиски дорога, такая, правда, дорога, что и лѣтомъ и зимою, а весной и въ позднюю осень и верхомъ-то палегкѣ едва по ней проѣдешь. Тогда между компаниями и хозяевами, по устройству дорогъ въ тайгу, шло большое соперничество. Лопатинъ свою дорогу устроилъ отъ Пономаревской своей резиденціи, Зотовскіе свою отъ Погадаевской, Красильниковъ съ компаниею третью, отъ Нифантьевской, что насупротивъ города. Сколько однако дорогъ ни устраивали, сколько денегъ на это ни ухлопали, а ни одной хорошей или удобной не выстроили. Ужъ потому, когда большинство хозяевъ перешло на Нифантьевскую дорогу, то устроили опять новую, такъ называемую Ново-Нифантьевскую, болѣе прямую и удобную, чѣмъ старая, но все-таки неважную, да и тутъ Зотовскіе и Лопатинъ изъ самолюбія не присоединились къ другимъ и поддерживали во что бы то ни стало не малое время свои дороги, пока обѣ названныя компании не прогорѣли окончательно.

— Знаете что, — сказалъ я, — да въдѣ и теперь дороги въ Сѣверную тайгу плохи; вотъ недавно я проѣзжалъ по вашей хваленной Ново-Нифантьевкѣ, — жизни не радъ былъ; мосты разломаны, гати испорчены, топъ мѣстами невылазная, горе, а не ѣзда, едва верхомъ-то проѣдешь, въ особенности первую ея половину отъ города. Будь наши пріиски въ Америкѣ, такую бы дорогу построили, что раз-лю-ли малина, на чемъ хочешь поѣзжай, что хочешь вези. А теперь лѣтомъ изъ города въ тайгу за 250—280 верстъ возять товары за полтора рубля съ пуда. Стыдъ и срамъ вашимъ тогдашнимъ золотопромышленнымъ безобразникамъ, бросали на всякое безобразіе деньги сотнями тысячъ, а не смыслили удобной на свои пріиски дороги устроить, этого главнаго нерва тайги, отъ котораго зависѣла и самая дешевизна разработки россыпей. Если бы всѣ деньги, что стоило проведеніе и устройство пяти таежныхъ дорогъ, ихъ плохой ремонтъ, собрать въ одну кучу и употребить на проведеніе одной, но хорошей дороги, то, право, можно бы шоссе было устроить, благо матеріалъ для него тутъ же, подѣ руками.

— Что правда, то правда, — пробурчалъ Памфилинъ, какъ-то отчаянно махнулъ рукой и примолкъ...

Таежный Эскулапъ.

— Экъ въдѣ какъ васъ трясеть, — говорилъ мнѣ пріисковый врачъ Азинева. Зубъ съ зубомъ не сходится. Какъ бы вамъ у насъ не разболѣться. Ну да ничего, мѣсто у насъ для васъ найдется и здѣсь у меня, а то и въ больницѣ. Больница у насъ прекрасная, есть отдѣльныя комнаты для служащихъ и медикаменты хорошіе, не то что прежде, когда выписывали изъ Красноярска или Енисейска разную заваль. Нынѣ всѣ лекарства изъ Москвы выписаны.

— Да что вы, докторъ, шутите, стану я у васъ болѣть; если ужъ разболѣюсь, то поѣду къ себѣ домой.

— Ну не все ли вамъ равно, гдѣ лежать. Здѣсь удобнѣе и врачъ подѣ руками, я лечить васъ буду, можетъ и вылечу, а умирать придется, такъ не все ли равно, здѣсь или дома? У насъ кладбище-то на такомъ веселомъ мѣстѣ, такой оттуда видъ на всю Шаарганскую долину, просто заглядѣнье!

— Да на что мнѣ тогда вашъ прекрасный видъ, если я въ землѣ лежать буду, — оттуда, батенька, ничего не увидишь, отпучивался я, а лихорадка такъ меня и трясла.

— Какъ на что, — говорилъ Азинева. — А въ мѣсячную ночь, въ полночь выльзешь изъ могилы, да и полюбуйся на прекрасный видъ.

— Тѣфу, тѣфу, съ нами крестная сила, что вы такое мелете, докторъ, — отвѣчалъ я. — Добро бы старая баба это такое несуразное говорила, а то врачъ, все-таки образованный человекъ. Да вы развѣ вѣрите въ скитанье покойниковъ? Развѣ вы ихъ видали?

— А то какъ же. Не видалъ бы — не говорилъ. Этакъ ѣхалъ я однажды зимой въ ясную, лунную ночь съ Пескиной домой, съ именинъ у Покровскаго; стали мы подыматься на гору съ Чадовскаго ключа, анъ, глядѣ кладбище-то наше, какъ на ладони, а они-то, мертвецы, такъ

тамъ и крутятся да выются, словно пляшутъ; я это конюху своему показываю. Гляди, говорю, мертвецы-то какъ на могилахъ пляшутъ, а онъ, дурачина, обернулся ко мнѣ да и говорить: «это, ваше благородіе не мертвецы, а вихорь, — вишь вѣдь какую на кладбищѣ-то завируху закрутилъ. Рассказывай, вихорь, говорю ему, ну, да ты погоняй лошадей, а то вѣдь мы съ тобой подъ самымъ станомъ замерзнемъ. Морознице-то лютой былъ, этакъ градусовъ на 40.

Я, несмотря на бившую меня лихорадку, разсмѣялся.

— Да вы у Покровскаго видно муху урѣзали здорово, вотъ вамъ и показались мертвецы. Въ глазахъ-то у васъ мальчишки плясали отъ угощенія, вотъ вамъ и танецъ мертвыхъ представился.

Азиневакій махнулъ рукой.

— Было дѣло, отвѣчалъ онъ, чепорухъ съ десятокъ ромку Енисейскаго пропустили. Ну, да вѣдь вы, извѣстно, изъ понѣшнихъ мало-вѣровъ и скептиковъ. Вы вѣдь поди ни въ Бога, ни въ чорта не вѣрите. — Однако, батенька не послать ли въ аптеку за лекарствомъ, а сейчасъ вамъ микстурку пропишу.

И онъ сѣлъ къ столу и написалъ рецептъ, потомъ прочиталъ его раза два, поправилъ, снова прочиталъ, потомъ плюнулъ въ сторону и разорвалъ рецептъ.

— Ну ихъ къ чорту эти микстуры, — проговорилъ Азиневакій, — станемте-ка пить чай съ коньякомъ, это лучше будетъ, а потомъ я васъ своей шубой укутаю и завтра встанете живехонекъ, а всѣ эти микстуры — одна только гадость. Ну ихъ къ яду; согласны что ли?

Я изъявилъ полное согласіе на этотъ способъ леченія, и Азиневакій немедленно позвалъ свою прислужницу Маремьяну и отдалъ ей строгій приказъ не медля ставить самоваръ и собрать все, что нужно къ чаепитію, а самъ вынулъ изъ шкафа бутылку коньяку и, поставя ее на столъ передъ диваномъ, на которомъ я лежалъ, усѣлся возлѣ меня на креслѣ и обратился ко мнѣ съ вопросомъ.

— Зачѣмъ это вы ѣздили къ Трахъ-Тарараху на Константиновскій и такъ скоро вернулись сюда обратно? Я видѣлъ изъ окна, какъ вы отъ меня катили на своей тройкѣ туда къ нему?

Въ это время приступы лихорадки у меня значительно ослабѣли, и я рассказалъ ему, зачѣмъ я ѣздилъ на Константиновскій. — Видите, я вчера былъ на нашемъ Тыгинѣ и у меня ночью разболѣлся зубъ. Утромъ призвалъ я своего фельдшера Филата и спрашиваю его, есть у тебя зубной ключъ выдернуть больной зубъ?

— Какъ не быть, ключъ есть.

— Ну такъ — говорю — неси его живѣе и выдери мнѣ зубъ, всю ночь мучилъ онъ меня сегодня. Да умѣешь ли ты зубы рвать?

— Помилуйте, — отвѣчалъ Филатъ, въ лучшемъ видѣ у рабочихъ рвать зубы.

— Ну такъ бѣги и неси ключъ.

Вскорѣ вернулся онъ съ ключемъ. Осмотрѣлъ зубъ и ну его рвать. Зацѣпиль его ключемъ, рванеть, а ключъ соскочить, однако же изловчился снова, потянулъ что есть силы, но ключъ сорвался и Филатъ мой полетѣлъ на полъ, а я свѣту Божьяго не взвидѣлъ отъ боли. Что дѣлать? рѣшилъ ѣхать къ нашему таежному — зубодеру Трахтарараху. Тотчасъ запрегли хорошую тройку лошадей въ мою телѣжку и мы покатали. Ну, да сами знаете, вѣдь отъ насъ до Константиновскаго добрыхъ 50 верстъ. Ыхали скоро, но все же по таежной дорогѣ не усклещешь; шесть битыхъ часовъ ѣхали. Приѣхалъ я къ Трахтарараху, онъ усадилъ меня передъ зеркаломъ, осмотрѣлъ зубъ, да и говорить: «ишь вѣдь какъ у васъ ключемъ десну то испарпали, да и зубъ попортили. Ну, да вотъ мы сейчасъ васъ вылѣчимъ». Скоталъ какой-то сѣрый ароматичный шарикъ, да и засунулъ его въ душло зуба. «Что, говорить, легче стало?» Я тутъ только очнулся. — Да, говорю, легче, совсемъ кажется не болить. «Не болить?» — Нѣтъ, говорю. «Ну, и болѣть не будетъ». И точно что боль совсемъ прошла, и я съ облегченнымъ сердцемъ тотчасъ прикатилъ къ вамъ, сунувъ ему пятерку въ его сомнительной чистоты лапы.

Азиневакій покачалъ головой. — Вѣдь экое счастье человѣку, — сказалъ онъ, — присланъ къ намъ въ Сибирь на житье не вѣсть за что и добро бы настоящій врачъ былъ, а то какой-то дантистъ-зубодеръ и вотъ вся тайга нынѣ у него въ пациентахъ. Да вѣдь какъ шельма счастливо зубы лечить. Заговариваетъ ихъ что-ли, а только рѣдко у кого рветъ. Все своими шариками да примочками, которые ему ни гроша не стоятъ, а дереть онъ за нихъ дуже дорого.

— Да вы чего ему завидуете, худо что ли вамъ? По рублю съ души съ присковъ получаете, гдѣ врачомъ состоите, да со своей К^о особое жалованіе, квартиру, отопленіе, освѣщеніе, лошадей и полное содержаніе, къ тому же еще экстренные доходы, какъ заболѣетъ кто поважнѣе изъ служащихъ. Ваше-то вознагражденіе и на пять тысячъ въ годъ не уложишь, а поди и всѣ семь-восемь тысяченокъ заработаете! А какое ваше дѣло — сунце пустяки: раза два въ лѣто, а то, пожалуй, и въ годъ присковья больницы посѣтить, да развѣ что экстренное гдѣ случится, такъ за лишній разъ поѣдете прокатиться на какойнибудь прискъ, чтобы свидѣтельства выдать кому слѣдуетъ. Грѣхъ и вамъ жаловаться на судьбу. Опять же безъ дѣла-то въ тайгѣ вы бы совсемъ соскучились, не все же въ карты дуться, да по именинамъ и праздникамъ развѣзжать. Согласитесь сами?

— Такъ то оно такъ, а все же зубодеру Трахтарараху у насъ по-

везло. Совсѣмъ у насъ зубное дѣло отбилъ, пзъ рукъ вырвалъ,—съ грустью въ голосѣ отвѣтилъ Азиневскій.

Между тѣмъ шустрая Маремьяна, баба лѣтъ подь тридцать, съ плутоватой и педуренькой рожницей, собрала чай и принесла самоваръ, прекрасный бѣлый хлѣбъ, особо выпекаемый для высшаго ранга присковыхъ служащихъ, и густыя-прегустыя сливки. Выпивъ стакана четыре горячаго чая и укутавшись въ одѣяло и шубу Азиневскаго, я вскорѣ уснулъ богатырскимъ сномъ и спалъ до другого утра не просыпаясь. Утромъ, проснувшись довольно рано, я чувствовалъ себя вполне здоровымъ, бодрымъ, а о зубной боли и помину не было. Азиневскій, спавшій въ сосѣдней комнатѣ, въ небольшой своей спальнѣ, отдѣленной тонкой досчатой переборкой, тоже проснулся.

— Каково почивали, здоровы ли,—спросилъ онъ меня изъ-за переборки.

— Спалъ хорошо и здоровъ и бодръ,—отвѣчалъ я.

— А зубы?

— Зубы, да я о боли ихъ и забылъ. Спасибо Трахтараруху, какъ рукой снялъ зубную боль.

— Ахъ шельма, и какъ онъ это дѣлаетъ?—сказалъ съ досадою въ голосѣ Азиневскій.—Вотъ подижь-ты, немудрый жидишка, а смотрите, какъ насобачился, продолжалъ онъ. Однако, пора вставать. Вы что, чай или кофе пить будете? Все есть у насъ, даже какао угостить могу.

— Что вы, то и я,—отвѣтилъ я ему.

— Ну, такъ будемъ пить нашъ національный сибирскій напитокъ. Эй, Маремьяна, да куда ты, шельма, запропастилась? Иди сюда. Ну, баба! Уйдиеть это отъ тебя утромъ, да и провалится.

Маремьяна, приглаженная и приодѣтая, влетѣла въ комнату, широко улыбаясь на зовъ Азиневскаго.

— Ставь, шельма ты этакая—ласково проговорилъ Азиневскій,—поскорѣ самоваръ, собирай чай, тащи закусокъ, старую пушляевскую мадеру, собственнаго разлива, да подай намъ сапоги, платье и умываться. Гость домой собирается, надо его хорошенько угостить на дорогу. Да, бывать, у тебя и битки поспѣютъ, а то верещага; тащи все что есть въ печи, все на столъ мечи.

Маремьяна живо повернулась на своихъ пяткахъ и черезъ минуты двѣ были принесены наши сапоги, платье, тазъ и умывальникъ съ водою. Живо умывшись, одѣвшись и поздоровавшись другъ съ другомъ, мы закурили папирсы. Азиневскій, пощупавъ мой пульсъ, посмотрѣвъ высунутый мною для показя языкъ, нашель, что здоровье мое находится въ превосходномъ состоянн.

Тѣмъ временемъ чай былъ собранъ и на столѣ красовались разнаго рода таежныя закуски: олени копченые языки, маринованные грибы,

соленые тугуны, паюсная икра, колбаса «сапажу» углицкаго издѣлія и цѣлая батарея бутылокъ съ водками, наливками, хересами и мадерами собственнаго разлива енисейскихъ виноторговель Баландина и Шушляева. Маремьяна живо притащила шипящій и шумящій желтый, тульскій самоваръ приличныхъ размѣровъ и пообѣщала черезъ четверть часа подать и верещагу.

— Молодецъ у меня Маремьяна,—проговорилъ Азиневскій, заваривая чай.—Золото, а не баба, одно бѣда—расчитаться нынѣ хочеть, не желаетъ со мною на осень остаться. Да куда ты, шельма, пойдешь,—обратился онъ къ ней ласково, пока она убирала наши постели Маремьяна только хихикнула.—Развѣ тебѣ у меня плохо: дѣла не много, сама ты, какъ сыръ въ маслѣ катаешься, вишь вѣдь за лѣто какъ раздобрѣла, обновь-то сколько себѣ нашила. Чего еще тебѣ надо?

Маремьяна ничего не отвѣтила и тотчасъ же исчезла изъ комнаты, а мы съ Азиневскимъ принялись пить чай.

— Вы, какъ я вижу, любите таки изрядно латинскую кухню, вчера меня хотѣли угостить какой-то микстурой, а дѣло-то и безъ лекарствъ обошлось.

— Вотъ ужъ совсѣмъ не люблю ее, эту кухню. Это вы напрасно. Я вамъ расскажу, какъ я лечилъ Рутовскаго, нашего Шаулъ, конскаго управляющаго. Заболѣлъ онъ по веснѣ горячкой. Ну, я это ему сейчасъ лекарствице прописалъ. Самъ его и привезъ ему, да передъ тѣмъ какъ дать, задумалъ его попробовать. Попробовалъ, фу ты мерзость какая. Нѣтъ, говорю, я вамъ другое пропишу. Это не годится.—Да такъ ему никакъ 17 микстуръ разныхъ прописалъ и всѣ передъ прѣемомъ пробовалъ, и такія онѣ были мерзостныя, что ни одной ему не далъ, и что жъ вы думаете, вѣдь ожилъ человекъ и безъ лекарствъ, а ужъ совсѣмъ-было собрался въ дорогу на тотъ свѣтъ. Ну, конечно я его изрядно пичкалъ и мушками и горчичниками и банками его тиранилъ, даже кровь хотѣлъ открывать, да передумалъ, льдомъ его обкладывалъ,—словомъ лечилъ во-всю, только ни одной микстуры не далъ. Ну, и ожилъ. Потомъ надо мной всѣ трунили. Спасибо, говорили, Александръ Петровичъ, что ты микстуръ-то ему своихъ не давалъ, а то бы навѣрное его отправилъ къ праотцамъ, онъ вѣдь безъ микстуръ-то и свѣтъ Божій увидалъ, а микстурами ты бы его навѣрное на смерть залечилъ. Да и правильно, къ чему излишне лекарствами злоупотреблять, въ особенности съ рабочими. Люди они простые, ну имъ и средства надо простыя, а лекарства то, батенька, нашему присковому управленію денегъ стоятъ, да и какихъ еще, а ихъ сберегать надо. Экономія дѣло не лишнее. Рабочіе и безъ нихъ обойдутся.

— Однако же, я вижу, вы большой скептикъ и въ лекарства-то ваши не ахти какъ вѣрите. Вы бы съ алопатіи на гомеопатію пе-

решили. Вот там лекарств самая малость требуется, — проговорил я.

— Что-съ? На гомеопатию? Да вы, сударь, съ ума сошли? Чтобы я этим вздором заниматься сталъ? Да что же вы думаете, я ничему что-ли въ университетѣ не учился, невѣжда что-ли круглая? Нѣтъ, сударь, — кипятился Азинева, — я-съ дипломъ не даромъ получилъ-съ, а вы мнѣ предлагаете чуть не знахаремъ сдѣлаться. Шарлатаномъ въ мои годы стать я не намѣренъ, не намѣренъ. Это пусть другіе шарлатанятъ, а я слуга покорный.

— Да ну васъ къ Богу, — сказалъ я, — что это вы горячитесь не въ мѣру. Вотъ расскажите-ка лучше, что вы у Михаила Александровича Дикобразова натворили съ его гомеопатіей? Правда-ли про васъ говорятъ, что вы всю его аптеку гомеопатическую за одинъ пристѣтъ съѣли и выпили?

Азинева разсмѣялся даже.

— Правда, правда, все съѣлъ и выпилъ и живымъ остался, — весело проговорилъ онъ. — Приѣхалъ я къ нему, нашему присланному сюда камергеру, на Мурожную, а онъ мнѣ и говоритъ: я васъ приглашаю къ себѣ присковымъ докторомъ, но своихъ людей дворовыхъ и самого себя буду пользоваться гомеопатіей. Я и аптеку привезъ и книжки для руководства. А вы мнѣ пужны, какъ официальное лицо, для завѣдыванія присковой больницей. Согласны? — Согласенъ-то я согласенъ, — говорю ему, — но вы, ваше превосходительство, имѣете гораздо ближе врача, тутъ же на Мурожной, Околинскаго, наконецъ, насчетъ вознагражденія вы, конечно, дадите то, что всѣ платятъ, по рублю съ человѣка. — Нѣтъ, мнѣ Околинскій не нравится, да къ тому же вы уже завѣдуете больницей у насъ на Шаарганѣ, такъ это будетъ, такъ сказать, по пути, а что до платы, то я согласенъ дать по рублю, кромѣ моихъ дворовыхъ, которыхъ я самъ буду лечить гомеопатіей, — отвѣчалъ мнѣ генераль. — А дворовыхъ у него въ ту пору было человѣкъ съ пятнадцать. — Ну, что-жь, извольте, я согласенъ, только напередъ говорю, что ежели ваши дворовые расхвораются, то ужъ я ихъ лечить не стану. Не беспокойтесь, — говоритъ генераль, — я ихъ самъ вылечу. Тутъ мудренаго ничего нѣтъ, да и тѣ лекарства, что я имъ буду давать, не то что ваши, они хоть и въ малыхъ дозахъ, но сильнѣе дѣйствуютъ и лучше помогаютъ, чѣмъ ваши въ большихъ. Вотъ я вамъ ихъ покажу. Онъ вынесъ изъ другой комнаты ящикъ съ дорожной гомеопатической аптекой, гдѣ въ разныхъ пузырькахъ, баночкахъ и скляночкахъ хранились крупинки, капли, да разныя жидкости. Между тѣмъ, стали къ нему съѣзжаться кое-какіе гости, ревизоръ, исправникъ; онъ аптеку-то свою забылъ, оставилъ въ моихъ рукахъ, а я ушелъ съ нею въ другую комнату да и сталъ на досугѣ ее раз-

сматривать, да по привычкѣ моей пробовать. Пробовалъ, да пробовалъ, да незамѣтно все и истребилъ. Только тутъ я спохватился, что сдѣлалъ неосторожность: во-первыхъ, хозяйское добро погубилъ даромъ, а во-вторыхъ, набѣлся всякой дряни и, какъ говорятъ, сильно дѣйствующей. Поставивъ ящикъ съ опустѣвшей аптекой на столъ, я вышелъ къ гостямъ. Тамъ ужъ закусывать собирались, я тоже подошелъ къ закускѣ, выпилъ пару рюмокъ водки и закусилъ. Тутъ М. А., распространяясь о гомеопатическомъ леченіи, сталъ хвастаться своей аптекой, пошелъ за ней, чтобы показать гостямъ. Ну, думаю, что-то теперь будетъ. Принесъ онъ ящикъ, раскрылъ его и сталъ показывать свои снадобья гостямъ, но что ни вынетъ пузырекъ или скляночку, то окажется пустымъ, лишеннымъ его содержанія. Это, говорить, вотъ сильно дѣйствующее средство, беладонна; это, говорить, аконитъ, а беладонны и аконита и слѣдъ простылъ. Что за чудеса, да куда все это дѣвалось? Генераль пришелъ въ немалое замѣшательство. Тутъ я уже не могъ удержаться отъ смѣху и напрямки заявилъ ему, что я сталъ пересматривать и пробовать лекарства и въ разсѣянности своей все съѣлъ и выпилъ. Вообразите ужасъ моего генерала и всеобщее изумленіе присутствующей публики. Генераль хотѣлъ побѣжать за противоядіемъ, воображая, что я отравился, но я его успокоилъ, говоря, что ничего худого для здоровья моего не послѣдуетъ, и точно — я не только отобѣдалъ у него, но и въ карты съѣлъ играть и вечеромъ домой вернулъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Случай этотъ не прошелъ для меня даромъ. На третій день получаю отъ Дикобразова записку, что онъ завѣдываніе больницей на Мурожной поручилъ тамошнему врачу Околинскому, а меня отъ этой обязанности освобождаетъ. Ну, и было же въ тайгѣ смѣху, какъ узнали, что я генеральскую аптеку гомеопатическую съѣлъ и выпилъ. Проходу мнѣ потомъ долго не давали: расскажи, да расскажи какъ дѣло было, такъ какъ сложилась легенда, что я съѣлъ не походную аптечку, а чуть не цѣлый аптекарскій складъ.

— А что же Околинскій не пробовалъ идти по вашимъ стопамъ, — переспросилъ я.

— Гдѣ ему. Это вѣдъ мастодонтъ отъ медицины, онъ поди всю ее уже давно забылъ. Шутка сказать, вѣдъ въ 22 году кончилъ курсъ, да 30 лѣтъ подрядъ въ какихъ-то стѣнныхъ укрѣпленіяхъ между киргизами выжилъ, гдѣ поди ни одной медицинской книги въ глаза не видалъ, а потомъ къ намъ въ тайгу заѣхалъ, лѣтъ десять, двѣнадцать тому назадъ, если еще не болѣе. У него вѣдъ что не болѣзнь, то лихорадка, ну и лечить всѣхъ отъ лихорадки. Да вамъ лучше это знать, онъ вѣдъ вашъ присковый докторъ. Расскажите-ка, какъ онъ у васъ

операцию дѣлалъ; вѣдь объ этомъ тоже цѣлая сказка ходитъ по тайгѣ, и не разберешь, чтѣ правда, чтѣ кривда.

— Никакой онъ операции у насъ не дѣлалъ, — отвѣчалъ я. — Дѣло было такъ: нашъ приказчикъ на Кунтуякъ, завѣдывавшій перевозкой сѣна съ Питскаго зимовья, поморозилъ пальцы на одной изъ ногъ. Привезли его на прискъ, онъ разболѣлся и на пальцахъ сталъ обнаруживаться Антоновъ огонь. Тогда нашъ присковскій фельдшеръ Никаноръ просилъ вызвать на прискъ Околинскаго. Околинскій, какъ это ему ни хотѣлось, а все-таки пріѣхалъ. Сами знаете, къ намъ на Кунтуякъ съ Мурожной чуть не сто верстъ будетъ, а ѣхать тайгою въ такую тридцати градусную стужу по малоукатанной дорогѣ не сладко, да и очень мѣшкотно. Пріѣхалъ онъ на прискъ и прямо въ контору отогрѣваться, а Никаноръ ужъ его ждетъ и докладываетъ о больномъ. Околинскій ему и говоритъ: «ты отыщи въ кармапѣ моей шубы лечебникъ Гофмана, тамъ на случай отмороженія подробно изложено, что слѣдуетъ дѣлать». Никаноръ ему и говоритъ: «у меня ваше высокородіе у самого этого лечебникъ имѣется, и я все уже сдѣлалъ, что могъ. Да теперь это и поздно, такъ какъ съ отмороженія пальцевъ ужъ недѣли двѣ прошло». Околинскій ему въ отвѣтъ: «Ну, я сейчасъ приду къ больному, дай мнѣ чаю напиться, да обогрѣйся». Послѣ обогрѣванья приходитъ онъ въ присковскую больницу, въ которой въ ту пору, кромѣ больнаго приказчика, другихъ больныхъ не было. Осмотрѣлъ онъ его, да и говоритъ. Ну, это ничего, вы ему свѣжей моркови да картошки привязывайте въ размельченномъ видѣ, это уйметъ въ оконечностяхъ ноги жаръ, а если пальцы загниютъ и отвалятся, такъ это ничего, тѣмъ дѣло и окончится. Но опытный нашъ Никаноръ, который долго служилъ фельдшеромъ въ какомъ-то военномъ госпиталѣ, возразилъ ему, что бояться, какъ бы Антоновъ огонь не поднялся выше, тогда не пришлось бы ампутировать ногу, не лучше ли сейчасъ отрѣзать пальцы и не пустить распространяться вверхъ по ногѣ болѣзни. Околинскій покачалъ головой и сказалъ, что это лишнее и что у больнаго кромѣ лихорадки нѣтъ ничего, а если операцию въ такую стужу дѣлать, то будетъ гораздо хуже. Съ тѣмъ онъ и уѣхалъ и болѣе къ намъ ни разу зимой не заявлялся. Никаноръ видя, что помощи ему отъ такого эскулапа ждать нечего, а болѣзнь все развивается, ухитрился изъ литовки-косы сдѣлать частую, острую пилу — у насъ на ту пору оперативныхъ инструментовъ не было, прискъ разрабатывался вновь, да если бы и было, то некому было бы ихъ употреблять. Въ устройствѣ пилы помогъ нашъ присковскій кузнецъ, очень искусный мастеръ изъ каторжныхъ, отбывшихъ свой срокъ. Приказчикъ на операцию согласился и Никаноръ, ничто же сумняшеся, взялъ да и отпилилъ ему отмороженные пальцы. Послѣ

операции, недѣль черезъ семь-восемь, приказчикъ совсѣмъ выздоровѣлъ и поступилъ вновь на свои занятія.

Мѣсяца четыре спустя, во второй половинѣ мая, Околинскій вновь пріѣхалъ на Кунтуякъ, куда его вызвали по случаю тифозныхъ заболѣваній; само собою онъ, конечно, и не подумалъ бы пріѣхать. Первымъ дѣломъ по пріѣздѣ на прискъ, Околинскій посѣтилъ больницу и, осмотрѣвъ больныхъ, обратился къ фельдшеру съ вопросомъ:

— А что приказчикъ то вашъ? Поди тю-тю?

— Какъ это тю-тю? — переспросилъ его Никаноръ.

— Извѣстно давно, поди, на кладбищѣ? — отвѣчалъ Околинскій.

— Помилуйте-съ, что вы, да онъ уже мѣсяца два какъ въ разрѣзѣ занимается, — отвѣчалъ фельдшеръ.

— Да что ты, быть не можетъ? — съ удивленіемъ проговорилъ Околинскій. — Какъ же это такъ случилось?

Тутъ Никаноръ рассказалъ ему все, что онъ сдѣлалъ и какъ затѣмъ, по отнятіи пальцевъ, приказчикъ вылечился и снова вступилъ на службу.

Околинскій пожелалъ видѣть сдѣланную изъ литовки пилу, и когда ее разсматривалъ, то качалъ головой и, возвращая ее Никанору, сказалъ.

— И молодецъ же ты, Никаноръ Ивановичъ (тутъ онъ впервые назвалъ его по отчеству, ранѣе же называлъ его просто Никаноромъ), одно слово, молодецъ; ни мнѣ, ни Азиневскому такой операции не сдѣлать бы, и пропалъ бы вашъ приказчикъ, а ты подишь-ты какую штуку отмочилъ. Да, молодецъ, молодецъ!

Когда я кончилъ свой на этомъ мѣстѣ рассказъ Азиневскій при-вскочилъ съ мѣста и яростно вскричалъ:

— Ахъ онъ, старый мастодонтъ, — говорилъ бы ужъ про себя, а то и меня зацѣпилъ. Уродъ Ивановичъ, молчалъ бы ужъ лучше. Лихорадка ходячая! — Да кто ему далъ право отзываться про меня такимъ образомъ, да еще при фельдшерѣ, поселенцѣ какомъ-то. — Нѣтъ, вы скажите, по совѣсти, какъ онъ это смѣлъ?

Я успокоилъ насколько могъ моего гостепріимнаго хозяина, хотя, по-правдѣ сказать, немногимъ былъ онъ лучше своего коллеги и во врачебномъ искусствѣ недалеко отъ него ушелъ. Азиневскій былъ тоже врачъ старой школы, окончившій курсъ въ тридцатыхъ годахъ и заброшенный судьбою въ глушь Сибирской тайги, изъ которой, кажется, не выходилъ всю свою жизнь и гдѣ, конечно, не могъ совершенствовать своихъ скудныхъ тогдашнихъ медицинскихъ знаній и въ добавокъ весь ушелъ въ рутинную практику официальнаго присковаго врача, гдѣ пожалуй эти познанія не особенно и требовались, ибо, завѣдывая чуть не 20 больницами, разбросанными по всей тайгѣ, серьезно къ своему врачебному дѣлу онъ и не могъ относиться.

Таежный чистый горный воздух и работы въ открытыхъ разрѣзахъ, при хорошей, сытной пищѣ рабочихъ, много содѣйствовали хорошему санитарному ихъ состоянію, а если они и болѣли когда на прискахъ, то болѣзни эти они въ большинствѣ заносили съ собой изъ жилыхъ мѣстъ. Повальные же заболѣванія случались рѣдко и не были особенно злокачественны и смертоносны, больные поправлялись не столько отъ искусства таежныхъ врачей, сколько сами-собою, благодаря своей выносливой натурѣ и хорошему уходу въ присковыхъ больницахъ, которыя въ большинствѣ содержались не дурно и снабжены были въ достаточномъ количествѣ и больничнымъ бѣльемъ и медикаментами и добропорядочными фельдшерами, которые болѣе приносили пользы долговременной своей опытностью, чѣмъ наши таежные эскулапы, оставшіе отъ науки, которую они пожалуй отчасти позабыли; къ тому же и роль официальнаго присковаго врача была и не столь хлопотлива, но за то болѣе выгодна и удобна. Набрать въ свое завѣдываніе побольше присковъ, поболѣе народу, этакъ 4.000—5.000 человѣкъ, вотъ все, что требовалось тогдашнему нашему таежному эскулапу, потому что это обозначало гонораръ въ 4.000 или 5.000 руб., и при готовой квартирѣ, полномъ содержаніи и лошадяхъ для развѣздовъ, составляло изрядный кушъ.

Тайга увидала болѣе искусныхъ и молодыхъ врачей съ 1864 г., когда къ намъ попали, въ слѣдствіе польской смуты 1863 года, сосланные въ Сибирь врачи и студенты 4 или 5 курсовъ медицинскихъ факультетовъ. Тогда и наши старые таежные эскулапы потеряли все свое значеніе и, утративъ таежную практику, понемногу убрались изъ тайги, кто къ праотцамъ, а кто на покой.

Напившись чаю, закусивъ вкусно приготовленной Маремьяной верещагой и поблагодаривъ хозяина, я велѣлъ подавать лошадей, которыя уже были давно запряжены въ телѣжку и нетерпѣливо ждали, въ тѣни присковаго амбара, моего приказа подъѣхать къ крыльцу докторской квартиры. Закуривъ на дорогу папирску я сталъ прощаться съ хозяиномъ.

— Когда же, наконецъ, мы васъ увидимъ у насъ на прискѣ, — спросилъ я его?

— Эхъ, зачѣмъ я буду къ вамъ трястись 90 верстъ безъ всякой надобности, нужныя же какія бумаги и свидѣтельства я и здѣсь выдамъ, только напишите мнѣ о нихъ и пришлите съ нарочнымъ, — отвѣчалъ, улыбаясь, Азиевскій.

— Все же было бы недурно, если бы посмотрѣли наши больнички, вѣдь ѣдучи къ намъ на Кунтуякъ, вы ктати на дорогѣ осмотрите наши больнички и на Тыгинѣ и на Оллоноконѣ.

— Ну, что ихъ тамъ смотрѣть. Фельдшера у васъ добропорядоч-

ные, лекарство и прочее — все есть, а больныхъ поди теперь совсѣмъ малость. Да они и безъ меня обойдутся. Русскій человѣкъ не любитъ докторскаго леченія и латинской кухни, выздоровѣть, такъ и такъ выздоровѣть. Экстренное же что случится, такъ увѣдомьте, тогда я и приѣду, а то, что за радость 180 верстъ взадъ и впередъ трястись. Нѣтъ, ужъ пожалуйте увольте. — Счастливаго вамъ пути, не болѣйте только, а то мы васъ живо у себя на красивомъ нашемъ кладбищѣ уложимъ. И онъ при этомъ разсмѣялся какимъ-то неприятнымъ, рѣзкимъ смѣхомъ.

— До свиданья, когда такъ, — отвѣчалъ я, садясь въ телѣжку. — Нѣтъ, ужъ увольте отъ вашего прекраснаго кладбища. Еще рано мнѣ туда, жить хочется, да если бы я и заболѣлъ, то ужъ у васъ лечиться не стану, уѣду въ городъ, а то и впрямь угодишь на вашъ зеленый пригорокъ съ деревянными крестами.

И мы, распростившись весело и дружелюбно, разстались.

Именины исправника.

Въ чистой, свѣтлой, просторной комнатѣ, служившей обитателямъ ея вмѣстѣ съ тѣмъ и столовой, сидѣли за обѣдомъ арендаторъ небольшого золотого прииска N-ской тайги, Иванъ Прохоровичъ Пискаревъ и его конторщикъ, онъ же и фельдшеръ, изъ сосланныхъ, Антонъ Викентьевичъ Гродзинскій, еще совсѣмъ молодой человекъ, бывшій студентъ—медикъ. Опороживъ тарелку жирныхъ таежныхъ щей, изъ свѣжаго мяса только-что убитаго линейскаго быка, онъ обратился къ своему хозяину съ вопросомъ:

— Поѣдете завтра, Иванъ Прохоровичъ, къ исправнику на именины?

— Надо бы поѣхать, — отвѣчалъ Пискаревъ, — самъ вѣдь на дняхъ заѣзжалъ и приглашалъ на вечеринку, да не знаю какъ быть, съ пустыми руками, безъ подарка, оно какъ-то неловко будетъ.

— Почему же неловко! «Положеніе» свое вы ему отвезли, какой же ему еще подарокъ! — возразилъ Гродзинскій.

— Положеніе — положеніемъ, а все же безъ подарка въ именины какъ-то неловко. Самъ вѣдь заѣзжалъ звать, — значить особую честь оказалъ. Вѣдь мы что? Мы маленькіе золотичники, а не хозяева коренные. Ну, а вы поѣдете, если я поѣду? Вѣдь онъ и васъ просилъ къ себѣ въ гости?

— Вотъ ужъ, право, не знаю, ѣхать ли? Удобно ли это мнѣ, какъ поднадзорному? — замѣтилъ Гродзинскій.

— Вотъ поэтому вамъ безпремѣнно надо ѣхать и начальство уважить, самъ вѣдь онъ васъ приглашалъ, поймите и цѣните это оказанное къ вамъ вниманіе.

— Да ужъ развѣ по тому только поѣду, что Семень Демьянычъ простой, обходительный и гостепріимный человекъ, — сказалъ Гродзинскій.

— Простой то онъ простой, — отвѣчалъ, почесывая голову, Пискаревъ, — да тоже, какъ говорится, пальца въ ротъ ему не клади, укусить, и больно укусить. Нѣтъ, куда лучше былъ его предшественникъ Трепаковъ. Тотъ бывало напрямикъ скажетъ, — можно, такъ можно, нѣтъ — такъ нѣтъ. Къ тому, братъ, иди прямо и носи что слѣдуетъ; возьметъ — сдѣлаетъ, не возьметъ — значить нельзя. Ну, а Семень-то Демьяновичъ — политикъ; онъ тебѣ кучу всякой всячины наобѣщаетъ и ничего не сдѣлаетъ. А взять — все-таки возьметъ. Вотъ что худо!

На томъ разговоръ между обѣдающими собесѣдниками оборвался. Закончивъ обѣдъ гречневою кашей съ молокомъ, хозяинъ и конторщикъ перекинулись нѣсколькими замѣчаніями относительно приискаго дѣла и разбродились по своимъ угламъ всхрапнуть часокъ — другой.

Исправникъ Семень Демьяновичъ Малининъ, по предшествующей своей службѣ, принадлежалъ къ И.... служилому сословію, хотя и былъ не тамошній, не сибирякъ, а русскаго происхожденія. Вдобавокъ, онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ неудачниковъ, которымъ дома, въ Россіи, не везло по службѣ, и въ переводѣ въ Сибирь онъ видѣлъ послѣднее средство поправить свои обстоятельства. Вообще служба въ далекой Сибири манила тогда русскаго неудачниковъ, особенно питерскихъ чиновниковъ, карьеристовъ, маменькиныхъ сынковъ и тетенькиныхъ племянниковъ, — обиліемъ выдаваемыхъ тогда подъемныхъ прогоновъ, жалованій и другихъ различныхъ пособій, зачетомъ служебныхъ годовъ, и главное — быстрой карьерой. Многія изъ такихъ лицъ и достигали исполненія своихъ мечтаній. Но С. Д. и въ Сибири не повезло, такъ какъ, кромѣ усердія сомнительнаго качества, на службѣ онъ ничѣмъ себя не зарекомендовалъ и оставался самымъ зауряднымъ чинушкой. Долго терся онъ по И.... канцеляріямъ, безъ надежды на повышеніе, пока судьба не послала ему его нынѣшней супруги, крестницы одного крупнаго мѣстнаго служебнаго туза. Женившись, С. Д. нѣсколько подвинулся впередъ, но и тутъ дѣло не пошло бы далеко, если бы, на его счастье, горный исправникъ Трепаковъ, по своимъ домашнимъ обстоятельствамъ, не вынужденъ былъ покинуть мѣста въ N-ской тайгѣ Семень Демьяновичъ, благодаря покровительству крестнаго отца своей супруги, получилъ это мѣстечко, столь лакомое для многихъ и позначительнѣе его въ служебномъ мірѣ. Благословляя Малинина въ путь, крестный его жены внушительно сказалъ ему: «Поступай политично, держи руки покороче, главное — слушайся жены. Она у тебя умница. Помни это, а также и то, что если ты и тутъ не уживешься, тогда мнѣ будетъ трудно куда-нибудь тебя пристроить». Малининъ за такое отеческое наставленіе доцѣловалъ наставляющую его особу не только въ пле-

чико, но и въ протянутую ему на прощанье руку. Приѣхавъ въ Н-скую тайгу, Семень Демьяновичъ на первыхъ порахъ повелъ себя мягко, привѣтливо и былъ не корыстенъ, но вскорѣ соблазнъ наживы взялъ надъ нимъ верхъ, онъ забылъ преподанные крестнымъ совѣты и даже пренебрегаль наставленіями супруги: не увлекаться и не усердствовать чрезмѣрно. Семень Демьяновичъ, хотя и остался по прежнему со всѣми мягкимъ, а съ сильными лицами таежнаго міра, крупными хозяевами, даже льстивымъ, слащавымъ и предупредительнымъ, однако съ низшими не стѣснялся въ обращеніи, главное же — не въ мѣру сталъ издоимствовать. На этомъ послѣднемъ поприщѣ онъ уже никакъ не могъ сдержатъ себя и бралъ, бралъ, гдѣ только, и чѣмъ только было можно. Бѣсъ стяжанія на столько одолѣлъ его, что и у сильныхъ таежнаго міра онъ слезливо канючилъ и выпрашивалъ, у среднихъ — заимствовалъ, у низшихъ требовалъ. Не будь узды, въ лицѣ супруги, дѣло бы пошло еще круче, но та все же нѣсколько сдерживала ретиваго исправника. Однако и супруга не могла помѣшать Семену Демьяновичу; онъ даже началъ измышлять и устанавливать новыя дани, до него не бывшія въ обычаѣ. Такъ, онъ обложили усиленно данью таежныхъ зимовщиковъ, смотря по доходности зимовья, между тѣмъ какъ раньше зимовщики давали «по возможности», сколько придется. Спиртоносамъ и тайнымъ торгашамъ дѣлались всякія поблажки, если они пріобщали исправника къ дѣлежу своихъ барышей. Все это, разумѣется, производило на таежниковъ нецпріятное впечатлѣніе. Они начали ворчать и недружелюбно по-сматривать на «энергичнаго» Семена Демьяновича.

Супруга таежнаго воеводы была туземнаго происхожденія—дочь «бѣдныхъ, но благородныхъ родителей», воспитывалась въ одномъ изъ И... женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, умѣла даже съ грѣхомъ пополамъ изъясняться на французскомъ діалектѣ, брянчала на фортепьяно и почитывала кое-какія въ то время модныя книжки. Все это помогало ей поддерживать репутацію образованной и въ нѣкоторомъ смыслѣ передовой женщины, чтѣ въ тогдашнее время было неособенно трудно,—стоило только почаще въ разговорѣ отпускать разныя либеральныя фразы, вычитанныя изъ тогдашнихъ либеральствующихъ книжекъ и журналовъ. Въ остальномъ она представляла изъ себя женщину не глупую, практичную и хозяйственную, а потому стремилась жить со всѣми въ ладу; передъ тѣми же, которые были ей нужны и считались въ тайгѣ значительными, она лебезила на пропалую. Хотя супругъ ея былъ еще не старъ, она все-таки увлекалась молодежью, особенно «интеллигентной», которой въ то время (послѣ возстанія 1863 года) въ тайгѣ было изобиліе. Своимъ ласковымъ съ нею

обращеніемъ она сплскала въ ихъ кругу нѣкоторую симпатію и въ этомъ же направленіи дѣйствовала и на своего супруга.

Теперь у Малининыхъ, по случаю именинъ главы семейства, готовился громадный фестиваль. Исправница, чтобъ сгладить дурное впечатлѣніе, производимое нѣкоторыми поступками мужа на таежниковъ, и устроить въ нѣкоторомъ родѣ съ ними примиреніе, командировала его объѣхать лично всѣхъ ближнихъ и дальнихъ сосѣдей и пригласить ихъ къ себѣ на вечеръ, не исключая болѣе или менѣе интеллигентныхъ изъ поднадзорныхъ, нашедшихъ пристанище на многихъ золотыхъ пріискахъ въ качествѣ фельдшеровъ, конторщиковъ и въ другихъ таежныхъ должностяхъ у золотопромышленниковъ, въ особенности у самага крупнаго, въ описываемое время, — Мазиловскаго; у Мазиловскаго проживалъ не одинъ десятокъ поднадзорныхъ. Золотопромышленники относились къ нимъ довольно снисходительно, такъ какъ значительная часть этихъ несчастныхъ увлекавшихся юношей и даже лицъ болѣе зрѣлаго возраста были люди въ большинствѣ съ извѣстною долею образованія, а въ общемъ добропорядочные; многіе изъ нихъ, по своимъ специальнымъ познаніямъ, въ особенности врачи или проходившіе курсъ медицинскихъ наукъ студенты—были въ тайгѣ даже необходимыми, такъ какъ съ успѣхомъ замѣняли малограмотныхъ и невѣжественныхъ таежныхъ фельдшеровъ и даже мѣстныхъ тогдашнихъ эскулаповъ, также не отличавшихся своими познаніями, а въ особенности трезвостью. Впослѣдствіи, получивъ полную правоспособность, вслѣдствіе неоднократныхъ помилованій, многіе изъ этихъ поднадзорныхъ и ссыльныхъ остались въ Сибири добровольно навсегда, съ успѣхомъ подвизаясь на врачебномъ или иныхъ поприщахъ; нѣкоторые изъ нихъ занялись золотопромышленностью или другими полезными профессіями.

Въ день именинъ, въ особенности подъ-вечеръ, къ дому именинника то-и-дѣло подкатывали тройки и разныя таежные экипажи, привозившіе со всѣхъ концовъ тайги гостей. Хотя крупныхъ хозяевъ и не было видно между ними,—большинство ихъ проживало въ другихъ городахъ или столицахъ,—но замѣняющіе хозяевъ управляющіе и повѣренные не оставили своимъ посѣщеніемъ дорогаго именинника. Что же касается мелкой таежной золотопромышленной сошки, то таковая явилась почти полностью. Съѣхалось немало и поднадзорныхъ. Хозяева радушно принимали гостей и вскорѣ устроились карточныя партіи и даже танцы, подъ звуки фортепьяно, даннаго вначалѣ на поддержаніе, а впослѣдствіи поступившаго въ полную собственность именинника отъ г. Мазиловскаго, которому оно принадлежало, но кото-

рый, по своей известной всем нелюдимости, не приехал на вечеринку, хотя самолично и находился в то время в тайге. Именинник в началъ вечера былъ очень пріятливъ со всеми, особенно со своимъ пріятелемъ, управляющимъ Лебединовымъ, съ которымъ ходилъ по комнатамъ подь ручку. Чѣмъ чаще заходили пріатели вь столовую, гдѣ стояли приготовленныя закуски съ приличной батареей всякаго рода горячительныхъ напитковъ, тѣмъ пламеннѣе становились ихъ дружескія изліянія. За то къ прочимъ гостямъ именинникъ началъ относиться не только равнодушно, но даже презрительно. Стоя вь дверяхъ столовой, выходявшихъ вь зало, именинникъ горячо пожималъ руку стоявшаго рядомъ съ нимъ друга и, взирая на гостей посоловѣвшими глазами, говорилъ: — «другъ мой искренній, посмотри на нихъ, — что это за народъ? Право, здѣсь только я да ты порядочные люди, остальные дрянн! Не правда-ли?»

Другъ, тоже находившійся вь праздничномъ настроеніи, хотя и не оспаривалъ мнѣнія именинника, однако дѣлалъ нѣкоторыя исключенія. Именинникъ отчасти соглашался съ нимъ, но все же утверждалъ правильность своего заключенія.

— Ну положимъ, что и такъ, положимъ, что Петръ Ивановичъ еще туда-сюда, ну и Егоръ Сильчъ тоже какъ-будто порядочный человекъ, но прочіе, браатецъ ты мой названный, дрянн, сущая дрянн, — бормоталъ онъ.

Въ это время танцы вь залѣ окончились и исправничиха, тоже танцовавшая съ однимъ изъ гостей, попросила всѣхъ вь столовую къ закускѣ, куда гости и тронулись за ней. Здѣсь-то произошло нѣчто небывалое вь лѣтописяхъ тайги, произошелъ колоссальный скандалъ. Дорогой именинникъ, вытянувшись во весь ростъ вь дверяхъ столовой, остановилъ повелительнымъ жестомъ руки шествіе гостей и громкимъ, рѣзкимъ голосомъ произнесъ: «Стоить! Куда! Не пушу! Недостойны! Туда же къ закускѣ, пушера! Вонъ отсюда, чтобъ духу вашего здѣсь не было!» Исправничиха, шедшая вь первой парѣ, гости, слѣдущіе по ея стопамъ, вь изумленіи остановились, недоумѣвая что все это значитъ? Шутка или другое что?

Исправничиха, бросивъ своего кавалера, кинулась къ грозному своему супругу съ яростными словами: «Да ты очумѣлъ никакъ, Семень Демьяновичъ! пошелъ, проспись!» Семень Демьяновичъ не только не сдвинулся съ мѣста, но грубо оттолкнулъ свою дражайшую половину и еще грознѣе закричалъ на гостей. «Вонъ, повторяю вамъ, всѣ вонъ, — пушера вы этакая!»

Гости совершенно растерялись и нѣкоторые изъ нихъ, боясь чего-нибудь худшаго со стороны видимо взбѣшеннаго именинника, стали ретироваться вь прихожую и затѣмъ спѣшили отправиться по домамъ.

— Да вь умѣ ли ты Семень Демьяновичъ, завопила его супруга, что ты дѣлаешь? Ахъ Господи, да онъ никакъ съ ума спятилъ или пьянъ напился. Платонъ Никитичъ, обратилась она къ зѣло урѣзавшему муху, стоявшему рядомъ съ ея мужемъ, Лебединову, — уведите вы его отсюда вь кабинетъ, урезоньте его. Боже мой, что онъ дѣлаеть, срамникъ этакой!»

— Нельзя-съ, сударыня! несвязно лепеталъ Лебединовъ. Онъ мой другъ и хозяинъ не только здѣсь, у себя дома, но и во всей тайгѣ. Вся здѣшняя тайга—его владѣніе, онъ здѣсь все равно что царь!

— Другъ, братъ, почеломкаемся, — говорилъ именинникъ своему пріятелю. — Ты одинъ изъ всѣхъ достоинъ быть моимъ гостемъ, всѣ прочіе дрянн. Вонъ! говорю вамъ! — обратился онъ снова къ гостямъ. Чтобъ духу вашего здѣсь не было, не то велю позвать казаковъ и разогнать васъ нагайками.

Послѣ этого энергичнаго заявленія гости ворча стали очищать комнату и ругаясь разбѣжаться по домамъ. Конечно, всѣ они давали клятвенное обѣщаніе никогда не переступать порога Малининскаго дома. Исправничиха, какъ ни крѣпилась, но услыхавъ угрозу супруга, струсила и, малодушно покинувъ гостей, убѣжала изъ комнаты и заперлась вь спальнѣ. — Расходившійся именинникъ отправился по уходѣ гостей, съ неизмѣннымъ другомъ вь столовую — праздновать побѣду и еще тѣснѣе закрѣпить дружбу. Тамъ они, по слухамъ, и заночевали, упившись до положенія ризъ.

На другой день у исправника бушевала страшная семейная буря. Супруга напустилась на него, какъ говорится, во всю, стыдила и бранила его всячески, угрожала обо всемъ сообщить крестному и, бросивъ его одного вь тайгѣ, немедля уѣхать вь И... Послѣдняя угроза была для Малинина самымъ страшнымъ ударомъ, который онъ ничѣмъ не могъ парировать.

— Да неужели же я велъ себя вчера такъ глупо, — такъ сказать, «по-свински?» — спросилъ онъ растерянно свою грозную супругу.

— Хуже чѣмъ по-свински, — отвѣчала та, снова раздражаясь. — Удивляюсь добродушію гостей, какъ они вчера тебя не побили. И хорошо сдѣлали бы. Битый исправникъ! Глупая твоя голова! Вѣдь ты теперь лишился всякаго уваженія вь тайгѣ, вѣдь всѣхъ противъ себя озлобилъ и вооружилъ! Посмотри, какія о тебѣ полетятъ письма вь губернію и доходы, того гляди, уменьшатся. Ну, что ты будешь теперь дѣлать, какъ ты поправишь теперь, старый дуракъ, свою глупую и грубую выходку?

— Да отчего же ты меня не остановила? — слезливо говорилъ Малининъ. — Господи! ну взяла бы меня и прогнала вонъ изъ комнаты!

— Тебя прогнать? — насмѣшливо отвѣтила исправничиха. — Да ты вѣдь какъ упрешься, такъ тебя и съ мѣста не сдвинешь и ничѣмъ не проймешь. Ты вѣдь и меня чуть не прибилъ при гостяхъ. Я сама отъ стыда готова была схорониться куда-нибудь и затворилась у себя въ спальнѣ.

— Что жъ мнѣ теперь дѣлать, — говорилъ совершенно растерявшийся Малининъ. — Ахъ ты Господи! Да посовѣтуй ты, Христа ради!

— Теперь посовѣтуй! — передразнила исправничиха. — Одно тебѣ, олуху, осталось средство: ѣхать ко всѣмъ извиняться, просить прощенья и забвенія твоихъ дикихъ поступковъ, да снова всѣхъ просить къ себѣ на обѣдъ.

— Да я готовъ ѣхать сегодня же, лишь бы пріѣхали. Боюсь какъ бы не обругали да въ глаза не наплевали, — сказала ожившій немного духомъ Малининъ.

— Ничего, поѣзжай только и проси. Съ мелочью дѣло обойдется, а покрупнѣе кто, хотя и поругаются, а все-таки простятъ. Вѣдь и ты имъ нуженъ, — разсудила исправничиха. — Я ихъ хорошо знаю, народъ это незлобивый.

На томъ и порѣшили супруги. Исправничиха взяла клятвенное обѣщаніе съ мужа, что впредь онъ будетъ вести себя пристойно и не напѣется.

— Въ противномъ случаѣ сбѣгу отъ тебя въ И... и брошу тебя на произволь судьбы, такъ и знай, — закончила она свою филиппику.

Этого Малининъ боялся всего болѣе, ибо въ И... былъ его якорь спасенія отъ всѣхъ золъ и служебныхъ напастей, тамъ же была и его твердая опора и источникъ всякихъ милостей. Не станемъ описывать, какъ и куда ѣздила исправникъ со своими извиненіями и приглашеніями на новую вечеринку, скажемъ, что всѣ ему простили его прегрѣшенія и всѣ снова обѣщались у него быть.

— Что-жъ, — говорило большинство таежниковъ, — «былъ молодцу не укора», выпивши вѣдь былъ. Будь онъ тогда тверезый, не начудесилъ бы! Опять же выпивши былъ въ свои именины, а имениннику и Богъ проститъ куликнуть малость. Тоже и Лебединовъ виноватъ, толковали другіе, это онъ его подпаивалъ, да разжигалъ. Извѣстно, дикаревская порода этотъ Лебединовъ. Ко всѣмъ втирается и подлизывается, а самъ норовитъ ножку подставить, да дѣлишки свои обдѣлать. Всѣ эти дикаревскіе молодцы одного поля ягода.

Какъ ни какъ, но вторичный примирительный пиръ состоялся. Всѣ таежники, за исключеніемъ немногихъ непримиримыхъ, да еще

многихъ поднадзорныхъ, почему-то не поѣхавшихъ на этотъ разъ, собрались у исправника и пировали на славу. Заужиномъ же всѣ чокались, цѣловались и обнимались съ хозяиномъ, памятуя поговорку — «былъ молодцу не укора».

Послѣ этого Малининъ недолго оставался въ тайгѣ и перешелъ, благодаря вліянію своего покровителя, на болѣе мирное и широкое поприще земскаго исправника въ К—скомъ округѣ. Послѣ расчета, въ этотъ же годъ, исправникъ Малининъ отправился въ Е—къ для окончанія своихъ счетовъ съ золотопромышленниками и по другимъ дѣламъ. На пути къ городу его нагналъ мой пріятель на одномъ изъ таежныхъ зимовьевъ. Увидя Малинина, возсѣдавшимъ въ хатѣ зимовщика и, повидимому, не спѣшащаго ѣхать дальше, онъ спросилъ его:

— Семень Демьяновичъ, да вы что же тутъ дѣлаете? А я думалъ, вы уже за Питомъ?

— И былъ бы за Питомъ, — отвѣчалъ Малининъ, — кабы не этотъ подлецъ-зимовщикъ. Слыхано ли это дѣло, вмѣсто ста даетъ пятьдесятъ, — по новости, говорить, не наторговалъ еще. Вадоръ, говорю, — теперь у васъ, что у попа въ посту: сѣнокосъ. Вотъ и буду сидѣть тутъ, пока не наторгуешь, а ты корми меня такой-сякой. Ему, батинька, спустить, — всѣмъ спустить придется. Это не порядокъ.

Мой знакомый уѣхалъ далѣе, а исправникъ дождался остальныхъ пятидесяти цѣлковыхъ и пріѣхалъ въ городъ сутками позже. Хорошо еще, что прочіе зимовщики были исправны, а то бы ему долго пришлось ѣхать до Е—ка.

Пріѣхавъ въ городъ, Малининъ занялся здѣсь окончаніемъ своихъ денежныхъ расчетовъ. Встрѣтясь съ своимъ пріятелемъ, онъ жаловался, что «дѣла идутъ въ затяжку».

— Представьте себѣ мое горе! Мазилевскій укатилъ въ Питеръ, а всѣ расчеты съ нашимъ братомъ поручилъ сдѣлать другу своему Лонгину. Лонгинъ и говорить, у насъ-де съ вами всѣ расчеты покончены, вы, говорить, все полностью получили, вполнѣ удовлетворены. Каковъ! Ну да вы его сами знаете! Фортепяны-то, что я у Мазилевскаго на поддержаніе взялъ и которые онъ мнѣ потомъ подарилъ, — клянусь Богомъ, подарилъ, — тоже въ счетъ мнѣ поставлены! Вѣдь это ужасно! Съ этакой наикрупнѣйшей у насъ компаніи и вдругъ ничего не очищается! А я-то на нее, какъ на каменную гору, располагался! Теперь, почитай, съ пустыми руками возвращаться домой придется!

— Да позвольте, Семень Демьяновичъ, насколько мнѣ извѣстно, вы вѣдь чего-чего у нихъ за лѣто сверхъ положенія не перебрали. Что же вы это — ни во что не цѣните?

— Какъ не цѣно? Цѣно, но вѣдь подумайте: на тысячную поллучку я съ нихъ расчитывалъ, а Лонгинъ, этотъ окаянный, какъ внесъ въ расчетъ фортепяно, такъ и уперся на своемъ. Теперь, говорить, вы все получили, всѣ расчеты съ вами кончены. Ну да стой! Буду сидѣть у него, какъ у зимовщика и свое возьму.

— Наврядъ ли, Семень Демьяновичъ, что получите. Лонгинъ не зимовщикъ и съ него вамъ ничего получать не доведется, — возразилъ мой пріятель.

— Да вы сообразите, — продолжалъ Малининъ, — какъ же я до-мой-то вернусь, что жена скажетъ? Надѣялся на тысячу, а тутъ тютю, все получили!

— Да вѣдь и въ самомъ же дѣлѣ получили, что жъ тутъ спорить.

— Не отпираюсь, точно-что забирали немало, ну, это пожалуй и зачти, но фортепяно-то къ чему туда припутывать? Да оно и разбитое притомъ, — отвѣчалъ Малининъ.

— Самы же его и разбили за-лѣто, а какъ брали, цѣлое вѣдь было, — сказалъ мой пріятель.

— Такъ-то такъ, только вѣдь оно дареное!

— Ну знаете что, подарить-то нынѣ уѣхалъ въ Парижъ, а вамъ его Лонгинъ по дешевой цѣнѣ поставилъ въ счетъ, а потому напрасно вы жалуетесь.

— Такъ вы полагаете, — проговорилъ грустно Малининъ, — что тутъ мнѣ ничего не доспѣть и хлопотать нечего?

— Ничего, Семень Демьяновичъ, не доспѣете, — отвѣчалъ мой пріятель. — Мнѣ самъ Лонгинъ сегодня еще говорилъ, что напрасно Семень Демьяновичъ беспокоится; съ нимъ всѣ расчеты окончены. А что Лонгинъ говорить, тому надо вѣрить на-слово, и вамъ надо благодарить Бога за ихъ добросовѣстный и щедрый съ вами расчетъ, да поскорѣй въ тайгу ѣхать, а то еще, пожалуй, здѣсь зазимуете, и то суга на Енисеѣ показалась, спорить же съ компанією Мазиловскаго не политично; компанія сильная, богатая и съ большими связями въ Питерѣ, это вѣдь не Пискаревъ или Уснецовъ какой-нибудь, пожалуй еще бѣды себѣ наживете.

— Куда ужъ намъ съ ними ссориться, а все-таки обидно, ну думаю, хоть пятьсотъ рублей очистится, авось смилуется Лонгинъ и выдастъ, а тутъ шишь, полное разочарованіе и все изъ-за этого проклятаго фортепяно.

— Ну, а съ остальными какъ кончили расчеты, — перебилъ его мой пріятель.

— Съ остальными благополучно. Благодарю Бога — не обидѣли! Ахъ, чтобы чортъ побралъ это фортепяно! Надо же мнѣ было его взять

безъ уговору съ Викторомъ Ивановичемъ! Не ожидалъ, не ожидалъ отъ такого просвѣщеннаго и либеральнаго дѣятеля!

Два дня Малининъ не унимался — хлопоталъ, просилъ, молилъ и лично, и черезъ знакомыхъ, но Лонгинъ остался непоколебимъ. Такъ и отъѣхалъ отъ него Семень Демьяновичъ ни съ чѣмъ, проклиная музыку и взятое на подержаніе фортепяно.

Спиртоносы.

Какъ-то утромъ, въ августѣ мѣсяцѣ 186* года, входитъ ко мнѣ въ кабинетъ становой Константинъ Ивановичъ и докладываетъ, что на пріискѣ у насъ не все благополучно: трое рабочихъ не вышли на утреннюю раскомандировку, оказались пьяными и остались въ казармѣ. Теперь они высыпаются.

— Какъ же это такъ вышло, — спросилъ я станового. — откуда они достали водку, чтобы такъ упиться?

— Богъ ихъ вѣдаетъ, вотъ уже проспятся, такъ допрошу.

— Только пожалуйста, Константинъ Ивановичъ, допрашивайте по-человѣчески, а не по-сибирски, безъ чрезмѣрнаго «рукоприкладства».

— Такъ ужъ лучше вы сами ихъ допросите, — сказалъ Константинъ Ивановичъ.

— Чудесно. Когда они протрезвятся, приводите ихъ ко мнѣ.

Константинъ Ивановичъ былъ въ душѣ добрый человѣкъ, со всѣми кроткій и обходительный, но проживъ долго въ Сибири, въ особенности въ тайгѣ, огрубѣлъ, «осибирился», къ тому же ненавидѣлъ пьянство. Онъ, скрѣпя сердце, выносилъ кутежъ рабочихъ во время расчета и не пускалъ къ себѣ на глаза подгулявшихъ. Однако, это не мѣшало ему регулярно дважды въ годъ на недѣлю предаваться запою. Когда наступала болѣзнь, Константинъ Ивановичъ запирался у себя въ комнатѣ, и только одинъ присковій фельдшеръ имѣлъ къ нему доступъ. Выздоровѣвъ, онъ опять становился прежнимъ трезвымъ, работающимъ человѣкомъ и уже не бралъ въ ротъ ни водки, ни вина. Въ общемъ, Константинъ Ивановичъ былъ примѣрный служака, хорошо знающій свое дѣло, распорядительный, аккуратный и благожелательный; на пріискѣ его уважали за его знанія и любили за доброту. Рабочіе вѣрили его слову и знали, что онъ ихъ зря не обидитъ,

да и другимъ въ обиду не дастъ. Только пьяницамъ не было отъ него пощады. Послѣ обѣда Константинъ Ивановичъ снова появился у меня въ кабинетѣ.

— Ну что скажете? — спросилъ я.

— Пожалуйте на крыльцо, пьяницы наши проспались, велѣлъ казаку привести ихъ сюда. Выйдите къ нимъ и допросите. Самъ я не допрашивалъ, боюсь, что не воздержусь.

Выйдя на крыльцо, я увидѣлъ троихъ провинившихся рабочихъ: молодого конюха Антошку, кривоглазаго молотобойца Еремку и блѣднолицаго, худоцаваго Авдѣя. Они стояли безъ шапокъ, опустивъ головы.

— Подойдите-ка сюда, голубчики, поближе, — строго крикнулъ я. Рабочіе подошли и низко поклонились.

— Сказывайте всю правду, а то плохо будетъ. Откуда достали водку?

Рабочіе мялись и молчали.

— Эй, добромъ говорю, сказывайте! А то не миновать исправника.

Антошка выступилъ впередъ и, перебирая въ рукахъ шанку, промолвилъ нерѣшительно.

— Виноваты, купили.

— Гдѣ купили?

— На угольной ямѣ. Когда я ѣздилъ туда за углемъ, тамъ встрѣтились мнѣ два мужика, съ двумя выючными лошадьми. Вотъ у нихъ и купилъ.

— У спиртоносовъ, значить, — переспросилъ я.

— Вѣстимо, у спиртоносовъ. Водки у нихъ цѣлый боченокъ, никакъ ведеръ съ пятокъ, да окромя того въ сумакъ сахаръ, бѣлые сухари, баранки и табакъ.

— Почему платалъ за водку?

— Недорого, рубля по полтора за бутылку. Купилъ я двѣ бутылки, да послѣ ужина и роспили съ товарищами. Да никакъ водка-то съ дурманомъ, что ли, была, всѣ вскорѣ захмѣлѣли, теперь голова смерть болить, ужъ дозвольте рюмочку опохмѣлиться.

— Вотъ я тѣ опохмѣлю березовой кашей, — не выдержалъ стоявшій возлѣ меня Константинъ Ивановичъ.

— Молчите, пожалуйста, — шепнулъ я ему.

— Вотъ что, Антошка, я тебѣ и товарищамъ твоимъ дамъ опохмѣлиться, общаю сверхъ того не взыскивать съ васъ, даже еще бутылку водку выдамъ изъ амбара, но съ условіемъ: ты долженъ быть провожатымъ моихъ людей, которыхъ я пошлю въ погоню за спиртоносцами, и самъ буду участвовать въ поимкѣ.

Антошка мигомъ повеселѣлъ и оживился.

— Трудненько ихъ словить,—сказалъ онъ.—Одно развѣ, что за-
ночуютъ. Они мнѣ проболтались, что останутся на угольникѣ до утра,
и просили дать знать на присскѣ ребятамъ. Обѣщали еще бутылку
водки, какъ приѣду сегодня за уголемъ.

— А ты, поди, ужъ разблаговѣстилъ на стану о спиртоносахъ?

— Не успѣлъ, Николай Васильевичъ, больно мы скоро опьянѣли.
Только вотъ сейчасъ маленько очухался.

— Еремку съ Авдѣемъ ты угощалъ?—спросилъ я.

— Почто угощать, я имъ перепродалъ полторы бутылки, за что
самъ купилъ, а полбутылки пошли мнѣ за труды. Я вѣдь до водки не
ахти какъ жаденъ.

— Ну, что-жь согласенъ ты на мои условія, пойдешь ловить
спиртоносовъ и укажешь, гдѣ они остановились?

— Что-жь, мнѣ вѣдь съ ними не дитѣ крестить, согласенъ, только
ужъ вы насъ ради Христа опохмѣлите, просто моченьки моей нѣтъ,
какъ голова трещить.

Я распорядился подать имъ все́мъ по чаркѣ водки и немедленно же
приказалъ сформировать отрядъ для поимки спиртоносовъ.—Часа че-
резъ полтора все было готово. Я командировалъ молодого помощника
смотрителя Хвостовскаго, бывшаго кавалериста изъ ссыльных поля-
ковъ, казака, конюховъ Антошку и Кузьму, и помощника матеріаль-
наго, Мудрыхъ.

Не доходя до угольной ямы, отрядъ раздѣлился на-двое, одна часть
поѣхала на угольную яму, а другая къ близъ лежащей пильнѣ и смоло-
курнѣ. Если бы ни тамъ, ни здѣсь спиртоносовъ не оказалось, то одной
части отряда приказано было слѣдовать на пустой Щеголевскій станъ,
гдѣ жилъ старикъ-караульщикъ, а другой въ «Сухой ложокъ», что
находился въ полуверстѣ отъ смолокурни.

Не прошло и двухъ часовъ съ отъѣзда нашего отряда, какъ онъ
возвратился обратно на присскъ, ведя за собой обоихъ спиртоносовъ и
ихъ лошадей со все́мъ скарбомъ. Оба спиртоноса были крѣпко связаны
по рукамъ веревкой. Вели ихъ на арканъ, который держалъ Кузьма.
Я тотчасъ же вышелъ на крыльцо. Хвостовскій изложилъ весь ходъ
экспедиціи.

— Когда я съ казакомъ подѣхалъ къ угольной ямѣ,—разсказы-
валъ онъ,—тамъ уже никого не оказалось; выждавъ прибытія второй
части отряда, мы снова раздѣлились. Я, казакъ и Антонъ поѣхали на
«Сухой ложокъ», а Мудрыхъ съ Кузьмой на Щеголевскій станъ.
Влѣхавъ въ ложокъ, густо заросшій березой и осинникомъ, мы уви-
дали двухъ стреноженныхъ лошадей. Антонъ ихъ сейчасъ же узналъ.
Неподалеку въ кустахъ лежали выючныя сѣдла и сумы съ боченкомъ
водки и прочимъ товаромъ. Самихъ спиртоносовъ не было. Мы при-

таились за кустами и стали ждать. Не прошло четверти часа, какъ
оба спиртоноса вернулись, нагруженные скошенной травой,—въ логу
вѣдь травы нѣтъ—и тутъ же были схвачены и связаны. Возвращаясь
домой, встрѣтили вернувшихся съ Щеголевскаго стана Кузьму и Му-
дыхъ и въ полномъ составѣ прибыли на присскъ. По осмотру вещей
у спиртоносовъ нашли боченокъ съ водкой, въ которомъ было не бо-
лѣ трехъ ведеръ, съ пудъ сахару, столько же табаку черкаскаго, нѣ-
сколько фунтовъ московскихъ сухарей и двѣ-три связки бѣлыхъ,
черствыхъ баранокъ; золота не оказалось, но за то нашлись золото-
вѣсные вѣски. Всѣ эти вещи были переписаны, и всему былъ соста-
вленъ реестръ. Затѣмъ я приказалъ развязать руки спиртоносовъ,
которые все время стояли безъ шапокъ съ сумрачными лицами и ви-
димо находились въ сильной тревогѣ за свою участь, ожидая крутой
расправы.

— Кто вы такіе и откуда? Гдѣ ваши паспорта?—спросилъ я.—
Спиртоносы молчали, понуривъ головы.

— Отвѣчайте,—закричалъ Константинъ Ивановичъ.

— Чего тутъ разговаривать, отправляйте насъ къ исправнику,—
отвѣтилъ не безъ дерзости одинъ изъ нихъ, постарше, рыжеватый,
съ бѣгающими, разноцвѣтными глазами и всклокоченной бородой.

— Отправить мы васъ всегда успѣемъ, а прежде зададимъ здо-
ровую взбучку, чтобы воровскимъ дѣломъ не занимались, проклятой
водкой не торговали,—не утерпѣлъ становой.

— Это не ваше дѣло, Константинъ Ивановичъ,—замѣтилъ я
ему.—Вы здѣсь не полицейская власть, и самосуду подвергать людей
не имѣете права. Заприте ихъ на ночь въ чуланъ, а утромъ, по-
раньше, отправьте при бумагѣ отъ конторы, со все́ми ихъ пожитками
къ исправнику.

Тѣмъ наше разбирательство и окончилось. Спиртоносовъ увели
въ казачью, но по дорогѣ туда мой Константинъ Ивановичъ не вы-
держалъ и, думая, что я уже ушелъ къ себѣ, далъ рыжему мужику здоро-
вый подзатыльникъ. Товарищъ рыжаго, молодой парень, лѣтъ двадцати,
довольно смиреннаго вида, но съ лукавыми глазами и не безъ сме-
калки, произнесъ при этомъ со смѣхомъ: «Это, Гриша, тебѣ закуска,
сказалъ онъ весело, передъ завтрашнимъ исправничкинымъ обѣдомъ».
Гришка угрюмо молчалъ и, поднявъ слетѣвшую съ головы шапку, по-
несъ ее въ рукахъ.

Вечеромъ, уже довольно поздно, явился ко мнѣ Константинъ Ива-
новичъ съ «раскомандировкой» работъ на слѣдующій день. Между
прочими докладами и сообщеніями, Константинъ Ивановичъ заявилъ,
что одинъ изъ спиртоносовъ желаетъ меня видѣть и сообщить нѣчто
важное.

— Прикажете привести его ко мнѣ, и сами возвращайтесь. Посмотримъ, какое у него важное дѣло, — отвѣчалъ я.

Минуть черезъ десять, Никита, парень съ хитрыми глазами, уже стоялъ у меня въ передней. При входѣ моемъ онъ низко и какъ-то подобострастно поклонился.

— Что тебѣ нужно? — спросилъ я.

Никита снова поклонился и заговорилъ заискивающимъ голосомъ.

— Я къ вамъ, господинъ хозяинъ, съ просьбицей. Не посылайте вы насъ завтра къ исправнику, отпустите съ миромъ на всѣ четыре стороны. Возьмите себѣ все, что у насъ есть, кромѣ лошадей, да и отпустите. Мы къ вамъ никогда больше не покажемся.

— Ну, братецъ, шалишь, этого сдѣлать нельзя, такихъ воровъ, какъ вы, учить надо.

— Да чего учить-то, — возразилъ Никита, — мы вѣдь люди подначальные. Кабатчикъ Рыбинскій насъ сюда прислалъ для торговли. Весь товаръ, какой у насъ нашли — его, а мы тутъ такъ-себѣ, — въ чужомъ пиру похмѣлье.

— Ничего я не знаю, кто тебя сюда посылалъ, а если въ самомъ дѣлѣ Рыбинскій кабатчикъ, то и ему достанется отъ засѣдателя, — возразилъ я. — Что же касается васъ, то вы получите должное отъ исправника, чтобы впредь вамъ съ запрещеннымъ товаромъ было не повадно шататься.

Никита какъ-то сразу съежился и заморгалъ глазами.

— Я вотъ еще что вамъ доложу, у насъ въ лѣсу золотишко закопано, — таинственнымъ тономъ произнесъ онъ, — около фунта, пусть ужъ и оно ваше будетъ, только отпустите.

— Ну, братъ, это совсѣмъ дѣло дрянъ, ворованное золото! пусть ужъ оно тамъ въ лѣсу, гдѣ вы его схоронили, и остается, — отвѣтилъ я.

— Да за что жъ ему пропадать задарма, — воскликнулъ Никита.

— Откуда вы его взяли?

— У Щеголевскаго караульщика, на пустомъ станѣ, вотъ тутъ, по ключику, чтѣ въ вашемъ сосѣдствѣ, — отвѣчалъ Никита.

— Ты, дружокъ, не ври. Старика-караульщика мы всѣ знаемъ, мужикъ онъ хорошій и воровствомъ заниматься не станетъ. Признавайся по правдѣ, не у нашихъ ли у кого купилъ?

— Нѣтъ, ваши намъ не продавали, чего пустое на людей врать! Да и когда жъ было намъ купить, вы насъ сразу захватили, мы и развѣючиться-то какъ слѣдъ не успѣли, только вотъ вчера двѣ бутылки вашему конюху и продали.

— Ну, вотъ, а не захвати мы васъ, такъ вы бы тутъ такую торговлю открыли!.. Нѣтъ, братъ, не за что васъ миловать.

Никита молчалъ и мялся на мѣстѣ, поглядывая искоса по сторонамъ, точно пойманая лисица.

— Прощай, дружокъ, — сказалъ я ему, — говорить мнѣ больше не о чемъ, завтра исправникъ съ тобою потолкуетъ.

Никиту увели обратно въ казачью. На другое утро наши плѣнники, со всѣмъ ихъ скарбомъ и лошадьми, при бумагѣ отъ конторы, были отправлены къ исправнику, проживавшему отъ насъ въ 25 верстахъ. У исправника, по разборѣ дѣла, они получили должное воздаяніе за контрабандную торговлю водкой. Всѣ ихъ товары подверглись конфискаціи, ихъ самихъ препроводили этапнымъ порядкомъ изъ предѣловъ тайги въ село Рыбное къ тамошнему засѣдателю.

Послѣ этого происшествія случаи пьянства на пріискѣ нашемъ болѣе не повторялись, конюхъ же Антошка за свою расторопность получилъ обѣщанную бутылку водки.

Спиртоносы и производимая ими тайная торговля водкой и другими крѣпкими напитками составляютъ обычное въ тайгѣ и весьма пагубное явленіе. Начало свое эта тайная торговля возымѣла со времени изданія распоряженія, запрещающаго открывать какія-либо торговныя и питейныя заведенія не ближе пятидесяти верстъ отъ послѣдняго, т. е. ближайшаго отъ жилыхъ мѣстъ золотого пріиска. Однако, строгія наказанія и не менѣе суровыя частыя расправы съ любителями контрабанднаго торга держали ихъ въ уздѣ; спиртоносовъ было мало, и на пріискахъ они появлялись рѣдко. Когда же сократили разстояніе торга съ пятидесяти на двадцать пять верстъ, тайная продажа питій получила широкое развитіе. Не только въ ближайшихъ къ пріискамъ деревняхъ, но даже въ нарочно устраиваемыхъ разными торгашами по таежнымъ дорогамъ зимовьяхъ процвѣтаютъ винныя склады, гдѣ спиртоносы имѣютъ возможность заpastись всѣмъ для себя необходимымъ. Спиртоносы ведутъ торгъ въ тайгѣ очень смѣло, почти открыто сбывая товаръ за наличныя деньги или въ обмѣнъ на утаенное рабочими золото. Въ настоящее время хищничество и дерзость этихъ контрабандистовъ дошли до того, что они организуются въ вооруженныя скорострѣльнымъ оружіемъ шайки и оказываютъ сопротивленіе высылаемымъ для поимки ихъ небольшимъ отрядамъ, состоящимъ изъ пріисковыхъ казаковъ и конюховъ. Впрочемъ, наши енисейскіе спиртоносы далеко скромнѣе своихъ олекминскихъ и особенно пріамурскихъ собратьевъ; эти послѣдніе своею дерзостью и «боевою» организаціей превзошли въ настоящее время всѣхъ остальныхъ. Случившееся года два тому назадъ и встревожившее всю тайгу нападеніе на караванъ съ 17 пудами золота (Ниманской комп.) было дѣломъ шайки пріамурскихъ спиртоно-

совъ. Въ 1894 г. было вновь сдѣлано дерзкое нападеніе шайкой таежныхъ спиртоносовъ на караванъ съ золотомъ, который помѣщался на пароходѣ золотопромышленной комп. Ельцова и плылъ въ юль мѣсяцѣ по р. Амгуни. Спиртоносы плыли въ лодкахъ, смѣло подошли къ пароходу и открыли по немъ стрѣльбу изъ ружей. Къ счастью, сила была на этотъ разъ не на сторонѣ грабителей, и имъ пришлось отступить. Такое положеніе дѣла не можетъ не внушать серьезныхъ опасеній приамурскимъ золотопромышленникамъ. Къ тому же для сформированія подобныхъ грабительскихъ шайкъ всегда имѣется богатый матеріалъ въ лицѣ шляющагося по амурской тайгѣ разнаго сброда, состоящаго изъ русскихъ, китайцевъ и манджуръ.

Но нигдѣ такъ не процвѣтаетъ спиртоношество, какъ около богатыхъ присковъ Витимской системы; тамъ оно выродилось въ такъ называемую «летучку»,—мелкія артели всякаго рода бродягъ, выгнанныхъ за буйство съ присковъ рабочихъ, безпаспортныхъ и т. п. «Летучка» нерѣдко совершаетъ набѣги на оставленные, не работающіе приски, на дѣвственные розсыпи по многочисленнымъ долинамъ таежныхъ рѣчекъ и логовъ и хищнически добываетъ въ нихъ золото. «Летучку» стремятся искоренить всеми способами,—ловятъ ея сочленовъ, высылаютъ изъ тайги по этапу, подчуютъ «березовой кашей», но все напрасно! «Летучка» возрождается и упорно придерживается излюбленныхъ мѣстъ. Въ лѣтнюю пору «летучка» благоденствуетъ, несмотря на гоненія, зато осенью и зимою ей приходится плохо. Въ большинствѣ случаевъ она тогда сама собою упраздняется, члены ея поступаютъ за недорогую плату въ работники на приски или уходятъ въ ближайшія къ прискамъ деревни, кое-кто промышленяетъ спиртоношествомъ или другимъ какимъ-нибудь предосудительнымъ ремесломъ.

За послѣднее время «летучка» проявилась въ Томскомъ и въ Мариинскомъ округахъ, гдѣ много оставленныхъ присковъ. Въ ближайшемъ къ прискамъ селеніи Тисуль, довольно значительномъ, на ярмаркѣ торгуютъ чуть ли не въ открытую хищническимъ золотомъ. Это золото покупаютъ, главнымъ образомъ, татары и увозятъ его затѣмъ въ Монголію. Впрочемъ, и русскіе не брезгаютъ покупкою его. Правда, въ хищническомъ золотѣ иной разъ попадается не мало мѣдныхъ опилокъ, и новички-покупатели нерѣдко за это платятся, но вѣдь нажива-то легкая, соблазнительная.

Спиртоношество въ корнѣ не истребимо, но съ нимъ надо бороться во что бы ни стало. Богатѣйшая въ Сибири золотопромышленная компанія Сибирякова, Базанова и Нѣмчинова, у которой до 3.500 чел. рабочихъ, стала принимать нѣкоторыя мѣры для серьезнаго обузданія преступнаго промысла. Она учредила продажу рабочимъ

водки изъ присковаго амбара по 8 коп. за сотую ведра, т. е. вдвое дешевле, чѣмъ можно купить у спиртоносовъ. Въ то же время компанія увеличила плату за такъ называемое подъемное и старательское золото. Товары, которые она отпускаетъ своимъ рабочимъ, значительно лучшаго качества и много дешевле, чѣмъ гдѣ-либо въ тайгѣ. Результаты такихъ нововведеній быстро сказались: спиртоносамъ около богатыхъ компанейскихъ присковъ стало невыгодно «работать», и они мало-по-малу сократили здѣсь свою дѣятельность.

Несомнѣнно, что путь борьбы съ таежными контрабандистами, избранный компаніей Сибирякова, Базанова и Нѣмчинова, — самый надежный путь. Но слѣдовать доброму примѣру для большинства мелкихъ золотопромышленниковъ, бѣдныхъ капиталами, оказывается не по силамъ, и потому спиртоносы могутъ считать свою пѣсенку далеко еще не спѣтой. Палліативами противъ нихъ ничего не подѣлаешь, и они не только будутъ до поры до времени существовать въ тайгѣ, но, пожалуй, и процвѣтать, и временами усиливаться.

На деревянной бочкѣ.

«Добро пожаловать, съ прїездомъ, приворачивайте, приворачивайте, рѣдкій гость, милости просимъ». Такъ весело кричалъ мнѣ съ крыльца своего одно-этажнаго таежнаго жилища Аверкій Кузьмичъ Красноярровъ, завидя подъѣзжавшій къ его дому одноконный кабриолетъ, въ которомъ сидѣлъ вашъ покорный слуга. Хотя я и не намѣревался ѣхать къ нему въ гости, а проѣзжалъ только мимо, направляясь къ своему золотничнику Лимантовичу, но, услыхавъ такое сердечное приглашеніе моего радушнаго сосѣда, счелъ своимъ долгомъ заѣхать къ нему и посѣтить его, тѣмъ болѣе, что, выѣхавъ изъ тайги болѣе 15 лѣтъ тому назадъ, не видалъ его съ тѣхъ поръ. Аверкій Кузьмичъ 15 лѣтъ тому назадъ былъ приказчикомъ золотопромышленной К^о Б., въ сосѣдствѣ со мною, разрабатывавшій свой прїискъ, на которомъ онъ служилъ вначалѣ смотрителемъ разрѣза, а потомъ становымъ, почему и былъ со мною хорошо знакомъ. Человѣкъ онъ былъ хорошій,мышленный, трезвый и добропорядочный, хотя безъ всякаго, что называется, образованія. Учился онъ въ дѣтствѣ своемъ на мѣдные гроши у какаго-то переселенца и выучился у него читать, писать и начаткамъ ариметики, но затѣмъ чтеніе хорошихъ и дѣльныхъ книжекъ и газетъ, при его природномъ умѣ, помогли его умственному просвѣтленію и нѣкому просвѣщенію, такъ же точно, какъ и знакомство его съ образованными людьми, которыхъ въ тогдашнее время въ тайгѣ было немало, содѣйствовало его развитію. Аверкій Кузьмичъ, мужчины среднихъ лѣтъ, годовъ пятидесяти, былъ старый холостякъ и таежникъ, зналъ свою тайгу и дѣйствующихъ въ ней людей отлично, проживъ въ ней слишкомъ тридцать лѣтъ, — сначала на службѣ у разныхъ компаній, а затѣмъ въ послѣдніе годы онъ золотничничалъ, т. е. бралъ у какойнибудь К^о уже почти выработанный и покинутый работами прїискъ, получая за добытое имъ на немъ золото по три

рубля съ четвертью за золотникъ, производя разработку этого прїиска своими средствами и сдавая золото повѣренному К^о, у которой бралъ его въ разработку, отъ котораго и получалъ слѣдующую ему позолотничную плату. — Дѣла его вначалѣ шли довольно бойко, но въ послѣдніе годы, вслѣдствіе дороговизны припасовъ, какъ-то пошатнулись, но бросить дѣло ему было жалко, тѣмъ болѣе, что, привыкнувъ къ самостоятельности, къ хозяйничанью, поступать куданибудь на службу не хотѣлось. — Какъ ни какъ, но работая съ хлѣба на квасъ онъ все-таки содержалъ себя и хотя большихъ барышей не получалъ, но, живя скромно, безъ особыхъ претензій и лишнихъ затѣй, уповалъ, что настанетъ же время, когда припасы снова подешевѣютъ, золото въ розсыпи улучшится, дѣла его снова поправятся и онъ опять весело поплыветъ по морю житейскому.

Подъѣхавъ къ крыльцу и выбравшись изъ таежнаго кабриолета, я отдалъ лошадь и экипажъ выбѣжавшему изъ домика прислужнику и, поднявшись на крыльцо, трижды облобызался съ радушнымъ привѣтливымъ хозяиномъ.

— Какъ живете, Аверкій Кузьмичъ, здоровы ли, вѣдь, шутка сказать — 15 годовъ не видались.

— Давненько, давненько, сударь. Да вотъ и вы тоже какъ измѣнились; уѣхали отсюда еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, а теперь ужъ и сѣдой волосокъ кое-гдѣ виднѣется. Ахъ время, время, какъ оно быстро летитъ! А у насъ въ тайгѣ чтò перемѣнилось — и не узнать ее нонѣ, совсѣмъ другая стала въ сравненіи съ тѣмъ, что было въ тѣ времена, какъ мы съ вами на Енашимѣ-то сусѣдили. Большія, сударь, перемѣны! — Надолго ли къ намъ пожаловали изъ Питера? Да что жъ мы тутъ стоимъ, входите пожалуйста въ мою хату, хотя и небогата, да все жъ въ ней лучше, чѣмъ на вѣтру здѣсь стоять. Погода-то сей годъ у насъ самая непостоянная, — не то лѣто, не то осень, и не приноровишься къ ней.

Съ этими словами мы вошли въ жилище Краснояррова, въ переденкѣ я оставилъ свое теплое пальто, такъ какъ, несмотря на іюль, погода сей годъ въ тайгѣ дѣйствительно была вѣтряная и студеная. Войдя въ небольшое зало, которое служило хозяину въ то же время и столовой, комнату въ три окна, выходящихъ на пролегающую мимо дома дорогу, мы усѣлись у бѣлаго, таежной работы, деревяннаго круглаго стола на такой же работы простой бѣлый диванъ, покрытый киргизской кошмой, поверхъ которой положенъ былъ тюменскаго издѣлія коверъ; спинка и ручки дивана были тоже бѣлыя, некрашенныя. Въ комнатѣ, по стѣнамъ, стояло нѣсколько бѣлыхъ, некрашеныхъ, простого дерева, стульевъ, ломберный столъ и небольшой бѣлый деревянный шкафъ. Въ большомъ углу стоялъ треугольный сто-

ликъ, а передъ образами св. угодниковъ теплилась лампадка. Стѣны комнаты были оклеены бѣлой бумагой, мѣстами на нихъ висѣли олеографіи, преміи какого-нибудь питерскаго журнала, а въ простѣнкахъ между двухъ оконъ висѣло небольшое зеркало, порядочно уже ветхое, съ поломаннымъ въ уголку кусочкомъ зеркальнаго стекла; на подоконникахъ стояли горшки съ цвѣтами: бальзаминонь, левкоемъ и резедой.

Усадивъ меня на диванъ, Аверкій Кузьмичъ побѣждалъ распорядиться насчетъ чая, тѣмъ болѣе что и по таежному времени надлежало таковой пить, — было около четырехъ часовъ дня. Вернувшись обратно въ залу, хозяинъ усѣлся у окна на стуль, что стоялъ возлѣ дивана, и сталъ спрашивать меня о цѣли моего прѣзда въ тайгу, о Питерскихъ и Енисейскихъ новостяхъ, и когда тема этого разговора была исчерпана, тогда я принялся въ свою очередь его спрашивать о его житьѣ-бытьѣ и таежныхъ дѣлахъ. Между тѣмъ намъ подали чай, съ прекрасными густыми сливками, съ свѣжими сухарями и булками домашняго печенья, ягодное варенье и неизбѣжную въ тайгѣ бутылку съ ромомъ.

— Расскажите-ка, почтеннѣйшій Аверкій Кузьмичъ, вы-то какъ поживаете? что подѣлываете, каково золотце моете? — спросилъ я хозяина.

— Да все вотъ тоже, что и десять лѣтъ назадъ, золотничичаю, мучусь по грѣхамъ моимъ... Ужь и гдѣ я только не работалъ-то за это время? И на Гаревкѣ распостылой и на Актоликѣ и на Калами. Теперь вотъ третій годъ здѣсь хозяйничаю. Золотишко-то оно бы и ладно, да припасишки нонѣ дороги, ничего не выходитъ, такъ вотъ только концы съ концами сводимъ и за то Бога благодарить надо. У другихъ такихъ же, какъ я, хозяевъ нисколько не лучше, если не хуже, тоже маются, да на Енисейскихъ поставщиковъ работаютъ. Въдѣ они, эти Енисейскіе-то акулы, съ нашего брата три шкуры дерутъ за обстановку дѣла, а и безъ нихъ тоже нельзя. Капиталы-то наши небольшие, а у кого ихъ и вовсе не имѣется, такъ безъ обстановщика-то и не обойтись.

— Ну тоже не скажете, — возразилъ я, — кабы такъ плохо было, не золотничали бы; а то куда ни поглядишь все арендаторы да золотничники работаютъ, старыхъ-то хозяевъ совсѣмъ, почитай, не осталось, вотъ только Базилевскій, Кытмановъ, Баландинъ да Востротинъ, а то все золотничникъ да арендаторъ.

— Такъ-то такъ, да въдѣ нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ, — сказалъ Краснояровъ. — Другой бы и бросилъ это дѣло, да въдѣ въ долгу весь, какъ въ шелку, вотъ и тянется, а забастоваль, — иди по міру. Теперь тоже на службу поступать некуда, наша тайга

совсѣмъ въ упадкѣ. Прежде что народу-то здѣсь было, — нонѣ четвертой части не осталось.

— Да въдѣ не всѣ же мучаются, какъ вы говорите, вотъ я слышалъ — другіе и процвѣтаютъ, — возразилъ я.

— Какъ же, процвѣтаютъ. Ну это можетъ быть тѣ, что на деревянныхъ бочкахъ моютъ, эти пожалуй и процвѣтаютъ. Ну да и для такой промывки все же капиталъ нуженъ. Безъ него и тутъ нельзя. Возьми-ка у кого изъ Енисейцевъ въ долгъ товаръ и все прочее, что необходимо, въ особенности для нынѣшнихъ рабочихъ, такъ съ тебя семь шкуръ сдерутъ, и все на одно выйдетъ. — Вотъ и видно, что вы 15 лѣтъ въ тайгѣ не были. У насъ такихъ промышленниковъ тутъ тоже не мало развелось, впрочемъ мелочь болѣе, но есть одинъ и крупный, вотъ хоть Уснецовъ, напиримѣръ. Этотъ — безстрашный. Дѣло ведетъ широко и точно что деньги наживаетъ, ну да до поры до времени. Съ этимъ въдѣ дѣломъ надо тоже съ оглядкой, неровень часъ въ Енисейскѣ подъ замокъ попадешь.

— Да что же это за такой новый способъ? — спросилъ я.

— Да онъ совсѣмъ не новый, а только усовершенствованный противъ прежняго. — Наберетъ человекъ въ разработку или въ аренду съ пятокъ присченковъ разныхъ, все больше около такихъ, которые побогаче и хозяйскими работами работаютъ, да и устроитъ тутъ свои работишки. Казармишку, амбарышку, домишко, если готовыхъ построекъ нѣтъ, выстроить, завезетъ побольше водки въ сороковедерныхъ боченкахъ, благо нонѣ насчетъ этого добра свободно, рому, настоекъ, наливокъ разныхъ, размадеристыхъ Енисейскихъ мадеръ, товару краснаго, табаку, чаю, сахару, да и моетъ себѣ золото, въ большинствѣ не свое конечно, а чужое, сосѣдское. У сосѣда-то товаръ въ амбарѣ дорогой, а у него подешевле, водка у него и всякое другое питье тоже сравнительно недорогое, благо онъ его всячески сыронить, да стрючковымъ перцемъ сдабриваетъ, а то и другимъ чѣмъ, ну и несутъ ему золотую крупку — пшеничку съ сосѣдскаго пріиска, а онъ на этотъ товаръ что хочешь изъ своего склада промѣняетъ. Хозяева-то за подъемное да старательское золото рабочимъ по старому 2 р. да 2 съ половиной даютъ за золотникъ, а онъ 3 да 3 съ половиной, а то и всѣ четыре, ему въдѣ все равно. На товаръ-отъ онъ свой, въ особенности питейный, двѣсти процентовъ наживаетъ при промѣнѣ, ну золотая-то крупка или пшеничка ему, глядишь, не дороже, а то пожалуй еще дешевле, чѣмъ его сосѣду-хозяину придется. У него въдѣ ни резиденціи, ни конторы, ни конторщика, ни зимовыхъ работъ, никакихъ особыхъ расходовъ на пріисковую администрацію нѣтъ. Приходить онъ въ тайгу въ маѣ съ 10 — 15 рабочими, припасы конечно еще зимой завезетъ, для того у него

на стану два, три человекъ живутъ, да лошадей съ десятокъ пригонить, ну и пошла работа: торфъ снимаетъ, бутару, а то и кулибнику поставить для видимости и моетъ себѣ, да моетъ что ни попало. А золото и свое, и чужое въ книгу казенную записываетъ.

— Да позвольте же, вѣдь его могутъ врасплохъ накрыть власти таежныя, или его же приказчикъ выдать! — возразилъ я.

— Приказчикъ у него своякъ какой, а можетъ и въ долѣ съ нимъ, — отвѣчалъ Краснояровъ, — а власти! Знаете, о нихъ я умолчу. У насъ нынѣ очень хорошия власти, грѣхъ на нихъ жаловаться. Ты только все, что на тебя положено, куда слѣдуетъ своевременно внеси, а тамъ и живи себѣ спокойно. Нынѣ у насъ тутъ благородно и обходительно, по-европейски. Исправникъ нынѣшній не чета Сорокину или Малинину: тѣ были грубияны и нахалы, — нынѣ у насъ все политично, по-европейски. Да развѣ вы еще не познакомились со властями то?

— Не успѣлъ еще, но непременно познакомлюсь, слышалъ, что всѣ довольны, какъ говорится — и люди, и скоты.

— Ну вотъ то-то же, — говорилъ, ухмыляясь, А. К. — Вѣдь теперь у насъ прежніе-то Ильинскіе порядки давно въ воду канули. Нынѣ рабочему не дашь, какъ прежде, въ зубы или тамъ тумака по шеѣ, а о поркѣ-то и совсѣмъ забыли, развѣ ужъ исправникъ кого-нибудь накажетъ, да и то не попрежнему, слегка. Нѣтъ, у насъ, скажу я вамъ прямо, все по-европейски и цивилизованно. Ну вотъ такъ и моютъ другіе на деревянной изъ-подъ спирту бочкѣ; а то еще большую таежную дорогу разрабатываютъ. Вотъ какъ ѣхали сюда, что зимовья то новыхъ видѣли — и Тарабаровское, и Раздабаровское, и Худаноговское, и Пустодомовское. Да какія зимовья-то выстроены, все съ амбарами, да съ кладовыми, съ домами. Вотъ эти большую дорогу моютъ и разрабатываютъ и ничего, живутъ, да пожалуй еще лучше нашего брата. Главная у нихъ ярмарка во время выхода рабочихъ съ присковъ.

Въ это время послышался звонъ колокольцевъ, видимо кто-то подъѣзжалъ къ дому нашего хозяина. Онъ вскочилъ со стула, посмотрѣлъ въ окно, которое растворилъ, и повернувшись ко мнѣ, проговорилъ: — Уснецовъ ѣдетъ, вотъ и познакомитесь, дошлый и ловкій малый, тоже изъ приказчиковъ зотовскихъ, и хоть молодой, да ранній.

Къ крыльцу подъѣхало запряженное парой лихихъ таежныхъ коньковъ что-то въ родѣ шарабана, на которомъ возсѣдалъ мужчина лѣтъ подлѣ сорокъ, съ рыжеватыми, коротко обстриженными волосами, съ свѣтло русыми усиками и такой же бородкой въ родѣ испаніолки. Одѣтъ онъ былъ щеголемъ, въ темно-сѣраго цвѣта модное пальто и охотничьи сапоги, на головѣ у него надѣтъ былъ черный котелокъ, а

на носу сверкало золотое пенсне. За нимъ на скамейкѣ сидѣлъ также франтовато одѣтый казачекъ. Уснецовъ самъ правилъ лошадьми, и когда подкатили къ крыльцу, передалъ возжи казачку и, ловко выскочивъ изъ экипажа, приказалъ ему ѣхать на конный дворъ.

— Откуда онъ ѣдетъ и куда? — поспѣшилъ я спросить хозяина.

— А вотъ ѣдетъ по золотничкамъ, вѣроятно теперь съ Вангаши, да такъ до самаго Енисейска. Обѣдетъ ихъ, да и обратно, а тамъ опять недѣльки черезъ двѣ-три поѣдетъ ихъ навѣстить, большое вѣдь у него здѣсь знакомство, — сказала съ лукавой улыбкой хозяйка.

Въ это время въ комнату вошелъ одѣтый въ хорошо спитую модную лѣтнюю пару, несомнѣнно работы петербургскаго или московскаго портнаго, — Уснецовъ. Хозяинъ мой ринулся къ нему на встрѣчу и чуть не съ распростертыми объятіями.

— Алексѣй Ивановичъ, откуда тебя Богъ несетъ и куда? Спасибо, братъ, что навѣститъ по пути заѣхалъ. Садись, дружище, гостемъ будешь. А вотъ и нашъ питерскій гость, слышалъ, чай, про него? Тутъ онъ назвалъ меня и познакомилъ съ Уснецовымъ.

— Какъ же, какъ же, слышали. Очень радъ познакомиться. Знаемъ давно васъ, знаемъ, если не лично, то по статьямъ вашимъ. У меня и ваши книжки есть. Какъ же намъ не знать такого стараго, извѣстнаго золотопромышленника? Васъ я еще въ 1866 г. видалъ, какъ вы къ нашему уполномоченному въ гости ѣздили, я тогда еще у нихъ при конторѣ служилъ, конторскому дѣлу обучался, а потомъ у нихъ же письмоводительствовалъ. Какъ же, очень хорошо васъ помню. Все верхомъ по тайгѣ летали, хорошимъ реномѣ въ тайгѣ пользовались, какъ дѣльный и добрый хозяинъ. Да, да, очень радъ познакомиться, за честь даже сочту. — И онъ развязно протянулъ мнѣ руку, на перстѣхъ которой блистало нѣсколько золотыхъ съ драгоценными камнями колець. Гость придвинулъ стулъ и, усѣвшись у стола, вынулъ изъ большаго серебрянаго портъ-сигара довольно доброкачественную сигару, закурилъ ее и обратился съ вопросомъ къ хозяину: — Ну что, голубчикъ, Аверкій Кузьмичъ, каково золотипко? — Поправилось ли, или все еще переваль моешь?

— Да какъ тебѣ сказать — незавидно пока, однако же маленько получше тогдашняго, какъ ты въ послѣдній разъ былъ.

— Ну, слава Царю Небесному, сказалъ гость. Вотъ онъ труженникъ, — обратившись ко мнѣ, сказалъ Уснецовъ, показывая на хозяина. Трудится — моетъ, моетъ, бьется третій годъ на здѣшнемъ ключѣ и все не задача, а бросить не охота. Ну, да никто, какъ Богъ, а вдругъ попадешь на цѣлечекъ прежнихъ временъ, сразу полпуда дернешь.

— Тоже вздумалъ, да вѣдь тутъ до меня трое работали такъ

воть первому-то точно-что цѣлочки этакіе попадали, а другимъ-то уже не одинъ не попадался. Тутъ, братъ, все почитай обнюхано и обшарено, что получше оставалось; намъ, братъ, одно снятое молоко досталось, да и то водицей разбавленное.

— У васъ,—обратился ко мнѣ Уснецовъ,—здѣсь тоже на вершинкѣ золотничничаютъ?

— Да, моютъ,—отвѣчалъ я.

— Знаю, знаю и подрядчика вашего, хорошій жмудинъ, бойкій и очень честный! Вотъ тоже человѣку не задача, сколько присковъ держалъ и посейчасъ держать въ тайгѣ, и все какъ-то маловато добываетъ.

— Да скажите пожалуйста,—обратился я къ Уснецову,—у васъ тутъ всѣ золотниччаютъ и всѣ, по словамъ вашимъ, не важно, многие даже плохо, а все-таки дѣла не бросаютъ. Да изъ-за чего же они бьются.

Уснецовъ, помолчавъ немного и пыхнувъ сигарой, сталъ распространяться о привычкѣ къ дѣлу, о задолженности, о томъ, что дѣваться некуда подрядчикамъ-золотничникамъ, о надеждѣ на случайную найденную, оставленную богатую розсыпь, въ концѣ же концовъ проговорилъ, что оно хотя повидимому какъ будто и плохо кажется, а все же жить и кормиться золотничникамъ можно, если съ умѣньемъ, да съ споровкой вести дѣло.

— Не пойму что-то,—сказалъ я,—какимъ это образомъ?

— Да совсѣмъ просто,—отвѣчалъ не возмущимо Уснецовъ.—Я вотъ, напримѣръ, работаю на нѣсколькихъ арендованныхъ и взятыхъ на золотники прискахъ, команды у меня до 150 человѣкъ, да вѣдь не жалуясь, а если вы спросите любого изъ такихъ какъ я, ну, хоть вотъ нашего хозяина напримѣръ, они всѣ жалуются и плачутся на свою судьбу. Все это неправда, всѣ они живутъ и существуютъ, а другіе прочіе и Бога хвалятъ,—разсмѣялся онъ.

Аверкій Кузьмичъ тоже какъ-то хихикнулъ и молвилъ:

Ну, братъ, ты вѣдь извѣстный прокурать. Ты да мы, все-таки разнища. У тебя деньги свободныя есть, а у насъ ихъ нѣтъ; мы, вотъ проси да кланяйся низко въ Енисейскѣ разнымъ тамошнимъ милостивцамъ: Укину, Худоногову, Залежаеву и—какъ ихъ тамъ зовутъ. Ну, они обстановку тебѣ въ долгъ и сдѣлаютъ, да сдерутъ за то съ тебя 24—36% годовыхъ, тутъ, братъ, далеко не ускачешь, да все лѣто на него и проработаешь, хорошо еще если изъ долгу выльзешь за операцію-то.

— Ну, что за бѣда, если и не выльзешь, за то онъ тебѣ тогда поневолѣ обстановку на другой то годъ самъ сдѣлаетъ, отвѣчалъ Уснецовъ. Ну, вотъ ты и обезпеченъ на будущее время и хотя съ недоим-

кой да живешь и сытъ будешь, знай работай только; вѣдь и тебѣ хорошо и ему ладно; а что ты какъ будто батракомъ его сталъ,—не велика бѣда. На частную службу поступишь, тоже батракомъ сдѣлаешься, съ той только разницей, что тебя можетъ каждую минуту прогнать хозяинъ, а здѣсь ты самъ себѣ хозяинъ, да тебя и расчитать и прогнать нельзя, не выгодно, такъ какъ ты клиентъ-должникъ, который однако же своему патрону немалую пользу даетъ, а это заставляетъ его беречь тебя и обставлять твое дѣло, такъ какъ ты вдругъ случайно можешь найти порядочное золото и вернешь ему свой долгъ со всѣми нарощими процентами.

— Позвольте однако узнать, говорятъ тутъ нынѣ промывка на деревянной бочкѣ въ большомъ ходу,—спросилъ я Уснецова.

— Да вотъ я, по здѣшнимъ слухамъ, чуть ли не самый главный промышленникъ и представитель здѣсь этого новаго способа работъ, засмѣялся онъ. На меня всѣ чуть не пальцемъ показываютъ, какъ на главнаго будто бы обновителя этого давнишняго однако способа. Да я и не это еще, по словамъ досужихъ людей, дѣлаю, я даже и большія дороги мою и не вѣсть еще что творю!

— И не обидно вамъ это почетное реномѣ и не страшно развѣ вамъ этакимъ дѣломъ заниматься,—возразилъ я?

— Да я развѣ занимаюсь, вы слышали это отъ меня или отъ кого нибудь изъ официальныхъ лицъ,—отвѣчалъ спокойно Уснецовъ.

— Однако же, я едва вѣхалъ въ тайгу, а о васъ уже слышалъ,—шутливо проговорилъ я.

— На чужой, сударь, ротокъ не накинешь платокъ,—отвѣчалъ Уснецовъ.—Впрочемъ, я ничего не вижу худого въ томъ, за что меня осуждаютъ. Золото во всемъ бѣломъ свѣтѣ товаръ; это у насъ, по какому-то странному недоразумѣнію, изъ золота сдѣлали что-то особенное, священное, запретное. Ну, чѣмъ оно хуже желѣза, мѣди, олова и другихъ металловъ. Право не знаю. Я считаю его только драгоценнымъ товаромъ, а если это такъ, то почему и не покупать товаръ тамъ, гдѣ его достать можно выгодно и съ пользою для себя. Вы платите за золото золотничнику три рубля, а рабочему нашедшему золотицу или старателю 2 р. 50 к. за золотникъ, я же нахожу для себя выгоднымъ платить 3 р. 50 к. и плачу его продавцу всѣмъ тѣмъ, чѣмъ ему угодно получить, деньгами или товаромъ; вѣдь и водка тоже товаръ. Вы говорите, что я мою на деревянной бочкѣ. Вамъ нисколько никто не мѣшаетъ дѣлать то же, что и я дѣлаю, тогда мы не станемъ другъ на друга жаловаться, потому что ни мнѣ у васъ, ни вамъ у меня золота не покупать и всякое его воровство прекратится само собою, такъ какъ и рабочему и золотничнику некуда его будетъ сбывать, и постоянная цѣна золота опредѣлится въ тайгѣ сама собою, а потому и всякое хищничество его исчезнетъ.

— Ну, эти ваши теории пока мало кѣмъ раздѣляются, а правительство наше смотреть на это дѣло совсѣмъ иначе и подобную промывку, какъ на деревянной бочкѣ, и совсѣмъ отрипаетъ, считая ее хищничествомъ, — возразилъ.

— Очень жаль, что у насъ такія устарѣлыя теории до сихъ поръ держатся, однако повсюду и во всѣхъ тайгахъ этотъ несанкціонированный способъ добычи золота практикуется въ большомъ размѣрѣ и, повѣрьте, настанетъ время, что мы, люди, носители этихъ новыхъ теорій, окажемся правы. Кому тутъ какая бѣда? Если Лабандинъ и Залежаевъ платятъ изъ жадности рабочимъ за подъемное золото 2 и 3 р. и золотничника своего морятъ, давая ему 2 р. 50 к. и 3 р. за золотникъ, ставя ему при томъ въ цѣну забираемые имъ у нихъ запасы по высокимъ цѣнамъ, а я даю имъ, если и не надлежащую еще, но все же значительно лучшую и выгодную для нихъ плату за то же золото и отпускаю за него нужные имъ товары и припасы по болѣе божеской цѣнѣ, но кто жъ въ томъ виноватъ, какъ не они сами и ихъ ненасытная жадность и кулачество. Ну вотъ они и казнятся за это, не досчитываясь, быть можетъ, двухъ-трехъ пудовъ золота въ лѣто.

— Гдѣ же у васъ происходитъ разработка золота? — спросилъ я Уснецова.

— Да вотъ мою два принадлежащихъ нѣкогда вашей компаніи прииска — Крохотный, да Могильный.

— И давно уже ихъ работаете? — переспросилъ я.

— Да ужъ не одно лѣто.

— Первый изъ нихъ небольшой клочекъ, его и на лѣто-то порядочной командѣ едва достанетъ, а послѣдній расположенъ на угорѣ, гдѣ было Голубовское кладбище.

— Неужели и тамъ есть золото? — переспросилъ я.

— Видно есть, коли работаю, кости Голубовскихъ покойничковъ перемываю, вѣдь золотыя онѣ; подумайте, въ какое богатое время ихъ владѣльцы работали, когда золото чуть не въ двадцать золотниковъ пло, — смѣясь, отвѣчалъ Уснецовъ. — Крохотный же хоть и малъ приискъ, да пласть тамъ великъ, его еще долго разрабатывать можно. Впрочемъ и кромѣ этихъ у меня есть еще въ разныхъ мѣстахъ другія разработки. Однако, Аверкій Кузьмичъ, прошу прощенія, надо домой торопиться на Еруду, а то запоздаю.

— Развѣ вы и тамъ работаете? — спросилъ я.

— Да тамъ у меня, на рѣченкѣ на одной, впадающей въ Еруду, работишка идетъ, да кстати и на покосъ надо взглянуть.

Сказавъ это, онъ поднялся со стула, бросивъ окурокъ сигары въ окно. Мы съ нимъ распрощались, и хозяинъ вышелъ провожать гостя

на крыльцо и порядочно-таки съ нимъ заговорился, пока ему подавали лошадей.

Проводивши гостя, хозяинъ вернулся ко мнѣ и сказалъ съ легонькой усмѣшкой:

— Видѣли, вотъ онъ нашъ великій Уснецовъ, первый арендатель и глава всѣхъ золотничниковъ и усовершенствователь новаго способа промывки на деревянной бочкѣ. Теперь, ѣдучи къ себѣ на Еруду, онъ и вашего Жмудина повидаетъ, и на Емельяновскомъ побываетъ. У него вѣдь тутъ всюду знакомые и друзья или клиенты и захребетники. Да, ловокъ, ловокъ человекъ, изъ молодыхъ, да ранній, а вѣдь что жъ — всѣ золотничники и мелкіе арендатели его любятъ, да и власти наши тоже его обожаютъ, для нихъ онъ самый пріятный человекъ, готовый на одолженіе всякаго рода. Всѣмъ онъ старается сдѣлать пріятное и угодное, вотъ только крупнымъ хозяевамъ стоитъ онъ поперекъ горла, да ничего не подѣлаешь. Такая пройда, доложу я вамъ, что всякаго за поясъ заткнетъ. Ну, вотъ капиталы и наживаетъ. Что жъ вѣдь съ нимъ подѣлаешь, да и чѣмъ онъ хуже другихъ? По моему понятію, онъ куда симпатичнѣе енисейскихъ обстановщиковъ: тѣ нарываютъ три, а то и семь шкуръ содрать съ человекъ, а этотъ, напротивъ, еще помогаетъ маленькимъ людямъ встать на ноги, хотя тоже пальца въ ротъ ему не клади, откусить. Да все же куда ихъ добрѣе, да покладистѣе.

— Измѣнились у васъ порядки въ тайгѣ, совсѣмъ на прежнее не похоже стало, — сказалъ я.

— И вправду, совсѣмъ теперь противъ прежняго стало иначе, — отвѣчалъ Красноярскъ, — и рабочіе, и служащіе держатъ себя по другому, гораздо самостоятельнѣе, да и обхожденіе теперь съ ними стало другое, самое содержаніе ихъ куда противъ прежняго улучшилось. Теперь все стараются дѣйствовать ласкою, да и уговоромъ, по хорошему. О прежнихъ-то Дикаревскихъ или иныхъ тамъ замашкахъ и думать нечего. Ну да вѣдь нынѣ и компаніи-то не прежнія, да и люди не тѣ. Прежнихъ-то важныхъ и богатыхъ компаніоновъ не стало, вотъ еще Базилевскій одинъ изъ старыхъ остался, да и этотъ не прежній Базилевскій, а новаго поколѣнія человекъ, а другіе-то совсѣмъ «новые люди», какъ говорится. Есть еще, правда, Лабандинъ изъ старозавѣтныхъ, ну да тотъ и въ старые-то годы былъ не болѣе, какъ лавочникъ и никакимъ авторитетомъ и значеніемъ здѣсь не пользовался, такимъ и нынѣ остался. Все нынѣ измельчало, всѣ нынѣшніе хозяева вышли изъ ничто, какъ говорится, изъ подпасковъ, можно сказать. Въ полнѣйшій упадокъ пришла наша здѣшняя тайга, того и гляди, другія второстепенныя тайги ее перещеголяютъ. Вотъ бывшій-то вашъ на Михайловскомъ матеріальный, Иванъ-то Митричъ, что уполномочен-

нымъ сталъ у Мазилковского, руду-то что безъ толку толчетъ да моетъ, первое теперь у насъ лицо въ тайгѣ сталъ и роль большую играетъ, а вѣдь чего, самый что ни на есть ледащій человекъ былъ. Да, шибко, шибко времена измѣнились. Ходишь это по здѣшнимъ-то старымъ работамъ, да такъ тебѣ невольнo и вспоминается великое-то прошлое тайги нашей. Такъ тѣни-то великихъ нашихъ таежниковъ и встаютъ передъ тобой невольнo, и такимъ-то ты передъ ними и ихъ работами кажешься махонькимъ, да жалковькимъ. Такъ вотъ и вспоминаешь стихи Лермонтова:

Да, были люди въ наше время,
Не то что нынѣшнее племя,
Богатыри, не вы...

сказалъ, вздохнувши, Красноярь.

— Знаете что, Аверкій Кузьмичъ, а быть можетъ тайга-то ваша еще пропѣтеть; какъ знать, вѣдь ее мало еще изслѣдовали, и вотъ какъ старыя-то мѣста всѣ окончательно выработаютъ, поневолѣ за новыя придется приниматься.

— Ну ужъ это ахъ оставьте, некому теперь этимъ заниматься. Не Уснецовъ ли, скажете, объ этомъ думаетъ. Нѣтъ, нынѣ люди-то не любятъ поисковъ, а Уснецовымъ-то и некогда и не для чего. Имъ при промывкѣ на деревянной бочкѣ нынѣшнее время куда милѣе и пріятнѣе, да и привольнѣе, — продолжалъ витійствовать хозяинъ.

— Однако же я у васъ засидѣлся, вѣдь этакъ и къ Жмудину за свѣтло не попадешь, — сказалъ я.

— Да вѣдь до него и получаса не проѣдете, — отвѣчалъ Красноярь.

— Однако пора, велите лошадей моихъ подать, — продолжалъ я.

Хозяинъ распорядился насчетъ моихъ лошадей, которыя вскорѣ и явились у крылечка его домика, на которомъ я, совсѣмъ одѣтый, дожидался моего экипажа, сопровождаемаго добрымъ Аверкиемъ Кузьмичемъ.

— Ну, дай Богъ всего хорошаго, смотрите, поосторожнѣе на мосту черезъ старую выработку, плоховать онъ у насъ, хотя и на большой дорогѣ.

— Что же плохо дороги-то содержите, въ старые годы какія онѣ были отличныя, — сказалъ я.

— То въ старые годы, нынѣ съ нашимъ братомъ-золотопромышленникомъ, что на деревянной бочкѣ золото моетъ, не раскошались, памъ вѣдь не до дорогъ, для насъ и верховой тропы достаточно, — смѣясь, отвѣчалъ мнѣ въ догонку Красноярь, когда я, тронувъ возжами, покатылъ отъ крыльца его домика вверхъ по теченію нынѣ совсѣмъ пустынной, полузаброшенной рѣчки, гремѣвшей въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ своимъ богатствомъ.

Приискъ купили.

— Ну и поди-жь ты, какое дикое счастье людямъ! Эко золотище открыли на этой пустопорожней Кинбиркѣ! Лежала, лежала въ пустѣ рѣчка, никто о ней и не думалъ, а тутъ, на-поди, какое богатое открытіе вдругъ сдѣлали!

Такъ говорилъ пожилой, съ просѣдью въ волосахъ, круглолицый, купеческой складки господинъ, по фамиліи Свекольниковъ, сидя въ номерѣ меблированныхъ комнатъ Тарабарова въ г. К., у недавно пріѣхавшаго изъ далекаго Кунгура знакомаго своего купца Котомкина.

Котомкинъ, заработавъ изрядный капиталецъ на торговлѣ, прославившимися на всю Сибирь кунгурскими сапогами, пріѣхалъ въ К. попытать счастья на новомъ поприщѣ, заняться золотопромышленностью въ Е—мъ краѣ.

— Кто-же эти счастливыя, что на Кинбиркѣ открыли золото? — спросилъ онъ своего собесѣдника, распивавшаго съ нимъ въ номерѣ чай, который они прихлебывали съ блюдечекъ, держа таковыя по купечески, на всей своей пятернѣ.

— Да вотъ поди-жь ты, нечаянно-негаданно далось людямъ неожиданное счастье! Добро-бы они настоящіе приискатели были, а то совсѣмъ въ этомъ дѣлѣ народъ несмыслящій. Одинъ изъ нихъ здѣшній чиновникъ Скуратинъ, а другой проторговавшійся купецъ Шумилинъ. Составили они между собою К^о да и послали на послѣднія свои гроши поисковую партію на Кинбирку. Пришла ихъ партія на рѣчку Бездонную, что въ Кинбурку впала, и давай бить шурфы. Что ни выбьютъ шурфъ, все съ золотомъ, да еще съ какимъ, въ золотникъ да въ два содержаніемъ, словомъ богатство, одна бѣда работы людямъ по-поставить нечѣмъ, денегъ нѣтъ ни у того, ни у другого компаніона.

— Да ты-то самъ видѣлъ золото что-ли, которое они нашли, — спросилъ Котомкинъ Свекольникова.

Свекольниковъ, опорожнивъ свое блюдечко, бережно его поставилъ на столъ, опрокинувъ на него допитый стаканъ, а недогрызенный имъ кусокъ сахара, такъ какъ чай пили въ прикуску, положилъ на опрокинутое доннышко стакана и обтеръ свое потное, круглое лицо, пестрымъ, бумажнымъ носовымъ платкомъ.

— На-перво, благодарю покорно за чай съ сахаромъ, а что до того, видалъ ли я золото, то скажу тебѣ по правдѣ, что не только видѣлъ, а въ своихъ рукахъ держалъ! И золото какое крупное, что твой горохъ! Шумилину я бы не повѣрилъ, что онъ тамъ пронаходку свою рассказываетъ, да я его промывальщика пыталъ, что съ нимъ на развѣдкѣ былъ, а промывальщикъ этотъ мой бывший работникъ, долго служившій у меня плотникомъ, и тотъ завѣряетъ, что золото нашли доброе.

— А ты приведи его ко мнѣ сегодня вечеромъ, сказалъ Котомкинъ, — я его поразспрошу хорошенько. Что-жь, если и вправду нашли хорошее золото, а у людей денегъ нѣтъ чѣмъ подняться да дѣло завести, быть можетъ прійскъ-то они и продадутъ. Ты бы понавѣдался у нихъ. А коли продадутъ, такъ ты меня сведи съ нимъ. Самъ знаешь, въ убыткѣ отъ того не останешься. Отблагодарю тебя по совѣсти.

Свекольниковъ улыбнулся во всю ширь своего круглага лица, привсталъ и низенько поклонился Котомкину.

— Покорно благодарю Степанъ Трофимовичъ за доброе слово. Знаю, очень хорошо знаю, что не обидишь, и радъ тебѣ усердно служить. Одно бѣда, чиновникъ Скурятинъ тоже себѣ на умѣ, одно слово выжигаетъ, врядъ-ли разстанется съ прійскомъ. Конечно, первоначальная развѣдка ничего еще положительнаго не выясняетъ, но все-таки даетъ надежду, что прійскъ будетъ добропорядочный. Опять же и къ деревнямъ близко, всего 30 верстъ, значить и хлѣбъ будетъ дешевый, а сѣно, почитай, задаромъ, работы не будутъ стоить дорого. Сказываютъ, торфа мелкіе, пески разрушистые, слѣдовательно и работы легкія. Поэтому наврядъ ли они уступятъ кому свое открытіе. Впрочемъ попытаюсь: попытка вѣдь не пытка, а промывальщика Илью сегодня же разыщу и приведу.

— Хлопочи, другъ, хлопочи хорошенько, весело говорилъ своему пріятелю Котомкинъ. — Вотъ какъ мы съ тобой это дѣло сварганимъ и въ золотопромышленники выйдемъ; не все сапогами да кожей торговать.

Вечеромъ того же дня, въ номерѣ, — занимаемомъ Котомкинымъ, сидѣли за чайнымъ столомъ самъ хозяинъ и его пріятель Свекольниковъ, а у притолоки двери стоялъ промывальщикъ Илья Ульяновъ. Послѣдній благообразный мужчина, лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ чистымъ русскимъ лицомъ, обрамленнымъ густою, свѣлорусою бородою, стара-

тельно расчесанный, съ большими умными, добрыми, голубыми глазами.

— Итакъ, — обратился къ нему Котомкинъ, по твоему прійскъ, что вы на Бездонной шурфовали, будетъ вполне благонадежнымъ?

— Уповаю, ваше почтеніе, что прійскъ этотъ стоящій. Да чего лучше, вотъ извольте взглянуть на пробочки золота, которыя я самъ для себя намыль изъ выкидовъ.

И съ этими словами Илья вынулъ изъ за-пазухи конвертикъ и положилъ его на столъ передъ Котомкинымъ. Послѣдній, взявъ конвертъ, открылъ его и вынулъ три бумажныхъ капсульки съ пробами. Развернувъ капсульки и рассматривая заключавшееся въ нихъ золото, онъ только ахалъ отъ удивленія, видя какія богатыя пробы получились при развѣдкѣ росыши на Бездонной рѣчкѣ.

— Жуки, совсѣмъ жуки, говоритъ Котомкинъ. Да неужто все это золото ты намыль изъ трехъ пробъ?

— А то откуда же, — отвѣтилъ съ важностью Илья. — Самъ пески добывалъ изъ шурфовъ, самъ мылъ, самъ сушилъ, да и своему хозяину о нихъ промолчалъ. Они и сами не знаютъ какое у нихъ тамъ богатство.

Котомкинъ вопросительно поглядѣлъ на Свекольника и, обратясь къ Илю, сказалъ ему.

— Да ты сядь, что стоишь на дыбахъ — чай усталъ.

— Много благодарны, ваше почтеніе, за вашу ласку, не усталъ, постою — ноги не отвалятся.

— Послушай, Илья, — заговорилъ Котомкинъ, — ты мнѣ, можетъ быть, понадобится. Я хочу взглянуть на ваше открытіе; ты меня свезешь туда, а пробочки твои оставь у меня до послѣзавтра и самъ за ними зайди, я еще хочу кой о чемъ переговорить съ тобою.

— Несвободно вѣхатъ мнѣ тепереча, работы набралъ, ваше почтеніе, а помощниковъ-то у меня нѣтъ.

— Ну что пустое мелешь, — вмѣшался Свекольниковъ. — Степанъ Трофимовичъ тебя хорошо облагодаришь за твое безпокойство, недаромъ вѣдь съѣздишь.

— Не такъ ли говорю? — обратился онъ къ Котомкину.

— Конечно, конечно, — заговорилъ послѣдній, — если Илья съѣздитъ со мной на Бездонную, я ему сотни рублей не пожалѣю.

— Ну, вотъ видишь ли, — сказалъ Свекольниковъ, — за двѣ недѣли заработаешь столько, что тебѣ и за два мѣсяца не получить.

Илья поглаживалъ бороду и видимо ломался, заставляя себя упрашивать, но въ концѣ-концовъ согласился сопровождать Котомкина на Кинбирку. По уходѣ его, Котомкинъ сталъ упрашивать Свекольника завтра же познакомить его съ владѣльцами прійска на Без-

донной и убѣдилъ его съѣздить къ нимъ еще сегодняшнимъ вечеромъ, разузнать о желаніи ихъ продать ему прискъ.

На другой день утромъ Свекольниковъ явился къ Котомкину съ извѣстіемъ, что онъ видался съ Шумилинымъ и передалъ ему желаніе его купить ихъ прискъ. Сначала Шумилинъ и слышать не хотѣлъ о продажѣ, но онъ убѣдилъ его такими неопровержимыми доводами, что тотъ согласился съ нимъ, и что если Степанъ Трофимовичъ желаетъ съ нимъ лично переговорить объ этомъ дѣлѣ, то онъ ждетъ его къ себѣ около полудня.

Котомкинъ горячо благодарилъ своего пріятеля и обѣщалъ ему дать небольшое участіе въ прискъ, если покупка его состоится.

— Объ одномъ прошу тебя, — говорилъ Котомкинъ пріятелю, — помалчивай, пока это дѣло мы съ тобой не оборудовали. А то какъ пронохаютъ другіе, еще пожалуй и помѣшаютъ. Дорогу перебьютъ.

— Ужь это само собою, понимаемъ хорошо, не махонькіе, — отвѣчалъ Свекольниковъ. — Такъ вы пріѣдете, вотъ вамъ и адресъ Шумилина, я же теперь поѣду къ Скурятину и буду его просить пріѣхать къ Шумилину. Вотъ вы съ ними познакомитесь съ обоими и бывать въ добрый часъ и окончите дѣльцо еще сегодня.

— Твоими бы устами медъ пить, — проговорилъ Котомкинъ. — Боюсь, какъ бы не заартачились, да не заломили бы цѣну!

— А вы не поддавайтесь; я ихъ, впрочемъ, хорошо настроилъ, — ухмыляясь, — проговорилъ Свекольниковъ, прощаясь съ Котомкинымъ, чтобъ ѣхать къ Скурятину.

На другой день состоялось въ назначенное время свиданіе между Котомкинымъ и Шумилинымъ.

— Очень радъ познакомиться съ вами, Семень Трофимовичъ, — говорилъ Шумилинъ, встрѣчая гостя въ залѣ своей квартиры. — Прошу пожаловать ко мнѣ въ кабинетъ, тамъ вы познакомитесь съ моимъ компаніономъ, Сергіемъ Николаевичемъ Скурятинымъ, которому я вчера же сообщилъ ваше желаніе насчетъ покупки нашего приска.

Войдя въ кабинетъ, Котомкинъ познакомился съ Скурятинымъ, господиномъ 35 лѣтъ, чистокровнымъ брюнетомъ, одѣтымъ франтовато и съ золотымъ пенснэ на носу. Скурятинъ занималъ въ городѣ довольно видное мѣсто, считался весьма образованнымъ человѣкомъ, окончилъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ столичныхъ заведеній и слылъ острякомъ и остроумцемъ. Съ губернскими властями онъ жилъ въ ладу и былъ даже на хорошей ногѣ съ губернаторомъ и его семействомъ.

Усадивъ гостя на диванъ и перекинувшись съ нимъ нѣсколькими фразами насчетъ погоды и дороги, всѣ трое тотчасъ приступили къ занимавшему ихъ вопросу. Котомкинъ сразу заявилъ желаніе купить

прискъ, а если бы они не пожелали его продать, то взять его у нихъ въ аренду.

— Знаете, — отвѣчалъ Скурятинъ, — вѣдь и сами то мы его еще хорошенько не знаемъ. Первоначальная развѣдка показала присутствіе въ немъ богатаго золота. Думаю, что это не миражъ и не фантазія. Иванъ Петровичъ Шумилинъ самъ былъ на развѣдкѣ; онъ человѣкъ опытный и свѣдущій въ этомъ дѣлѣ и лучше моего расскажетъ вамъ о прискъ. Покажите, Иванъ Петровичъ, господину Котомкину пробы золота, которыя вы получили при развѣдкѣ, и вашъ шурфовочный журналъ. Вотъ вы сами увидите, какая у насъ тамъ оказалась благонадежная розсыпь и съ какимъ замѣчательнымъ содержаніемъ золота, но при этомъ заранѣе заявляю вамъ, что въ аренду приска отдавать не желаемъ, а если угодно, то не прочь его продать, конечно, если вы намъ заплатите за него хорошую сумму. Для васъ это и выгоднѣе, вы сразу становитесь полноправнымъ хозяиномъ всего дѣла, безъ всякихъ постороннихъ вмѣшательствъ въ ваши распоряженія.

Шумилинъ, открывъ ящикъ письменнаго стола, досталъ оттуда пакетъ съ пробами золота и увѣсистую тетрадь шурфовочнаго журнала и планъ приска.

Развернувъ тетрадь и доставъ изъ пакета пробы золота, Шумилинъ показалъ Котомкину на планѣ мѣста, гдѣ были выбиты шурфы, какой былъ въ нихъ найденъ торфъ, золото содержащій пластъ, и при этомъ какое было получено золото.

Котомкинъ съ любопытствомъ слушалъ его рассказъ и еще съ большею жадностью осматривалъ богатые пробы золота, мысленно сравнивая ихъ съ тѣми, какіе получилъ отъ Ильи. Глаза его разгорѣлись, и онъ рѣшилъ въ умѣ непременно купить Бездоненскій прискъ, почему и обратился къ Скурятину съ вопросомъ, за какую сумму пожелалъ бы онъ его продать.

На это Скурятинъ прямо ему не отвѣтилъ.

— Видите ли, Семень Трофимовичъ, мы продаемъ чистенькое дѣльце. Вы, конечно, человѣкъ новый, и вамъ покажется, быть можетъ, страннымъ, если мы запросимъ съ васъ за него пятьдесятъ тысячъ рублей серебромъ.

Котомкина эта цифра точно ошпарила, онъ чуть не привскочилъ съ своего мѣста.

— Помилуйте, да это невѣроятная цифра, а вдругъ золото окажется гнѣздовое; вѣдь не весь же вы прискъ развѣдали? — отвѣчалъ онъ.

— Гнѣздовымъ оно врядъ ли окажется; вы сами видите по плану, что присутствіе золота оказалось послѣдовательно во всѣхъ 10-ти ли-

ніяхъ, на протяженіи чуть не полной версты, гнѣзда же бываютъ разбросаны спорадически, — возразилъ ему Шумилинъ.

— Все это такъ, — отвѣтилъ Котомкинъ, — и я вамъ вѣрю на-слово, но все-таки цѣна очень и очень большая, да и хотѣлось бы мнѣ и самому въ томъ убѣдиться, лично осмотрѣть мѣстность вашего пріиска и даже выбить нѣсколько повѣрочныхъ шурфовъ.

— Ахъ, вотъ и прекрасно, — сказалъ Скурятинъ. — Это самое лучшее, чтò вы можете сдѣлать. Рекомендую вамъ взять съ собой Ивана Петровича, онъ не откажется, я думаю, съ вами сѣздить. Не такъ-ли я говорю, — обратился онъ къ Шумилину!

Шумилинъ ничего не возразилъ, но, подумавъ, замѣтилъ, что Семену Трофимовичу лучше взять кого-либо другого, хотъ бы его пріятеля Свекольниковъ, нежели его, сторону, заинтересованную въ продажѣ пріиска.

— Я очень былъ бы доволенъ, если бы сопровождалъ меня на Кинбирку Иванъ Петровичъ, — промолвилъ Котомкинъ, — но не смѣю его беспокоить. Конечно, Свекольниковъ будетъ для меня не бесполезенъ, такъ какъ я предполагаю пробить нѣсколько повѣрочныхъ шурфовъ, если мнѣ владѣльцы пріиска это позволяютъ.

— Пожалуйста, хотъ съ десятокъ, мы очень рады будемъ, если вы убѣдитесь сами лично въ достоинствахъ пріиска, — отвѣчалъ ему Скурятинъ — Вотъ, какъ вы вернетесь съ Кинбирки, тогда мы и о цѣнѣ потолкуемъ.

Поговоривъ еще нѣкоторое время кое-о чемъ, на томъ и порѣшили, что владѣльцы пріиска дадутъ Котомкину письменное разрѣшеніе выбить до десяти шурфовъ на ихъ пріискѣ, причемъ Котомкинъ заявилъ, что онъ дня черезъ три соберется и отправится на Кинбирку для провѣрки ихъ развѣдки.

Пріѣхавъ домой Котомкинъ нашелъ у себя Свекольниковъ. Рассказавъ ему свой разговоръ съ Скурятинимъ и Шумилинымъ, онъ просилъ его помочь ему соорудить небольшую развѣдочную партію, человекъ изъ 6—7, купить все, что нужно, нанять лодку до села П., откуда идетъ верховая дорога на рѣчки Кинбирку и Бездонную и сдѣлать это какъ можно скорѣе, чтобъ дня черезъ три двинуться въ путь. Свекольниковъ обѣщалъ все это исполнить, и Котомкинъ, снабдивъ его нужными денежными суммами, тотчасъ-же послалъ за Ильей, чтобъ онъ пришелъ къ нему какъ можно скорѣе. Ильи однако-же не застали дома, но домашніе его обѣщались послать его къ Котомкину тотчасъ-же, какъ вернется домой.

Въ то время, какъ Котомкинъ посылалъ за Ильей, послѣдній находился у Шумилина, который, по уходѣ отъ него Котомкина, тотчасъ за нимъ послалъ свои дрожки.

Илья стоялъ въ кабинетѣ у Шумилина, который велъ съ нимъ такого рода бесѣду.

— Послушай, Илья, что я тебѣ скажу, сослужи ты мнѣ службу, и если ее исполнишь какъ слѣдуетъ, то хорошо поблагодарю тебя и не пожалѣю дать тебѣ триста рублей, да не только я, но и Сергій Николаевичъ тебя не оставитъ, и столько-же тебѣ отвалитъ. Только сдѣлай то, о чемъ тебя буду просить.

Илья низко поклонился и разсыпался въ благодарностяхъ, обѣщая услужить своимъ бывшимъ добрымъ хозяевамъ и сдѣлать все, что прикажутъ.

— Вотъ видишь-ли, Илья, — продолжалъ Шумилинъ. — Покупатель у насъ на Бездонную нашелся, но хотеть самъ убѣдиться въ томъ, что тамъ хорошее золото, и навѣрное будетъ нанимать рабочихъ для шурфовки. Вотъ ты и наймись къ нему въ промывальщички, и поѣзжай съ нимъ на развѣдку и представь ему нашъ пріискъ въ лучшемъ видѣ, такимъ, чтобъ покупка состоялась. Если тебѣ надо для этого вотъ это, онъ при этомъ показалъ ему пакетъ съ пробами, такъ возьми съ собой и устрой все, какъ можно лучше. Только одно тебѣ скажу: будь остороженъ съ г. Котомкинымъ, который у насъ хотеть купить пріискъ; съ нимъ поѣдетъ Свекольниковъ, а онъ, братъ, человекъ опытный и съ нимъ надо ухо остро держать.

Илья, поглаживая свою русую бороду, обѣщалъ сдѣлать все какъ возможно лучше и еще сегодня-же пообѣщавъ наняться къ Котомкину, а что до обѣщаннаго вознагражденія, то онъ за это премного благодаренъ, только по домашности своей ему необходимо имѣть сегодня-же хотя-бы сотни двѣ рублей денегъ.

Шумилинъ предложилъ ему удовлетвориться половиной, но Илья стоялъ на своемъ, и Шумилину какъ-никакъ, а пришлось раскошелиться и выдать просимую Ильей сумму. Получивъ деньги, Илья, еще разъ разсыпавшись въ обѣщаніяхъ служить старымъ своимъ хозяевамъ вѣрой и правдой, поспѣшилъ домой, гдѣ ему сказали, что за нимъ посылаютъ Котомкинъ и требуетъ его къ себѣ. Илья не заставилъ ждать себя и, спрятавъ полученные имъ деньги въ извѣстное ему одному укромное мѣсто, отправился въ номера Тарабарова къ ожидавшему его нетерпѣливо Котомкину.

Илья засталъ Котомкина, ходившаго по комнатѣ тихими шагами и что-то обсуждаващаго въ умѣ.

— Здравствуйте, ваше степенство Семень Трофимовичъ, — проговорилъ Илья, низко кланяясь Котомкину. — Посылаютъ за мной изволили!

— Какъ-же, какъ-же, посылаютъ; спасибо, что скоро пришелъ. Я вотъ собираюсь ѣхать на Бездонную, шурфовать ее хочу, такъ ужъ ты

поступай ко мнѣ на службу, какъ общалъ, — проговорилъ Котомкинъ, подойдя къ Ильѣ. — Не пожалѣю сотняжки, только съѣзди со мной, вѣдь поди болѣе двухъ недѣль не пробьдемъ.

— Шурфовать-то Бездонну легко, — отвѣчалъ Ильѣ, — только много ли шурфовъ пробить желаете; за 2 недѣли на 8 человекъ рабочихъ, восемь шурфовъ можно выбить, если работники попадутъ хорошіе.

— Ну, вотъ и прекрасно, больше и не надобно, въ каждой вашей линіи по одному шурфу, значить, выбьемъ, а ты мнѣ помогай хорошихъ работниковъ подыскать, у меня ты будешь и промывальщикомъ и нарядчикомъ.

— Такъ мы съ вами значить одни поѣдемъ? Г-на Свекольникову съ собой не берете? — спросилъ Ильѣ.

— Конечно, одни, зачѣмъ мнѣ лишняго человекъ брать, да г. Свекольникову и некогда, у него вѣдь свое дѣло, своя забота. Такъ ты, Ильѣ, готовься, подыскивай людей, г. Свекольниковъ найметъ лодку до села П... закупить все, что нужно, и мы поплывемъ дня черезъ два-три.

— Конечно, ваше степенство, управимся, у меня есть хорошіе ребята на примѣтѣ, — говорилъ Ильѣ, — если денегъ не пожалѣете! Теперь вѣдь рабочая пора, и коли по четвертной на брата отвалите, такихъ молодцовъ наберу, что не только восемь, а весь десятокъ шурфовъ за двѣ недѣли прикончатъ.

— Вотъ и отлично, набирай, я денегъ не пожалѣю, и тебѣ, буде золото у насъ и въ самомъ дѣлѣ окажется хорошее, еще съ полсотни рублей въ награду пожалую.

— Оченно вамъ благодарны, — говорилъ ухмыляясь Ильѣ Котомкину, — постараемся, чтобъ все было въ лучшемъ видѣ, не ошибемся. Вѣсочки-то золотовѣсные не забудьте купить, а то у меня и свои есть.

— Не беспокойся, будутъ и вѣсочки, было-бы только что вѣсить.

— Дастъ Богъ навѣсите, — отвѣчалъ степенно Ильѣ. — По истинѣ скажу вамъ, ваше степенство, хорошее тутъ дѣло сдѣлать можно, по видимости золотое дно — эта Бездонная. И какъ это компаніоны ее продать вамъ рѣшились? Удивительно! Скурятинъ, конечно, въ этомъ дѣлѣ новый человекъ, мало чего смыслить, ну а Шумилинъ видно совсѣмъ запутался, нужда знать приспичила. Такъ, значить, я сегодня-же начну хлопотать о наймѣ рабочихъ; тоже вѣдь на задатки деньжонки понадобятся, отъ васъ ихъ прикажете получить?

— Нѣтъ, ты за всѣмъ этимъ обращайся къ Свекольникову, я ему все устройство партіи поручилъ, онъ тутъ всѣмъ у меня распоряжается.

Затѣмъ Ильѣ откланивается и, уходя, спросилъ своего новаго хозяина насчетъ оставленныхъ у него принесенныхъ имъ пробъ золота.

— Пробочки мои вамъ теперь не понадобятся, такъ дозволейте ихъ получить.

— Пробочки твои пока останутся у меня, — отвѣчалъ Котомкинъ. — Буду слыхать съ тѣми, что изъ новыхъ нашихъ шурфовъ намоемъ.

— Ну, какъ прикажете, пусть ихъ у васъ остаются, — сказалъ низко кланяясь Ильѣ. — Счастливо затѣмъ оставаться, ваше степенство.

Не будемъ описывать дальнѣйшія событія; скажемъ вкратцѣ, что черезъ три дня партія развѣдочныхъ была усилями Свекольникову и Ильѣ сформирована, необходимые запасы и вещи закуплены и уложены на нанятую для плаванія до села П. лодку, на которой Котомкинъ, Ильѣ и рабочіе отправились въ путь. Прибывъ въ с. П., были наняты у крестьянъ лошади и черезъ день всѣ были на мѣстѣ и приступили къ развѣдкѣ на Бездонной. Выбито было 8 шурфовъ, Котомкинъ самъ накладывалъ изъ несковъ пробы, самъ даже таскалъ ихъ на вашгердь, на которомъ промывалъ ихъ Ильѣ, и почти во всѣхъ шурфахъ золото оказалось довольно порядочное, мѣстами лучше, мѣстами хуже, чѣмъ при первоначальной развѣдкѣ. Котомкинъ былъ вполне доволенъ и прискомъ и Ильѣй и послѣ десяти-дневнаго пребыванія на Бездонной, рассчитавъ рабочихъ въ селѣ П., отправился съ Ильѣю обратно сухопутьемъ и недѣли черезъ двѣ вернулся опять въ К., гдѣ выдалъ Ильѣ обѣщанное ему вознагражденіе. Свекольниковъ, встрѣтя своего пріятелиа поздравлялъ его съ успѣхомъ, а Котомкинъ, заказавъ Ильѣ помалчивать о результатахъ развѣдки, повелъ рѣшительные переговоры о покупкѣ прииска на Бездонной.

Долго торговались Котомкинъ съ Шумилинымъ о продажной цѣнѣ прииска, но въ концѣ концовъ первый прибавилъ къ даваемой имъ цѣнѣ, а послѣдній уступилъ, и въ результатѣ всѣхъ этихъ переговоровъ Котомкинъ приобрѣлъ отъ г-дъ Шумилина и Скурятина приискъ за 40,000 р. сер. Окончивъ всѣ официальныя по этому дѣлу формальности и уплативъ наличными деньгами, Котомкинъ сдѣлался полнымъ владѣльцемъ прииска на Бездонной. Восторгамъ его не было конца и онъ тотчасъ-же рѣшилъ поставить на будущее лѣто на немъ солидныя работы въ размѣрѣ не менѣе полтораэта человекъ рабочихъ и этой же осенью приступить къ приготовительнымъ на приискѣ работамъ. для чего поручилъ уже Свекольникову нанять 50 человекъ, а самого Свекольникову думалъ сдѣлать управляющимъ на приискѣ. Свекольниковъ вначалѣ почему-то отъ этихъ порученій отказывался, но въ концѣ концовъ хотя и согласился при-

нять завѣдываніе дѣлами, но лишь съ тѣмъ, что онъ самъ въ своемъ присутствіи выбьетъ на пріискѣ повѣрочные шурфы.

— Экой ты Ома невѣрный говорилъ ему Котомкинъ,—ну что еще ты будешь тамъ повѣрять? Вѣдь я самъ лично повѣрялъ, самъ пески для пробы изъ пласта вынималъ, самъ таскалъ, даже самъ пробовалъ ихъ промывать. Да вѣдь и Илья при мнѣ ихъ мылъ, чего еще тебѣ повѣрять надо.

— Нѣтъ, почтеннѣйшій Семень Трофимовичъ, коли я принимаю на себя завѣдываніе пріискомъ, такъ я значить и въ отвѣтъ. Я вамъ конечно вѣрю, но вы человекъ новый, неопытный въ этомъ дѣлѣ и могли ошибиться, а потому мнѣ нужно лично съѣздить на мѣсто, ознакомиться съ нимъ, да кстати и провѣрить и Шумилинскую и вашу развѣдку. Кто знаетъ, быть можетъ золота-то такого, какъ у васъ оказалось, и нѣтъ!

— Какъ нѣтъ?—вскричалъ Котомкинъ.—Да въ умѣ ли ты?—Что же я слышъ что-ли?—Вотъ оно, и онъ показалъ на капсули съ пробами.

Свекольниковъ какъ-то недовѣрчиво взглянулъ искоса на пробы и покачалъ головой.

— Всяко бываетъ, продолжалъ онъ, и пробы хорошия, а обмануться можно, вотъ какъ бы вы меня взяли съ собой, когда поѣхали на Бездонную, такъ я бы ничего не говорилъ, и смѣло бы сталъ готовиться къ приготовительнымъ работамъ, а теперь безъ повѣрки-то и страшновато за нихъ приниматься. Вѣдь я для вашей же пользы и страховато за нихъ приниматься. Вѣдь я для вашей же пользы хочу повѣрку сдѣлать, ваши же денежки побережъ собираюсь. Провѣрка-то будетъ стоить какую-нибудь тысячу рублей, а работы-то приготовительныя да постановка полтораста человекъ, тысячь въ 30 или 35 вскочить. Развѣ ихъ вамъ не жалко будетъ потерять. Затративши сорокъ слишкомъ тысячь, что жалѣть о тысячь, а дѣло-то будетъ вѣрнѣе; а безъ этого я не возьмусь за дѣла, ищите другого кого на мое мѣсто.

Котомкину пришлось согласиться съ доводами своего пріятеля; было порѣшено, что они оба вмѣстѣ отправятся на Бездонную и необходимый имъ для развѣдки народъ наймутъ въ селѣ П. Такъ они и необходимый имъ для развѣдки народъ наймутъ въ селѣ П. Такъ они и поступили, и пріѣхавъ въ село П., живо наняли рабочихъ, лошадей и уже нѣсколько дней спустя послѣ выѣзда изъ К. приступили къ новой провѣркѣ и Шумилинскихъ и Котомкинскихъ шурфовъ. Развѣдка шла очень энергично, но каждый выбитый шурфъ производилъ полное разочарованіе. Тамъ, гдѣ у Шумилина значилось въ шурфахъ золотниковое содержаніе и подтверждалось это шурфомъ Котомкина, тамъ по новой развѣдкѣ оказывалось бѣдное доленое содержаніе. Промывали выкидные пески изъ шурфовъ Котомкина и

Шумилина и тамъ теперь оказывалось самое убогое содержаніе. Котомкинъ приходилъ въ неопишуемое изумленіе и не зналъ что подумать.

— Да что же это такое, право,—говорилъ онъ въ отчаяніи.—Вѣдь совсѣмъ бѣда! Куда же золото-то дѣвалось! Самъ пробы бралъ, самъ пески носилъ, самъ мылъ, Илья при мнѣ мылъ, было богатое золото, а теперь, на-поди, ничего или очень мало! Господи, да что-же это такое—объяснить и понять не могу.

— Вотъ видите, Семень Трифоновичъ, не правъ ли я былъ, что новую повѣрку потребовалъ! Хороши были мы съ вами, если-бы работы здѣсь на полтораста человекъ поставили? Убили-бы бобра.

Недѣли двѣ продолжалась развѣдка площади на Бездонной; уже выбито было съ дюжину шурфовъ, но результаты оказывались еще печальнѣе, чѣмъ даже можно было предполагать. Нѣкоторые шурфы, пробитые возлѣ шурфовъ съ хорошимъ содержаніемъ золота по развѣдкѣ Шумилина оказывались совсѣмъ безъ всякаго признака золота. Котомкинъ рвалъ на себѣ волосы, а Свекольниковъ просто недоумѣвалъ и наконецъ сталъ подозрѣвать Илью въ обманъ своего пріятеля, а также падало подозрѣніе и на Шумилина, но доказать что либо прямо было нельзя. Золото въ площади было, но убогое, а мало ли могло что быть и Шумилинъ могъ увлечься и могъ быть обмануть въ свою очередь. Загадка вскорѣ однакоже нѣсколько разъяснилась. Въ рабочей командѣ былъ одинъ изъ бывшихъ на развѣдкѣ и съ Шумилинымъ и съ Ильей и онъ признался какъ-то Свекольникову, что дѣло съ Бездонной не чисто и что Илья въ пробы при промывкѣ ихъ на вашгердѣ подкидывалъ золото, а если подкинуть было почему нибудь нельзя, то таковое выплевывалъ изо рта въ хвостовые пески, подымая ихъ съ нижняго конца вашгерда къ верхнему. Дѣлалъ онъ это въ надеждѣ получить награду за хорошия пробы. Дѣлалъ онъ это при обѣихъ предыдущихъ развѣдкахъ и дѣйствительно получалъ при богатыхъ пробахъ за каждую по чаркѣ водки, къ тому же и Шумилинъ почти требовалъ, чтобы пробы были хорошия, и сердился на Илью, если пробы были бѣдныя, говорилъ ему: «эхъ ты дурья голова, что ты мнѣ сегодня намыль, глядѣть не на что. Этакъ съ такими пробами и пріиска не продашь. Смотри, чтобъ завтра пробы были лучше». Такъ рассказывалъ рабочій Свекольникову.

— Ну и что же дѣлалъ Илья,—спрашивалъ его послѣдній,—чтобъ получить хорошия пробы.

— Да что, промоешь это бадей съ десять песковъ, да и скажешь, что промылъ двѣ или три бадья. Знамо пробы тогда будутъ богатыми, Да откуда у Ильи золото-то взялось, когда онъ бѣдилъ въ послѣдній разъ съ Семеномъ Трофимовымъ? Добра этого въ селѣ

сколько хочешь, купишь у мужика или прискателя какого золоти́ка 3—4 и знай подбрасывай аль подплеывай. Поди, немалую награду отъ хозяевъ-то получилъ. Что ему на пятнадцать-то рублей израсходоваться, коли онъ поди въ двадцать разъ болѣе получилъ.

Свекольниковъ, качая головой, проговорилъ:

— Ну и плутъ же этотъ Илья, не зналъ я за нимъ такихъ хужествъ. Да и Шумилинъ тоже хорошъ.

— Что Шумилинъ! проговорилъ рабочий. Известно прогорѣвшій компаніонъ, ему тоже вѣдь поправиться надо. Какъ мы послѣ развѣдки въ село вышли, онъ намъ всѣмъ на водку по трешницѣ далъ, а мнѣ за то, что я пробы изъ шурфовъ таскалъ, даже синенькую сунулъ, да всей артели два ведра водки купилъ. Цейте, говорить, да Бездонную расхваливайте, говорите, что богатое золото нашли.

— Намъ что, мы и хвалили, и слухъ пустили, что богатое золото нашли. Онъ и самъ вездѣ ее, эту Бездонную, расхваливалъ, самъ это своими ушами слышалъ.

Весь этотъ разговоръ Свекольниковъ передалъ Котомкину и тутъ уже стало ясно, что послѣдній сталъ жертвой обмана. Еще недѣлю простояла развѣдочная партія на Бездонной, но такъ какъ и дальнѣйшіе шурфы оказались съ убогимъ содержаніемъ, то рѣшено было бросить развѣдку, расчитать людей и выѣхать обратно въ К. По приѣздѣ туда, конечно, Свекольниковъ и Котомкинъ принялись за поиски Ильи и Шумилина, но оба оказались выбывшими изъ города, а Скурятинъ пожималъ плечами и говорилъ, что онъ не причемъ въ этомъ дѣлѣ, наконецъ, что Котомкинъ самъ виноватъ во всемъ: онъ ѣздилъ повѣрять развѣдку Шумилина, самъ удостовѣрился въ достоинствѣ приска, въ чемъ и выдалъ даже росписку, поэтому онъ и долженъ пенять на себя за ошибку.

Побился, побился Котомкинъ въ К., но ничего не доспѣлъ и, бросивъ все, уѣхалъ домой на Уралъ откуда приѣхалъ, закаявшись когда-либо сдѣлаться золотопромышленникомъ, сердечно поблагодаривъ своего пріятеля, который спасъ его карманъ отъ дальнѣйшихъ убытковъ, а можетъ быть и конечнаго разоренія. — Тѣмъ и кончилась слава Бездонной рѣчки и лежитъ она до сихъ поръ, купно съ главной ея рѣкой Кинбиркой, пустопорожней и неразработываемой, а господа Шумилинъ и Скурятинъ посмѣивались себѣ въ кулакъ, ловко обработавши свое дѣльцо. Впрочемъ, Скурятинъ вскорѣ переехалъ куда-то на службу въ Россію, а Шумилинъ почелъ все-таки неловкимъ оставаться въ К. и выѣхалъ на нѣсколько лѣтъ въ М. тайгу.

Зимовщикъ Малафей.

Удивительный былъ человекъ зимовщикъ нашъ Малафей. Онъ какъ-то особенно выдѣлялся изъ массы перебивавшихъ на нашихъ прискахъ рабочихъ, а перебивало ихъ у насъ за многіе годы не одна тысяча. Онъ былъ степенный, сосредоточенный и молчаливый человекъ, притомъ еще почти ничего не пьющій, а если когда и пилъ водку, то въ очень малыхъ дозахъ и то ради леченія, потому что за водкой онъ признавалъ нѣкоторые лечебныя свойства. Былъ онъ, какъ говорится, на всѣ руки: онъ былъ и плотникъ, и столяръ, и промысловщикъ на вапгердѣ, былъ даже хлѣбопекомъ и поваромъ, по нуждѣ могъ и лошадь подковать и въ кузнечномъ дѣлѣ кое-что смыслить, и въ то же время былъ лекаремъ-знахаремъ и коноваломъ. Словомъ, въ небольшой рабочей командѣ, гдѣ специалистовъ по разнымъ мастерствамъ было очень немного или даже вовсе не было, Малафей былъ незаменимъ, хотя всѣ знакомыя ему мастерства онъ зналъ самоучкой, а потому достигнуть въ нихъ желаннаго совершенства ему не удалось; впрочемъ, это нисколько ему не вредило, ибо совершенства отъ него въ данномъ случаѣ и не требовалось. Разъ какъ-то очень зандобился намъ кирпичъ, штукъ двѣсти, триста; на прискѣ, на которомъ служилъ Малафей, кирпичника не было, я ему и говорю:

— Эхъ, кирпича бы надо штукъ триста сдѣлать, а некому, не сдѣлаешь ли ты, Малафей?

— Почему не сдѣлать, — отвѣчалъ онъ, — попробую, дайте двухъ работниковъ глину копать и мять. Можетъ, Богъ дастъ и удадутся кирпичи.

— Да вѣдь ты ихъ не дѣлалъ?

— Не дѣлалъ-то не дѣлалъ, а видѣлъ, какъ дѣлаютъ.

— Ну, попробуй, ты вѣдь у насъ на всѣ руки.

И точно, Малафей и кирпичи сдѣлалъ, обжегъ ихъ, и кирпичи хотя

были не первосортные, но для дѣла все же годились. Въ то же время Малафей былъ искусный рыболовъ, умѣлъ плести неводъ, дѣлать мережи, ивовыя морды былъ онъ притомъ и охотникъ, но въ послѣднемъ случаѣ его преслѣдовали неудачи, хотя стрѣлялъ онъ не плохо. Впрочемъ, онъ оправдывался тѣмъ, что ружье его было плохое, да и собаки хорошей у него не было. А ружье у него, точно, было совсѣмъ неважное, старое и чуть не бичевками связанное или проволокой; съ такимъ ружьемъ, конечно, далеко не уйдешь. Былъ онъ и быкбойцемъ, засольщикомъ мяса и даже шорникомъ, могъ по нуждѣ и сбрую, и сапоги починить, мараковалъ онъ въ слесарномъ дѣлѣ, могъ замокъ исправить, ключъ приладить, посуду вылудить и заплатку на желѣзномъ ведрѣ или котелкѣ и мѣдномъ чайникѣ поставить. И все онъ дѣлалъ сосредоточенно, молчаливо и степенно. Ни разу я не слышалъ, чтобъ онъ съ кѣмъ ссорился, бранился, на кого-нибудь сердился или говорилъ неприличныя двухъ-этажныя слова, а служилъ онъ у насъ около десяти лѣтъ. Никто не жаловался на него, и онъ ни на кого; всѣмъ былъ доволенъ и ничѣмъ не смущался, что бы съ нимъ ни происходило, и ни отъ какой работы не отпѣкивался. Если нужно было послать за водкой къ сосѣду, за сахаромъ, чаемъ или табакомъ, все очень лакомыми предметами для присковскихъ рабочихъ и конюховъ, то никого другого мы не посылали, какъ Малафея, такъ какъ убѣждены были, что все будетъ доставлено въ цѣлости и сохранности.

Малафей занималъ на прискѣ должность промывальщика золота съ машины, такъ какъ знали, что и золото будетъ у него сохранно, но по времени онъ сталъ недогать глазами, и его сдѣлали вторымъ промывальщикомъ хвостовыхъ бадій или эндовъ, а не головки, потомъ перевели на пробы изъ забоевъ, бортовъ и почвы, а подъ конецъ, когда онъ сталъ плохо видѣть, его послали на Дулижминское наше зимовье зимовщикомъ, такъ какъ и здѣсь требовалось честнаго и трезваго человѣка, потому что зимою черезъ зимовье проходило немало обозовъ съ припасами и разными присковскими товарами, тутъ же ходила и наша таежная почта, и немало случалось прохожихъ изъ Южной въ Сѣверную тайгу и обратно. Когда Малафей поступилъ къ намъ въ работу, ему было уже за 50 лѣтъ, а на зимовье онъ перешелъ шестидесяти слишкомъ лѣтъ, хотя былъ здоровъ и бодръ, только глаза были у него плохи. Какой онъ былъ національности, сказать было затруднительно, но только не великорусъ, бѣлорусомъ и хохломъ его тоже нельзя было назвать, скорѣе всего онъ былъ изъ западной смоленщины. Самъ онъ ничего о своемъ происхожденіи не говорилъ, а видъ его поселенческій объ этомъ тоже умалчивалъ; потомъ его перечислили изъ поселенцевъ въ крестьяне или, какъ выражаются здѣсь, въ «крестьянскую колоду». Я бралъ его иногда и за конюха, въ

особенности если ѣзжалъ съ болѣе или менѣе крупной суммой денегъ. Однажды, этакъ, ѣдемъ мы съ нимъ съ Мурожной на Кунтуякъ, при мнѣ было до двадцати тысячъ денегъ, везъ я ихъ для расчета рабочихъ. Было это въ началѣ сентября, и дѣло уже подходило къ ночи, а мы отъ цѣли нашего путешествія были еще по крайней мѣрѣ въ 25-ти верстахъ. Ъхали мы не скоро, а довольно медленно подымались на высокий Пенченгскій хребетъ съ рѣчки Бухарихты. Вотъ я его и спрашиваю:

— Скажи пожалуйста, Малафей, за что это тебя въ Сибирь сослали? Мужикъ ты такой добрый, основательный и тихій; что ты это могъ такое сотворить тяжкое, что тебя лишили всѣхъ правъ и въ Сибирь на поселеніе упрятали?

Малафей повернулся ко мнѣ и говоритъ:

— И самъ не знаю за что, только я долженъ Бога благодарить, что меня сослали. Да вѣдь не просто, Николай Васильевичъ, сослали, а еще плетями угощали, хотя и немного всыпали, а все же наказали. Только это вотъ и обидно, а что до остальнаго, такъ я душевно этому радуюсь и благодарю Создателя.

— Ну, и что же ты однако сдѣлалъ такое? Вѣдь зря же не сошлютъ; поди, судили, въ тюрьмѣ, поди, сидѣлъ, слѣдствіе происходило?

— Какъ же, все прошелъ, всего было. Да что ужъ объ этомъ говорить. Давно вѣдь это было, годовъ съ тридцать, я ужъ все и позабылъ.

— Такъ-то такъ, — сказалъ я, — а все же удивительно, какъ это такого хорошаго человѣка сослали. Видно, раньше-то ты другимъ человѣкомъ былъ?

— Нѣтъ, Николай Васильевичъ, и тогда былъ такимъ же, почитай, какъ теперь, одно — что помоложе былъ, а потому и поживѣе и пошустрѣе нынѣшняго.

— Видно, ты за живость-то и пострадалъ. Да ты изъ какихъ? Крѣпостной былъ или вольный?

— Господскій былъ!

— Ну вотъ, что-нибудь я накуралесилъ у барина.

— Ничѣмъ противъ барина не провинился. Самъ баринъ меня жалѣлъ, какъ въ ссылку пошелъ, я вѣдь и тамъ у него былъ на всѣ руки. И чего, чего бывало не передѣлаю, всякую работу дѣлалъ, и все у меня шло какъ по маслу. Баринъ доволенъ былъ. Мнѣ-то у него еще жилось, а вотъ другимъ — прочимъ, охъ, какъ было тяжело. Горько жилось. Бѣда была у насъ крѣпостнымъ. Имѣніе-то небольшое, душъ этакъ съ триста, а баринъ съ барыней пожить любили. Гдѣ на житье этакое денегъ взять? Ну, и донимали они свой под-

властный народъ. Дуже донимали, со стороны жалко было на насъ глядѣть.

— Ну, вотъ ты тутъ что - нибудь и сочинилъ, — перебилъ я его.

— Нѣтъ, я что же! Я ничего, а вотъ другіе точно, что накура-
лесили.

— Такъ ты-то причесть?

— Я-то?... Да ну, вытягивай, — обратился онъ къ лошадамъ. — Вытягивай, милые, скоро на горку вздымемся. — Я, Николай Васильевичъ, вотъ какъ скажу, какъ передъ истиннымъ Богомъ. Былъ у меня братъ семейный, бѣдность его загла, обиралъ его и прикащикъ барскій, и баринъ нашъ обижалъ, хотѣлось ему его женку къ себѣ въ полюбовницы взять — красивая была она — а ему, брату-то моему, ее жалко было. Однако гдѣ жъ съ бариномъ спорить, баринъ свое дѣло сдѣлалъ; вотъ братъ-то мой и заскучалъ, да и задумалъ неладное — отплатить барину. Вотъ онъ возьми да у него ригу и подожди, ригато сгорѣла со всѣмъ, что тамъ было, а было и хлѣба тамъ довольно, и всякаго добра. Ну, конечно, сейчасъ же на него пало подозрѣніе, а у него трое ребятишекъ. Жаль мнѣ стало, я и принялъ его грѣхъ на душу, пусть, молъ, дома останется, а ужъ лучше я пойду, куда соплюютъ. Такъ я и сдѣлалъ и во всемъ повинился: я, молъ, это по злобѣ на прикащика баринова сдѣлалъ за его притѣсненіе насъ, ну да и за женку братнину. Баринъ-то и вѣрить не хотѣлъ! «Нѣтъ, говорить, Малафей, напрасно ты это на себя плетешь, не таковский ты у меня». А я стою на своемъ, я, молъ, судите меня. Ну, баринъ-то въ началѣ даже дѣло замаять хотѣлъ, да я опять-таки этого не допустилъ, потому что они съ прикащикомъ все брата моего хотѣли судить вмѣсто меня, а меня во всемъ обѣлить. Я это исправнику и засѣдателю нашему объяснилъ; я, молъ, говорю, все сдѣлалъ, братъ мой тутъ не причесть, онъ и не зналъ. Ну, взяли это меня, въ острогъ упрятали, судили чуть не съ годъ, да постегавъ плетями съ церемоніей на городской площади, въ Сибирь сослали, давши мнѣ по милости барина снисхожденіе, а то бы вѣдь на каторгу пришлось идти. Ну, и за то барину спасибо!

— А что же братъ твой?

— Братъ, а что братъ, — благодарилъ меня всячески, по гробъ, говорить, жизни не забуду. Остался дома, только баринъ къ нему съ этой поры перемѣнился, прикащика своего, что вотчиной правилъ, прогналъ, а брата моего бурмистромъ сдѣлалъ, и зажилъ мой братъ не плохо и, какъ слышно, потомъ даже разбогатѣлъ.

— Что же, онъ тебѣ помогаетъ чѣмъ?

— Братъ-то? Да я отъ него лѣтъ 20, какъ ни одной вѣсточки не

получалъ, да и въ началѣ-то онъ мнѣ мало чего писалъ, а тамъ я вовсе меня забылъ, а что до помочи, то я отъ него и трешницы не видѣлъ потому, вотъ только какъ въ Сибирь погнали, такъ далъ мнѣ на дорогу красненькую, и вся недолга. Ну, да Богъ съ нимъ, я на него не серчаю. Онъ крѣпостнымъ остался, а я хоть вначалѣ и потерпѣлъ не мало и всякаго горя довольно принялъ, за то сталъ вольный казакъ и самъ, значить, собой на волю вышелъ. Не я, Николай Васильевичъ, первый, не я послѣдній, что такимъ манеромъ нашъ братъ господскій на волю выходили. Эхъ, воля волюшка, слаще тебя ничего нѣтъ! — Вотъ хоть бы у васъ на прискѣ, — продолжалъ Малафей, — ужъ каково тошно иногда мужикамъ бываетъ, которые въ разрѣзѣ на пескахъ, въ забоѣ стоятъ. И дождь-то ихъ иной разъ денденской мочить, и жара-то палить и гнусь-отъ жалить и донимаетъ, а все же куда вольготнѣе чѣмъ у нашего барина работать. Здѣсь и кормятъ сытно, да и деньги хорошія платятъ. А у насъ, бывало, кормятъ пустыми щами, гдѣ кручина за крупиной гоняется съ дубиной, да хлѣбомъ съ мякиной, а вмѣсто денегъ рассчитывали розгами, рѣдко кого не отдерутъ на обѣ корки. Какая тутъ сласть! А здѣсь, дождемся 10-го сентября, получимъ расчетъ, и опять вольный казакъ до марта или апрѣля мѣсяца. Эхъ, Николай Васильевичъ, кабы у насъ крѣпостные знали да вѣдали, какая такая жизнь въ Сибири этой не мпоной, такъ половина бы крѣпостныхъ такихъ куралесь надѣлали, чтобъ ихъ только сюда сослали!

— Ну, вотъ скоро, скоро, Царь-батюшка волю дастъ! — сказалъ я.

— Слышали, слышали, сударь, что скоро Господь насъ помилуетъ, и Царь-государь волей своихъ рабовъ вѣрныхъ пожалуетъ. — Тутъ онъ снялъ свою шапку, перекрестился истово и какимъ-то торжественнымъ тономъ произнесъ: — Дай Богъ ему, Царю-государю, всякаго блага и въ семь свѣтъ, и въ будущемъ; подай ему, Господи, многія лѣта!... Ну-ка, милые, на горку поднялись, спускайся живо подъ горку! — И онъ, подобравъ возжи, гикнулъ на лошадей, которыя рысью побѣжали подъ гору, по пологому ея склону.

Жилъ у насъ Малафей на прискѣ безвыѣздно, въ расчетъ не уходилъ къ себѣ въ деревню, а только на три дня отпрашивался на отдыхъ, бралъ на угощеніе добрыхъ своихъ друзей изъ оставшихся, какъ и онъ, на зиму рабочихъ, три бутылки водки, по бутылкѣ въ день, но самъ пилъ мало, и пьянымъ никогда въ это разгульное послѣ расчета время не былъ, да и въ теченіе этихъ трехъ дней, если была въ немъ крайняя нужда, отъ работы не отказывался. Въ послѣднее время, ставъ худо видѣть глазами, просилъ, чтобъ его перевели на Дулижминское зимовье зимовщикомъ. Зимовщикъ, кото-

рый тамъ жить, загулялъ, и его пришлось смѣнить. Послали на смѣну ему Малафей. Онъ отправился туда со всѣмъ своимъ скарбомъ, старымъ своимъ ружьемъ и двумя ледащими собаченками, Жучкой и Барбоской. Переселился Малафей на зимовье въ концѣ сентября. Осень въ тотъ годъ стояла длинная, зима какъ-то позамѣшкалась, ужъ и октябрь прошелъ, а зимней дороги все нѣтъ, какъ нѣтъ. Въ такое глухое время черезъ зимовье никакого не было проѣзда, лишь одинъ почтарь дважды въ недѣлю проѣзжалъ съ почтой и останавливался тамъ на нѣсколько часовъ покормить лошадей. Живеть это одинъ себѣ Малафей со своими собаченками, а тутъ къ нему и повадился ходить медвѣдь-шатуны, что въ берлогу не легъ. Ходитъ онъ къ зимовью каждую ночь и все чего-то разыскиваетъ. Запирается въ зимовьѣ Малафей на-крѣпко, двери въ зимовьѣ внутри коломъ приперъ, а въ обѣ рамы двухъ своихъ оконъ снаружи на крестъ желѣзныя полосы укрѣпилъ, чтобы медвѣдь окна не разбилъ, да въ зимовье не влѣзъ. Не даетъ ему покою медвѣдь, сталь не только по ночамъ, даже и днемъ шляться, такъ что и за дровами и за водой стало ходить ему боязно.

Разъ какъ-то въ сумерки, подошелъ медвѣдь къ зимовью да и сграбасталъ Жучку-собачку, да и былъ таковъ. Съѣлъ одну собаку, сталь и къ другой подбираться. Досада взяла Малафея. «Ну, ужъ погоди ты у меня, окаянный, я тебя ужъ дошкурую, — проговорилъ Малафей. — Дай срокъ, ужъ я тебя угошу. Приходи только». И что жъ вы думаете, пришелъ опять медвѣдь, да и Барбоску унесъ и съѣлъ. Остался Малафей одинъ-одинешенекъ. Тутъ ужъ его сомнѣніе взяло. «Да ужъ медвѣдь ли это, молъ, настоящий, не оборотень ли какой?» А медвѣдь теперь и къ Малафею самому подбирается. Въ одну ночь ломился въ зимовье, да не осилилъ дверь, а у Малафея, кромѣ мелкой дробя, ни пули, ни жеребья. Ну что съ мелкой дробью, что на птицу годится, съ медвѣдемъ сдѣлаешь? Подумалъ Малафей, вынулъ свой желѣзный помполъ, разрубилъ его на куски, зарядилъ имъ ружье и ждетъ медвѣдя.

А медвѣдь тутъ-какъ-тутъ, ждять себя не заставилъ. Перебрался Малафей въ чистую половину зимовья, ждеть, что будетъ. Ночь настала темная-претемная, снѣжокъ порохить, а медвѣдь рыча подошелъ къ окну чистой половины, сталь на заднія лапы и ну желѣзныя полосы передними лапами отдирать. Собравшись съ духомъ, Малафей подошелъ къ этому окну и направилъ дуло въ самую грудь медвѣдя, выстрѣлилъ ему почти въ упоръ. Послѣдній, говорить, мой зарядъ, больше и стрѣлять нечѣмъ было, ни пороху, ни пули. Пошатнулся медвѣдь и, какъ снопъ, свалился на землю, а Малафей забрался на нары, полежалъ, полежалъ да и заснулъ. Всталъ я, говорилъ онъ потомъ, на зарѣ, погляжу въ окно, а медвѣдь лежитъ у самага, почитай,

окошка, не шелохнется и даже снѣгомъ занесло. Вышелъ я изъ зимовья съ коломъ, что дверь подпиралъ на улицу, подошелъ къ медвѣдю, да какъ хвачу его со всего размаху по головѣ, ну, думаю, теперь ты околылъ и не встанешь. Дубасилъ я его, дубасилъ и самъ не знаю, зачѣмъ, просто даже упарился, вотъ, говорю, тебѣ за Жучку, а это тебѣ за Барбоску. Ну, потомъ пошелъ домой, согрѣлъ чайникъ, напился чаю, поблагодарилъ Бога, что избавилъ меня отъ врага и супостата, и пошелъ шкуру снимать. Снялъ шкуру, отрубилъ окорока задніе, повѣсилъ ихъ въ кладовушку, а тушу тутъ оставилъ, пусть, молъ, тебя собаки жрутъ.

Такъ окончился эпизодъ съ медвѣдемъ, и Малафей зажилъ на зимовьѣ припѣваючи. Зимовье это состояло изъ деревянной избы о двухъ половинахъ: чистая занимала одну треть строенія, а черная — половину всей остальной избы; между обѣими половинами находился коридоръ, съ улицы въ который вела входная дверь въ зимовье, а изъ коридора были двери въ чистую и черную половины, коридоръ же оканчивался кладовушкой. При зимовьѣ былъ небольшой амбаръ, баня и конный дворъ для лошадей. Всѣ строенія были довольно уже старья, хотя еще и прочныя. Малафей осенью перваго же года отъ нечего дѣлать привелъ ихъ въ порядокъ, вынулъ изъ оконъ загрязненныя отъ времени и разбитыя стекла, вымылъ ихъ и вновь вставилъ, поправилъ двери, рамы, выбѣлилъ стѣны обѣихъ половинъ известью, а чистую половину оклеилъ еще и газетной бумагой, въ особенности «Иллюстраціей», такъ что она вся была украшена гравюрами; баню исправилъ, тоже и амбаръ и конный дворъ. Годами не мытые полы и нары выскребъ и вымылъ, — словомъ, привелъ зимовье въ такой видъ, что оно стало неузнаваемо. Всѣ дивились на Малафея и громко заявляли ему свое одобрение и похвалу. Завелъ Малафей по времени и капусту квашеную, и мясо, и овсеца, и сѣнца, и чашекъ съ сахаркомъ, словомъ, хозяйственно устроился.

Проѣздъ между тѣмъ по этой дорогѣ, на которой стояло зимовье, увеличился, такъ какъ къ четыремъ нашимъ золотымъ прискамъ прибавилось еще два постороннихъ, да кромѣ того стали появляться проѣзжающіе и въ дальнюю тайгу. За услуги и ласковость, а также за снабженіе проходившихъ и проѣзжавшихъ всѣми вышеуказанными припасами, Малафею перепадала кромѣ словесной благодарности и вещественная: кто грошь дастъ, кто копѣчку, а кто полтину и рублишко, а управляющіе и хозяева и грѣшницу давали, — и прослылъ у рабочихъ Малафей богатѣемъ. Двѣ зимы и два лѣта провелъ на зимовьѣ Малафей, а какія деньги скоплялъ, относилъ повременамъ въ присковую нашу контору на сохраненіе, по этому, кромѣ нашего управляющаго, никто не зналъ. На третью весну приходитъ онъ какъ-то на прискъ и просится уволить его съ зимовья; надошло, говорить, оно

мнѣ, да что-то и прискучило, хочу въ деревню выдти, да издоровьшко плохо стало, но я упросилъ его пробыть на зимовьѣ хоть до юля, а тамъ его и отпустить.

— Ну, куда ты и зачѣмъ пойдешь? Живи съ Богомъ на зимовьѣ, всѣ тобой довольны и ненахвоятся.

— Скучно что то стало, тосковать началъ, — промолвилъ какъ-то мрачно Малафей.

— Ну, такъ женись, — пошутить я.

Онъ усмѣхнулся.

— Чтой-то вы право, Николай Васильевичъ, надо мной, старикомъ, смѣетесь.

— Почему смѣюсь. Какой ты еще старикъ, шестьдесятъ съ небольшимъ, а между тѣмъ крѣпышь. Вотъ Метла, — такъ звали быковода на приискѣ, семидесятилѣтняго старика, — въ прошлую зиму женился, и ты женись, и веселѣе будетъ.

Малафей засмѣялся.

— Ахъ, Метла, Метла пустая голова, женился на свою голову. Жена-то его, почитай, чуть не каждый день колотить, срамить, да съ другими путается.

— Да ты не женись на молодой, какъ Метла, возьми степенную, пожилую, вотъ хоть бы нашу приказчицю повариху, Настасью. Денегъ теперь у тебя куры не клюютъ, слышно, рублей пятьсотъ скопилъ. Пойдешь въ деревню, гдѣ у тебя ни кола, ни двора, дорогой еще ограбятъ или убьютъ. Вѣдь всѣ знаютъ, что ты денежный человѣкъ.

— Вотъ изъ-за этого-то слуха и хочу съ зимовья уйти въ деревню, а то какъ бы и на зимовьѣ не уколошматили.

— Ты вотъ что, Малафей, доживи до Петрова дня на зимовьѣ, сходи, коли тебѣ нужно, въ деревню, возьми денегъ, сколько надо, присмотри тамъ хату, да и напиши, чтобъ тебѣ перевелъ изъ конторы управляющій твои деньги. Долго ли до грѣха, вѣдь народъ у насъ отчаянный и вороватый. Самъ знаешь, какъ вашего брата по деревнямъ обираютъ.

— Я такъ и сдѣлаю, — весело сказалъ Малафей, — спасибо вамъ, такъ ужъ послѣ Петрова дня увольте безпремѣнно.

— Уволю, уволу, сказалъ вѣдь ужъ, — отвѣчалъ я.

На томъ и стало дѣло. Захвативъ съ собой денегъ для покупки лошади, ушелъ Малафей къ себѣ на зимовье въ сопровожденіи своего вѣрнаго пса, Жульки, который былъ самой простой дворняшкой и неизвѣстно почему прозванъ былъ имъ Жулькой.

Въ концѣ мая, благо запоздала весна въ этотъ годъ, наступилъ сильный разливъ рѣкъ, такъ что въ эту недѣлю ни отъ насъ и ни отъ кого изъ сосѣдей почтара не послали, а потому всякія сношенія съ

зимовьемъ, гдѣ проживалъ Малафей, были прерваны, между тѣмъ съ сосѣднихъ съ нами, постороннихъ приисковъ, начались побѣги рабочихъ. На это, конечно, никто особеннаго вниманія не обращалъ, мало ли весною народу изъ тайги бѣжитъ; генераль Кукушкинъ сталъ звать, да и черемша къ тому же выросла, ну и бѣгутъ на вольную волюшку, во лѣса зеленые, во луга цвѣтистые. Всѣ эти побѣги въ тайгѣ—вещь самая заурядная.

На слѣдующей недѣлѣ, по спадѣ водъ въ рѣчкахъ, нашъ почтарь повезъ почту и кой-какія вещи для Малафея. На зимовьѣ его почтарь, проѣхавши 45 верстъ, всегда кормилъ лошадь и самъ отдыхалъ часа два-три. Подѣхавъ къ зимовью около полудня и соскочивъ съ лошади, которую тутъ же привязалъ къ коновязи, чтобъ дать ей подохнуть, почтарь пошелъ въ зимовье, но дверь оказалась запертой на замокъ. Почтарь окликнулъ раза два Малафея, но никакого отвѣта не получилъ, лишь послышался жалобный стонъ его собаки. Взяло раздумье почтара, что бы это могло значить? Малафей ко времени приѣзда почтара и вообще въ почтовый день никуда не отлучался. Поглядѣлъ почтарь въ окна чистой половины, нѣтъ никого, поглядѣлъ въ окна черной половины, но окна оказались снутри заваленными какими-то тряпницами, а собака все жалобно стонетъ и, какъ видно, въ коридорчикѣ. Страшно стало почтарю, мигомъ отвязалъ онъ свою лошадь, вскочилъ въ сѣдло и поскакалъ на отстоящій въ 25 верстахъ приискъ на р. Мамонъ, гдѣ сдавалъ и получалъ почту. Явившись на приискъ, почтарь зашелъ къ управляющему приискомъ, моему хорошему знакомому, сдалъ почту и рассказалъ, что онъ нашелъ на зимовьѣ и какъ не докликался Малафея, котораго тоже всѣ знали на Мамонскомъ приискѣ за аккуратнаго и степеннаго человѣка. Управляющій призадумался и рѣшилъ тотчасъ же послать на зимовье своего прикащика съ казакомъ, а нашему почтарю, давъ свѣжую лошадь, приказалъ ихъ сопровождать. Юньскій день, въ особенности въ началѣ мѣсяца, въ тайгѣ дологъ, да и вечера и ночи свѣтлые, а потому отправившіеся въ пять часовъ вечера приѣхали на зимовье еще до заката солнца. Привязавъ лошадей, они пошли въ зимовье, которое и теперь оказалось запертымъ, но только собачьяго стона уже не слышать было. Долго кликали и искали посланные Малафея, но никто имъ не откликнулся, и нигдѣ они его не нашли. Тогда они рѣшили войти въ зимовье, выломавъ дверь. Войдя въ коридоръ, они увидали еще не успѣвшій оконченъ трупъ Малафеевой собаки Жульки; вошли въ чистую половину, тамъ все было въ порядкѣ; когда же вошли въ черную и открыли завѣшивающія окна тряпки, они въ ужасѣ невольно попятнулись назадъ. На полу, посреди избы, въ лужѣ запекшейся крови, они увидали Малафея, лежащаго съ разбитой головой и съ голыми ногами, пятки и подошвы которыхъ были не только обожжены, но даже обуглены.

Ясно имъ стало, что Малафей былъ убитъ, но прежде чѣмъ быть убитымъ, его, по всей вѣроятности, жгли и пытали. Несчастная его собака оказалась тоже съ переломленными задними ногами. Всѣ вещи Малафея и весь его скарбъ были или разбросаны, или изорваны, а сундукъ разбитъ, и все, что было у него тамъ, похищено, какъ равно и его ружье, топоръ, пещня, чайникъ мѣдный и котелокъ, въ которомъ онъ варилъ пищу, но самоваръ и чашки были цѣлы и стояли на столѣ, видимо, что тутъ занимались чаепитіемъ. Прикащикъ составилъ съ казакомъ актъ осмотра, и всѣ они, не исключая и почтаря, его подписали, заперли зимовье, заколотили дверь и поѣхали обратно на прискъ, отправивъ нашего почтаря съ почтою и печальнымъ о Малафеевой судьбѣ извѣстіемъ ко мнѣ. Конюхъ вернулся домой съ почтою на зарѣ, и слухъ объ убійствѣ Малафея живо распространился на прискъ, меня же немедленно разбудили.

— Ну, вотъ и богатѣй нашъ кончился, — судачили рабочіе, — чего копилъ для лихихъ людей. Эхъ-ма, хорошій былъ старикъ! Жаль стараго, обстоятельный былъ человекъ.

Отзывы о Малафеевѣ все были въ этомъ родѣ какъ между рабочими, такъ и между служащими, и всѣ его очень жалѣли. Получивъ донесеніе о смерти Малафея, таежныя власти исполнили свои обязанности, причѣмъ было обнаружено, что убитъ былъ Малафей за сутки до прѣзда почтаря, а какъ разъ наканунѣ этого дня съ сосѣднихъ присковъ бѣжало нѣсколько человекъ рабочихъ, а такъ какъ и тамъ знали о богатствѣ Малафея, то несомнѣнно убійцами его были эти вышесказанные бродяги. Къ сожалѣнію, они не были пойманы, и такъ дѣло это осталось невыясненнымъ. Что несчастный былъ ими заживо пытанъ огнемъ, это тоже было удостовѣрено, такъ какъ подошвы его ногъ были совершенно сожжены и тутъ же была найдена жаровня съ потухшими углями и обгорѣлая лучина. Малафей, тѣло котораго уже предалось сильной гнилости, былъ похороненъ невдалекѣ отъ зимовья; впоследствии, прѣзжавшій на приски нашъ священникъ отпѣлъ его прахъ, а наши плотники поставили надъ его могилою деревянный крестъ. Вѣрная его собака, погибшая съ нимъ вмѣстѣ, была закопана вблизи его могилы. Долго никто не хотѣлъ туда идти, и зимовье съ мѣсяцъ оставалось пустымъ; наконецъ отыскался семейный рабочій, который пожелалъ занять Малафееву должность, но до Малафея ему было далеко, и никогда потомъ на зимовьѣ не было такого порядка, такой относительной чистоты и уютности, какъ было тамъ при старикѣ Малафеевѣ, и долго потомъ сохранилась о немъ память, какъ о степенномъ, порядочномъ и разностороннемъ по своимъ многоразличнымъ профессіямъ человекѣмъ, добросовѣстнымъ рабочемъ и хорошемъ товарищѣ.

Расчетъ.

Время близится къ расчету. Конецъ августа. Ночи стали холодны и туманны, дни короче и прохладнѣе; нерѣдко моросить холодный дождикъ и завываетъ «сиверка», а то выдастся денекъ, что и снѣжокъ поросить и съ неба сыплется ледяная крупка. Осень въ окно стучится и Семеновъ день на посу; рабочіе уже съ Успенья стали къ дорогѣ готовиться: кто котомки-берестянки заготавливаетъ, кто мѣшокъ шьетъ, а кто помаленьку лишнее изъ своихъ пожитковъ распродаетъ, въ особенноти семейные, чтобы поменьше везти или нести въ дорогу.

Прежде расчетъ рабочихъ на золотыхъ прискахъ производился въ день трехъ мученицъ Митродоры, Минодоры и Нимфодоры, 10 сентября, не такъ, какъ нынѣ. Въ настоящее время съ начала восьмидесятыхъ годовъ, контракты съ рабочими пишутся по первое октября, и расчетъ производится наканунѣ Покрова. Впрочемъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда наступаетъ ранняя стужа и выпадетъ такой снѣгъ, что о промывкѣ золотосодержащихъ песковъ и думать нечего, расчетъ производится и раньше.

Промывка песковъ на открытомъ воздухѣ еще возможна при двухъ-трехъ градусахъ мороза, но и при такой, сравнительно не особенно низкой температурѣ, она становится довольно затруднительной: золотопромывательныя желѣзныя бочки обледенѣютъ, машинные шлюзы или плоскони покрываются ледяною коркой, несмотря на то, что ихъ передъ началомъ промывки обдаютъ кипяткомъ. При усиленіи мороза выше трехъ градусовъ и кипяткомъ мало помогаетъ, а понизится температура до пяти градусовъ и продержится нѣсколько дней кряду — съ промывкой приходится шабашить и рассчитывать рабочихъ. Однакоже, въ настоящее время промывка золота продолжается противъ прежняго дней на десять, на пятнадцать болѣе, и обыкновенно ра-

счетъ рабочихъ происходитъ въ періодъ времени между 20 и 30 числами сентября.

Въ шестидесятыхъ годахъ, въ мое время, какъ я уже говорилъ выше, расчетъ рабочихъ производился 10-го сентября, и девятымъ числомъ оканчивалась промывка золота на приискахъ Енисейской тайги. Съ Ивана Пюстина между рабочими только и было говору, что о приближающемся днѣ расчета, тѣмъ болѣе, что имъ очень хорошо были извѣстны какъ ихъ лѣтній заработокъ, такъ и все присковое положеніе, и условія работъ и расчетные листки, за предшествовавшіе мѣсяцы, были имъ выдаваемы не однажды на руки. Каждый изъ нихъ могъ приблизительно рассчитать, сколько ему придется получить изъ присковой конторы въ день расчета. Тамъ, гдѣ расчеты велись безобидно и плата была хорошая, — рабочіе никогда не спорили, тамъ же, гдѣ было наоборотъ, — ругани и попрековъ со стороны ихъ было немало, и присковымъ служащимъ, т. е. прикащикамъ въ разрѣзахъ и на другихъ работахъ приходилось выслушивать немало неестныхъ, а подчасъ и грубыхъ отзывовъ по адресу своихъ принципаловъ и прискового управленія.

Такъ какъ ни одинъ приискъ не могъ оставаться послѣ расчета безъ нѣкотораго, необходимаго количества рабочихъ, въ особенности мастеровыхъ и конюховъ, а тамъ, гдѣ предполагались еще кромѣ того подготовительныя, осенью, работы, то и значительнаго числа черно-рабочихъ, поэтому уже до наступленія расчета открывалась въ присковой конторѣ наемка и вербовка ихъ на новую операцію или на весь годъ, или же на осеннее время до ноября или декабря.

Времени, въ теченіе нашей короткой, таежной осени, терять было нельзя, всякій день былъ дорогъ, почему наемка рабочихъ на мѣстѣ, въ тайгѣ, становилась абсолютно необходимой. Для этого высылались служащіе на неработающіе почему-либо прииски, гдѣ была свободная постройка или на находившіяся по этимъ дорогамъ зимовья, а также и въ ближайшія къ приискамъ селенія, какъ на примѣръ, Мотыгицу и Рыбную, гдѣ былъ перевозъ черезъ широкую быстроводную рѣку Ангару, словомъ, на тѣ мѣста, черезъ которыя проходили рассчитанные съ присковъ рабочіе, и гдѣ они подолгу заживались и прокучивали въ тамошнихъ многочисленныхъ кабакахъ и виноторговляхъ свои трудовыя заработки. Наемка въ этихъ селеніяхъ по сравненію съ наймомъ людей на самомъ приискѣ была куда какъ неудобна, требовала лишнихъ расходовъ и времени, и представляла немало хлопотъ и всякаго рода возни съ нанятыми и чуть не ежедневно пьяными рабочими, пока они въ лоскъ не пропивали выданныхъ имъ на руки задатковъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ въ концѣ августа и въ началѣ сентября, на происходившихъ ежедневно, утромъ, передъ началомъ ра-

ботъ, раскомандировкахъ, объявлялось о наемкѣ рабочимъ, и спрашивались желающіе остаться на новый срокъ какъ на весь годъ, такъ и для осеннихъ, подготовительныхъ работъ. Объ этомъ тоже немало шло разговоровъ и разсужденій между присковымъ людомъ, какъ въ казармахъ, такъ равно и въ обѣденное время въ столовой, и за паужной и ужиномъ. Въ присковыхъ конторахъ шла усиленная дѣятельность: спѣшили подсчитать августовскіе расчетные листки рабочихъ, чтобы раздать ихъ имъ на руки для просмотра и на случай выписки изъ прискового амбара необходимыхъ имъ предметовъ потребленія, хотя эта послѣдняя, передъ расчетомъ, выписка была самая незначительная, — брали только тѣ, которые оставались на приискѣ или которымъ необходимо было чѣмъ-либо нужнымъ запастись на дорогу. Словомъ, ко времени расчета всѣ на приискѣ были болѣе или менѣе въ нѣсколько возбужденномъ состояніи.

За нѣсколько дней до расчета, придя въ разрѣзъ, гдѣ добывались золотосодержащіе пески, я обратился къ одному изъ лучшихъ нашихъ забойщиковъ, Петру Федорову, съ вопросомъ:

— Что, Петръ, домой ты сей годъ идешь или у насъ здѣсь остаешься?

— Куда ужъ намъ домой! Да и домъ-то гдѣ у меня? Не было его, да и не будетъ. Нѣтъ, ужъ сей годъ думаю опять зимовать въ тайгѣ.

— Что-жъ, и прекрасно; ступай, когда такъ, въ контору подписывать условіе.

— Да я у васъ, господинъ хозяинъ, не останусь, пойду сей годъ съ товарищами на Пескину, къ Мясниковскимъ.

— Что же такъ, развѣ ты недоволенъ чѣмъ?

— Не то что недоволенъ, грѣхъ жалиться, а только ужъ у васъ здѣсь насчетъ водки плохо. Скупы вы на нее больно. Что тутъ тремя бутылками подѣлаешь? Ни самому выпить, ни другихъ угостить, а за деньги водки изъ амбара не даете.

— Что, братъ, дѣлать, такой у насъ порядокъ. И то про насъ, хозяевъ, немало говорятъ, что при наемкѣ спаиваемъ рабочихъ.

— Пушай говорятъ, — подсказали товарищи Петра по забою. — Неужели мы на свои трудовыя деньги невольны выпить? Малолѣтки что-ли мы какіе? Все равно вѣдь дальше Мотыгиной или Рыбной денегъ съ собой не донесешь. Всѣ тамъ оставимъ, а не все ли равно, гдѣ ихъ оставлять, у васъ ли, или у кабатчика, или въ Рыбной у мужика, а то и у Мотыгинскихъ бабъ?

— Видно не все равно, — сказалъ я. — Впрочемъ, развѣ у Мясниковскихъ съ водкою лучше нашего?

— Лучше не лучше, а по водочной части куда проще. Тамъ сту-

пай за ней прямо къ матеріальному ¹⁾, онъ тебѣ сколько хошь водки отпустить, только заплати за нее по рублю за бутылку. И водка же у нихъ! Зелье! Выпьешь эта бутылку, такъ въ глазахъ и замелькаетъ, — сказалъ шутливо Петръ.

— Водички есть въ ней малость, — замѣтилъ ему товарищъ.

— Не безъ того, надо жъ и матеріальному свою выгоду соблюсти. Вѣдь съ него контора по рублю за бутылку беретъ, ну, а не подпусти-ка въ нее водички, изъ-за чего же ему хлопотать тогда, съ кого ему и взять, какъ не съ нашего брата?

— Ну и пьяницы же вы горькіе, — сказалъ я. — Не стыдно ли вамъ, такимъ бравымъ ребятамъ, напиваться и всѣ свои трудовыя денежки въ одну недѣлю въ кабакъ спустить?

— Кабы не пили, — отвѣчалъ Петръ, — такъ и въ тайгу бы не ходили. Что она намъ, эта распостылая тайга! Ходимъ мы въ нее, ходимъ, а толку изъ того мало. Ужъ гдѣ я только ни перебивалъ, гдѣ ни работалъ, и у Рязановыхъ, и у Асташева, и у Сосулина, и у Щеголева, и у Мясниковскихъ, вотъ теперь и у васъ, на Кунтуякъ, а все себѣ мѣста по характеру не найду. У васъ вотъ работа самая распрекрасная, вонъ онъ, пласть-то какой! — При этихъ словахъ онъ сильно ударилъ ломомъ сверху внизъ по песковому забюю и отсыпалъ сразу чуть не цѣлую сорока-пудовую таратайку песковъ. — Благодать, а не пески, — продолжалъ Петръ, — а все мнѣ и у васъ какъ-то не по нраву, хотя и обиды намъ здѣсь никакой не было.

— Да чего же тебѣ еще надо?

— Да вотъ насчетъ водки. Купить не позволяете, порціи подаете рѣдко, всего три-четыре раза въ мѣсяцъ.

— Порціи, — сказалъ я, — даютъ по работѣ глядя. Потруднѣй работы, — и порціи чаще. Вотъ, весной, какъ почвенную канаву чистили да разрѣзъ въ водополье отъ воды охраняли, — винныя порціи вамъ каждый день давали.

Рабочіе молчали, Петръ дробилъ обухомъ кайлы большіе куски отбитаго имъ золотопоснаго пласта, а я пошелъ къ другимъ группамъ рабочихъ и сталъ спрашивать ихъ, кто изъ нихъ намѣренъ остаться на работы будущаго года или на вскрышу турфа на осень. Всѣ болѣе или менѣе отмалчивались или говорили: «поживемъ, увидимъ, до раи счета, молъ, не далеко, тамъ виднѣе дѣло будетъ». Идя съ работъ уже домой, встрѣчаю нашего стараго быковода Метлу, который, подойдя ко мнѣ, снялъ шапку и поклонился.

— Здравствуй, старина, что скажешь?

— А спросить тебя хочу, — сказалъ Метла, — правду ли тол-

кують, что будто бы послѣ расчета быковъ-то моихъ на бойню велѣно отправить? Коли такъ, то расчитаться хочу, чего мнѣ тутъ у тебя безъ быковъ дѣлать?

— Да зачѣмъ я быковъ твоихъ на бойню отправлю. Слава Богу, и безъ нихъ обойдемся, скотъ къ намъ гонять, скоро на приискъ придетъ.

— Вотъ то-то же и есть, — сказалъ Метла. — Зачѣмъ, думаю я, быковъ убивать, безъ нихъ, братъ, тоже вѣдь на стану не обойдешься. На чемъ сутунки-то ¹⁾ тогда возить изъ лѣсу будемъ? Быки-то по какой хошь дорогѣ сутунки на станъ припруть, тоже и дровяной лѣсъ изъ какой хошь чащи вывезутъ; не конямъ они, быки-то, чета!

— Ну, вотъ самъ видишь, что вздоръ брешутъ, — отвѣтилъ я, — а ты ужъ и расчетъ просить задумалъ. Эхъ, старый, да развѣ тебѣ тутъ плохо живется? Жена у тебя видная, молодая, куда тебѣ въ деревню?

— Оно точно... жена у меня, я тебѣ скажу — кладъ. Ты не гляди на меня, что я того... въ годахъ — она меня любитъ... умная она, понимающая, знаетъ, что пожилой человѣкъ надежнѣе молодого... такъ-то! — Стало быть, быковъ убивать не велишь?

— Не велю.

— Ну, такъ я останусь. Ты вотъ только прикажи мнѣ дать три бутылки водки, да на три дня отъ работъ ослобони.

— Хорошо, будь по-твоему, а ты ступай въ контору и контрактъ подпиши.

— Подпишу, сейчасъ пойду къ Савелью Федоровичу, конторщику, и подпишусь.

Метла уже совсѣмъ-было отошелъ отъ меня, какъ вдругъ вернулся, снялъ шапку и сталъ низко кланяться.

— Дай ты, пожалуйста, бабѣ моей должностъ какую на приискъ. Ну хоть въ полумойки что-ли прикажи ее зачислить, а то вѣдь теперь съ меня за нее по три рубля въ мѣсяцъ вычетъ идетъ за хлѣбъ. Будетъ при должноти, и вычета не будетъ.

— Ну, ужъ она у тебя и безъ того довольно занята; куда жъ ей еще въ полумойки, — отвѣчалъ я. — Шутка ли всю артель вашу обшиваетъ...

Метла повернулся, махнулъ рукой и зашагалъ по направленію къ конторѣ.

Въ контору уже стали заявляться желающіе остаться на зиму, на осень или даже на весь слѣдующій годъ, на тѣхъ условіяхъ, какія

¹⁾ Сутунокъ, по-сибирски, большое толстое бревно.

¹⁾ Матеріальный — таежное названіе смотрителя приисковъ складовъ.

имъ были предложены, съ выдачей трехъ бутылокъ водки и съ отдыхомъ отъ работы въ теченіе четырехъ-пяти дней.

Вечеромъ передъ самымъ ужь расчетомъ, вваливаются ко мнѣ въ переднюю трое рабочихъ уже немного на-веселѣ и требуютъ личныхъ со мной переговоровъ. Дѣлать нечего, пришлось уважить ихъ просьбу, такъ какъ это были хорошіе работники, и между ними находился какъ разъ и забойщикъ Петръ.

— А мы къ тебѣ, господинъ хозяинъ, — сказала мнѣ Петръ, — на-ниматься. Ну ихъ, Мясниковскихъ, къ яду!

— Что жъ, — говорю я, — и прекрасно, оставайтесь, чѣмъ восемь-десять верстъ ноги ломать, да еще по нынѣшней грязи.

— Вотъ, вотъ и мы тоже такъ думаемъ. Только мы вотъ что тебѣ скажемъ, — значить, ежели рядиться, то по особому контракту.

— Ну, это, милый мой, нельзя: контрактъ у насъ все тотъ же, какой и нынѣ былъ, онъ вѣдь вамъ хорошо извѣстенъ, худа вы отъ него не видали, къ тому же я отдѣльныхъ условій не люблю.

— Такъ-то такъ, а все же въ обчій-то неохота, — отвѣчала Федоровъ, товарищъ Петра, высокий, русый мужикъ.

— Это ваше дѣло, а у меня такое правило, — возразилъ я, — не люблю, — и не надо.

Рабочіе переглянулись между собою, какъ-то особенно крикнули и стали переминаться на мѣстѣ.

— Подай намъ хоть по шкалику за твое здоровье выпить, — сказала наконецъ Петръ.

— Это можно: Федоръ, — крикнулъ я своему слугѣ, — подай имъ по чаркѣ водки.

Федоръ подаль рабочимъ водки, которую они съ удовольствіемъ выпили, обтирая губы лапами своихъ азымовъ.

— Вотъ за это спасибо! Важнецкая водка. Что же, братцы, останемся что ли? Говорите.

— Да что говорить, останемся, — отвѣчалъ русый Федоръ. Только ты ужь, Николай Васильевичъ, уважь насъ. Работы намъ начать на другой день Въдвигеня, а съ Митродоръ чтобы отдохнуть, да накинъ еще четвертую бутылочку на брата.

— Ну, что съ вами подѣлаешь, быть по-вашему.

— Вотъ и отлично вышло, — воскликнулъ весело Петръ. — Говорилъ я вамъ, пойдемъ къ самому хозяину, что онъ насъ уважить. Уважилъ, спасибо за это.

— А какъ же теперь съ деньгами поступить? — спросилъ я. — Вамъ троимъ около двухъ сотъ причтется.

— А на что намъ деньги, пусть онъ у тебя въ конторѣ лежатъ. А ты дай намъ по красенькой въ задатокъ, — сказала Петръ, —

лопотину тутъ разную у рассчитанныхъ задешево купить, вотъ и вся недолга.

Такъ мы и сдѣлали. Даль я имъ тридцать рублей въ задатокъ, они же подписали условіе и остались на прискъ на весь слѣдующій годъ, въ заработанныхъ же ими деньгахъ получили форменныя изъ конторы квитанціи.

Наступило и девятое сентября. Восьмого мы окончили промывку песковъ. Девятого, до обѣда, вся чернорабочая артель чистила всякаго рода по разрыву канавы, въ томъ числѣ и большую, почвенную, чтѣ шла внизъ отъ золотопромывальной машины, и осушала наши работы, канаву, которую за лѣто порядкомъ таки заилило. Послѣднюю канаву чистили на урокъ, за винную порцію. Работа на ней кипѣла такъ дружно, что къ обѣду она была окончена. Въ другое время на эту работу надо было бы затратить двойное число поденщиковъ. Въ этотъ же день промывальщики перепустили на вашгердахъ огромный ларь, наполненный за лѣто черными шлихами, изъ которыхъ добыли болѣе полуфунта золота. Послѣ обѣда, рабочіе сдавали матерьяльному выданные имъ на руки горные инструменты и, затѣмъ, не оставшіеся на прискъ рабочіе стали готовиться къ завтрашнему дню: собирали свои пожитки, увязывали свои котомки, получали отъ матерьяльнаго ржаные сухари и хлѣбъ на дорогу, рассчитывались между собою, словомъ, — готовились въ путь-дорогу. Контора работала весь день и, почитай, всю ночь, подсчитывала расчетные листки рабочихъ. Остающіеся, вновь нанятые рабочіе гуляли, слышались звуки гармоникки или дребезжанье бала-лайки, пѣсни, пьяные окрики, а мѣстами и брань. Словомъ, чинный и строгій присковскій порядокъ какъ-то вдругъ измѣнился, и весь прискъ принялъ видъ селенія, въ которомъ справлялся престольный праздникъ. Рабочіе, которымъ приходилось получать съ конторы много на руки денегъ, въ особенности семейные, покупали отсортированныхъ въ бракъ лошадей, платя за нихъ, глядя по лошади, по десяти, пятнадцати рублей за штуку; тутъ же покупались и выючныя деревьяги и простыя сѣдла. Наконецъ наступила ночь, и прискъ началъ умолкать, предаваясь сну; однѣ лишь присковскыя собаки, которыхъ за лѣто развелось немало, немилосердно выли и какъ-то жалобно тявкали, какъ бы предчувствуя завтрашній расчетъ и скорое разставаніе съ прискомъ и со своими остающимися на немъ въ зимовку товарищами.

— Вишь вѣдь, проклятые, какъ воютъ! — говорилъ мой Федоръ, подавая ужинъ. — Точно чувуютъ, что завтра расчетъ. Да вѣдь онъ ужь съ Семенова дня стали по ночамъ подвывать, а сегодня-то такъ и заливаются, спать не дадутъ!

На другое утро приискъ проснулся рано. Уже въ пять часовъ утра начали копошиться рабочіе, да и я всталъ ранѣе обыкновеннаго, такъ какъ уже въ семь часовъ надобно было приступить къ расчету рабочихъ, которыхъ впрочемъ было не особенно много, потому что уже съ Семенова дня я уволилъ всѣхъ болѣе слабыхъ, слабосильныхъ или многосемейныхъ людей. Несмотря однакоже на это, все-таки приходилось рассчитывать около ста шестидесяти человѣкъ, такъ что дѣла было до полудня.

Когда я въ семь часовъ пришелъ въ контору, около конторскаго дома уже стояли и сидѣли группы рабочихъ съ расчетными листками въ рукахъ. Поздоровавшись обоюдно, я пришелъ въ конторскій домъ, входъ въ который охраняли присковый казакъ и два десятника, поздѣшнему нарядчики. Вслѣдъ за мной по-одиночкѣ, стали входить въ контору рабочіе. Войдя въ конторскую комнату, рабочій снималъ шапку, молился на образъ присковаго святаго или праздника, въ честь котораго именовался приискъ, раскланивался съ находившимися въ конторѣ лицами и подавалъ свой расчетный листъ конторщику, по которому и получалъ слѣдующія ему къ додѣть на руки деньги. Если ему кромѣ того слѣдовали еще и копѣйки, то онѣ по причинѣ недостаточности вообще въ тайгѣ размѣнной мелкой монеты выдавались ему сахаромъ, кирпичнымъ чаемъ или табакомъ, на чтѣ и вручалась рабочему записка къ матеріальному. Бывали и претензіи на неправильность расчета, но очень рѣдко, ибо рабочіе, какъ сказано выше, ежемѣсячно получали на руки свои расчетные листы и могли тогда же, если имѣли что-либо возразить противъ сдѣланнаго имъ за мѣсяцъ расчета, заявить свои претевзіи, почему о неправильности расчета могла идти рѣчь лишь за послѣдніе девять дней сентября. Претензіи эти, какъ я уже сказалъ, у насъ были рѣдки, потому что, за послѣдніе дни работъ приходилось такъ немного, что о пустякѣ, при нетерпѣливомъ желаніи поскорѣе окончить расчетъ и уйти съ прииска, рабочіе и не заводили рѣчей.

Возникали споры между самими рабочими по причинѣ обоюдныхъ ихъ одолженій, но и эти кончались обыкновенно взаимными уступками. Такимъ образомъ расчетъ у насъ шелъ быстро и безъ задержекъ, въ часъ времени мы рассчитали болѣе сорока человѣкъ. Получивъ по расчету слѣдующія ему деньги, рабочій крестился, пересчитывалъ ихъ, укладывалъ ихъ въ свою кошну, затѣмъ кланялся всѣмъ и уходилъ молча, если на руки причиталось ему мало, и съ пожеланіями добраго здоровья, если денегъ приходилось ему порядочное количество. Были между рассчитывающимися и должники конторы, задолжавшіе потому, что прибыли на приискъ несвоевременно, или пролѣвшіе добрую половину лѣта или же совсѣмъ плохіе, слабосильные

рабочіе, но такихъ должниковъ у насъ былъ самый незначительный процентъ, человѣкъ съ пять на двухсотенную команду.

— Что жъ, оставайся здѣсь на осень, — сказалъ я одному изъ такихъ должниковъ, — куда ты безъ денегъ пойдешь?

— Нѣтъ, баринъ, что ужъ тутъ оставаться, не въ моготу мнѣ. Вы ужъ ослобоните меня, на перевозъ хоть рублишкомъ снабдите, авось въ деревнѣ у себя поправлюсь.

— Ну, братъ, какая тебѣ пропитанному ¹⁾ въ деревнѣ поправа! По кабакамъ только будешь шлѣться, да опять у кого-нибудь задатокъ возьмешь, да кого-нибудь собой наградишь.

— Знаемъ мы вашу деревенскую поправку, — отвѣчалъ присутствующій при расчетѣ со своей записной книжкой рабочій, становой ²⁾.

Рабочій почесалъ за ухомъ и, ни слова не отвѣтивъ, взялъ поданный ему рубль на перевозъ съ проходнымъ его билетомъ и вышелъ изъ конторы. Въ это время въ контору ворвался, несмотря на не пускавшаго его казака, рассчитанный уже молодой разбитной парень, съ удѣвившейся за него бабенкой. И парень, а въ особенности баба, громко спорили и кричали.

— Нѣтъ, ты отдай мнѣ мои деньги, — взвизгивала баба съ яростью въ голосъ. — Мало я тебя за лѣто-то и обшивала, и обмывала, и всякую работу на тебя справляла! Заступитесь, пожалуйста, г. хозяинъ, онъ меня, варнакѣ ³⁾ совсѣмъ изобидѣлъ. Я за нимъ ухаживала, себя не жалѣючи, а онъ мнѣ одну красненькую суетъ.

— Смирно, молчать! — закричалъ на раскричавшуюся бабу присковый становой. — Говори толкомъ, въ чемъ дѣло.

Баба присмирѣла и слезливымъ голосомъ изложила свою жалобу на парня.

— Ну а ты, Ермошка, что скажешь, — обратился къ нему становой. — Путаники вы, право, учить-то васъ некому!

Ермошка, какъ уличенный, осклабялся и заклинался, что онъ съ Федорой совсѣмъ и за все рассчитался, и мало ли что она теперь на него непутевое плететъ.

— Да ты посчитай-кось все, несытая твоя душа, — говорилъ онъ ей, какую я уйму на тебя чаю, сахару, масла, муки пшеничной, сятцу изъ амбара-то за мой коштъ выписывалъ. Ты учти-ка все это!

Споръ грозилъ снова перейти въ перебранку, почему оба спорящихъ были выгнаны вонъ изъ конторы, такъ какъ подобные выше-

¹⁾ Пропитанный — сибирскій терминъ: нищій, калѣка.

²⁾ Становой — помощникъ управляющаго прискомъ.

³⁾ Сибирская ходячая брань: каторжный.

сказанному личные споры до присковаго управленія не касались и никогда имъ не разбирались.

Чѣмъ окончилась ссора Оедоры съ Ермошкой, мнѣ неизвѣстно, но ушли они съ приска вмѣстѣ, значить, между собой какъ-нибудь поладили.

Въ контору вошелъ мрачнаго вида, высокой, худощавый мужикъ, все лѣто проработавшій отвальнымъ на эфельно-галечномъ отвальѣ. Молча подаль онъ свой расчетный листъ, не сдѣлавъ обычнаго поклона ни намъ, ни образу, ни даже крестнаго знаменія.

— А я къ тебѣ, Семень Емельяновичъ, — обратился онъ къ становому.

— Что, Панкратъ, скажешь?

— А почто ты меня все лѣтечко на отвальѣ проморилъ. Нешто хуже я другихъ? — укоризненно сказалъ онъ.

— Да куда же тебя дѣтъ-то было? Ни къ какой ты земляной работѣ неспособенъ, ремесла никакого не знаешь, лодыремъ¹⁾ тебя не назовешь, да за то и ни въ какую другую работу не поставишь, а къ отвалу ты за лѣто хорошо приспособился, — отвѣчалъ ему становой.

— Чѣмъ я виноватъ, коли силушки у меня нѣту, — мрачно сказалъ Панкратъ. — А все же меня и въ другое какое мѣсто предопредѣлить могъ, а то я словно каторжный какой, все лѣто проторчалъ на отвальѣ.

— И за то Бога благодари, ты вотъ теиерь идешь домой съ деньгами, а съ твоей силушкой ты бы далеко не уѣхалъ и остался бы должникомъ. Вотъ вѣдь ты какой длинный, въ косую сажень, а что толку, словно жердина какая. Получай, получай скорѣе твои заслуженныя денежки, да и съ Богомъ, только ужъ по осени ко мнѣ въ волость на наемку не приходи, не возьму. Попался я съ тобой, позарясь на твой ростъ, едва изъ долгу тебя вывелъ.

Панкратъ молча получилъ деньги и вышелъ изъ конторы, никому не поклонившись. Явился къ расчету Габибула Улиновъ, старшій татарской артели, что работала съ подряда на вскрышѣ турфовъ и заработала въ три мѣсяца чуть не по сту рублей на брата, кромѣ сдѣланнаго ими забора изъ амбара, впрочемъ крайне умѣреннаго.

— Здоровъ будь, — сказалъ, прищуривъ узкіе глаза, татаринъ, обращаясь ко мнѣ. — А что, хозяинъ, будешь на Мурожной осенью турфа вскрывать?

— Буду, — отвѣчалъ я.

— Бери нашу артель, — сказалъ онъ — отлично сработаемъ. Первымъ сортомъ будетъ...

— Хорошо, возьму, если въ цѣнѣ сойдемся, бери здѣшнюю цѣну

— Маловато, а ты прибавь хоть другивенный на сажень, вотъ и ладно будетъ.

— Прибавлять не буду, бери то, что даю,

— Экой ты скупой сталъ, что съ тобой подѣлаешь? Берешь что-ли насъ?

— Если на мою цѣну согласны, то возьму, ребята вы хорошіе.

— Такъ мы денегъ здѣсь не возьмемъ, дай намъ квитанецъ, потомъ получимъ, какъ съ Мурожной домой пойдемъ.

Такъ и сдѣлали, выдали изъ конторы Габибулѣ на всю артель общую квитанцію въ заработанныхъ ею деньгахъ, дали записку къ матеріальному о выдачѣ имъ на дорогу припасовъ, такъ какъ имъ приходилось идти отъ насъ слишкомъ сто верстъ, снабдили ихъ бумагой къ Мурожному управляющему, чтобы онъ принялъ артель для вскрыши турфа.

— Хозяинъ, а хозяинъ, — вкрадчиво говорилъ мнѣ Габибула, — а ты насъ угости, сегодня мы здѣсь пробудемъ, а завтра чѣмъ свѣтъ на Мурожну пойдемъ, а сегодня ты насъ угости.

— Да вѣдь вы мухамедане, и вино вамъ пить не показано.

— То вино, а ты дай намъ водки. Про водку ничего въ законѣ у насъ не писано, вотъ потому ты и прикажи намъ дать хоть три бутылки на всю артель.

Татары эти были уроженцами Казанской губерніи и пришли въ тайгу специально для работъ по вскрышѣ турфовъ, другихъ же присковокъ работъ не долюбивали и всячески избѣгали. Работали они отлично, у нихъ были и свои лошади, которыхъ они берегли какъ зѣнницу ока; содержа ихъ на свой счетъ, покупая для нихъ овесъ и печеный хлѣбъ изъ присковаго амбара, даже изъ своего хлѣбнаго пайка удѣляли часть лошадямъ, при чемъ не обходилось дѣло и безъ воровства хлѣба изъ хлѣбопекарни. Татары были вообще трезвые, честные и спокойные работники, работали они по особому контракту, и за все лѣто съ ними не было ни одного недоразумѣнія. Работали они за двоихъ и производили работы вдвое противъ обще-контрактныхъ рабочихъ. Къ одиннадцати часамъ дня расчетъ рабочихъ окончился, я ушелъ къ себѣ домой. У конторы бродили одиночные рабочіе, дожидавшіеся выдачи записокъ на отпускъ имъ водки, какъ преміи, за то, что они снова нанялись на прискъ, на будущую операцію. По дорогѣ, извивавшейся по косогору къ жилымъ мѣстамъ, которая отстояла отъ насъ чуть не въ двухъ стахъ верстахъ, тянулася вереница людей, идущихъ гуськомъ другъ за другомъ съ котомками за плечами, за ними плелись разсчитанныя присковья бабы, жены или сударки уходившихъ рабочихъ, вслѣдъ же имъ бѣжали при-

¹⁾ Лодырь—по-сибирски лѣнтяй.

ставшія къ уходящимъ присковыя собаки, перелаяваясь на прощанье съ оставшимися на прискѣ своими товарищами.

Вечеромъ, выйдя на прогулку, я встрѣтилъ Метлу. Сидитъ на пригоркѣ, мрачный, съ нахмуренными бровями,—туча-тучей.

— Что, старина, прикручинился?

Онъ вздохнулъ и только рукой отмахнулся, не говоря ни слова.

— Скучновато будетъ намъ безъ народу?

— Что—народъ! У меня свое горе. Жена ушла, сбѣжала съ этимъ, съ рябымъ Ёомкой.

— Какъ же не досмотрѣлъ?

— Да ужъ такъ!.. Подвели меня: напоили, я заснулъ, а она и того...

— Надо догнать... Хочешь, лошадь дамъ?..

Метла задумался, что-то соображая.

— Ну ее!—рѣшительно сказалъ онъ,—все равно, ежели и догоню, толку не будетъ,—меня же Ёомка избьетъ... Эхъ!

Онъ опять махнулъ рукой и выразительно добавилъ:

— Обидно мнѣ! И не то мнѣ, хозяишь, больно, что она съ Ёомкой спуталась, а главная причина, что клялась передъ образами облыжно. Фальшивая оказалась баба,—вотъ что тяжело...

На прискѣ стало тихо и пусто, лишь кое-гдѣ раздавалась пѣсня оставшихся на зимовку подгулявшихъ рабочихъ, словомъ, вчерашняя, кипѣвшая тревоженіями жизнь смѣнилась безлюдьемъ, утомительной пустотой и щемящей скукой.

С ч а с т л и в и ц а.

Едва я только въѣхалъ въ предѣлы Сѣверной тайги, какъ уже услышалъ объ необыкновенномъ событіи, что на прискѣ у вдовы чиновника, Пелагеи Алексѣевны Свойственной оказалось баснословно богатое золото. Уже на послѣднемъ къ прискамъ зимовѣ зимовщикъ Панкратъ отрапортовалъ мнѣ захлебывавшимся отъ волненія голосомъ, какъ будто-бы это богатство принадлежало ему лично, что у старой барыни, вдовы Палагеи Лексѣевны, золотище гребуть чуть не лопатами.

— Такую, сударь, уйму золотища добываютъ,—говорилъ Панкратъ,—страсть вымолвить, ежедневно чуть не пудять.

— Ну, ужъ и пудять,—отвѣчалъ я,—ври больше.

— Вотъ-те Христось, сударь, пудять. Вчерась нашъ конюхъ съ Ангаши вернулся, такъ сказываетъ, слычекъ-то ейный, чтѣ теперь на прискѣ живетъ, изъ пушки палилъ, какъ пудъ золота къ мамашѣ-то съ машины принесли.

Остановившись на ночлегъ у Котовскаго управляющаго, на Севаглицонѣ, знакомаго моего Ивана Ивановича Саркелова, въ разговорахъ съ нимъ я узналъ и всѣ подробности этого, давно небывалаго въ тайгѣ событія.

— Ахъ, да и счастливица эта вдовица Свойственная,—сказалъ мнѣ Саркеловъ.—Право, даже вчужь зависть беретъ. Вѣдь по полпуда безъ мала въ день намываетъ золота на команду въ какіе-нибудь полтора ста человекъ. Подъ носомъ у ближайшихъ своихъ сосѣдей прискѣ-то этотъ, можно сказать, вырвала. Да что вырвала,—это еще было бы ничего. Нѣтъ, вѣдь обоимъ имъ его за грошъ продавала и оба отъ покупки его отказались. Дикаревъ, который, почитай, къ самой границѣ ея приска своими работами подошелъ, произнесъ въ отвѣтъ на ея предложеніе купить этотъ ея прискѣ величественную фразу:

— Извините, сударыня, я за пустыя площади, какъ вашъ пріискъ, не привыкъ платить деньги.

Лабандинъ же, который этотъ самый пріискъ пять лѣтъ въ арендѣ держалъ и не одинаго на немъ шурфа не удосужился за это время выбить, затѣмъ отъ него отказался и бросилъ, тоже не захотѣлъ дать просимыхъ ею пяти тысячъ рублей за возвращеніе ему этого пріиска; теперь, говорятъ, волосы на себѣ рветъ за свою оплошность. «Я, говорить, теперь на Вангапъ ни ногой, срамъ мнѣ туда показаться, засмѣютъ, да и глядѣть мнѣ тошно, какъ это она, старая, бывшее у меня въ рукахъ богатство добываетъ».

— А вѣдь какъ баба въ деньгахъ-то тогда нуждалась, просто до зарѣзу приходилось. Не помоги ей добрые люди, такъ и работишки бы свои не поставила! Теперь, глядишь, богачкой будетъ! Да, да, постыдное, можно сказать, для господъ Дикарева и Лабандина дѣло вышло! Десятокъ лѣтъ подлѣ этого пріиска жили и вотъ какое богатство опустили, — со вздохомъ сказала Саркеловъ.

— Скажите, пожалуйста, да какъ это могло случиться? Вотъ и вашъ пріискъ на Актоликѣ, тоже вѣдь грань съ гранью съ ея пріискомъ сходится, значить, и вы маху дали, — сказалъ я.

— Мы что, мы вѣдь люди, состоящіе подъ двумя конкурсами, намъ не до того! У насъ теперь чуть не десятокъ хозяевъ и всѣ между собой грызутся, да ссорятся. До дѣль-ли намъ теперь. А вотъ Дикареву да Лабандину, людямъ свободнымъ, это должно быть ужъ очень обидно, что у нихъ экое золотище изъ-подъ носу выхватили. Ужъ на что Дикаревъ нашъ невозмутимъ, а теперь туча-тучей по пріиску ходить, на верхній то разрѣзъ и не заглядываетъ, чтобъ не видать и не слышать ему было работъ Свойственной.

И точно, Пелагій Алексѣевичъ повезло у насъ въ тайгѣ на-диво. Проявилась она въ нашихъ палестинахъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, послѣ смерти своего мужа, отставнаго горнаго чиновника съ Нерчинскихъ казенныхъ пріисковъ, который, бывши въ Питерѣ, набралъ въ аренду у тамошнихъ золотопромышленниковъ нѣскольکو, частью уже выработанныхъ, частью еще нетронутыхъ пріисковъ въ обѣихъ Енисейскихъ тайгахъ, но затѣмъ вскорѣ умеръ, не успѣвши ихъ даже испробовать. Осталась послѣ него наша сирая пожилая вдова съ двумя подростками дѣтьми, сыномъ и дочкой, съ пріисками, но безъ гроша денегъ, чтобъ ихъ разрабатывать, а тутъ какъ-разъ наступили сроки зарабатывать эти пріиски или деньги за нихъ въ казну платить или же вовсе отъ нихъ отступаться. Какъ тутъ быть? Пріисковъ бросить жалко, въ особенности одного въ Южной тайгѣ, на которомъ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, работы производились и отъ послѣдняго года работъ въ 1854 году, по случаю сильнѣйшей засухи, осталось много

вскрытыхъ и непромытыхъ золото-содержащихъ песковъ. Стала раздумывать вдова какимъ манеромъ ей дѣло заработокъ оборудовать, и пошла она у добрыхъ знакомыхъ денегъ просить, чтобъ ей въ тайгу-то хоть сѣздить, на пріиски свои взглянуть, да что нибудь, да какъ-нибудь, хоть узаконенную на нихъ заработку сдѣлать. Добрые люди собрали ей на дорогу сотни двѣ-три рублей денегъ, да она лисій свой салопъ за полтора ста цѣлковыхъ у жидовъ заложила, да и отправилась въ Южную тайгу. Пріѣхала туда съ этими скудными средствами, остановилась у знакомаго ей Шумляевского управляющаго и повѣдала ему свое горе, тоже познакомилась съ тогдашнимъ исправникомъ таежнымъ и ему выложила свою печаль. На ту пору исправникъ у насъ былъ добрый, обязательный человекъ; онъ вошелъ въ положеніе бѣдной вдовы и кое-какъ, общими силами, собрали ей для заработка пріиска рабочую команду въ десятокъ человекъ, прикащика ей горняга дали и припасиками недѣли на двѣ снабдили, да все это на отдаленный ея пріискъ и доставили. И вотъ поселилась вдова на этомъ пустопорожнемъ тогда пріискѣ, въ старыхъ его постройкахъ, и принялась учинять на немъ заработку въ оставшихся, заброшенныхъ, прежними хозяевами этого пріиска пескахъ, которые за ту пору порядкомъ уже и заилило и грязью позатынуло.

Недѣли не прошло, какъ она стала ихъ разрабатывать и промывать на наскоро сооруженной бутаркѣ, какъ пошелъ по тайгѣ слухъ, что у Свойственной проявилось богатое золото. Да что золото, самородки и крупныя золотины такія стали попадаться, что на-диво. Рабочіе ихъ руками изъ забоя выбираютъ, а она, вдова, съ кожанымъ кошелемъ по забоямъ ходить, да ихъ отъ рабочихъ отбираетъ, да въ свой кошель укладываетъ. Поѣхали туда къ ней ее навѣстить и на чудо такое посмотреть. Покатилъ туда и исправникъ, да и другіе любопытства ради, и точно золото у вдовы въ заброшенныхъ пескахъ оказалось ладное, а слухъ о самородкахъ вполне подтвердился. Конечно, тутъ тотчасъ явились и довѣріе и кредитъ, снабдили ее всякими ей необходимыми припасами, а она вольную татарскую артель наняла и стала золото мыть уже по настоящему, на нѣсколькихъ бутарахъ, да въ мѣсяцъ какой-нибудь два съ половиной пуда и нахлопала. На слѣдующій годъ поставила на этомъ же пріискѣ полтора ста человекъ и думала пудовъ десять намытъ, но добыла всего только половину и то ладно, расходы всѣ оправдала да еще и барышъ маленькій взяла и стала наша сирая вдова, какъ говорится, на твердыя ноги становиться. Тѣмъ временемъ сѣздила въ дальнюю тайгу, осмотрѣла свои пріиски и въ томъ числѣ и свой маленькій пріискъ при устьѣ богатѣйшей нѣкогда рѣчки Актолика. Однако же дѣло тутъ оказалось очень затруднительнымъ; къ разра-

боткѣ этого пріиска можно было приступить только изъ чужого, Голубовскаго пріиска, а Голубовскія работы, хотя и были близко къ границѣ ея пріиска, но все же къ нему не подработались. Приходилось ждать годъ, а можетъ и два. Пріискъ ея маленькій, всего-то полтора саженъ въ длину да сто въ ширину, и вотъ надумалась вдова продать его и предложила сперва его Голубовскому уполномоченному Дикареву, но Дикаревъ отказался его приобрести; предлагала потомъ его богатому Енисейскому золотопромышленнику Лабандину, у котораго этотъ пріискъ былъ когда-то въ арендѣ, но и тотъ обидно отказался.

— Что вы, говорить, мнѣ пустышку за пять тысячъ рублей предлагаете, тамъ и на тысячу рублей золота нѣтъ.

— Да вѣдь вы, Алексѣй Сафроничъ его не развѣдывали, почему вы знаете — есть тамъ или нѣтъ золото, возразила ему вдова. Я же такъ думаю, продолжала она убѣждать Лабандина, что тамъ золото есть, и порядочное, вотъ у Дикарева, не далеко отъ моей грани, золото въ забобѣ на 70 доль работается.

— Ну такъ пусть его Дикаревъ и покупаетъ! — отвѣчала сухо ей Лабандинь.

Такимъ образомъ дѣло о продажѣ пріиска и не состоялось, а тѣмъ временемъ Голубовскіе своими работами все ближе да ближе подходили къ границамъ ея пріиска, наконецъ и совсѣмъ подошли. Бросивъ свои работы на первоначальномъ своемъ пріискѣ въ Южной тайгѣ, который не вполне оправдалъ возлагавшіяся на него ожиданія, Свойственная рѣшилась попытать счастье на новомъ мѣстѣ, а такъ какъ самымъ удобнымъ для работъ оказывался маленькій ея пріискъ, при устьѣ Актолика, то она рѣшила на немъ поставить работы, предварительно выхлопотавъ у авторитетнаго и непреклоннаго Дикарева разрѣшеніе приступить изъ его разрѣза къ разработкѣ ея пріиска. Въ дальней тайгѣ работы много дороже стоятъ, чѣмъ въ ближней, но, пользуясь кредитомъ, вдовѣ удалось поставить на своемъ пріискѣ, съ помощью добрыхъ людей, полтора рабочихъ; къ тому же и строиться много не приходилось: заправили К° Котовыхъ дали ей разрѣшеніе размѣститься со своей рабочей командой и сложить нужные припасы на нижнемъ стану ихъ Актоликаго пріиска, въ старыхъ его постройкахъ. Стала она затѣмъ вскрывать торфа, строить сплотки и золотопромысловую машину, которая къ концу мая и поспѣла, а затѣмъ начали на ней и промывку песковъ. Сначала отъ Голубовскаго разрѣза золото было, хотя и порядочное, но не очень богатое, но чѣмъ ближе стали подвигаться къ устью Актолика, тѣмъ россыпь становилась богаче и богаче и наконецъ дошло до того что чуть не запудили. Что ни день, то поль-пуда, а то и всѣ

тридцать фунтовъ золота стали снимать съ машины, и диву далась вся дальняя тайга, откуда такое неожиданное богатство проявилось.

Любопытно было взглянуть на такое явленіе, и вотъ мы съ Саркеловымъ рѣшились туда съѣздить, благо дорога была хорошая, погода дивная да и разстояніе всего какихъ нибудь 20 верстъ. Пріѣхали мы къ вдовѣ къ самому послѣобѣденному чаю и сначала заявили къ ней. Встрѣтила насъ она привѣтливо и вся сіяющая и радостная.

— Здравствуйте, Пелагея Алексѣевна, каково поживаете, каково васъ Богъ милуетъ, — сказалъ я.

— Что — батюшка, благодарю Господа. Голенькій-то охъ, а за голенькаго Богъ, вотъ такъ и мы грѣшные. Ничего, живемъ по маленьку да моемъ ладненько. Прошу пожаловать чайку откушать.

— Да ужъ чего ладненько, — отвѣчала Саркеловъ, — пудите, сказываютъ.

— Ну пудить-то пока не пудили, а все-таки хорошо, даже очень хорошо работаемъ, — отвѣчала весело Пелагея Алексѣевна.

— Поди ужъ съ десятокъ пудовъ наколотили, — смѣясь говорилъ входя за хозяйкой въ комнату Саркеловъ.

— Ну, побольше немножко, тринадцатый пудъ сегодня думаемъ окончить, — отвѣчала хозяйка.

— Этакъ вы сей годъ полсотни пудовъ намаете, — сказалъ я.

— Какъ Богъ дастъ, будетъ воды довольно, да песками запасемся такъ почему не намытъ. Садитесь, милости просимъ. Курите, господа, я и сама вѣдь курю, а то отъ мошекъ да комаровъ безъ табаку спасенія нѣтъ. И тутъ она закурила толстую претолстую папиросу домашняго издѣлія изъ крѣпкаго турецкаго табаку.

— Одно вотъ худо, — прибавила хозяйка, — спать не могу; какъ бы не морфій, такъ и не уснула бы ни одной ночи.

— Это у васъ все отъ душевнаго волненія. — сказалъ Саркеловъ, — отъ чересчуръ богатаго золота.

— Нѣтъ, батюшка Иванъ Ивановичъ, это я думаю отъ старости да моей немощности, — отвѣчала хозяйка.

— Что вы, что вы, Пелагея Алексѣевна. Да вы такой молодець, что хоть сейчасъ подъ вѣнецъ, — смѣясь говорилъ Саркеловъ. — Сказываютъ, какъ въ тайгу нынѣ ѣхали, всю Каменскую станцію верхомъ, въ мужскомъ сѣдлѣ, проскакали.

— Что вы, что вы, батюшка, да къ чему мнѣ въ мужскомъ сѣдлѣ скакать занедалось — я въ своей телѣжкѣ проѣхала. Ужъ и сплетники же у васъ здѣсь въ тайгѣ. И чего они на меня, старуху, плетутъ! — отшучивалась хозяйка.

— Правда-ли, Пелагея Алексѣевна, — спросилъ я, — что вы будто бы и всѣ Тестовскіе пріиски на Дюпкошѣ арендовали?

— Какъ же, батюшка, арендовала, да тамъ мы въ компаніи съ Викторомъ Ивановичемъ Мазилевскимъ работать будемъ. — Одной не осилить. Сказываютъ, что тамъ кое что отъ прежнихъ работъ еще осталось не только въ бортахъ, но и въ цѣличкахъ.

— Да я еще вчера вашего довѣреннаго на Енашимъ видѣлъ, — сказалъ Саркеловъ, — такъ онъ очень и очень хвалился золотомъ. На Агрипининскомъ говорить ладно, а на Инокентьевскомъ въ большомъ цѣликѣ, да и въ бортахъ старыхъ работъ золотище говорить не хуже вашего здѣшняго. Да что, говорить, у нашей хозяйки ужъ такая счастливая рука, что ни возьметъ — всюду будетъ хорошее золото. Вотъ если-бъ эту сосѣднюю каменную гору заарендовала, такъ и въ ней бы отыскалось богатое золото.

— Вотъ какъ, — промолвила Пелагея Алексѣевна, и темнокаріе ея глазки такъ и вспыхнули огнемъ, — а я этого еще не знала. Надо мнѣ будетъ провѣрить нашего на Дюккошѣ повѣреннаго. Давно онъ къ намъ сюда не показывался.

— А мы къ вамъ прѣѣхали, ваши работы посмотрѣть — сказалъ я. Надѣюсь не откажете намъ въ разрѣшеніи сходить въ вашъ разрѣзъ и полюбопытствовать.

— Пожалуйста, пожалуйста. У насъ, батюшка, все на чистоту, какъ на ладошкѣ, — отвѣчала живо хозяйка. — Вотъ покушаете чайку, да и отправляйтесь на работы, недалеко вѣдь отсюда, какихъ-нибудь $\frac{3}{4}$ версты будетъ, тамъ и Павлушу моего встрѣтите.

Покончивъ съ чаемъ, мы съ Саркеловымъ ушли въ разрѣзъ Свойственной, полюбоваться ея работами и посмотрѣть ея пріискъ. Осмотрѣвъ работы и мѣстность, гдѣ онѣ производились, мы конечно сразу поняли, почему тутъ была такая богатая розсыпь. Небольшая долина рѣчки Актолика, съ болѣе крутымъ паденіемъ, нежели паденіе сосѣдней долины значительной р. Вангаши, въ которую она впадала и какъ-бы упиралась, при выносѣ изъ нея въ прежнія, отдаленныя времена розсыпи должна была осаживать всѣ болѣе крупныя и тяжеловѣсныя частицы золота при своемъ устьѣ, подпираемомъ р. Вангашею, какъ за плинтусомъ, на плоскони золотопромывальной машины, болѣе же легкія частицы золота конечно уносились внизъ и обогащали собою Вангашинскую розсыпь. Поэтому пріискъ Свойственной служилъ какъ бы ящикомъ или резервуаромъ, въ которомъ собирались при выносѣ изъ Актолика его богатые выносы. Удивлялись мы немало и на Дикарева и Лабандина, старинныхъ, опытныхъ золотопромышленниковъ, не обратившихъ на это обстоятельство своего вниманія и не захотѣвшихъ за грошевую сумму купить у Свойственной этотъ богатый ларецъ.

— Счастливица, — промолвилъ въ раздумѣ Саркеловъ. — Знать, ужъ судьбой ей предопредѣлено было разбогатѣть на этомъ мѣстѣ!

— Да, я понимаю теперь злость Алексѣя Сафронича, что ѣздить сюда заклался, и мрачное настроеніе Николая Петровича. Досадно имъ, ахъ, какъ досадно, что такого маху дали. Да вотъ, поди-жъ ты, близокъ локоть да теперь не укусишь.

Проходивъ болѣе часу, мы молча возвращались къ жилищу Пелагеи Алексѣевны, велѣли подать нашъ экипажъ, чтобъ ѣхать домой и зашли въ домъ, чтобы распрощаться съ хозяйкой. Каково-же было наше удивленіе, когда намъ объявили, что хозяйки нѣтъ уже дома и что она уѣхала на Дюккошъ.

— Какъ только вы изволили отправиться въ нашъ разрѣзъ, рапортовала прислуга, Пелагея Алексѣевна приказала запрягать экипажъ, живо собралась и укатила къ себѣ на Дюккошъ, развѣдки тамошнія осматривать.

Мы переглянулись.

— Ну и бой-же баба эта Пелагея Алексѣевна — промолвилъ Саркеловъ. — Дѣятельна и неутомима, несмотря на свои уже далеко не молодые годы. Помяните мое слово, быть ей миллионершей. При ея дѣятельности да при ея чертовскомъ счастьѣ, пяти лѣтъ не пройдетъ, какъ на глазахъ у насъ разбогатѣетъ.

Предсказаніе моего знакомаго сбылось полностью; за три года она добыла изъ своего маленькаго ларца на устьѣ Актолика, выработавши его до-чиста, сто пудовъ золота, а тѣмъ часомъ и на Дюккошѣ стали добывать ежегодно пудовъ по 40 — по 50 въ лѣто, и разбогатѣла наша бѣдная сиротливая вдова, которой нѣкогда салонъ пришлось закладывать, чтобъ въ тайгу съѣздить, на удивленіе, занялась золотопромышленностью въ большихъ размѣрахъ и повсюду у ней находилось хорошаго содержанія золото, даже въ тѣхъ пріискахъ, которые были заброшены своими старыми хозяевами и которые она потомъ заарендовала и работала.